

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ
В 1859–1959 ГОДАХ**

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Г. В. ДЛУЖНЕВСКАЯ

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ
В 1859–1959 ГОДАХ**

(по документам Научного архива
Института истории материальной культуры РАН)

Санкт-Петербург

2011

Издание осуществлено при финансовой поддержке и в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

Г. В. Длужневская. Археологические исследования в Центральной Азии и Сибири в 1859–1959 гг. (по документам Научного архива Института истории материальной культуры РАН). — СПб.: ЭлекСис, СПб., 2011. 296 с.

Ответственный редактор доктор исторических наук Д. Г. Савинов

В монографии впервые дается полный обзор фотодокументов, связанных с археологическими исследованиями в Центральной Азии и Сибири в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859–1917) и ее преемников Российской (1919–1925) — Государственной академии истории материальной культуры (1926–1937) и Института истории материальной культуры АН СССР (1937–1959). Главное внимание уделено введению в научный оборот материалов полевых исследований и случайных находок, в том числе изделий восточного серебра.

Подробно рассмотрен вопрос об учреждении Императорской Археологической комиссии, преобразовании ее в РАИМК–ГАИМК, а также организации и формировании специализированного фотоархива, о первых заведующих фотоархивом. Отдельная глава посвящена биобиблиографическим сведениям об исследователях, изучавших памятники Центральной Азии и Сибири.

Книга будет интересна не только археологам, этнографам, историкам, востоковедам, архивистам, но и всем интересующимся древней историей и культурным наследием нашей страны.

ISBN

© Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук

© Санкт-Петербургский государственный
университет

ВВЕДЕНИЕ

В формировании историко-культурного наследия значительная роль отводится фотографии. Фотографический метод на протяжении полутора столетий служит визуальным способом сохранения информации во времени. Каждое фотоизображение в области гуманитарных наук является, по существу, произведением искусства, частью человеческой культуры. Фотоархив, следовательно, не просто собрание снимков на определенную тему — это самостоятельный объект культурного наследия, требующий специального изучения.

В середине XIX в. специализированные фотоархивы только начинали создаваться, и «археологический» в ИАК был одним из первых в России. К 1917 г. его фонд содержал около 100000 единиц хранения, перед Великой Отечественной войной — 256000 ед. хр., а к моменту реорганизации ИИМК АН СССР в Институт археологии — более 350000 фотографий, негативов и открыток. К настоящему времени в фотоархиве сосредоточено около 1000000 единиц хранения, датирующихся 1850-ми – 2000-ми годами, то есть документы свидетельствуют о полутора веках развития как собственно фотографии, так и археологической науки: архив ИИМК является основным хранилищем материалов, связанных с деятельностью главных археологических учреждений нашей страны.

Поскольку археологические исследования в Центральной Азии и Сибири являются неотъемлемой частью деятельности главного археологического учреждения России — Императорской Археологической комиссии (1859–1917) и ее преемников — РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР (1937–1959), в книге, специально посвященной работам в названных регионах в 1859–1959 гг., определенное внимание уделено становлению этих учреждений и научного архива в целом, составу фотодокументов, отложившихся в ряде учрежденческих и личных фондов. Следует отметить, что история собственно фотоархива (с 2004 г. — фотоотдела) Научного архива Института истории материальной культуры и формирования его фондов на протяжении целого столетия досконально изучена впервые.

Таким образом, целью представляемой книги является углубленное исследование историко-археологического наследия Центральной Азии и Сибири, выраженного в фотодокументах второй половины XIX — первой половины XX в.

Для достижения названной цели следовало выделить в фондах ИАК (1859–1917), Российской (1919–1925) и Государственной академии истории материальной культуры (1926–1937), Института истории материальной культуры АН СССР (1937–1959) материалы, касающиеся археолого-этнографических и архитектурных исследований и осуществить их обзор по регионально-хронологическому принципу.

Хронологические рамки работы ограничены, с одной стороны, созданием Императорской Археологической комиссии (1859), с другой — временем организации Института археологии АН СССР (1959). Основным объектом изучения являются фотодокументы, отложившиеся в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН в период с середины XIX века до 1959 г., составляющие историко-археологическое наследие народов Центральной Азии и Сибири, включающей огромные территории к востоку от Уральских гор. «Страна тюрков» — Туркестан лежит к юго-востоку от Урала. Границы его и место в пространстве Центральной Азии были определены русскими и европейскими географами только во второй половине XIX в. После 1917 г. стали применять термин «Средняя Азия». В нашей работе мы будем использовать понятие «Центральная Азия».

Обзор фотографических документов позволяет ввести в научный оборот информацию о значительном массиве ранее неизвестных источников, касающихся Центральной Азии и Сибири. Рукописные документы (на бумажной основе) и литературные источники использованы в качестве вспомогательных при разработке вопросов, связанных с организацией и деятельностью ведущих археологических учреждений ИАК и ее преемников — РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР, а также биографических сведений об исследователях, работавших в названных регионах.

Специализированный фотоархив, как структура, сохраняющая научно и технически обработанные негативы и позитивы — явление достаточно уникальное. Архив, в котором хранится около одного миллиона фотодокументов по крепостной, храмовой и гражданской архитектуре Запада и Востока; живописи, скульптуре и декоративно-прикладному искусству; антропологии и этнографии народов Азии и Африки; археологии, истории искусств, музееведению и другим областям знаний, датируемых 1850–2000 гг. — еще более уникален. В собрании фотоархива имеются негативы и отпечатки разных размеров, негативы на стекле и на пленке, что позволяет считать его архивным собранием, показывающим развитие фотографии на протяжении всего периода ее существования, как историко-археологического источника.

ГЛАВА I. ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ

(1859–1917)

Структура и основные задачи Императорской Археологической комиссии

2 (15 н. ст.) февраля 1859 г. Положение о создании Археологической комиссии было утверждено императором Александром II (Полное собрание законов Российской империи. Т. 34, 1861. № 34109; Охрана памятников..., 1978. С. 63–66). Первый параграф Положения гласил: «Императорская Археологическая комиссия состоит отдельным учреждением в Министерстве Императорского Двора и имеет целью: 1) розыскание предметов древности, преимущественно относящихся к отечественной истории и жизни народов, обитавших некогда на пространстве, занимаемом ныне Россиею; 2) собрание сведений о находящихся в Государстве как народных, так и других памятников древности; 3) ученую оценку открываемых Древностей». Положением определялся штатный состав комиссии, возглавляемой Председателем (§ 2). Под ее руководство поступали Керченский музей древностей и Римская комиссия археологических розысканий (§ 3). Кроме штатных сотрудников в Комиссию входили почетные члены и члены-корреспонденты, содействующие «в достижении ее целей» (§ 4) (РА. Ф. 1, 1859 г., д. 1. Л. 3–3об.).

В разделе «Действия Комиссии» был зафиксирован круг задач, стоящих перед государственным археологическим органом. «Для изыскания древностей Комиссия раскапывает древние курганы и производит земляные раскопки...» (§ 5). Ей «предоставляется следить за всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности...» (§ 6). «Комиссия, в мере средств своих, заботится, чтобы в том случае, когда настает надобность уничтожить какой либо остаток древности, как-то памятник зодчества, курган, и проч., или произвести большие земляные работы на месте древнего города или замечательного урочища, которые находятся на землях казенных или общественных, приняты были, по возможности, нужные археологические меры и если при работах этих ожидаются важные археологические открытия, то чтобы к ним мог быть допущен ее чиновник» (§ 7). «Комиссия следит за земляными работами, предпринимаемыми в больших размерах, как например при проведении линий

железных дорог, шоссе и проч., дабы, насколько окажется возможным, воспользоваться этими случаями для археологических открытий» (§ 8) (РА. Ф. 1, 1859 г., д. 1. Л. 3об.—4об.).

Значительное внимание было уделено «сохранению случайных находок древностей». Для поощрения к предоставлению в Археологическую комиссию находимых древних вещей выдается денежное вознаграждение, определяемое не только ценой золота, серебра, или иного вещества, из которого они сделаны, но и археологическим достоинством их и редкостью (§ 10). Согласно Положению, уникальные находки представляются комиссией на «воззрение» Государя Императора для их последующей передачи в Императорский музей Эрмитажа, или в другие высочайше назначенные места (§ 11). Отмечено и то, что древности, представленные в Комиссию, но не приобретенные ею, возвращаются по принадлежности (§ 12) (РА. Ф. 1, 1859 г., д. 1. Л. 4об.—5).

Внутреннее устройство Императорской Археологической комиссии определялось следующим образом: Председатель назначается Высочайшим указом, тогда как определение и увольнение сотрудников Комиссии до VI класса включительно предоставляется Председателю, так же как и распределение занятий между лицами, служащими в Комиссии. Главнейшая обязанность полагаемых по штату членов Комиссии состоит в производстве «археологических разысканий» и описании их.

Штат комиссии утверждался в количестве восьми человек (Председатель, один старший и два младших члена, производитель дел, журналист, канцелярский чиновник и художник); кроме того, две единицы (директор и его помощник) предназначались для Керченского музея. На содержание штата комиссии и проведение археологических «разысканий» отпускались правительственные суммы в размере 17764 рублей (РА. Ф. 1, 1859 г., д. 1. Л. 7–8), из которых 10000 руб. назначались на раскопки, а остальные 7764 руб. — на жалованье членов и служащих в Комиссии и Керченском музее. Впоследствии эта сумма была увеличена до 30–35 тысяч рублей, а в 1890 г. — до 45000 руб., из них 20000 рублей — на производство раскопок. Почетные Члены и Члены-корреспонденты Комиссии избираются Председателем из числа лиц, «принесших ей пользу доставкою археологического материала, научным его описанием или другими способами», и утверждались в этих званиях Министром Императорского Двора (§ 21).

С. Г. Строгановым было выдвинуто также положение о создании архива комиссии: «Археологическая комиссия хранит у себя все дела об археологических разысканиях и открытиях, равно как и принадлежащие к ним рисунки, планы и модели». В комиссии следовало сосредоточить «все сведения о древних достопамятностях государства». В Положении 1859 г. не нашла решения задача охраны памятников археологии и архитектуры. Эта функция осталась в ведении МВД. Кроме того, незначительный штат сотрудников комиссии не позволял реализовать широкую научно-исследовательскую программу, что затрудняло превращение правительственного археологического учреждения в действительно координирующий центр отечественной науки (Фармаковский, 1921. С. 2, 3).

Уже первый этап существования комиссии был ознаменован активной и разносторонней деятельностью ее небольшого коллектива. С 1859 по 1882 г. комиссию возглавлял С. Г. Строганов (Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 32), его ближайшим сотрудником, а позднее помощником председателя был В. Г. Тизенгаузен (Там же. С. 49; РА. Ф. 1, 1882 г., д. 13. Л. 8).

В первые годы существования Археологической комиссии основные полевые работы проводились в южных районах России. Продолжались раскопки древней Керчи, изучение курганов на Таманском полуострове, по Кубани (курганы «Большая Близница», «Артюховский», «Семибратний» и др.), в степях Приднепровья (курганы «Александропольский», «Чертомлыцкий» и др.). Однако уже на следующий год после создания Комиссии были предприняты шаги по расширению географических рамок ее исследований. Особое внимание Археологическая комиссия уделяла проблеме выявления и охраны археологических объектов, осуществлению надзора в зонах разрушающихся памятников. В 1866 г. по ее инициативе Министерство внутренних дел разослало во все губернии России циркуляр о запрещении кладоискательских раскопок (РА. Ф. 1, 1859 г., д. 1. Л. 19).

Еще раньше, в 1862 г. Археологическая комиссия обратилась в Центральный статистический комитет с просьбой о содействии в выявлении древностей, необходимых для составления археологической карты России. Была разработана специальная программа изысканий, базирующаяся на непосредственных контактах со статистическим управлением. Комиссия вступила в переписку с губернскими статистическими комитетами и уже в 1862–1863 гг. получила первые сведения об археологических и архитектурных объектах Вятской, Иркутской, Казанской, Нижегородской и других губерний (РА. Ф. 1, 1862 г., д. 27. Л. 1, 2, 9–11, 54–89). В следующем году подобная информация поступила из Архангельской, Бессарабской, Витебской, Владимирской, Курской, Пензенской и Смоленской губерний (РА. Ф. 1, 1864 г., д. 8. Л. 1–6, 12–16, 18–20).

Несомненно, в поле зрения Археологической комиссии оказались крупнейшие для того времени «новостроечные» работы — прокладка железнодорожных путей. С. Г. Строганов отмечал, что одной из важнейших функций должен будет стать научный надзор над железнодорожным строительством. «Теперь уже начались, — писал он в докладной записке В. Ф. Адлербергу, — земляные работы в огромных размерах по случаю проведения железных дорог; всякие открытия при этих последних работах могут навсегда исчезать без следа, почему я и полагаю, что комиссия должна по мере средств своих обращать на них особенное внимание». Комиссия обратилась в Главное управление путей сообщения, Министерство путей сообщения, к начальникам железнодорожных дистанций, и, что еще важнее, поставила в известность железнодорожников разного ранга о том, что необходимы любые сведения, как о направлениях будущих железнодорожных путей, так и находках древностей в зонах строительства (РА. Ф. 14, д. 1. Л. 20–22, 28, 99). Сохранились документы, фиксирующие контроль Археологической комиссии над строящимися магистралями Одесса – Парканы, Мерета – Херсон, Самарканд – Андижан,

Пермь – Котлас, Джанкойско-Феодосийской, Сибирской, Астраханской, Северо-Кавказской (РА. Ф. 1, 1862 г., д. 12. Л. 6, 21, 102, 122, 134, 148, 156–167).

Императорская Археологическая комиссия установила связи с находившимся в Санкт-Петербурге Императорским Русским археологическим обществом (РАО), Императорским Московским археологическим обществом (МАО) и Одесским обществом истории и древностей. Московское общество приоритетно занималось организацией и проведением Всероссийских археологических съездов, собиравших ученых, занимавшихся археологией, и краеведов, проводивших археологические изыскания в провинции. Поддержка исследований в провинции осуществлялась через систему Губернских ученых архивных комиссий, при которых создавались музеи и которым выделялись средства на ведение раскопок и публикацию материалов. Следует отметить, что на местах, кроме того, существовали различные общественные объединения (церковно-археологические общества, археологические кружки, общества любителей естествознания и антропологии и т. п.).

В 1860–1870-е гг. был установлен «комплект» документов для хранения в архиве ИАК: по окончании раскопок следовало представить отчет, дневник с описанием работ, описи находок, рисунки с фиксацией памятника и находок и финансовую документацию. К 1882 г. архив ИАК насчитывал около 500 дел (Васильева, 2000. С. 177, 182).

С. Г. Строганов оставался на посту председателя Археологической комиссии до 1882 г. В отчете, составленном накануне его добровольной отставки в связи «с болезненным состоянием и годами», он, по сути, подвел итог деятельности Комиссии за два десятилетия ее существования и отметил, что ИАК произведено «...изыскание древностей, относящихся к периоду процветания греческих колоний на нашем Черноморском побережье и ко времени обитания Новороссийского края различными скифскими племенами...». Основные раскопки были произведены на юге России — в Крыму, Екатеринославской губернии и Кубанской области. Комиссия выпустила в свет 19 томов Отчетов ИАК и два выпуска «Древностей Геродотовой Скифии». «Контрольная деятельность ИАК выразилась в наблюдении за случайными археологическими находками, их приобретении и передаче в Эрмитаж и другие музеи» (Васильева, 2000. С. 179).

К началу 1880-х гг. штат Археологической комиссии состоял из старшего члена В. Г. Тизенгаузена (с 1861), младшего члена профессора Н. П. Кондакова (с 1876), производителя дел и хранителя архива коллежского асессора Ил. Сулова (с 1865), художника И. Н. Медведева (с 1859) и сторожа Михайлова (с 1867).

По настоятельной рекомендации С. Г. Строганова новым председателем комиссии в 1882 г. был назначен А. А. Васильчиков, директор Императорского Эрмитажа (Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 89, 93). Он являлся председателем комиссии с 7 марта 1882 по 1 февраля 1886 г. (РА. Ф. 1, 1900 г., д. 174. Л. 18об, 19) и в своей деятельности, с одной стороны, следовал тому, что было начато при С. Г. Строганове, с другой, возглавив Комиссию, стал до-

бываться расширения ее состава, увеличения финансирования, а также внесения дополнений в Положение 1859 г., которые окончательно уточнили бы права и обязанности Комиссии, в том числе и по охране памятников. Он неоднократно подавал рапорты в Министерство Императорского Двора со своими предложениями по усовершенствованию деятельности ИАК, что было обусловлено изменением ситуации в стране и расширением задач Комиссии, как в области археологических «розысканий», так и в области охраны памятников. Он предлагал не просто увеличить количество сотрудников, а пополнить штат именно молодыми исследователями, которым необходимо было передать накопленный опыт, чтобы в дальнейшем они могли продолжить работу Комиссии. Просьба о выделении добавочных средств на покупку древностей и археологические раскопки была основана на расширении круга обязанностей Комиссии, вздорожании рабочей силы на местах и, в случае расширения штата, оплаты труда сотрудников. К одному из рапортов он приложил Проект нового положения ИАК (РА. Ф. 1, 1882 г., д. 31). В проекте предлагалось дать Комиссии право на привлечение к археологическим раскопкам и охране памятников сверхштатных почетных членов и членов-корреспондентов, которые работали бы по инструкциям и указаниям Комиссии на местах.

Наиболее существенные преобразования произошли в ИАК при графе А. А. Бобринском, ставшим ее третьим и последним председателем (с 1886 по 1918) (Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 111).

В первую очередь А. А. Бобринской, продолжив начинания А. А. Васильчикова, стал добиваться упрочения финансового положения Комиссии и увеличения ее штата. Через два года штат и средства на финансирование раскопок были увеличены, так же как и средства, отпускавшиеся на издательскую деятельность. Комиссия продолжила издание ежегодных отчетов (ОАК) и приступила к выпуску «Материалов по археологии России», в которых, например, были опубликованы «Сибирские древности» В. В. Радлова. С 1901 г. стал выходить научный журнал «Известия ИАК» с Прибавлениями (всего было выпущено 66 номеров). В смете ИАК появилась дополнительная статья — «сверхсметные кредиты», что позволило расширить возможности Комиссии по приобретению древностей у частных лиц, крупных коллекционеров и на ярмарках. Иногда коллекция приобреталась целиком, иногда только отдельные вещи из собрания, предложенного к покупке. В ряде случаев владельцы изначально оговаривали, что вещи присланы в Комиссию для ознакомления, и после фотографирования просили их возвратить.

Высочайшим повелением от 11 марта 1889 г. ИАК получила «исключительное право производства и разрешения, с археологической целью, раскопок в империи на землях казенных и общественных. Все учреждения и лица, предполагающие производить подобные раскопки, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которого состоят упомянутые земли, входить в предварительное соглашение с Императорскою Археологическою комиссиею. Открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении

предметы должны быть присылаемы в Императорскую Археологическую комиссию, для представления на высочайшее воззрение». Министр Императорского Двора граф В. Ф. Адлерберг отметил в письме к Главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями, что «на Археологическую комиссию возлагается следить за всеми земляными работами, предпринимаемыми в больших размерах, дабы воспользоваться этими случаями, как средствами для археологических открытий, равно как и в случае сломки какого-либо остатка древности, как то памятника зодчества, кургана и проч.» (РГИА. Ф. 472, оп. 14, д. 1974. Л. 7). Кроме права выдачи разрешений на раскопки — Открытых листов, в обязанность Комиссии вменялся надзор за охраной и реставрацией монументальных памятников зодчества. При комиссии был учрежден Реставрационный отдел, в работе которого принимали участие ведущие архитекторы, художники, историки искусства и реставраторы.

Высочайшее повеление, таким образом, придало комиссии характер центрального учреждения, стоящего во главе всех археологических работ, производимых в России, и значительно расширило ее административные возможности.

В апреле 1889 г. состоялось совещание ИАК и различных ученых обществ с целью установления соглашения по вопросам об исследованиях и охране памятников древности. Отныне Общества должны были наблюдать за охраной древностей в своих регионах, защищать монументальные памятники «от разрушения и искажения неумелыми реставрациями» и археологические — от «разграбления кладоискателями» (РА. Ф. 1, 1887 г., д. 69. Л. 177). Были разработаны правила обязательного представления отчета о раскопках с описью находок в архив Комиссии. Право научной собственности Обществ на сделанные ими находки устанавливалось на 5 лет, экспертная оценка особо значимых вещей для отбора их и присылки в Санкт-Петербург также предоставлялась Обществам. Участники совещания единогласно подтвердили необходимость сбора всех данных об археологических открытиях и исследованиях и аккумуляции их в едином архиве комиссии. Общества при этом обещали изготавливать рисунки и фотографии древностей и пересылать их в архив; в случае финансовых затруднений эту обязанность брала на себя ИАК (РА. Ф. 1, 1887 г., д. 69. Л. 136). Комиссия со своей стороны предоставляла право неограниченного пользования материалами архива.

В конце 1889 г. Археологическая комиссия, Эрмитаж и Исторический музей разработали проект соглашения между ними о порядке распределения, приобретения и издания археологических находок. Первоклассные художественные древности распределялись между правительственными музеями. Право первого выбора находок предоставлялось Эрмитажу, вторая очередь принадлежала Историческому музею, остальные вещи передавались по усмотрению Комиссии в провинциальные музеи — с предпочтением музеев, созданных при Университетах (РА. Ф. 1, 1887 г., д. 69. Л. 211–215). При передаче древностей в музей было признано правило неделимости коллекции, происходящей с одного памятника, в крайнем случае, хотя бы путем фотографирования вещей,

которые собирались отправить в другие хранилища. Вся документация по работам на монументальных памятниках также представлялась в архив Комиссии (РА. Ф. 1, 1882 г., д. 31. Л. 171–172).

Еще в 1888 г. А. А. Бобринской получил право «...избирать из числа лиц, известных ему научными трудами по археологии, в звание сверхштатных членов Комиссии и членов-корреспондентов», что позволило «привлечь к достижению научных целей Комиссии многих известных ученых, членов Археологических и других обществ и частных лиц, занимающихся серьезно научными трудами по археологии» (РА, Ф. 1, 1900 г., д. 174, л. 4об.–5). В ИАК были приглашены профессор Д. Я. Самоквасов из Варшавского университета, преподаватели Ревельской гимназии К. Е. Думберг и Вятской гимназии А. А. Спицын, помощник попечителя Казанского учебного округа В. В. Латышев, чиновник особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области Н. Н. Пантусов, профессора университета Св. Владимира в Киеве В. Б. Антонович и Ю. А. Кулаковский и многие другие. Сверхштатными сотрудниками ИАК и членами-корреспондентами в разные годы являлись историки И. Е. Забелин и Л. Э. Стефани, академик В. В. Радлов, профессор Санкт-Петербургского университета Н. И. Веселовский, генерал-майор А. Л. Бертье-Делагард, горный инженер И. А. Лопатин и другие. К 1917 г. под руководством А. А. Бобринского в Комиссии работали также академик Н. Я. Марр, профессора Б. В. Фармаковский, Б. А. Тураев и М. И. Ростовцев.

На посту председателя ИАК А. А. Бобринской отстаивал идею, освященную благородной целью: «...мы не должны забывать, что конечная цель археологии... цель христианская: принести пользу людям, научить их истине, направить их на путь возможного счастья в жизни» (РА. Ф. 25, д. 39).

2 февраля 1909 г. Императорской Археологической комиссии исполнилось пятьдесят лет, что было отмечено Высочайшим рескриптом. В этом документе Император Николай II сделал краткий «обзор» участия Императорской фамилии в становлении и развитии археологических изысканий в Российской империи.

«ИМПЕРАТОР ПЕТР Великий, в заботах о насаждении просвещения в России, положил основание делу собирания и хранения находимых в земле древностей. В ВЫСОЧАЙШИХ указах Правительствующему Сенату и Сибирскому Губернатору о курганных предметах, далеко опередив свое время в оценке значения памятников старины, Он указал надлежащий путь, к составлению археологических музеев.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I-й, придавая особо важное значение древним памятникам, возложил ведение раскопок в Империи на Государственного Канцлера Графа Румянцева, известного радетеля старины.

Прадед Мой, ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I-й, даровал средства к широкой организации правительственных раскопок на юге России, в особенности в Керчи, каковая местность является неистощимой сокровищницею произведений греческого искусства. Сложное дело это было поручено сначала, графу Перовскому, состоявшему Министром Внутренних дел, а затем Графу Сергею

Григорьевичу Строганову, при котором, в Царствование Деда Моего, ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II-го, учреждена 2 Февраля 1859 года ИМПЕРАТОРСКАЯ Археологическая Комиссия, как особое установление Министерства ИМПЕРАТОРСКОГО Двора.

Возникшая в скромном составе, с целью разыскания предметов старины и их научной оценки, Археологическая Комиссия вскоре одарила русскую науку замечательными предметами и обогатила ИМПЕРАТОРСКИЙ Эрмитаж выдающимся собранием древностей.

Незабвенный Родитель Мой, ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III, возложил на Комиссию исследование древнего Херсонеса и поставил ее во главе всех археологических изысканий в России, даровав Комиссии в 1889 году исключительное право на производство раскопок в Империи на землях казенных и общественных. Одновременно на Комиссию, совместно с ИМПЕРАТОРСКОЙ Академией Художеств, возложено было и разрешение вопросов о реставрации старинных памятников зодчества.

Сочувственно следя за трудами Археологической Комиссии, постепенно расширяющей круг своей деятельности, за раскопками и многочисленными ее изданиями, Мне приятно в настоящий день 50-летнего ее существования подтвердить, что она оправдала постоянное доверие, оказанное ей Моими Предками и Мною.

Выражая Мое благоволение Председателю Археологической Комиссии, Сенатору, Гофмейстеру Графу Бобринскому, всему ее составу, а также лицам, особо потрудившимся в деле организации работ по разысканию древностей и научной их оценке, Я вполне уверен, что деятельность Комиссии и впредь будет неизменно стоять на высоте порученного ей ответственного научного дела».

На подлинном документе Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано: «Николай». Царское Село. 2-го февраля 1909 года» (РА. Ф. 1, 1908 г., д. 78; Изв. ИАК, 1909. С. I–II)

Таким образом, в деятельности Археологической комиссии можно выделить три периода: «строгановский», когда были установлены основные положения ее работы, определены приоритетные задачи и направления; очень короткий «васильчиковский», во время которого достаточно четко проявилась необходимость ее преобразования с целью окончательного определения прав и обязанностей, и «бобринский», наиболее длительный, когда, благодаря ряду государственных установлений и энергии ее Председателя, деятельность комиссии была значительно расширена, укреплена и усовершенствована, хотя некоторые вопросы так и остались нерешенными (Длужневская, 2006).

Собрание фотодокументов ИАК в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН

Архив документов ИАК является основой фонда Научного архива ИИМК РАН. В Рукописном отделе, как и в фотоархиве, документы ИАК образуют фонд № 1. За 1859–1918 гг. в фонде Императорской Археологической комиссии отложилось 9029 дел.

В фотоархиве в фонд 1, также называемый «Императорская Археологическая комиссия» (1859–1917), включены немногочисленные материалы Российской Государственной Археологической комиссии (1918–1919). В 1870–1917 гг. было изготовлено 31102 негатива и 44773 отпечатка.

Съемка археологических находок, поступавших в ИАК, до 1891 г. производилась фотографом М. Е. Романовичем. Снимки, датируемые 1891–1895 гг., выполнены членом Археологической комиссии В. Г. Дружининым. Негативы хранились у фотографов, фотографии — у членов Археологической комиссии, а фотодокументы полевой съемки — у руководителей работ. Большая часть негативов 1896–1917 гг. была выполнена фотографом комиссии И. Ф. Чистяковым в специально организованной и оборудованной фотолаборатории. По его инициативе были составлены и ориентировочные описи на все сделанные им негативы. Более 20000 негативов на стеклянных пластинах разного размера, хранившиеся в его частной квартире, поступили в Российскую Государственную Археологическую комиссию (РГАК) в ноябре 1918 года. 11 декабря 1918 г. передача их в комиссию была оформлена записью № 1 в Инвентарной книге № 1 (ФА. Книга фондов фотоархива № 1).

В настоящее время фонд ИАК в фотоархиве объединяет 100006 единиц хранения — негативов, отпечатков и открыток, выполненных многими известными и малоизвестными фотографами-профессионалами, фотографами-любителями, исследователями — историками, археологами, историками искусства, востоковедами, архитекторами и др. в 1870–1917 гг.

Фотодокументы представляют снимки процесса изучения разновременных и разнотипных археологических памятников во время полевых исследований сотрудников Археологической комиссии и местных археологов и краеведов, предметов, обнаруженных во время раскопок, и случайных находок. В собрании также представлены фотодокументы, отражающие процесс историко-культурных обследований и реставрации памятников архитектуры на территории Российской империи, и иллюстративный материал к археологическим изданиям (Девель, 1950. С. 289–336).

В предлагаемом ниже обзоре фонда ИАК мы специально не ограничиваемся только перечислением фотодокументов, поступивших из Сибири и Центральной Азии. Археологические и реставрационные работы, произведенные в период существования Императорской Археологической комиссии, охватывали практически все регионы обширной территории государства. Кроме того, сотрудники ИАК совершили несколько заграничных научных путешествий, проведение которых было непосредственно связано с изучением историко-культурных древностей России. Документы поступали в архив, начиная с момента основания комиссии и вплоть до 1924 г., так как своим происхождением были связаны с деятельностью ИАК.

Работы в Средней Азии ограничены небольшим числом снимков раскопок В. В. Бартольда на Афрасиабе близ Самарканда в 1904 г. и находок из раскопок туркестанского краеведа А. А. Козырева и заведующего ирригацией Самаркандской области Н. П. Петровского в урочище Кара-Агач Акмолинской

области в 1901–1905 гг. (Козырев, 1905. С. 27–36). В Сибири раскопки проводились в Томской, Тобольской, Енисейской, Забайкальской и Якутской губерниях. Исследования в Урянхайском крае представлены серией снимков С. Р. Минцлова, сделанных им во время поездки 1914 г. (ФА, отп. Q 635).

Более многочисленный материал представляют снимки реставрационных работ, проводившихся под наблюдением Императорской Археологической комиссии в Северных и Западных районах. П. П. Покрышкиным в 1903–1904, 1908–1910 и 1912–1915 гг. были осуществлены реставрационные исследования в церкви Спаса на Нередице, обследование кремлевских стен в Новгороде, Пскове и Смоленске, а также в центральных районах. Архитектор К. К. Романов в 1909–1915 гг. провел обследование Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1005 ед. хр.); архитектор Д. В. Милеев в 1910–1912 гг. — Ипатьевского монастыря в Костроме (1897 ед. хр.); П. П. Покрышкин в 1911 г. — стен и башен московского Кремля. В восточных районах осуществлены ремонтно-реставрационные работы в Казанском кремле и соборах Свяжска (70 ед.); в Донской области — работы в Старочеркасском соборе и в Кубанской области — в Сентинском монастыре; в Крыму архитектором С. С. Некрасовым произведено обследование Бахчисарайского дворца в 1913–1915 гг. (209 ед.). Имеются материалы по генуэзским памятникам Феодосии, церковному зодчеству в Керчи и ханской мечети в Евпатории (114 ед.). В Малороссии и в Бессарабской губ. П. П. Покрышкиным исследованы Васильевский храм в Овруче в 1907–1908 гг. (137 ед.) и церковь Спас на Берестове в 1909–1912, 1914 г. (501 ед.), крепость Хотин на Днестре.

Работы, связанные с охраной памятников в Средней Азии, представлены сериями снимков, сделанных во время работ Н. И. Веселовского в Самарканде в 1895 г. (мечети и мавзолеи, 315 ед.), поездки В. А. Жуковского в Туркмению в 1890 и 1896 г. (Анау, Меана, Мерв, 18 ед.) и художника Л. Е. Дмитриева в 1890-х гг. в Самарканд и Мерв. В Сибири производились работы по сохранению Якутского деревянного острога, башен в Илимске и ряда храмов в Тобольске и Тюмени.

Серия снимков заграничных поездок П. П. Покрышкина: в Буковину (Румыния) в составе Комиссии по изучению ущерба, нанесенного памятникам архитектуры в зоне военных действий в 1916–1917 гг. (319 ед.) и в Польшу — обследование в 1909 г. старинных башен в окрестностях Холма и археологические исследования 1910 и 1912 г. на соборной горе в Холме (32 ед.); расчистка стенописи костела в Люблине в 1903 г. (32 ед.) и реставрационные работы 1907–1909 гг. в Благовещенской церкви Супрасля и в Черском замке.

Фотографическую часть фонда ИАК составляют альбомы архитектора П. П. Покрышкина, содержащие снимки, сделанные им в 1907–1917 гг. Имеется значительный материал по северному деревянному зодчеству: фотографии художников И. Я. Билибина (1904–1905 гг.), В. А. Плотникова (1907–1909 гг.) и архитектора Д. В. Милеева (1907 г.). Снимки памятников центральных районов, в меньшей степени Крыма и Кавказа, сделаны известным русским фотографом И. Ф. Барщевским (1880–1890-е гг.). Памятники центральных районов

зафиксированы также фотографом В. Д. Машуковым (1890–1903 гг.). Архитектура Грузии и Армении отражена в сериях снимков фотографов Д. И. Ермакова, М. Папазяна, О. Кюркчяна. Памятники Средней Азии можно увидеть в работах С. М. Дудина (1905 г., мавзолей Шах-и Зинда в Самарканде) и ряда других фотографов конца XIX–начала XX в. — Г. А. Пакратьева, А. Мишона из Баку, В. Ф. Козловского, А. Г. Полякова, Д. И. Ермакова, Н. П. Петровского, П. Надара, сына знаменитого парижского фотографа П. Надара.

Зарубежный материал представлен фотографиями, привезенными из путешествий академиком Н. П. Кондаковым — на Афон (1898 г.) и в Македонию (1900 г.), П. П. Покрышкиным — в Месемврию (1900 г.) и Сербию (1902 г.). Имеются небольшая коллекция фотографий известных западноевропейских фотографов с памятников античной Греции и Италии, по искусству Италии эпохи Возрождения; серия снимков равеннской мозаики фотографа Риччи. Интересный материал поступил в фонд ИАК по Монголии, Китаю и Восточному Туркестану от Русской учено-торговой экспедиции в Китай 1874–1875 гг. под руководством Ю. А. Сосновского (фотограф А. Н. Э. Боярский, 160 ед.) (Длужневская, 2006а. С. 112–118; 2006 б. С. 270–283).

В собрании фотоархива ИИМК РАН сохранились и другие фотографические материалы XIX – начала XX в., которые поступили в Российскую Академию истории материальной культуры в 1920-е–1930-е гг.

Фотографы Императорской Археологической комиссии, работавшие в Центральной Азии и Сибири

В Рукописном отделе ИИМК РАН сохранились данные о получении разрешений на работу — Открытых листов — не только археологами, краеведами и представителями других специальностей, любителями, но отмечено несколько случаев, когда такие документы получали фотографы.

В 1888 г. фотограф И. Ф. Барщевский получил Открытые листы от ИАК — № 126 и № 313 — его поездки были связаны с сбором материалов по истории искусства в России, и в этот год предполагались работы в Новгородской, Тверской, Вологодской, Рязанской, Владимирской и Костромской губ., а также в 1896 г. — в Новгородской и Тверской губ. В 1897 г. фотограф предпринял поездку в Московскую, Владимирскую и Костромскую губ. В 1899 г. он снова отправился в Новгородскую, Владимирскую, Вологодскую, Московскую, Костромскую губ. для осмотра, обмера, фотографирования и снятия копий с древностей (РА. Ф. 1, 1888 г., д. 19; Белова, 2009. С. 25, 28, 52, 55, 62).

В 1896 г. сторож ИАК И. Ф. Чистяков получил свидетельство «на свободный проезд в Новгородскую, Тверскую, Смоленскую, Витебскую и Могилевскую губ. для изготовления фотографических снимков с древних надписей в церквях и монастырях (РА. Ф. 1, 1894 г., д. 237), а в июле 1898 г. ИАК выдала ему документ «на командирование в Самарканд для изготовления фотографических снимков с древних самаркандских мечетей (РА. Ф. 1, 1895 г., д. 69; Белова, 2009. С. 52, 58).

МИНИСТЕРСТВО

ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ.

4 Мая 1905 г.

№ 788

С.-Петербургъ.

Здание ИМПЕРАТОРСКАГО Зимняго Дворца.

О Т К Р Ы Т Ы Й Л И С Т Ъ .

Выдано сіе отъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммисіи непрѣмѣнному члену ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества, Коллежскому Ассесору Сергѣю Михайловичу Прокудину-Горскому для безпрепятственнаго производства имъ фотографическихъ снимковъ съ древнихъ мечетей и другихъ памятниковъ древности въ городѣ Самаркандѣ, Самаркандской и Закаспійской областяхъ.

За Предсѣдателя Коммисіи,

Товарищъ его

Дѣлопроизводитель

Открытый лист С. М. Прокудина-Горского на 1905 г.
(Ф. 1, 1895 г., д. 69а. Л. 285)

МИНИСТЕРСТВО

ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ.

15. Февраля 1911.

№ 329
С.Петербургъ

Здание ИМПЕРАТОРСКАГО Зимняго Дворца.

О Т К Р Ы Т Ы Й Л И С Т Ъ .

Выданъ этотъ листъ отъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Коммиссиіи непремѣнному члену ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Техническаго Общества Надворному Совѣтнику Сергѣю Михайловичу Прокудину-Горскому для безпрепятственнаго производства имъ фотографическихъ снимковъ въ натуральныхъ цвѣтахъ съ древнихъ зданій и другихъ древностей въ Европейской и Азіатской Россіи.

Подписалъ: За Предсѣдателя Коммиссиіи,

Товарищъ Предсѣдателя, Академикъ В.Латышевъ.

Скрѣпилъ и вѣрно:

Дѣлопроизводитель

Открытый лист С. М. Прокудина-Горского на 1911 г. (Ф. 1, 1911 г., д. 6. Л. 46)

МИНИСТЕРСТВО

ИМПЕРАТОРСКОГО

ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ

КОММИССИЯ.

11. Июля 1898.

№ 1215²

С.-Петербургъ.

Здание ИМПЕРАТОРСКОГО Зимняго Дворца.

Свидѣтельство.

Предъявитель сего сторожеъ Императорской Археологической Комиссiи, старшiй запасный нунтерво-офицеръ 145 пехотнаго Новонеркасскаго Императора Александра III-го полка Иванъ Чистяковъ, командированъ Комиссiей въ Самаркандъ для изготовленiя фотографическихъ снимковъ съ древнихъ Самаркандскихъ мѣстностей. Въ удостовѣренiе сего, настоящее свидѣтельство выдано ему на свободный проездъ отъ С.-Петербурга до Самарканда, временное пребыванiе въ Самаркандѣ и обратное возвращенiе въ Петербургъ къ первому Сентябрю сего года.

Директоръ-производитель Императорской

Археологической Комиссiи

И. Ф. Чистяковъ

Свидетельство И. Ф. Чистякова на 1898 г. (Ф. 1, 1895 г., д. 69. Л. 233)

Опись
фотографических принадлежностей

1. Камера съ объективомъ въ черномъ парусиномъ чехлѣ
2. Черное покрывало въ чехлѣ
3. Винтъ въ штативу.
4. Местъ для кассеты штативу въ черномъ парусиномъ чехлѣ
5. Штативъ складной (въ 2 колѣна) въ черномъ парусиномъ чехлѣ
6. Стоянокъ для сушки негативовъ деревянный
7. Лотокъ для просушки негативовъ-металлическій

Буржастеръ Д. Юдовичевъ

Опись фотографических принадлежностей (Ф. 1, 1895 г., д. 69а. Л. 155)

№ 10

Умачено да протозъ шестти
ящикоу съ фотозграфическими
принадлежностями, отъ Петербурга
до г. Самарканда, Багдадскѣ.

По квитанциѣ Ник. Н. Сороча за № 2812,
отъ Петербурга до г. Самарканда за пять
руб. 20ф. за каждую 10ф. 1р 4¼к. — 2р 94к.
по квитанциѣ Крахотного общ. Кавказъ,
Меркури за № 23823
отъ г. Самарканда до г. Красноводска за
шесть рубоу по 65к. съ рубля (расчитъ за рубоу) 3р 90к.

по квитанциѣ за Каспійской Военной № 2.
№ 1842 отъ Красноводска до г. Самарканда.
за пять руб. 20ф. (расчитъ за 10ф.) 1р 67к.
Итого 4р 51к.

Стор. Шустерко

4 Августа 1898г.

г. Самаркандъ.

Въ вознагражденіе много за провозъ багажа
Сорокъ одинъ руб. получила отъ Профессора Н. Ш.
Веселовскаго в Августѣ 1898г. Шустерко

В 1905 г. в ИАК обратился известный фотограф, профессор С. М. Прокудин-Горский: Открытый лист был выдан ему «для беспрепятственного производства фотографических снимков с древних мечетей и других памятников древности в г. Самарканде, Самаркандской и Закаспийской обл. (РА. Ф. 1, 1895 г., д. 69 а). В 1911 г. он запросил Открытый лист «для беспрепятственного производства фотографических снимков в натуральных цветах с древних зданий и других древностей в Европейской и Азиатской России» (РА. Ф. 1, 1911 г., д. 6; Белова, 2009. С. 92, 116).

В том же 1911 г. ученику Высшего художественного училища В. О. Дубенецкому было выдано свидетельство «о поручении ему измерения, фотографирования и описания древних и замечательных по архитектуре зданий г. Барнаула, включая занятия в архивах, исследования чердачных и подвальных помещений (РА. Ф. 1, 1911 г., д. 6; Белова, 2009. С. 115).

Однако непосредственно в Императорской Археологической комиссии работал только И. Ф. Чистяков, остальные запрашивали Открытые листы на отдельные поездки.

Снимки древностей, обнаруженных при раскопках и присланных в ИАК для приобретения или определения, выполнены фотографом М. Е. Романовичем, членом Археологической комиссии В. Г. Дружининым, художником С. М. Дудиным и фотографом И. Ф. Чистяковым. Натурная съемка осуществлялась архитектором П. П. Покрышкиным, сотрудничавшим с ИАК известным русским фотографом И. Ф. Барщевским и некоторыми другими фотографами — профессионалами и любителями.

Профессиональный фотограф Михаил Евгеньевич Романович работал в Санкт-Петербурге с 1880-х до середины 1890-х гг. Он фотографировал для Комиссии в своем ателье, находившемся на Невском проспекте, д. 20, кв. 25, совсем близко от Эрмитажа, где в те годы размещалась Археологическая комиссия. Изменения в работе ателье произошли в марте 1891 г., когда оно оказалось под управлением фотографов И. К. и А. К. Ягельских, бывшего управляющего фотографией Императорской АХ К. Шапиро и фотографа Их Императорских Высочеств Великого Князя Николая Николаевича старшего и Великой Княгини Александры Петровны А. Ясвоина (Фотография на память, 2003). Трудно сказать, что означает «управление» фотографическим ателье другими фотографами, но, видимо, с этого времени Комиссия перестала обращаться к его услугам, тем более что фотографированием в Археологической комиссии стал заниматься В. Г. Дружинин.

Василий Григорьевич Дружинин (1859–1936), историк, археограф, коллекционер, исследователь истории и культуры старообрядчества, был фотографом-любителем, работавшим на высоком профессиональном уровне. Родился в Петербурге, получил прекрасное домашнее образование и в 1874 г. был определен в пятый класс архиклассической гимназии Санкт-Петербурга. По окончании ее в 1879 г. поступил на математический факультет Санкт-Петербургского университета, но через месяц перешел на историко-филологический и закончил его в 1883 г. С декабря 1886 г. по январь 1891 г.

Дружинин служил в МВД. С июня 1889 г. по ноябрь 1896 г. состоял сверхштатным, а затем штатным членом ИАК (РА. Ф. 1, 1889 г., д. 36; Пивоварова, 2003. С. 88–98).

После защиты диссертации в 1889 г. В. Г. Дружинина избрали приват-доцентом и приняли на службу в РАО, где помимо сугубо секретарской работы он редактировал некоторые выпуски «Материалов по археологии России», упорядочил научный каталог и ввел обязательное фотографирование предметов. Первоначально фотографировал он сам, а впоследствии обучил «археологической» съемке вещей и памятников будущего фотографа ИАК–ГАИМК И. Ф. Чистякова. В должности секретаря РАО Дружинин проработал 15 лет. В 1896 г. Василий Григорьевич был единогласно избран членом Археографической комиссии. Кроме того, он активно работал в других Обществах, Комитетах, Советах, собрал значительные коллекции медного литья и старообрядческих рукописей, принимал участие в выставках и как коллекционер, и как фотограф. В 1914 г. его избрали почетным членом Русского археологического института в Константинополе, в 1918 — в Совет Союза архивных деятелей. За отличную службу и труды он награжден орденами и медалями. 29 декабря 1920 г. В. Г. Дружинин избран членом-корреспондентом Российской академии наук; 26 марта 1928 г. зачислен в «Группу выдающихся ученых».

В конце 1920-х гг. в системе АН началась «чистка» личного состава служащих, в результате которой были уволены, а после и арестованы многие крупные ученые. В ноябре 1929 г. Дружинина обвинили в том, что он являлся «личным информатором о настроениях рабочих масс у Плева». Вскоре В. Г. Дружинин, С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев и другие были признаны виновными в деятельности контрреволюционной организации «Все-народный Союз борьбы за возрождение свободной России». 25 июня 1930 г. Дружинина арестовали и 10 февраля 1932 г. постановлением «тройки» приговорили к заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Примерно через год меру наказания заменили лишением права в течение трех лет проживать в ряде населенных пунктов СССР. Местом его ссылки стал г. Ростов-Ярославский, где он работал над «Воспоминаниями о литературных встречах и знакомствах». Дружинина освободили в июне 1935 г., скончался он в январе 1936 г. Реабилитирован в 1959 г. (Берестецкая, 1994. С. 214–227; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 166).

Во время службы в РАО Дружинин убедил членов общества в необходимости обязательной фотосъемки археологических предметов. Вероятно, именно тогда обсуждалась и методика съемки: фотографировать предмет в нескольких ракурсах с целью наиболее полной фиксации его облика, более крупно фотографировать существенные детали, указывать масштаб, применять фон и подсветку. Для съемки использовали стеклянные пластины, и фотограф «процарапывал» масштаб на эмульсионном слое. Обычно для съемки вещей использовали пластины 18 × 24 см или 24 × 30 см. В ряде случаев черно-белые фотографии после печати раскрашивались, чтобы передать цвет изделия (цветные бусы, изделия из золота или бронзы).

МИНИСТЕРСТВО

ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ

Свидетельство

№ 4/1011 1895 г.
№ 1041

Подписаны свидетелем
и т.п. и т.п.
и т.п. по указанию
Судьи.

Получившему Императорскою Археологическою Коммиссией въ г. Самаркандѣ для изготовленія фотографическихъ снимковъ съ тамошнихъ древнихъ памятниковъ водворства, художнику Самуилу Мартыновичу Дудину выдано это свидѣтельство какъ для прохода туда и обратно и погребенія въ Канцеляріи г. Самаркандскаго Губернатора рабочихъ матеріаловъ и снаряженія отправляемыхъ ей изъ Археологической Коммисіи на имя г. Дудина, такъ и для допущенія пожеланнаго къ производству возложенныхъ на него работъ.

Подписанъ: Товарищъ Председателя В. Штенгаузенъ.

Скрупно: } За Директора/производителя Марты
Варио: }

Свидетельство С. М. Дудина на 1895 г. (Ф. 1, 1895 г., д. 69. Л. 27)

Из фотографий, сделанных В. Г. Дружининым и касающихся материалов Центральной Азии, в фотоотделе сохранился ряд снимков предметов, доставленных из Бухары (ФА, нег. IV 222), датированных 1891 г. и др.

Для крупнейшего исследователя истории и культуры старообрядчества, археографа и архивиста В. Г. Дружинина фотография была одним из любимых занятий, тогда как для *Самуила Мартыновича Дудина-Марцинкевича* (1863–1929), художника, путешественника, этнографа, археолога, музейного работника, фотография, напротив, была профессией, точнее, одной из его многочисленных профессий. Он по праву считается основоположником научного этнографического фотографирования (Вишневецкая, 1992. С. 84–106).

Родился в местечке Ровное Херсонской губернии, в семье отставного квартирмейстера Казанского драгунского полка, позже сельского учителя. После окончания начальной школы поступил в Елисаветградское реальное училище, где сошелся с кружком украинской «громады». В 1882 г. кружок примкнул к харьковской группе организации «Народная воля» и получил название «Елисаветградский кружок саморазвития», в котором Дудин был поставлен руководить «террористами», вернее, подготовкой оружия и разрывных устройств. По доносу его арестовали летом 1884 г., а в 1887 г. без суда, в административном порядке выслали в г. Селенгинск Забайкальской области, где он почти сразу занялся сбором этнографических и фольклорных материалов о бурятах и русском населении Сибири. В Забайкалье Дудин познакомился с Г. Н. Потаниным, к тому времени уже совершившим ряд больших путешествий по Монголии, Китаю и восточной окраине Тибета. Переехав в Троицко-Савск, он поступил на службу в фотографию Н. А. Чарушина. По рекомендации Г. Н. Потанина в 1891 г. Дудин принял участие в Орхонской экспедиции академика В. В. Радлова в качестве рисовальщика. В составе этой экспедиции, будучи уже амнистированным, С. М. Дудин приехал в Петербург. В 1892 г. был принят в Академию художеств, в 1897 г. за картину «В храме Таниты» получил звание художника. Начиная с 1893 г., принимал участие в работе МАЭ, ИАК, РКИСВА. В 1893 г. вместе с проф. В. В. Бартольдом побывал в Средней Азии. В 1895 г. ИАК командировала его в Самарканд в историко-архитектурную экспедицию Н. И. Веселовского (Древности, 2005. С. 70). Он сделал около 200 негативов размером 24 × 30 см, часть из них хранится в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН. В 1899 г. по поручению этнографического бюро княгини М. К. Тенишевой для Всемирной Парижской выставки С. М. Дудин сделал более 600 фотографий быта обитателей Акмолинской и Семипалатинской областей. Негативы в дальнейшем оказались в Германии и ныне являются одной из достопримечательностей Гамбургского этнографического музея. В отделе этнографии Центральной Азии МАЭ находятся аналогичные материалы с аннотациями автора.

Зимой 1900 г. директор МАЭ, академик В. В. Радлов предложил С. М. Дудину подготовить программу и смету экспедиции в Среднюю Азию. В Германии были закуплены фотоаппараты и фотоматериалы, изготовлено оборудование для походной лаборатории. Эта экспедиция началась в феврале

1900 г. и с перерывами продолжалась три года. Задача ученого-фотографа заключалась в фотосъемке населенных пунктов Средней Азии, характерных построек, домашней утвари, национальных костюмов; требовалось также запечатлеть повседневную жизнь обитателей края, торговлю, религиозные обряды, обычаи, разнообразные ремесла, типы людей. Однако фотографирование среди мусульманского населения было связано с преодолением запретов Корана на изображение человека, и фотограф при съемке каждого человека должен был просить о позволении сфотографировать его (Архив РЭМ. Ф. 1, оп. 2, д. 245), а для съемки костюмов надо было ждать праздничных дней, когда народ освобождался от повседневных забот (ПФА РАН. Ф. 177, оп. 2, д. 102. Л. 1об.). Из экспедиции С. М. Дудин писал, что работу надо выполнять «по строго обдуманной и подробно составленной программе» и нельзя «отделаться 4–5 сотнями негативов, их нужно исполнить гораздо более 1000». В письмах он описывал и специфические сложности, связанные с фотосъемкой. Несмотря на это, Дудин справился с полученным заданием: было сделано более 2000 снимков и собрана огромная вещевая коллекция, положившая начало среднеазиатского собрания Российского этнографического музея (Древности, 2005. С. 72–73; Дмитриев, 2006. С. 96–97, 102–103).

В 1905–1907 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях (РКИСВА) С. М. Дудин совершил еще две поездки в Самарканд (Древности, 2005. С. 74–75), а в 1908 г. работал в Самарканде с архитектором К. К. Романовым. В 1909–1910 и 1914–1915 гг. принимал участие в экспедициях в Восточный Туркестан и Западный Китай под руководством С. Ф. Ольденбурга. Собранные С. М. Дудиным коллекции и фотографии легли в основу его научных публикаций, главным образом о технике буддийского и исламского искусства Центральной Азии.

Вспоминая о С. М. Дудине, В. В. Бартольд писал: «Превосходный фотограф, С. М., может быть, несколько преувеличивал значение фотографической регистрации в деле изучения и охраны памятников. Председатель комитета (РКИСВА — Г. Д.) В. В. Радлов вполне разделял увлечение С. М.; Радлову казалось, что фотографическая регистрация не только сохранит для науки то, что подвергалось опасности разрушения, но даст возможность привлекать к ответственности людей, по небрежности или злонамеренности которых происходили разрушения; казалось, что фотография значительно облегчит контроль и даст возможность при осмотре здания точно установить, какие разрушения произошли со времени изготовления снимка. Как средство контроля фотография едва ли могла быть использована, так как едва ли было возможно обязать сторожей зданий следить за каждым, даже самым мелким разрушением, которое могло быть установлено только фотографией. Не все члены комитета разделяли и увлечение фотографией как источником для научного изучения построек; некоторым казалось, что не меньшее значение имели и этюды в красках, чертежи и т. п., хотя, конечно, всеми признавалось, что фотографические работы могут быть только дополнены, но не заменены

другими. Результатом работ 1905 и 1908 г. было собрание превосходных снимков: работы 1905 г. были посвящены мавзолеям Шах-и зинде, работы 1908 г. — большому числу построек» (Бартольд, 1977. С. 773–778).

Заметим, что, с нашей точки зрения, В. В. Бартольд был не прав в вопросе фотофиксации, тогда как С. М. Дудин первым и поставил вопрос о подробнейшей съемке, и осуществил ее. Его фотографии, посвященные Шах-и Зинда, хранятся в фотоотделе НА ИИМК РАН и были использованы реставраторами при работах на памятнике после 1945 г. По результатам поездки 1905 г. был издан «Каталог фотографических снимков с мавзолеев Шах-и Зинда. Снимки исполнены художником С. М. Дудиным в течение лета 1905 года по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии» (СПб, 1906). В брошюре перечислен 181 снимок, которые были выставлены для обозрения в залах Императорской Академии наук. На негативах процарапаны № и инициалы «СД».

С 1911 года С. М. Дудин был заведующим фотографическим отделом Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого, одновременно, с 1914 г., заведовал отделом среднеазиатских древностей, а затем и отделом изображений; в течение многих лет исполнял обязанности ученого секретаря Совета музея.

В послереволюционные годы С. М. Дудин был секретарем Туркестанской комиссии при РАИМК и кружка им. В. В. Радлова при МАЭ. Гос. Эрмитаж, Русский музей и другие учреждения часто приглашали его в качестве консультанта, обращаясь к нему как к крупнейшему специалисту по керамике и прикладному искусству Востока. Его перу принадлежат две фундаментальные статьи, посвященные особенностям работы фотографа в научных экспедициях, не потерявшие ценности до настоящего времени (Дудин, 1921; 1924).

В последние годы жизни Самуил Мартынович преподавал основы фотографии на географическом факультете ЛГУ. Умер от разрыва сердца летом 1929 г., находясь со студентами на практике в пос. Саблино под Ленинградом (Назирова, 1986. С. 24–34; Зеленин, 1930. С. 334–335; Памяти С. М. Дудина, 1930. С. 341–358; Никитин, 1991. С. 33–46).

В фотоархиве в альбоме Q 345 представлены снимки архитектурных памятников Самарканда, в альбомах O.683, O.683 a, b, c — фотографии 1905 г. комплекса Шах-и Зинда.

Еще одним участником экспедиции Н. В. Веселовского в Центральную Азию был *Петр Петрович Покрышкин* (1870–1922), архитектор, реставратор, археолог, академик архитектуры (с 1909). Родился в Иркутске, в семье врача. Высшее образование получил на архитектурном отделении Высшего Художественного училища при Академии художеств в Санкт-Петербурге и, окончив его в 1895 г. со званием архитектора-художника, был командирован за границу стипендиатом Академии.

Начиная с 1895 г., П. П. Покрышкин принимал участие в экспедициях, организованных ИАК и другими учреждениями, проводил обследование архитектурных памятников в различных городах Российской империи и за рубе-

жом. В 1895–1896 и в 1898–1900 гг. работал в составе специальной историко-архитектурной экспедиции под руководством Н. И. Веселовского, занимавшейся обследованием, архитектурными обмерами и фотофиксацией мечетей и мавзолеев в Самарканде и Шахрисябзе (Древности, 2005. С. 70–72).

В 1900 г. преподаватель Академии художеств П. П. Покрышкин участвовал в экспедиции Петербургской АН в Македонию, работавшей под руководством академика Н. П. Кондакова; в 1902 г. по заданию Академии художеств он получил командировку в Сербию и продолжил исследования, начатые двумя годами ранее. Результат командировки — 268 фотографий и книга «Православная церковная архитектура XII–XVIII столетий в нынешнем Сербском королевстве» (СПб., 1906; Православные святые Балкан, 2004).

С 1903 г. П. П. Покрышкин курировал ремонтные работы в Смоленске, реставрационные — в Вологде, Владимире, церкви Спаса на Нередице под Новгородом; в 1909 г. — в окрестностях Холма, в 1910 и 1912 г. исследовал строения Даниила Галицкого. В 1907–1908 гг. работал в Гродно, Овруче, крепости Хотин на Днестре. В то же время исследовал церковь Спас на Берестове в Киеве, а в 1911 г. — московский Кремль. В 1915 г. академик П. П. Покрышкин был назначен председателем Комиссии по изучению ущерба, нанесенного памятникам архитектуры, и находился в зоне военных действий с января 1916 по апрель 1917 г. С ноября 1917 г. являлся помощником председателя Коллегии по делам музеев и охраны памятников; принимал участие в создании специального реставрационного отдела и с декабря 1918 г. заведовал Археологическим отделом при Всероссийском Отделе по делам Музеев и охраны памятников старины. В то же время работал в Отделе монументального зодчества Российской-Государственной археологической комиссии.

В июле 1920 г. Покрышкин получил отпуск по состоянию здоровья и уехал из Петрограда. 3 января 1921 г. на заседании совета РАИМК был зачитан его письменный отказ от звания академика архитектуры и членства в РАИМК, пришедший из г. Лукоянова Нижегородской губернии, где он скончался 18 февраля 1922 г. в сане протоиерея Тихонова монастыря, заразившись при исполнении пасторских обязанностей в инфекционных бараках сначала оспой и вскоре сыпным тифом. Заседание РАИМК, посвященное памяти П. П. Покрышкина, состоялось 27 февраля 1923 г. Особо отмечались его заветы: «1. Не производить исследований, опасных для памятника; 2. Не выпускать недоработанного, но постоянно собирать материал; 3. Передать накопленный материал преемникам» (Медникова, 1995. С. 303–311; Медведева, 2004. С. 379–387; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 136).

Можно отметить, что альбомы П. П. Покрышкина, содержащие снимки 1903–1917 гг., сделанные во время поездок по поручению ИАК в разных областях Российской империи, в том числе в Туркестане, составляют основу фотографической части фонда ИАК, членом которой П. П. Покрышкин являлся с декабря 1902 г. Все материалы отложились в Научном архиве ИИМК РАН. На некоторых фотографиях имеется личный штамп — «П.П.Покрышкина».

МИНИСТЕРСТВО

ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ22 Июня 1895 г.
№ 1048

Свидѣтельство

Командированному Императорскою
Археологическою Коммиссіею въ г. Самаркандъ
для исследования тамашнихъ древнихъ па-
мятниковъ водрества и снятія съ нихъ об-
щихъ и детальныхъ чертѣй и рисунковъ,
академику Петру Петровичу Покрышкину
выдано это свидѣтельство какъ для провоза
туда и обратно и полученія въ Канцеляріи
г. Самаркандскаго Губернатора рабочихъ мате-
риаловъ и снарядовъ отправленныхъ ей въ
Археологическую Коммиссію на имя г. По-
крышкина, такъ и для допущенія послед-
няго къ производству возложенныхъ на него
работъ.

Подписавъ: Товарищу Председателю В. Пизенгаузенъ.

Скѣпиль:

Върно:

За Долопроизводителя М. Суринъ

Подлинное свидѣтельство и талонъ
на пріема рублей получено и обзуровъ
выплатъ в Самаркандъ къ номеру В. 1048. В. г.
П. Покрышкинъ

Свидетельство П. П. Покрышкина на 1895 г. (Ф. 1, 1895 г., д. 69. Л. 28)

Иван Федорович Чистяков (1865–1935) являлся фотографом ИАК с 1896 г. и продолжал работать в Российской-Государственной Академии истории материальной культуры до конца своей жизни. Родился в с. Константиновке Бежецкого уезда Тверской губернии, окончил сельскую начальную школу. В 1886 г. приехал в Санкт-Петербург и вступил в Новочеркасский полк. В 1890 г. оставил военную службу и с 1 сентября начал работать сторожем в ИАК, где под руководством члена комиссии В. Г. Дружинина обучился фотографии и с 1896 г. состоял фотографом ИАК до ее реорганизации в 1918 г. в РГАК, с 1919 г. — РАИМК, с 1926 г. — ГАИМК. На него было возложено фотографирование всех древних вещей, поступавших в Комиссию и представляемых на высочайшее воззрение, а также планов и чертежей, относящихся к реставрации памятников зодчества. За точное исполнение снимков с древних предметов Чистяков был награжден серебряной и золотыми медалями. Умер И. Ф. Чистяков 7 декабря 1935 г. в Ленинграде.

Т. М. Девель, зав. фотоархивом, многие годы сотрудничавшая с И. Ф. Чистяковым, откликнулась на это печальное событие следующими словами: «7-го декабря 1935 г. в Ленинграде на 70-м году жизни скончался фотограф ГАИМК им. Н. Я. Марра Иван Федорович Чистяков, бесценно работавший в Академии с самого ее основания.

И. Ф. был фотографом самоучкой. ... С 1896 г. И. Ф. официально становится фотографом Археологической Комиссии, где и продолжает работать вплоть до Октября. Попутно он в разное время производит съемки по заказам Русского Археологического Общества, Эрмитажа, Русского Музея, Академии Художеств и др.

За 41 год своей работы в качестве фотографа И. Ф. дал продукцию, исчисляемую десятками тысяч. Основной фонд И. Ф. сосредоточен в Фотоархиве ГАИМК и достигает свыше 40000 съемок. Но не количественно измеряется заслуга И. Ф., как фотографа, а тем, что вся деятельность его являлась осуществлением лозунга «фотографии на службе науке», именно по линии фиксации археологических памятников. В этой своей специальности И. Ф. дал высокую качественно продукцию и оставил исследователям точнейшие документы археологических памятников.

Не менее удачно снимал И. Ф. и мелкие объекты — керамику, кость, дерево, но особого мастерства он достиг в редкой передаче металла, о чем дают представление иллюстрированный его снимками альбом «Восточное серебро» Я. И. Смирнова, а также многие иллюстрации, вошедшие в издание «Сасанидский металл», изд. в 1935 г.

Нельзя не отметить и превосходную полевую съемку, в том числе в конце XIX в. в Центральной Азии.

Кроме овладения техникой своего дела, И. Ф. Чистякова характеризует еще одна, весьма ценная черта — сознание важности своевременной точной паспортизации снимка. И. Ф. с 1896 г. из года в год вел понегативную запись и нумерацию снимков с отметкой содержания, автора и издания, для которого предназначались снимки. Наряду с этим, снимая находки из раскопок, он на-

носил алмазным карандашом под изображенным объектом его № по инвентарю находок, при репродукциях из изданий он часто таким же путем наносил автора и заглавие издания. В результате такого сознательного отношения к своей работе И. Ф. оставил нам не только 40 тысяч хороших снимков, но 40 тысяч документов, могущих быть использованными в исследовательской работе. И, наконец, подводя итоги свыше 40-летней деятельности И. Ф. нельзя обойти молчанием и высокой трудовой дисциплины и энтузиазма в работе, которые И. Ф. проявлял вплоть до последних дней своей трудовой жизни» (РА. Ф. 2, оп. 3, д. 733; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 180).

В декабре 1918 г. И. Ф. Чистяков передал на хранение в РГАК более 20000 негативов разного размера (от 6 × 9 см до 30 × 40 см). Это были негативы на стеклянных пластинах, сделанные им в разные годы для сотрудников ИАК. Данной передачей материалов было положено начало организации специализированного архива фотографических документов (фотоархива, с 2004 г. — фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН).

В личном фонде И. Ф. Чистякова (ФА, ф. 40) отложились снимки, сделанные им в 1900–1918 гг., непосредственно с памятников. Собрание передавалось в архив самим фотографом в 1919, 1924 и 1935 г. и насчитывает 1415 негативов и 1251 отпечаток.

С Императорской Археологической комиссией активно сотрудничал **Иван Федорович Барщевский** (1851–1948), являвшийся фотографом Московского археологического общества и Академии художеств. Родился в Лужском уезде Петербургской губ., в семье отставного чиновника. С фотографией познакомился в четырнадцатилетнем возрасте. В восемнадцать лет поступил работать слесарем в мастерские Царскосельской железной дороги, но повредил ногу и вынужден был уйти из мастерских. В Петербурге Барщевский поступил на службу к одному из лучших столичных фотографов К. И. Бергамаско и вскоре стал лучшим ретушером столицы. Одновременно посещал Рисовальную школу Д. В. Григоровича при Обществе Поощрения художеств и классы Академии художеств.

С 1877 по 1885 г. Барщевский жил в г. Ростове Ярославской губернии, владел фотографическим заведением и занимался портретной съемкой.

В 1882 г. И. Ф. Барщевский отправился в первое путешествие, поставив перед собой задачу заняться фотографированием памятников архитектуры и древней художественной утвари в старинных российских городах. Исполненная им серия снимков ростовских древностей привлекла внимание академика архитектуры А. М. Павлинова и археолога графа А. С. Уварова, которые предложили Барщевскому стать членом Московского археологического общества (МАО). Через год он был избран членом-корреспондентом МАО, а Академия художеств удостоила его звания фотографа Академии. В дальнейшем Барщевский ежегодно совершал экспедиции и фиксировал разнообразные памятники древнего зодчества. Материалы поступили в Императорскую Публичную Библиотеку. С памятников архитектуры им было сделано около 1500 снимков.

В 1887 г. Русское археологическое общество (РАО) присудило фотографу-путешественнику серебряную медаль «за услуги, оказанные археологии». В 1888 г. он награжден малой серебряной медалью за фотографический *Альбом русского искусства и древностей*, в т. ч. Императорской Академии наук, особенно по части Востока и преимущественно Золотой Орды, калмыцких, монгольских и других сибирских народов; и среднеазиатских коллекций Блудова в Москве. Огромную коллекцию снимков Барщевского приобрело Строгановское художественное училище, издавшее впоследствии Каталог его работ.

В августе–декабре 1891 г. уже признанный фотограф И. Ф. Барщевский участвовал в экспедиции на Ближний Восток, организованной Императорским Православным Палестинским обществом для изучения древностей Заиорданья, Иерусалима и Святой Земли. Из второго путешествия — на Афон — Барщевский привез 222 высококачественные фотографии, которые отложились в фондах Научного архива ИИМК РАН (ФА, отп. Q 862–Q 864).

В Ярославле Барщевский жил с 1886 до конца девяностых годов; затем по приглашению княгини М. К. Тенишевой переехал в Талашкино близ Смоленска, где оставался до 1932 г. Искусствовед-фотограф сам поступил в институт и в 1918 г. окончил его с золотой медалью, получив звание археолога. В 1933 г. переехал в подмосковное село Коломенское и до конца жизни работал реставратором в музее «Коломенское». За выдающиеся заслуги в воспроизведении памятников древнерусского искусства Президиум Верховного Совета РСФСР в 1946 г. присвоил фотографу, археологу и художнику-реставратору И. Ф. Барщевскому звание заслуженного деятеля искусств.

Барщевский скончался в 1948 г. Его творческое наследие составило тридцать тысяч негативов, почти все они хранятся в Москве, в фондах Государственного Музея Архитектуры им. А. В. Щусева (Брокгауз и Ефрон, 1891. С. 122; Каталог, 1884. — перечислены 1842 снимка; Каталог, 1912. В нем названо 2719 снимков; Барановская, 1948. С. 121–122; Морозов, 1953. С. 77–80; Рогозина, 1983. С. 64; Рогозина, 1998. С. 304–305).

Использование фотографии в научных исследованиях, в частности, памятников архитектуры и предметов декоративно-прикладного искусства, привнесло новое, гораздо более высокое качество в изучение исторического архитектурного наследия. При фиксации памятника с помощью фотографического метода И. Ф. Барщевский производил съемку, следуя своей методике — «от общего к частному». Методика съемки архитектурного памятника, разработанная им в 1880-е гг. и применявшаяся на протяжении всей его многолетней деятельности, абсолютно сродни методике, рекомендуемой для фиксации археологических памятников, например, курганного объекта: общий вид могильника до начала археологических работ, вид объекта с близкого расстояния, виды в процессе расчистки наземного сооружения и на стадии выявления остатков наземной конструкции, фиксация надмогильных сооружений, погребений на всех стадиях расчистки и разборки, фиксация наиболее существенных деталей конструкций и в завершении — фотографирование предметов, найденных в процессе работ.

Среди фотографов - любителей, сотрудничавших с ИАК, должны быть названы имена И. Я. Билибина, В. Ф. Козловского, А. А. Козырева, О. Кюркчана, Д. В. Милеева, С. Р. Минцлова, А. Мишона, П. Надара, С. С. Некрасова, А. Н. Э. Боярского и других. Выше сказано о тех фотографах, которые работали специально для Археологической комиссии (Длужневская, 2007. С. 245–258).

В фондах фотоархива ИИМК РАН сохранились также снимки Н. Орда, который в 1880-е–1900 гг. фотографировал типы народностей Центральной Азии и Кавказа, которые представляют большую ценность в этнографическом отношении (ФА, отп. Q 20; Q 290; Q 354). Не менее интересны крупноформатные отпечатки сына известного французского фотографа П. Надара — П. Надара, сделанные им во время поездки в 1895 г. в Бухару, Самарканд и Мерв. Альбом из 28 фотографий был подарен ИАК в 1900 г. и хранился до организации фотоархива в библиотеке Комиссии (ФА, отп. F 1).

Один из известных в 1880-е–1910-е гг. мастеров, работавший, в основном, на Кавказе — **Ермаков Дмитрий Иванович** (1845–1916), фотограф, путешественник и этнограф, член-сотрудник Русского Археологического общества (с 1881). Начал заниматься фотографией с 1866 г., снимал ландшафты, памятники древней архитектуры, делал снимки, отображавшие жизнь народа, ремесленников Грузии, Армении, Персии. Прежде других качеств следует отметить репортерскую направленность снимков: Д. И. Ермаков был фотограф-документалист. Он сконструировал специальный фургон, приспособленный под фотолабораторию и на нем исколесил страны Закавказья. В 1877–1878 гг. как военный корреспондент состоял при походной фотографии Кавказского штаба. С 1880 г. владел фотостудией в Тифлисе. Коллекция фотоснимков на 1896 год включала 18000 негативов и 2000 стереоскопических снимков. На одном из снимков в фотоархиве (ФА, отп. Q 507/10) — выпуклый оттиск печати «Фотография Д. Ермакова в Тифлисе». На титульном листе каталога, изданного в 1901 г., сообщается, что коллекция состоит из 25000 разных видов и типов Кавказа, Европейской и Азиатской Турции и Персии. В Закаспийской области он зафиксировал памятники Асхабада (Ашхабада), Самарканда, Бухары, Мерва и др. (ФА, отп. Q 507; Q 481).

Член-корреспондент Кавказского общества поощрения изящных искусств (1897); член Кавказского отделения МАО (1907); награжден бронзовой медалью за фотографические виды большого размера на Всероссийской выставке в Москве (1882) (Ермаков, 1896; Продолжение, 1901; Морозов, 1986. С. 115; Герсамя, 1985. С. 81–83).

Фотографии А. С. Муренко, Л. К. Полторацкой и В. В. Ланина сохранились в библиотеке Мраморного дворца, поскольку были преподнесены великому князю Константину Николаевичу как Председателю ИРГО.

Муренко Антон Степанович (1837–1875), подпоручик артиллерии, фотограф. По окончании Павловского кадетского корпуса, был прикомандирован к фотографическому отделению Военно-топографического депо и участвовал в дипломатической миссии полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г. За фотографические снимки, сделанные во время путешествия, которые

он представил в виде альбома в ИРГО, в 1860 г. ему была присуждена серебряная медаль. Выйдя в отставку, поселился в Саратове и открыл там одно из лучших в городе профессиональных фотографических заведений (Морозов, 1953; Девель, 1994. С. 259–271; Голендер, 2002. С. 9).

Полторацкая Любовь Константиновна (1853–1940?), фотограф-любитель, одна из первых женщин-фотографов в России и первый фотограф Алтая, супруга военного губернатора Семипалатинской области генерал-майора Владимира Александровича Полторацкого (был губернатором с 1868 по 1878 г.). Автор фотографий альбома «Типы и виды Западной Сибири» (ФА, отп. Q 173). Основная масса снимков выполнена в 1870 г., когда они путешествовали к верховьям Бухтармы. Альбом дополнен фотографиями 1876 г., сделанными в апреле–мае, когда супруги Полторацкие сопровождали экспедицию доктора Альфреда-Эдмунда Брэма в научном путешествии по Семипалатинской области. В 1876 г. альбом был представлен в ИРГО, в 1879 г. Л. К. Полторацкая была награждена серебряной медалью ИРГО (Морозов, 1953; 1955).

Начиная с 1860-х гг. на Дальнем Востоке работал первый и долгое время единственный фотограф Дальневосточья **Владимир Васильевич Ланин**. Впервые его имя упоминается в 1857–1858 гг. в воспоминаниях путешественника М. И. Венюкова. В это же время В. В. Ланин познакомился с участниками научной экспедиции ИРГО во главе с ботаником и геологом Ф. Б. Шмидтом, который настоятельно советовал Ланину заняться фотографией. В конце 1850-х гг. Ланин — разъездной купец, а с 1860 г. — купец второй гильдии в Николаевске-на-Амуре. В 1862 г. появляется первое на Дальнем Востоке «фотографическое заведение» В. В. Ланина. Он первым на Дальнем Востоке освоил стереоскопическую съемку, первым начал создавать антологию «видов и типов далекой Восточной Сибири», в которую вошли снимки Николаевска-на-Амуре, Благовещенска, Хабаровки, Владивостока. Во время своих разъездов Ланин фотографировал не только поселения и пейзажи, но по заданию ИРГО снимал аборигенов Дальнего Востока в национальной одежде — гольдов, гиляков, айнов и др., фиксировал особенности быта, праздники. В 1870 г. его снимки публикуются в популярном журнале «Всемирная иллюстрация» — с тех пор его имя становится довольно известным. Во второй половине 1870-х гг. он подготовил «Альбом Амура и Уссурийского края», включавший 154 фото размером 9 × 12 см. Многие труды по Восточной Сибири включают его снимки, помеченные печаткой «В.В.Ланин на Амуре» (позже «В.В.Ланин»). Почетный гражданин Владивостока. Однако в 1888 г. он продал свой дом и фотопавильон и покинул Владивосток.

В фотоархиве ИИМК РАН альбомы Q 173 и Q 174 содержат фотографии по Восточной Сибири, выполненные им в 1875–1876 гг.: виды Шилкинского завода, д. Кара и работ на Карском золотом прииске, станиц Горбицы, Покровской, Игнашиной, Черныгина, Кумарской и др., слияния р. Шилки и Аргуни, берегов р. Шилки и Амура, Масляных гор, телеграфных станций Лоренция и Гасси, городов Нерчинска, Сретенска, Благовещенска, Хабаровска, Мариинска, Софийска, Николаевска; пароходы «Лена», «Константин» на Амуре; оро-

ченская юрта, гольдская и гиляцкая деревни, тунгузский аул. Виды г. Иркутска, р. Иркут, озера Байкал, Кругобайкальского тракта, «Шаманского» камня, городов Троицко-Савска, Кяхты, русско-китайской границы, г. Маймачин. Типы китайцев (купцы, приказчики, банкиры, чиновники, разносчик) и бурят.

ГЛАВА II. ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ В 1859–1917 гг.

Исследование памятников в Центральной Азии

Во второй половине XIX века изучение Центральной Азии было затруднено удаленностью региона и полной неизвестностью этих районов в историко-культурном отношении. Поскольку только в это время территории Центральной Азии были присоединены к Российской империи: в 1865 г. — север Средней Азии (южная часть совр. Казахстана), в 1868–1875 гг. подчинены Хива и Бухара, а Кокандское ханство и горные бекства (долина р. Зеравшан, Фергана и Тянь-Шань) вошли в состав России. В 1880–1881 гг. к России был присоединен юго-запад Средней Азии (подгорная полоса Копетдага в совр. Туркменистане), в 1884–1885 гг. — Мервский оазис и северный берег Амударьи (Южный Узбекистан). Туркестанское генерал-губернаторство было образовано в 1867 г.

Особенностью изучения древностей Центральной Азии было одновременное исследование архитектурных и археологических памятников, которое, в ряде случаев, производилось одними и теми же исследователями, военными или гражданскими чиновниками. Однако для большинства исследователей в начальный период изучения Центральной Азии использование фотографического метода не являлось первоочередной задачей, а требование неременной фотофиксации памятника в этот период деятельности ИАК еще не стало обязательным. Исходя из того, что данная работа основывается на документах фотоархива НА ИИМК РАН, не все проведенные во второй половине XIX — начале XX в. исследования окажутся в сфере нашего внимания.

Первыми снимками, на которых зафиксированы архитектурные сооружения Центральной Азии, являются фотографии, сделанные в 1858 г. во время дипломатической миссии флигель-адъютанта полковника Н. П. Игнатьева из Оренбурга в Хиву и Бухару, выполненные артиллерии подпоручиком А. С. Муренко (ФА, отп. Q 211; Девель, 1994. С. 259–271; Калинин, 2000. С. 49–54). Альбом из 28 снимков, напоминающих тончайшие акварельные рисунки, был преподнесен генерал-адмиралу великому князю Константину Николаевичу. Среди них фотографии караван-сарая в Оренбурге, глинобитных

стен г. Кунграда на р. Амударье, форта № 1 на р. Сырдарье, построенного в 1853 г. и в 1867 г. переименованного в г. Казалинск, загородного дворца хивинского хана на канале Полван-Ата.

В. В. Бартольд отмечал, что для науки значение этого посольства было невелико, хотя командированный Академией наук в состав миссии ориенталист П. И. Лерх, будущий сотрудник и делопроизводитель ИАК, приобрел некоторое число рукописей для Азиатского музея, а для Эрмитажа и Археологического общества — монеты (Бартольд, 1977. С. 441). На фотографиях, помимо названных сооружений, запечатлены исторические личности, такие, как известный во всей Зауральской степи батыр казах Исет Кутебаров (ФА, отп. Q 211/10) и министр Двора хивинского хана узбек Якши-Мурат; представители разных национальностей из числа местного населения (казах-мулла, персиянин, хивинский солдат, русские пленные), предметы быта, одежда середины XIX в., что в настоящее время позволяет считать вклад миссии в востоковедческую проблематику более весомым, чем предполагал В. В. Бартольд. Тем более, что практически это были первые фотографии, происходящие из данного региона, и первое посольство, использовавшее фотографию для демонстрации своих результатов (Длужневская, 2006б. С. 282–291).

В 1867 г. Археологическая комиссия направила в Туркестанский край П. И. Лерха, как специалиста уже дважды побывавшего в этих краях, для раскопок в Джаникенте. На случай, если развалины Джаникента окажутся малоинтересными, ИАК предложило ему осмотреть низовья р. Сырдарьи для выявления других археологических памятников (ОАК за 1882–1888 г. С. LXI). В отчете о поездке он описал развалины бывшего Хивинского укрепления Джан-Кала, остатки глинобитных стен цитадели Джаникента и собственно города. Город, по мнению Лерха, был оставлен неразрушенным, но со временем глинобитные постройки развалились, а кирпичи из нижних частей домов местное население использовало для возведения мазаров. В больших размерах «раскопки» на Джаникенте были предприняты киргизами в 1866 г., когда здесь работало до 2000 человек, разбивая стены в поисках кирпичей. Прибывший через год археолог не мог рассчитывать на какие-либо ценные находки, и П. И. Лерх приступил к разведкам — внутри и вне крепости. Он обнаружил мусульманское кладбище — умершие были похоронены на материке, в сложенных из обожженного и необожженного кирпича могилах без каких-либо надписей. Подобные погребальные памятники можно было увидеть и на Шах-и Зинде в Самарканде, и около мавзолея Исмаила Самани в Бухаре (ФА, отп. F 1; O.66). Под исследованными им холмами обнаружены погребальные сооружения, построенные с использованием изразцов с синей поливой. Под самым большим находился мавзолей, существовавший, по крайней мере, в XIV в. У северо-восточного угла его было найдено до 50 медных монет и две серебряные. Все золотоордынские, относятся к XIV–XV вв. и чеканены в Новом Сарае. Под одним из холмов находились остатки гончарного «завода», с остатками печей и множеством фрагментов керамической посуды, раздробленной обрушившимися потолком и верхними частями стен.

П. И. Лерх предположил, что это остатки города Янгикента, упоминавшегося в исторических повествованиях о завоевании царства Хорезмшахов Чингисханом и его сыновьями. Далее он отправился на поиски города Дженда, взятого монголами приступом в 1219 г., и предположил его местонахождение между фортом № 1 и Джулеком на месте кладбища Хорхут. Кроме того, Лерх произвел небольшие раскопки на месте бывшего города Саурана, обнаружил остатки двух башен, возвышавшихся у входа в медресе, снял копии надписей с надгробных камней старого городского кладбища; обследовал небольшое укрепление Мир и затем отправился в г. Туркестан, где занялся исследованием мечети Ахмада Яссави, возведенной в 1404 г. Под ее сводами кроме этой могилы обнаружены могилы родственников Улугбека, туркестанских шейхов и киргизских султанов XV–XVI вв. Во время своего пятимесячного путешествия П. И. Лерх посетил также Чимкент, Ташкент, Ходжент, Ура-Тюбе, ущелье Джалан-Ута, где снял копии с надписей, сочиненных на персидском языке и повествующих о походе Улугбека в 1424–1425 гг. в Могулистан, а также в память победы, одержанной в 1571–1572 гг. в здешнем ущелье бухарским ханом Абдуллахом над владетелями Ташкента, Туркестана, Ферганы и Дешт-и Кипчака, Аулие-Ата (ОАК за 1867 г. С. XXII–XXXI; Лерх, 1870).

В 1868–1869 гг. В. В. Радлов, в то время — преподаватель Барнаульского окружного училища, по поручению и на средства ИАК (ему было выделено 400 рублей) проводил «розыскания в Семиреченской области»: во время поездок он обнаружил многочисленные курганные группы в долинах рек Чу и Или, а также южнее Ташкента и в долине Зеравшана (РА. Ф. 1, 1868 г., д. 22. Л. 9–19об.).

К Политехнической выставке 1872 г. в Москве по распоряжению первого туркестанского генерал-губернатора К. П. фон-Кауфмана, управлявшего генерал-губернаторством с главным городом Ташкентом с 1867 по 1882 г., и под руководством ориенталиста А. Л. Куна был изготовлен известный «Туркестанский альбом». Туркестанское генерал-губернаторство включало пять областей: Семиреченскую, Закаспийскую, Сыр-Дарьинскую, Самаркандскую и Ферганскую, где и были произведены фотосъемки, организованные, в первую очередь, для ознакомления публики с недавно присоединенным к России регионом. В 1869–1874 гг. для альбома, состоявшего из археологического, этнографического, промыслового и исторического разделов, фотографы Н. Н. Нехорошев, владелец фотоателье в Ташкенте, и подпоручик Г. Е. Кривцов, военный фотограф и др. зафиксировали виды городов и крепостей, отдельных архитектурных памятников, быт и традиционные занятия местного населения, сделали портреты представителей разных национальностей (ФА, отп. Q 487). В 1890-е гг. по заказу Н. И. Веселовского, готовившегося к работам в Самарканде, фотографом ИАК И. Ф. Чистяковым были пересняты материалы из других томов «Туркестанского альбома», хранящихся в Российской Национальной библиотеке (ФА, отп. Q 135, Q 136 и др.).

Первые археологические исследования в Центральной Азии, отразившиеся в материалах фотоархива НА ИИМК РАН, связаны с именем востоковеда Николая Николаевича Пантусова. В 1871 г. генерал-губернатор К. П. Кауфман

Семлю
Н. У. Веселовскому

	Коли- чество	це- на	Р.	К.
За снятие и проявление негативов изъ Туркестанского Альбома	74	25	18	50
За отпечатание съ негативовъ изъ Туркес- танскаго альбома и наклейку на брѣталь 24x30	48	20	8	60
То же изъ альбома отпечатано и наклеено на брѣталь 18x24	31	15	4	65
За отпечатание и наклейку на брѣталь съ Самаркандскихъ негативовъ въ двухъ экз. 24x30	244	20	48	80
То же изъ самаркандскихъ негативовъ от- печатано и наклеено на брѣталь 18x24. въ двухъ экз. на каждый	42	15	6	30
Итого			86	85к.

18^{XXX} 17 1862.

Шуцкоф
Восемнадцать ассетъ руб. 85к.
получил Шуцкоф 10 мая 1896 года

Рис. 8. Счет Н. В. Веселовскому за фотоработы по «Туркестанскому альбому»
(Ф. 1, 1895 г., д. 69. Л. 312)

обратился на восточный факультет Петербургского университета с предложением выпускникам выехать на работу в Туркестанский край. Среди студентов, изъявивших желание и «способных, трудолюбивых и могущих быть полезными для края», был Н. Н. Пантусов. В 1872 г. его направили в Туркестан, где впоследствии он служил старшим чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области.

С 1884 по 1903 г. Н. Н. Пантусов осуществил ряд поездок и археологических раскопок. В 1886–1892 гг. он провел археологические исследования древних несторианских могильников XI–XIII вв. в Пишпеке и Токмаке в Семиреченской обл., где обнаружил неизвестные ранее надгробные камни с крестами и сирийскими надписями (ОАК за 1886 г. С. CLIX–CLXI; РА. Ф. 1, 1885 г., д. 40; ФА, отп. О.693/10–28), а в 1892 г. вместе с А. М. Фетисовым, городским садовником из г. Верного, занимался обследованиями в Верненском уезде (РА. Ф. 1, 1892 г., д. 70. Л. 218–220). В общей сложности Н. Н. Пантусов раскопал более 100 могил и составил подробные описания и планы могильников (РА. Ф. 1, 1885 г., д. 40–б. Л. 2–122). В 1889 г. Н. Н. Пантусов и А. М. Фетисов проводили обследования и раскопки средневековых памятников в долинах рек Чу и Алматинка. В Чуйской долине к северу от Пишпека ими был исследован крупный курган Ак-тобе, под которым находилась подземная камера с боковым входом. К востоку от него располагалось городище, а на скалах — изображения козлов (РА. Ф. 1, 1889 г., д. 12. Л. 8–16). Три кургана раскопаны в долине р. Алматинки, и Пантусов отмечает, что «курганами средней и малой величины покрыты вся территория и все окрестности г. Верного и прилегающих Алматинской станицы и выселка» (РА. Ф. 1, 1889 г., д. 12. Л. 34–44). В 1890 г. Комиссия поручает ему обследование местности в районе г. Копала, где еще в 1850 г. в степи были обнаружены «индусские древности» — святилище и пещеры (РА. Ф. 1, 1888 г., д. 5). В 1894 г. Н. Н. Пантусов стал членом-корреспондентом ИАК. В 1895 г. при изучении древностей Копальского уезда он выявил курганы, небольшие крепости, камни с надписями и каменные изваяния. При продолжении исследований в 1897 г. — подробно зафиксировал тибетские и буддийские изображения «писаного камня» Тамгалы-тас и в ущельях Аир-кезень и Тайгак (РА. Ф. 1, 1895 г., д. 53. Л. 20–21, 31–32; 1896 г., д. 230).

В 1898–1899 гг. Пантусов совершил поездку по Семиреченской области, побывал в Кульдже и прислал в ИАК фотографии мавзолеев Тоглук-Темир-ясына и Шир-Али-ясына (ФА, отп. Q 439/53–56), а также снимки мавзолеев Чокана Валиханова близ Кунякузской станции Копальского уезда и Танека Дюсетова близ г. Копала, ряда других сооружений и наскальных изображений (ФА, отп. Q 439/1–44). В г. Сергиополе Пантусов сфотографировал каменных «баб» — древнетюркские изваяния, поставленные у домов станичного правителя, у лавки на базаре и др. (ФА, отп. Q 439/45–52). Его постоянным спутником в поездках был фотограф из г. Верного Абрам Соломонович Лейбин, основатель знаменитой фотографической династии в г. Верном (ныне Алматы), куда приехал в 1873 г. из Томска. Он занимался бытовой портретной фо-

тографией и съемкой городских видов. Пережил два землетрясения в Верном и сделал альбом снимков до и после майской катастрофы 1887 г. Из 10 альбомов три были предназначены для Императора Александра III и великих князей Михаила Николаевича и Владимира Александровича.

Работы продолжались и в последующие годы — в долине р. Или близ г. Джаркента и в местности Арасан на правом берегу р. Кегень, в районе Нарынского укрепления Пржевальского уезда (РА. Ф. 1, 1901 г., д. 2. Л. 33–40, 121–125; 1901 г., д. 49).

Кроме того, Н. Н. Пантусов собирал и отсылал местные древности в музей Петербурга. В коллекцию РАО от него поступили металлическое четырехугольное блюдо на четырех низких ножках и бурхан (ФА, отп. Q 243/29, 30); в ИАК — происходящие из Кочкорской долины пряжки, поясные бляхи, серьги, кольца, зеркало и монета (ФА, отп. O.693/1–7); в Азиатский музей — надгробия с сирийскими надписями, найденные у с. Мазар (развалины Алмалыка) в Верненском у. Семиреченской обл. (ФА, нег. III 9274–9278); в Императорский Эрмитаж — восточная монета и глиняный орнаментированный сосуд, найденные близ г. Верного (ФА, нег. III 7831, отп. O.693/9).

В Археологическую комиссию в 1885 г. Н. Н. Пантусовым были доставлены древности, случайно найденные в разное время в озере Иссык-Куль: каменный ковш, медные серп, наконечник стрелы, топор, множество литых блях от седельного набора; бронзовые ножи, из них два с персидскими надписями; глиняные кувшин, водопроводная труба; разные кашгарские и кокандские золотые, серебряные и медные монеты, найденные близ Толгара; большая медная позолоченная круглая пластинка, просверленная в одном месте, вероятно, для ношения на шнурке, с арабской надписью 448 г. х. (1056–1057 гг. по Р. Х.); несколько медных и серебряных джагатайских монет, найденных частью в г. Суйдуне, резиденции Илийского Цзянь-цзюна, частью близ г. Верного, в окрестностях Токмака и около Кульджи, а также бронзовые сосуд, топор, долото и скребок, найденные в с. Алексеевке, в 28 км от Верного (ОАК за 1885 г. С. XCV–XCVI).

В 1886 г. Н. Н. Пантусов доставил в ИАК снимки с древних арабских и монгольских надписей и наскальных изображений, зафиксированных им в Семиреченской области на скалах и надгробных камнях (в Иссык-Кульском уезде, в Теректинском и Джангыз-Агачском ущельях, на южном берегу Иссык-Куля в ущелье р. Кызылсу, в Джаркентском уезде и др.). Кроме того, от него поступили древности из Семиреченской области: медная буддийская курильница, найденная близ Верного; медные большой орнаментированный кувшин и котел, чугунная плита с китайскими письменами, найденная в Бахтинском укреплении, близ китайского г. Чугучака (ОАК за 1886 г. С. CLXI).

В 1884–1885 гг. от ИАК и Петербургского университета в Туркестанский край был впервые командирован Николай Иванович Веселовский с целью производства систематических раскопок на «Афросиабовом городище» и обследования региона в археологическом отношении (РА. Ф. 1, 1883 г., д. 20; ОАК за 1882–1888 г. С. LXI–LXXX). В декабре 1884 г. Н. И. Веселовский про-

вел раскопки на городище Той-Тюбе Кураминского у. Сыр-Дарьинской обл. Городище представляло собой четырехугольную цитадель, окруженную глинобитной стеной. Постройки были возведены из обожженного кирпича, что уже говорит о времени их сооружения не ранее IX в. Деревянный, на каменном фундаменте, дворец в цитадели сгорел, на обгорелых балках местами еще виднелась позолота. На Той-Тюбе были найдены глиняный светильник, нож, фрагмент бронзового колокола, орнаментированная пластина (ФА, нег. III 2407), а также фрагменты керамики, стеклянной посуды и медные монеты хорезмшахов XIII в. Кроме того, Н. И. Веселовский провел «пробные» (сейчас мы назвали бы их рекогносцировочными) раскопки на средневековом поселении Чорлок-тепе близ кишлака Намданак в 40 км от Ташкента, которые, однако, не позволили ему представить ни устройство поселения, ни длительность его существования, хотя были найдены медные монеты бухар-худатов, джагатайская и китайская, а также медная плавильная чашечка, изогнутый железный нож, камни для метания из пращи, глиняные голубые бусы и привески, разбитые жернова, корчаги и др. В 1870-х гг. на городище был найден клад из серебряных тимуридских монет XIV в. и трех золотых серег с жемчугом, разошедшийся среди местных жителей.

В феврале Н. И. Веселовский посетил Ферганскую область и, осмотрев более сотни сооружений, называвшихся местным населением курумами (россыпями камней), мук-ханэ (дом Муков) или карахатай-ханэ (дом Каракитайцев), впервые определил их как древние погребения — «могилы», сложенные из камней, дал описание, осуществил раскопки 30 курганов и выделил несколько типов конструкций наземных сооружений и могил (Лунин, 1979. С. 45–46). Из всего количества исследованных им курумов только пять оказались неграбленными. В состав сопроводительного инвентаря входили, в основном, глиняные сосуды, каменные оселки, железные ножи; в многоугольной могиле обнаружены сердоликовые и из ляпис-лазури бусы, круглое металлическое зеркало, бронзовые инструменты типа ухвертки и зубочистки. В курумах на противоположном склоне горы оказались каменные оселки, металлическое зеркало, медные украшения, две золотые пластины, железная с серебряной отделкой пряжка от узды. Во всех могилах человеческие кости очень плохой сохранности: рассыпались в пыль при одном прикосновении к ним.

Он также провел разведывательные раскопки на развалинах трех древних столиц — Ахсы, Касана и Узгена. В Ахсы Н. И. Веселовский произвел раскопки в пяти местах цитадели и обнаружил обломки стеклянных предметов, разбитые глиняные светильник и водопроводные трубы, фрагменты железных изделий очень плохой сохранности, железные ножи, черепа людей. Из остатков строений в одном месте были выявлен угол двух стен здания, сложенных из шести рядов обожженных и сырцовых кирпичей, чередовавшихся через ряд, и пол, выложенный большими квадратными кирпичами. В другом — обнаружен сложенный из обожженного кирпича пол, выкрашенный красной краской, и стенка из 10 рядов обожженных кирпичей, скрепленных глиняной массой. Здесь под полом найдены корчага, цилиндрический колодец

диаметром в один метр и ниже глиняные, вставленные одна в другую трубы. В восточной половине — еще один колодец, возле него разбитая корчага, и под каменным полом сырцовая стена. На последнем участке оказалось много водопроводных труб, три медные монеты, стеклянная ручка от кувшина и была открыта стена из обожженных кирпичей. Картину «градостроительства» по этим раскопкам в цитадели и десяти раскопам вне ее представить практически невозможно. На других участках были найдены цилиндрический колодец, гончарная печь с различными приспособлениями для обжига, в которой находилось 20 светильников, еще не бывших в употреблении, какая-то пещера, обломки самых разнообразных предметов. Представляется, что в Ахсы имелся водопровод, работали гончары и другие ремесленники. В Касане Веселовский произвел раскопки в старинной крепости, открыл стены из сырцового кирпича, нашел медную монету. В Узгене он осмотрел множество курганов и при раскопках одного из них обнаружил кладку из сырцового кирпича, под которой находилось захоронение четырех человек.

В Оше на Сулейман-горе он нашел и перевел часть арабской надписи с датой 941 г. н. э. и именем саманидского эмира Насра, сына Ахмеда. Начало надписи было закрыто построенным здесь зданием мечети Сулеймана (ОАК за 1882–1888 гг. С. LXI–LXXIV).

Н. И. Веселовский достаточно точно выполнял инструкцию ИАК: сверх археологических исследований в Зеравшанском округе произвести таковые и в Ферганской области, а если позволят время и средства, то «проникнуть и в Бухару для приведения в известность тамошних древностей... Кроме городищ, полезно было бы разрыть также несколько курганов...», а также составить краткую опись археологического отдела Ташкентского музея, ознакомиться с содержанием кладов, обнаруженных в Туркестанском крае, археологическими коллекциями частных лиц и пополнить милицейский кабинет Эрмитажа разновременными монетами. В «Заметке к инструкции» было объяснено, что древнейшие культуры Туркестанского края известны, в основном, по письменным источникам, тогда как серьезных археологических изысканий там ранее не производилось (Лунин, 1979. С. 44).

Помимо названных памятников, Н. И. Веселовский провел раскопки на тепе Туди-Калян, Туди-Хурд, Мунчак-тепе и вскрыл курумы в Пунуке и кишлаке Чодак. Он отметил, что «курумы», скорее всего, семейные склепы, поскольку в них встречаются и мужские, и женские вещи. Во время поездок по Туркестану он собрал и приобрел у местных жителей для Археологической комиссии многочисленные предметы древности, в том числе в Самарканде — перстень с датой 802 г. х. / 1399–1400 г., оказавшийся перстнем-печатью третьего сына Тимура — Миран-шаха мирзы.

Однако основной задачей Комиссия просила считать исследования «Афросиабова» городища близ Самарканда, к которым Н. И. Веселовский приступил в марте 1885 г. и продолжал больше четырех месяцев. «Раскопку» следовало доводить до слоя материковой земли, вести подробный журнал с указанием номеров находимых вещей, которые затем с теми же номерами за-

носить в особую опись. Он произвел раскопки в нескольких местах Афрасиаба траншейным методом с расширением траншеи в стороны при существенных находках. На первом же участке к западу от крепости обнаружилась каменная мостовая, под ней — масса изразцовых кирпичей, какими в Средней Азии обычно облицовывают мечети, и мусульманские монеты. На участке к югу от цитадели открыто несколько жилых помещений с участками стен из обожженного кирпича, такими же полами; колодцы для спуска нечистот, глиняные трубы, очаги и т. п. Здесь оказалось много остатков глиняной и стеклянной посуды, разнообразные светильники, сферический сосуд, медные мусульманские и китайские монеты. Недалеко от этого участка был открыт большой, обнесенный глинобитной стеной двор с множеством колодцев. Из предметов найдены битая посуда, стеклянный пузырек, привески к серьгам, медные и одна золотая (газневидский динар XI в.) монеты, а также глиняная ваза с белой поливой с куфическими надписями. На одном из участков обнаружены пять пещер, в которые вели выложенные кирпичом лестницы, заполненные землей с фрагментами глиняных сосудов, битым стеклом, медными мусульманскими и китайскими монетами, буддийским идолом, небольшим медным кувшином и проржавевшей железной саблей. Монеты, битая посуда, светильники разных форм находились на всей площади городища. На шестом участке открыты глинобитная постройка, состоявшая из узких комнат-коридоров, и дом с оштукатуренными глинобитными стенами, на стенах видны разводы белой, синей, красной и черной красок. В доме найдены монеты, два стеклянных кувшина, костяная ложечка, медная пряжка и бусы из каменного угля. Здесь же открыта гончарная печь, с многочисленными остатками посуды с арабскими надписями и др., а в цитадели — здание, от которого сохранились нижние части глинобитных стен. Из предметов найдены разбитые светильники и серебряная вызолоченная пряжка. В целом, было обнаружено много древних предметов, остатки строений и следы городского благоустройства, в том числе подтвержден рассказ арабского путешественника X в. ал-Истахри, что улицы и площади Самарканда были вымощены камнем. Находки саманидских, преимущественно медных, монет и изобилие глиняной посуды с куфическими надписями показали, что в VI–VII вв. хиджры город существовал на этом месте. Чингисхан взял его и опустошил в 1220 г. В первой половине XIV в. арабский путешественник Ибн-Батута сообщил о развалинах у р. Сиоб, из чего следовало, что Самарканд передвинулся к югу от городища, которое в XIX в. местное население превратило в кладбище (ФА, отп. F 1/1).

В фотоархиве НА ИИМК РАН отложились снимки глиняных статуэток, сосудов, фрагментов стенок оссуариев и крышка оссуария с ручкой в виде бюста человека (РА. Ф. 1, 1885 г., д. 20. Л. 156–158; ФА, нег. II 28094, 46367; III 10215–10218, 14708; IV 1557, 221, 223, отп. Q 673/11–14, F 168/7–14. Отчет о работах 1884–1885 гг. — 1885 г., д. 20. Л. 38–50; ОАК за 1885 г. С. LXI–LXXIX; ЗРАО. Новая серия, т. II. 1887. С. XCII–CIV; Лунин, 1979. С. 44, 51). Напомним, что термин «оссуарии» введен в науку именно Н. И. Веселовским (ЗВОРАО, т. XIII, 1901. С. III; ФА, отп. Q 673/13).

По его инициативе был составлен топографический план Афрасиаба, исполненный топографами военно-топографического отдела Туркестанского военного округа Г. Васильевым и Кузьминым (РА. Ф. 1, 1885 г., д. 20. Л. 85; ФА, отп. О.1602/21). В Бухаре Н. И. Веселовский приобрел медные сосуды с куфическими надписями и глиняные расписные (ФА, нег. IV 222).

Отмечая недостатки методики исследований Н. И. Веселовского не следует забывать, что это были его первые археологические раскопки, что, в целом, изучение недавно включенного в состав Российской империи Западного Туркестана только начиналось, что задачи, поставленные перед ним Археологической комиссией, были слишком обширны, а также и то, что Афрасиаб — сложнейший многослойный памятник, изучение которого до сих пор не завершено.

Через десять лет, во время небольших раскопок на Афрасиабе Н. И. Веселовским были обнаружены поливной сосуд с орнаментом и арабской надписью, глиняная головка быка, костяная дудка, обломки орнаментированных кирпичей и фрагменты глиняных сосудов, которые затем поступили на хранение в Эрмитаж (ФА, нег. II 26259–26260, III 7391–7393, 7480–7484, отп. Q 673/5–7; ОАК за 1895 г. С. 49).

Основным направлением деятельности старшего члена ИАК Н. И. Веселовского в Туркестане с 1895 г. становится фиксация и научное описание архитектурных памятников Самарканда. Работы Веселовского этого года и последующих лет абсолютно справедливо считаются началом систематического изучения историко-культурных памятников Русского Туркестана. В 1897–1899 гг. Н. И. Веселовский совершил новые поездки в Среднюю Азию и привез из Самарканда древности, происходящие из Афрасиаба: обломок плиты с изображением лица человека, бронзовый подсвечник на трех ножках, глиняные сосуды и фрагменты таковых, фрагмент оссуария с рельефными изображениями сирены и головы человека, а также глиняные оссуарии, найденные в еврейском квартале Самарканда (ФА, отп. Q 673/3–4, 8–10, 21, Q 710/27, нег. II 26066, III 7235–7236, 7447–7449, 7865, 7921–7922; ОАК за 1899 г. С. 138).

Отметим и другие работы, проводившиеся в Центральной Азии. В 1886 г. востоковед-исламовед И. П. Остроумов, директор Ташкентской гимназии, по инициативе и на средства ИАК исследовал курганы в кишлаках Гибрай и Дурмен близ Ташкента. Сохранились планы сооружений (РА. Ф. 1, 1886 г., д. 36; 1888 г., д. 62; ФА, отп. О.2482/14–15). Он отметил, что окрестности г. Ташкента «богаты древними земляными сооружениями разных типов. Здесь встречаются древние укрепления и городки, а также изобилуют курганы, которые длинными цепями тянутся по хребтам сыртов, следуя по долинам рек» (ОАК за 1882–1888 г. С. СХСIII). На следующий год Остроумов продолжил исследования курганов в окрестностях г. Ташкента. В большинстве случаев они имели вид усеченных конусов, но встречались и курганы, построенные в два и даже три яруса. При случайных раскопках в них обнаруживались остатки глинобитных стен и своды из сырцового кирпича, глиняная посуда, кости, уголь, зола и т. п. Остроумов исследовал около 20 сооружений: в каждом имелась входная яма, на дне которой были высечены земляные ступени, ведущие в

катакомбу. Катакомбы отличались размерами сводаобразных входов. В них находились погребения от одного до шести человек, глиняные сосуды, иногда обломки железных предметов, в т. ч. железных удил, глиняные пряслица. В некоторых имелись кости животных (лошади, барана, собаки). Практически все катакомбы были потревожены, в основном, проникшей в них водой. В одной катакомбе, ничем не отличавшейся от всех прочих конструктивно, сохранилось погребение человека, лежавшего на спине, головой на север. Справа за головой стоял глиняный кувшин, вдоль правой руки лежала железная сабля, возле нее железный нож с остатками дерева и кости барана. У левой руки найдены железный кинжал с остатками деревянной рукоятки, обращенной к ногам человека, и костяной просверленный кружок. В ногах стоял глиняный горшок (ОАК за 1887 г. С. СХСIII–СХСIX). Снимки керамики сохранились в архиве (РА. Ф. 1, 1886 г., д. 34. Л. 122–137; ФА, нег. II 40903–40906).

Продолжая изучение местных древностей Н. П. Остроумов сообщил в ИАК в 1893 г. о находке клада серебряных джагатайских монет и украшений в 25 верстах от Отрара и запросил у Комиссии 200 рублей на раскопки курганов. Он предлагает ИАК «возбудить вопрос о нанесении на план развалин Отрара и о нанесении на карту курганов Сырдарьинской и Ферганской области». В двух курганах, исследованных им также около Ташкента, открыты раннесредневековые коллективные захоронения в сводчатых склепах из сырцового кирпича, в сопровождении глиняных сосудов (РА. Ф. 1, 1893 г., д. 92. Л. 1–2, 7об., 56–60об.).

В 1895 г. Управляющий Государственным имуществом в Акмолинской и Семипалатинской областях А. В. Селиванов провел разведки на берегах оз. Иссык-Куль, котловина которого исключительно богата памятниками древности. Наиболее интересными оказались разведки в урочище Койсар на юго-восточном берегу, в 30 км от Пржевальска, на месте затопленного древнего города. Вода выбрасывает на песчаную полосу берега различные гончарные изделия, кирпичи, бронзовые изделия и даже черепа. На отмели и в воде озера Селиванов нашел следы кирпичной стены и глиняной ограды, различные бронзовые украшения, множество медных, по-видимому, илекских монет (XI в. н. э.). Другое место, где также видны остатки затопленного города, находится на северо-западном берегу озера, близ ст. Турай-гыр. Здесь он обследовал развалины здания, пол которого был выложен большими квадратными кирпичами, а стена сложена из кирпичей меньшего размера и облицована голубыми изразцами. Между ст. Челпан-Атинской и Куральдинской на берегу озера осмотрел большой камень, почитаемый местными жителями. Вокруг озера Селиванов нашел много камней с наскальными изображениями и еще больше каменных баб, представляющих два типа: мужские, изображающих воинов с усами, держащих в правой руке сосуд, а в левой — меч; женские переданы в виде фигур, держащих сосуд обеими руками. Имеются каменные бабы, у которых изваяна только голова (ОАК за 1895 г. С. 47–48; РА. Ф. 1, 1895 г., д. 81).

Иранист, профессор Санкт-Петербургского университета В. А. Жуковский — основатель нового этапа в области изучения мусульманской Персии, по сути, разработал методологию историко-археологического исследования

среднеазиатских городов — в 1890 и 1896 г. в общей сложности ему было выделено 2300 руб. Основной целью его поездок в Туркестан Комиссия считала «тщательное изучение мервских развалин и ближайших к ним окрестностей по обоим берегам Мургаба» (РА. Ф. 1, 1890 г., д. 47. Л. 1). В 1890 г. В. А. Жуковский побывал в Мерве и Хорасане для осмотра Мешхеда и Туса. Во время поездки он сфотографировал виды местности в Нисе, городище Анау и др. (ФА, отп. О.680/19, 23; Q 292/4, 18, 19). Список сделанных им фотографических снимков помещен в Отчете Археологической комиссии за 1890 г. (ОАК за 1890 г. С. 79–86, 131; РА. Ф. 1, 1890 г., д. 47; ФА, отп. О.680/1–3, 21; Q 292, Q 396; нег. III 2953–2955). Древности, привезенные Жуковским, были найдены при раскопках могилы Мир-Джафар-Хана в местечке Гяур-Кабристан близ Табриза: бронзовые наконечники стрел, копья и эсвидный стержень поступили в ГИМ (ФА, нег. III 8096).

Результатом его первого путешествия стало исследование о развалинах древнего Мерва — «Древности Закаспийского края» (СПб., 1894). Во второй раз он был в Закаспийской области в 1896 г. и произвел небольшие раскопки на городище Анау (ФА, отп. О.680/5, 8, 13, Q 292, Q 396; Бартольд, 1977. С. 689–703). В. А. Жуковский не был археологом и не ставил себе целью производство раскопок, хотя и провел небольшие работы, прорезав траншеей склон тепе. Он полагал, что «прежде следует позаботиться о том, что уцелело еще на поверхности, — уберечь и сохранить для науки развалины городов и памятников путем снятия рисунков, фотографий, бумажных оттисков с надписями на камнях, планов, сопровождая их простым, но добросовестным описанием и пояснениями» (Жуковский, 1894. С. 199).

В 1897 г. старший врач Пишпекского военного госпиталя, краевед Ф. В. Поярков, возглавлявший Семиреченский отдел ИРГО, на средства ИАК произвел раскопки 4 курганов близ с. Лебединка Семиреченской обл. В двух были обнаружены по две подбойные могилы, устроенные в восточной и западной стенках длинного четырехугольного колодца (входной ямы), служившего спуском к ним. Вход был заложен кладкой из сырцовых кирпичей. В третьем кургане для каждой из двух могил была выкопана своя подбойная яма и имелась третья яма — «прямая», то есть выбранная прямо с поверхности кургана. Четвертый курган заключал одну подбойную и две «прямые» ямы. Все умершие лежали вытянуто, на спине, головой на север. Никаких изделий при захороненных не оказалось. Скорее всего, это были могилы первых мусульман второй половины VIII – первой трети IX в. (ОАК за 1897 г. С. 56–57; РА. Ф. 1, 1897 г., д. 41). Однако в той же местности ему удалось приобрести у местных жителей несколько средневековых находок, возможно из разграбленных погребений: сосуды, серебряные перстни, браслеты, зеркала, топор и кинжалы, переданные впоследствии на хранение в ГИМ (ОАК за 1897 г. С. 71–72; ФА, нег. II 26237–26239, 26247).

В 1899 г. ИАК предоставила Ф. В. Пояркову возможность совершить поездку по Пишпекскому уезду для отыскания каменных баб, еще не тронутых с места. Он провел разведки в Буамском ущелье на р. Чу, где в урочище Карой

нашел до 100 каменных изваяний (50 из них на протяжении полутора километров); в долине р. Большого Кебиня им были найдены изваяния как находившиеся на своих местах, так и уже передвинутые. В верховьях реки в урочище Кескелен найдена группа из трех каменных баб и 11 столбов, стоявших на близком расстоянии друг от друга. Одновременно в нескольких пунктах он произвел небольшие раскопки, в частности небольшого старинного укрепления на известном Курментинском мысу (ОАК за 1899 г. С. 105–106).

В 1898 г. во время раскопок курганов близ с. Большое Владимирское Семипалатинской обл. топографом Г. Васильевым в ямах с деревянными накатами были обнаружены захоронения с конем с средневековыми древностями: топор, наконечники копий и стрел, удила, сбруйные украшения и бусы (ФА, нег. II 26018–26019). В том же году финский археолог Х.-И. Гейкель исследовал курганы у с. Дмитриевского Аулие-Атинского у. Сыр-Дарьинской обл. Находки хранятся в Гельсингфорском (Хельсинкском) музее, фотографии зарисовок находок и больших глиняных сосудов — в фотоархиве. На следующий год он провел исследования в долине р. Талас Аулие-Атинского у. Обнаруженные украшения, зеркало, орудия и оружие также были увезены в Гельсингфорский музей (ФА, нег. II 26304, III 7290–7294).

В 1880-е–1890-е гг. в Туркестане, продолжая начатую ранее фотофиксацию памятников, в основном архитектурных, работали профессиональные фотографы и фотографы-любители Г. А. Панкратьев, В. Ф. Козловский, И. Введенский, Н. Ордэ и др. Ими сделано множество фотографий сооружений старых городов Туркестана, бытовых сцен, праздников и типов местного населения.

Капитан русской армии Г. А. Панкратьев служил в Самарканде и на полученную от графа Н. Я. Ростовцева стипендию в 300 рублей исполнил полный и детальный альбом памятников древностей Самарканда и его окрестностей. Альбом с переводами С.-А. Лапина куфических и арабских надписей на мавзолеях, был выпущен в продажу всего в нескольких десятках экземпляров (ФА, отп. О.681). Этот альбом является совершенно уникальным, поскольку многие зафиксированные им памятники более не существуют. Ю. Якубовский, автор статьи «Незаменимые люди» в Туркестанских ведомостях в 1904 г., № 140, беспокоился о негативах, «которые портятся, в то время как памятники разрушаются». Он предлагал музеям использовать негативы Г. А. Панкратьева для издания полного альбома самаркандских памятников древности, который, по мнению автора статьи, «не любитель, а настоящий художник-фотограф» (ФА, отп. О.681/43, 48, 18, 74).

И. Введенский наиболее активно работал в Самарканде в 1894–1897 гг. В архиве сохранился альбом с великолепными фотографиями архитектурных памятников Самарканда и его окрестностей (ФА, отп. Q 159). В. Ф. Козловский снимал памятники архитектуры в Коканде, Шахрисябзе и Самарканде (ФА, отп. Q 290; О.1118, О.1120). В Коканде, в частности, он сфотографировал общие виды и интерьеры ханского дворца (ФА, отп. Q 290/47, 20, 9).

Особо следует отметить заслуги и деятельность генерала-от-инфантерии А. В. Комарова, в 1883 г. назначенного начальником Закаспийской области. Крупной заслугой его, как военного и политического деятеля, является фактическое присоединение к России Мервского, Гедженского, Серахского и Йолатанского оазисов. В 1883–1889 гг. им была собрана большая коллекция древних предметов и монет, а в 1886 г. проведены раскопки на Северном холме Анау около Ашхабада (ЗВОРАО, т. 3. 1888. С. 4). Генерал А. В. Комаров прорезал довольно глубокой траншеей самый большой из курганов вблизи полотна железной дороги, хотя интересных в археологическом отношении находок он не обнаружил — лишь кости да погребальные урны. Кроме того, написанная им статья «Закаспийская область в археологическом отношении», включавшая подробное описание развалин древних памятников на юго-западе Средней Азии от Прикаспия до Мургаба и раскопок Анау, была опубликована в 1888 г. и в нескольких экземплярах сохранилась в архиве ИАК (РА. Ф. 1, 1890 г., д. 47. Л. 7–18). Вскоре эти материалы были использованы В. А. Жуковским при подготовке его к поездке в Туркестан. Немногочисленные сделанные Комаровым фотографии («Караван невесты», «Вход в Шах-и Зинда» и др.) относятся к середине 1880-х гг. Они наклеены на картонные паспарту охряного цвета и подписаны, вероятно, им самим, черными чернилами (ФА, отп. Q 135/1, Q 493/1).

В те же годы профессионал Н. Орде фотографировал типы народностей Центральной Азии. Эти снимки представляют большую ценность в этнографическом отношении (ФА, отп. Q 20; Q 290; Q 354). Д. И. Ермаков, фотограф, путешественник и этнограф, в Закаспийской области снимал памятники Ашхабада (Ашхабада), Самарканда, Бухары, Мерва и др. (ФА, отп. Q 507; Q 481). Не менее интересны крупноформатные отпечатки сына французского фотографа П. Надара — П. Надара, сделанные им во время поездки в 1895 г. в Бухару, Самарканд и Мерв. Альбом из 28 фотографий был подарен ИАК в 1900 г. и хранился до организации фотоархива в библиотеке ИАК (ФА, отп. F 1).

Вернемся к работам исследователей-востоковедов. В мае 1893 г. в Среднюю Азию для изучения памятников древности, главным образом в Чуйской и Илийской долинах, Санкт-Петербургский университет командировал профессора В. В. Бартольда (ФА, отп. Q 715/2). Поручение такого же рода было получено и от Академии наук, вместе с ним был направлен художник С. М. Дудин. Производство раскопок и вообще каких-либо работ, требующих познаний в области археологии, не предполагалось. Задача заключалась в том, чтобы в дополнение к письменным известиям о прошлом Средней Азии собрать «сведения о следах, оставленных прежними обитателями ее, и по возможности дать краткое описание развалин городов, укреплений и т. п.» (Бартольд, 1966. С. 21). Перелом ноги не позволил В. В. Бартольду в 1893 г. выполнить задание: он успел осмотреть только памятники по пути от Чимкента до Аулие-Ата и долину Таласа. С. М. Дудин совершил поездку в Чуйскую долину и вокруг озера Иссык-Куль и предоставил свои материалы для отчета В. В. Бартольду.

МИНИСТЕРСТВО

ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

5. Мая 1896 г.
№ 910.

Милостивый Государь

Сергей Юлиевич.

Благодаря живому участию, принятому
Вашим Высочайшим Превосходительством в судьбу
древних средне-азиатских памятников, сд
каждым годом все больше и больше разрушае-
щихся и до сих пор не описанных и не
изданных, Императорская Археологическая
Комиссия, совместно с Императорской
Академией Наук, предприняла летом 1895 г.
пренную экспедицию в Самарканд для изло-
товления материалов к изданию летописей
эпохи Тамерлана. Эти работы велись под
наблюдением Старшего Члена Комиссии, Про-
фессора Веселовского двумя архитекторами,
двумя художниками и фотографом с
большою тщательностию и вниманием ко
всему деталям, в чем я мог лично убе-
диться, при посещении мною Самарканда
осенью 1895 года. На первое время выбраны
были две летописи, Турь-Эмиръ и Биби-ха-
нынь, изъ коихъ, однако, ни одна не могла

Со Высочайшим Превосходительству

С. Ю. Витте.

Письмо С. Ю. Витте о работах экспедиции в Самарканде в 1895 г.
(Ф. 1, 1895 г., д. 69. Л. 61)

еще быть вполне похвально и закончен к изданию, Годъ работъ первого года показавъ, что для за-
вершения этого предприятия, мнѣющаго, можно
смыло сказать, національное значение по своей
важности и по лежащей на Россіи обязанности
относительно столь исключительно памятни-
ковъ старинны, потребуетъ, приблизительно, еще
три года, при томъ же средствѣхъ, именно по
4000 руб. въ годъ, или, если распределить работу
на четыре года, то по 3.000 руб. въ годъ, а всего
еще 12.000 рублей.

Сводя о томъ Вашему Высочайшему Пре-
восходительству, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ
решать свое покровительство наглагому делу
и благожелательно доставить средства къ полному
его осуществленію по одобренному членъ Вами въ
прошломъ году плану.

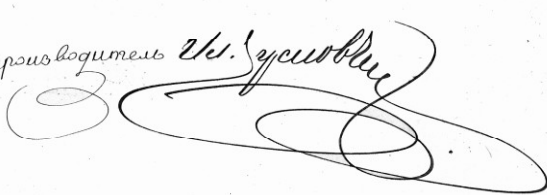
Пришлите, Всемогущій Государь, утверженіе въ
клубоковъ къ Вамъ уваженію и преданности.

(подписано:) Вашего Высочайшего Пре-
восходительства

покорнѣйшій слуга

г. А. Бобринской.

Върно: Директоръ водителъ М. Зусиловъ

№ 18

Семью
Н. У. Веселовскому

	Коли- чество	це- на	Р.	К.
За снятие и проявление негативов изъ Туркестанского Альбома	74	25	18	50
За отпечатание съ негативовъ изъ Туркес- танскаго альбома и наклеивку на бройеры 24x30	48	20	8	60
Тотъ же изъ альбома отпечатано и наклеена на бройеры 18x24	31	15	4	65
За отпечатание и наклеивку на бройеры съ Самаркандскихъ негативовъ въ двухъ жк. 24x30	244	20	48	80
Тотъ же изъ Самаркандскихъ нега- тивовъ отпечатано и наклеено на бройеры 18x24. въ двухъ жк. 18x24	42	15	6	30
Итого				86, 85к.

18^{XXXX}
1896г.

Шуцко

Восемдесятъ шесть руб. 85к.
получилъ Шуцко 10 мая 1896 года

Счет Н. В. Веселовскому за фотоработы по «Туркестанскому альбому»
(Ф. 1, 1895 г., д. 69. Л. 312)

В 1894 г. в качестве участника экспедиции В. В. Бартольд пригласил поручика Е. П. Ковалева, члена Таврической ученой архивной комиссии, который должен был осмотреть памятники древности в местностях, куда можно было проникнуть только верхом, и исполнить необходимые рисунки и фотографии. Он обследовал развалины по Таласу ниже Аулие-Ата, на пути от Таласа к Чу, в Чуйской долине, в бассейне Нарына, по северному берегу Иссык-Куля и на р. Или. В. В. Бартольд полагал, что все данные, включенные им в Отчет, пригодятся будущим исследователям (Бартольд, 1966. С. 22). Фотографий по этой поездке в архиве не сохранилось. Краткий отчет был опубликован в 1894 г. (Бартольд, 1894), а подробный — в 1897 (Бартольд, 1966). Помимо четких описаний памятников, В. В. Бартольд приводит данные из известных ему письменных источников, местные легенды, в ряде случаев дает датировку объектов и предположительную идентификацию их с памятниками, известными по арабским и китайским письменным источникам.

В Джаркентском уезде он осмотрел великолепный памятник мусульманской культуры — построенную на средства таранчинского богача Вали-Ахуна Юлдашева мечеть в дунганском стиле. Внутренность храма мало соответствует устройству мечетей и скорее напоминает христианские церкви: михраб, похожий на алтарь, находится против входа, с которым соединен двумя рядами колонн; по обе стороны расположены хоры, на которые ведут лестницы. Три снимка этой мечети отложились в фотоархиве. Кто сделал снимки неизвестно, но в архив они поступили вместе с негативами, исполненными Б. Литвиновым во время раскопок на Афрасиабе в 1904 г. (ФА, отп. О.3519/20–22).

Н. И. Веселовский в 1895–1896 гг. возглавил историко-архитектурную экспедицию, организованную с целью скорейшего и наиболее полного и детального описания памятников старины, которыми «так богат Туркестанский край» и которые находятся «в печальном положении», медленно разрушаясь от землетрясений, выветривания и выпадения изразцов. Многие постройки уже представляли собой развалины. Работы, в которых участвовали архитектор П. П. Покрышкин, художник и фотограф С. М. Дудин, фотограф И. Ф. Чистяков, а также художники Н. И. Щербина-Крамаренко, А. В. Щусев и др., были сосредоточены в мечетях Гур-Эмир и Биби-Ханым в Самарканде. С. М. Дудиным было сделано около 200 негативов размером 24 × 30 см, часть которых хранится в фотоархиве.

В 1898–1899 гг. работы экспедиции были продолжены. В начале 1899 г. Археологическая комиссия сообщала, что «по изготовлению чертежей и рисунков самаркандских мечетей сделано следующее: вполне окончен альбом рисунков с мечети Гур-Эмир..., затем сделаны обмеры и черновые чертежи, ныне изготовляющиеся набело, с соборной мечети Биби-Ханым, и эта работа к весне будущего года будет закончена; начаты работы по изготовлению архитектурных чертежей мечети Шах-Зинда... Нынешним летом предвидится возможность окончить описание и этой мечети» (РА. Ф. 1, 1895 г., д. 69, ч. II. Л. 1). В 1905 г. был выпущен альбом, посвященный мавзолею Гур-и Эмир (Мечети Самарканда. Вып. I. 1905; Веселовский, 1907. С. 181–184). Этим из-

данием было положено «начало важнейшей задаче — сохранению памятников для нужд науки путем монографического исследования каждого из них» (Якубовский, 1940. С. 229). Многолетние работы историко-архитектурной экспедиции стали началом систематического изучения памятников Самарканда, а направление исследований Археологической комиссии под руководством Н. И. Веселовского по отношению к самаркандским памятникам было оценено «на том этапе правильным» (Якубовский, 1940. С. 294–295).

Докладывая о выходе альбома, Н. В. Веселовский напомнил, что история его создания началась еще в 1895 г., когда министерство финансов отказало Археологической комиссии в отпуске средств на реставрацию и вообще охрану памятников Самарканда. Для сохранения гибнущих памятников было предложено «снять с этих памятников, наиболее важных в художественно-археологическом отношении, точнейшие планы и рисунки и напечатать их в особом издании комиссии», на работы было отпущено 10000 рублей. Через десять лет после их начала можно констатировать, что гибнущие и расхищаемые местным населением памятники, благодаря изданию, уцелели для науки (Изв. ИАК, 1906. С. 4).

В 1898 г. Н. И. Веселовский вместе с сотрудниками экспедиции побывал в Шахрисябзе с целью визуального обследования дворца Ак-Сарай. Фотографии и негативы во время поездки были сделаны И. Ф. Чистяковым и П. П. Покрышкиным (ФА, нег. III 2636–2638, 7033–7034, IV 564–575; отп. Q 135). На одной из них запечатлен Н. И. Веселовский, сидящий у портала Ак-Сарая (ФА, отп. Q 135/4).

В 1900 г. В. В. Радлов предложил Дудину подготовить программу и смету экспедиции в Среднюю Азию. Экспедиция в общей сложности продолжалась три года. Задача ученого-фотографа заключалась в съемке населенных пунктов, характерных построек, домашней утвари, национальных костюмов, повседневной жизни обитателей края, религиозных обрядов, обычаев, ремесел, типов людей. С. М. Дудин сделал более 2000 снимков и собрал огромную вещевую коллекцию, положившую начало среднеазиатского собрания Российского этнографического музея. В Самарканде им были приобретены древности, происходящие из Афрасиаба — глиняные головки, фрагменты статуэток, резные и мозаичные изразцы, часть плиты с мозаичным орнаментом (ФА, нег. III 8255–8260, отп. Q 673/22–25).

В 1905–1908 гг. по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА) С. М. Дудин совершил три поездки в Самарканд с целью подробной регистрации местных архитектурных памятников — фотографированию подлежали все архитектурные детали, в том числе изразцы и мозаики. Результат этих работ — собрание превосходных снимков. В 1909–1910 и 1914–1915 гг. Дудин принимал участие в экспедициях в Восточный Туркестан и Западный Китай под руководством С. Ф. Ольденбурга. Собранные этнографические и археологические коллекции и альбом фотографий легли в основу его научных публикаций о технике буддийского и исламского искусства Центральной Азии. Его фотографии по Шах-и Зинде (ФА, отп. Q 345 а–д

и О.683 а–с) были использованы реставраторами при работах на памятнике в послевоенные годы (Памяти С. М. Дудина, 1930. С. 341–358).

В 1904 г. на основании Высочайшего повеления 11 марта 1889 г. ИАК выдала Открытые листы Туркестанскому кружку любителей археологии на право раскопок в Сыр-Дарьинской области в развалинах древнего Отрара через профессора В. В. Бартольда — профессору Р. В. Пампелли.

Американский геолог, профессор Р. В. Пампелли произвел раскопки в окрестностях развалин города Анау в Закаспийской обл. и на Гяур-Кала (цитадели древнего Мерва) в 1904 г. Со стороны ИАК за его работами установлен строгий надзор (Изв. ИАК, 1904. С. 60–61). Из разрытых ранее курганов, главным образом генералом Комаровым, было добыто значительное количество орудий, предметов утвари и домашнего обихода, открыты следы древних ирригационных сооружений, остатки жилищ и кухонные очаги с массой костей различных животных, два ящика которых он вывез для палеонтологических и палеозоологических определений в Западную Европу. Пампелли сообщил, что, по заключению доктора Дэрста из Цюриха, представлены остатки диких быков и овец. Все предметы, согласно обязательствам Пампелли перед ИАК, были присланы в Петербург. Часть античных находок — терракотовые статуэтки — поступила в Эрмитаж (НА, ФА, нег. II 27616), другие — кремневые и каменные орудия и утварь, пращевые камни, игрушка-тележка — в Музей антропологии и этнографии (ОАК за 1904 г. С. 140–142, 150–151; РА. Ф. 1, 1904 г., д. 24; ФА, нег. III 9574–9579; Изв. ИАК, 1905. С. 30).

В результате раскопок Северного и Южного холмов Анау Пампелли была открыта древнеземледельческая анауская культура, выделены четыре этапа ее развития (Анау I–IV): эпохи неолита — раннего железного века. Скорейшее введение в научный оборот результатов раскопок способствовало тому, что археологические памятники юга Средней Азии получили широкую международную известность.

Проф. В. В. Бартольд в том же 1904 г. произвел раскопки на Афрасиабе, являвшиеся, по существу, продолжением раскопок Н. И. Веселовского 1885 г. и имевшие целью выяснить местоположение соборной мечети. Подготовительные работы по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА) были выполнены местными силами еще в 1903 г. В. В. Бартольд предполагал посвятить исследованиям три месяца: первый месяц — топографическому изучению Афрасиаба, второй — пробным раскопкам на этом городище, третий — изучению остальных городищ и памятников древности в пределах длинных стен, некогда окружавших город и его пригороды. По семейным обстоятельствам программа была сокращена, и раскопки проводились с 17 июля по 13 августа. При работах к западу от цитадели найдено множество мелких предметов, в особенности фрагментов стеклянной посуды, кусков жженого кирпича с синими и белыми изразцами и обнаружена многоступенчатая постройка из жженого кирпича на гипсовом цементе, по мнению В. Л. Вяткина и А. Ю. Якубовского, являющаяся основанием минарета саманидской мечети (Вяткин, 1927. С. 17; Якубовский,

1940). Исследования, проведенные по вопросу о снабжении города водой, подтвердили предположение, основанное на изучении письменных источников: водопроводная труба была проложена с юга. Как топографические, так и археологические изыскания были иллюстрированы 20 фотографическими снимками, выполненными по заказу В. В. Бартольда фотографом Б. Литвиновым (ОАК за 1904 г. С. 142; ФА, отп. О.3519/1–22, нег. П 17827–17829, III 2936–2952, IV 625–627; Изв. ИАК, 1905. С. 35–36; Бартольд, 1966. С. 130–133; Бартольд, 1966. С. 139–140; Длужневская, 1987. С. 111–112). Раскопки В. В. Бартольда на Афрасиабе в 1905 г. были продолжены самаркандским археологом В. Л. Вяткиным. Найдены фрагменты керамических сосудов (ФА, отп. Q 673/15; Вяткин, 1908. С. 22–36).

По выданному Открытому листу В. Л. Вяткин предпринял пробные археологические раскопки с целью выявления толщины культурного слоя близ Самаркандской крепости. Место раскопок входило в черту мусульманской цитадели, основанной в XV в. Тимуром. Раньше, как выяснено по историческим источникам, самаркандская цитадель располагалась на Афрасиабе и перестала существовать после разрушения ее Чингисханом в начале XIII в. Случайно во время раскопок была обнаружена глинобитная постройка. Комната шириной около 2,8 м имела стены высотой до 3,5 м. Длина ее осталась неизвестной, поскольку раскопки не были доведены до противоположной стены. Совершенно сгнившие деревянные балки лежали наклонно, опираясь одним концом на стену, другим — в пол сооружения, что, по мнению Вяткина, свидетельствует об обрушении крыши. На полу комнаты были найдены глазированные фрагменты посуды с геометрическим и растительным орнаментом по белому фону, а также с изображением рыб и дно чашки с китайским клеймом. В стене комнаты обнаружен проход в вертикальный колодец, служивший, по-видимому, хранилищем для зерна (ОАК за 1904 г. С. 142, 151; Изв. ИАК, 1905. С. 44–45).

Неоднократно возникавшее беспокойство о расхищении исторических памятников получило подтверждение новыми фактами. Туристы покупают и увозят из Самарканда фрагменты цветных изразцов из древних зданий. В самом начале XX в. неизвестным туристом был вывезен из усыпальницы шейбанидов (Чильдухтаран), находящейся в непосредственной близости от Регистана, огромных размеров и веса намогильный камень султана Абу-Саида, с прекрасными резными украшениями и надписями на нем. Были отмечены случаи кражи неизвестными лицами кирпичей из здания, открытого во время раскопок В. В. Бартольда на Афрасиабе. Увозят кирпичи и из раскопок В. Л. Вяткина. Печатный орган «Закаспийское Обозрение» призывал принять «возможно энергичные меры против расхищения исторических памятников Самарканда» (Изв. ИАК, 1905. С. 36).

В 1904 г. туркестанские краеведы горный инженер А. А. Козырев и заведующей ирригацией Самаркандской области, фотограф-любитель Н. П. Петровский исследовали курган в урочище Кара-Агач Акмолинской обл. Курган, окруженный канавкой с перемычкой с восточной стороны, имел вид усеченного конуса, высоту 3,5 м, диаметр 10,5 м и был вскрыт двумя траншеями. На

глубине 0,9 м была обнаружена «каменная баба», на глубине 1,7 м — каменный ящик длиной 1 м, устроенный из песчаниковых плит, и некогда имевший деревянное перекрытие. В нем находились истлевшие остатки женского скелета и, скорее всего, шкуры коня, уложенной параллельно человеку, головой к его ногам. Были обнаружены золотой орнаментированный венчик с привесками на дужках, два глиняных «столбика», обитые золотым листом, украшенным камнями и зернью, также украшенные две серьги и янтарные «бусы», найденные на месте пояса, стеклянный сосуд на ножке (ОАК за 1904 г. С. 110; РА. Ф. 1, 1904 г., д. 46; ФА, нег. III 9331–9332, II 27491–27493; Изв. ИАК, 1905. С. 28–36). А. А. Козырев предположил, что это впускное погребение древнетюркского времени (IX в. н. э.). В 1905 г. он продолжил исследование кургана и обнаружил каменную статую «бабы, сидящей на корточках» (ОАК за 1908 г. С. 189; РА. Ф. 1, 1905 г., д. 46; ФА, нег. II 27864–27866).

В. Л. Вяткин в ходе раскопок 1908–1909 гг., предпринятых по поручению РКИСВА, обнаружил остатки самаркандской обсерватории Мирзы Улугбека (Вяткин, 1912. С. 76–93). Обсерватория была устроена внуком Тамерлана, правившим в Самарканде с 1447 по 1449 г., знаменитым ученым, астрономом, автором «Каталога звезд» и других работ, и обнаружена после изучения письменных источников (Глазенап, 1909. С. 33–35).

В 9 км от г. Верного на пашне казака станицы Больше-Алмаатинской вблизи речки Большой Алмаатинки находился холм, который постепенно уничтожался. В начале августа 1913 г. хозяин пашни заявил, что он обнаружил под ним ножку медного котла, а несколько глубже еще три медных котла разной величины и медный же на подставке светильник с фигурами животных. Форма их напоминает форму обычных казанов, но ножки у одного из них изображают головы архаров. Почти сразу же «клад» и место его обнаружения были осмотрены секретарем статистического комитета В. Е. Недзвецким, по словам которого котлы относятся к эпохе владычества в Семиречье джунгар. Это не первый случай обнаружения здесь подобных предметов. Часть найденных вещей ранее была отослана Н. Н. Пантусовым в московские и петербургские музеи, другая хранится в Музее статистического комитета. Близ этого места киргизами также был найден котел, но, не заявив о находке, они продали его сартам, а те разрубили его на куски и пустили медь «в дело». Подобных курганов в 1880-е годы в этом месте было достаточно, но киргизы разрывают их под предлогом устройства зимовок, дворов для скота и пр. В одном из таких курганов в те годы была обнаружена кирпичная кладка из плотного железняка, что позволило предположить, что в этом месте некогда существовал «город», но в трудах профессора В. В. Бартольда для такого предположения данных не имеется. Скорее всего, в этой местности когда-то была джунгарская ставка. В. Е. Недзвецкий обратился к начальнику области с просьбой «испросить» разрешение на раскопки, чтобы предотвратить поиски «клада» местным населением, однако пока это не сделано. Подобные инциденты, по-видимому, не редкость, а все указания и циркуляры властей не имеют силы (Изв. ИАК, 1913. С. 151). Этот

пример показывает особые сложности в деле сохранения историко-культурных ценностей среди местного населения, которые не могли быть преодолены одними распоряжениями сверху.

Подобная ситуация сложилась и с памятниками Самарканда: своды мечетей во многих местах готовы ежеминутно рухнуть, облицовка беспощадно расхищается туристами, иногда современные надписи совсем закрывают фрески и ценные в археологическом отношении рисунки. Все это никем не охраняется и не поддерживается. Единственный в городе человек, считающийся хранителем древностей — В. Л. Вяткин, не в состоянии бороться с хулиганством и не может предотвратить разрушение святынь, поскольку ему не отпускаются средства даже на наем сторожа. Украшение всего Востока — древний Самарканд постепенно стирается с лица земли и только в силу нашей халатности. Автор заметки, опубликованной в «Туркестанском курьере» 26 октября 1913 г., призывает объявить самаркандские древности государственной собственностью и принять меры к охране памятников. Напомним, что этот вопрос поднимался не впервые. Следствием отсутствия государственных средств на реставрацию и вообще охрану памятников Самарканда явилась организация в 1895 г. архитектурно-археологической экспедиции Н. И. Веселовского. Для сохранения гибнущих памятников было предложено «снять с памятников, наиболее важных в художественно-археологическом отношении, точнейшие планы и рисунки и напечатать их в особом издании комиссии» (Изв. ИАК, 1906. С. 4). В расхищении принимало участие не только местное население, но и туристы, особенно иностранные, и антиквары, и просто любители старины. Выше отмечено, что и при раскопках иностранцы, имевшие распорядительные бумаги на их производство, старались пополнить свои музеи и отправляли материалы к себе на родину.

Императорская Археологическая комиссия обратилась к начальнику Закаспийской области с просьбой принять меры против вновь усилившегося хищнического разрушения древностей, в частности, памятников Мерва, и «насколько возможно устранить это зло». По этому поводу начальник Асхабадского уезда сделал распоряжение, чтобы старшины аулов и старосты поселков не позволяли туркменам и другим лицам разрывать курганы и делать раскопки в старых крепостях, башнях и других сооружениях без особого на каждый раз разрешения администрации. Строжайше предписано следить, чтобы не выламывали изразцы в мечетях и не уносили с собой вывалившиеся изразцы, кирпичи и т. д. (Изв. ИАК, 1905. С. 40–41).

Любопытно, что, судя по летописям грузинского царевича Ахушты, еще в начале 1300-х гг. на Кавказе и, в особенности в Закавказье, действовал особый закон, беспощадно каравший за расхищение исторических памятников (Изв. ИАК, 1915. С. 25).

В 1909 и 1910 г. Археологическая комиссия выдала Открытые листы Семипалатинскому подотделу ИРГО на право раскопок в Семипалатинской области, действительному члену ИРГО Д. П. Севастьянову для раскопок в Акмолинской области и В. И. Каменскому, действовавшему по поручению

РКИСВА — в Семиреченской области. Севастьянов не использовал лист и раскопки не производил (ОАК за 1909 и 1910 г. С. 235–237). На следующий год Распорядительный комитет Семипалатинского подотдела Западно-Сибирского отдела ИРГО получил лист для раскопок памятников в Зайсанском и Усть-Каменогорском уездах Семипалатинской области, но отчеты в ИАК не были доставлены (ОАК за 1912 г. С. 95, 106).

Наконец, в 1911–1914 гг. раскопки средневековых, почти полностью разграбленных, курганов проводились на средства ИАК Н. П. Куборским и В. Петровым — преподавателем и директором Кустанайского реального училища — в Кустанайском уезде Тургайской губернии (РА. Ф. 1, 1911 г., д. 80); гидрогеологом Н. М. Петровским — в урочище Тибис-сох этой же области (РА. Ф. 1, 1913 г., д. 357) и студентом Петербургского университета Н. Н. Бортвиным, которому было выделено 20 руб., в районе г. Петропавловск Акмолинской области (РА. Ф. 1, 1915 г., д. 212).

Комиссия учитывала и случайные находки, большая часть которых поступала в Петербург, а затем, после предварительной фиксации фотографиями ИАК, передавалась в столичные музеи. Так, в Семиреченской области близ Пишпека туркестанский краевед Г. Фролов в 1891 г. нашел клад золотых вещей: перстни, браслет со звериным орнаментом, обкладка пояса и др. (РА. Ф. 1, 1891 г., д. 91; ФА, нег. II 85455), а в 1895 г. А. В. Селиванов приобрел бронзовые треножки и фрагментированный котел, происходящие из урочища Койсар (ОАК за 1895 г. С. 75; ФА, отп. Q 644/8, нег. II 25669–25671). Фольклорист и коллекционер И. В. Аничков прислал в ИАК каменную «бабу», сфотографированную в Петербурге И. Ф. Чистяковым (ФА, отп. Q 464/63). В с. Дмитриевском Пишпекского уезда в 1903 г. был найден клад восточных монет и вещей (ФА, нег. I 20800), а в 1904 г. близ этого же села, в урочище Сын-Таш — медный сосуд с арабской надписью (ОАК за 1904 г. С. 139; ФА, отп. Q 660/5, нег. II 27900, III 9834, 9842). Наконец, в 1908 г. близ с. Либединского Пишпекского уезда был найден клад серебряных изделий XII–XIII вв.: серьги, бусы, браслеты, серебряная чашечка (ФА, нег. II 32258–32262).

В Сырдарьинской области на кургане «Караул-Тюбе» у с. Мамаевка Чимкентского уезда в 1893 г. обнаружен клад, в состав которого входили браслеты с несомкнутыми концами, бусы, зеркало и др. Сохранились рисунки сделанные художником Сусловым (ФА, нег. II 85454). В Сайрам-су того же уезда найденный в 1900 г. клад также включал украшения из серебра — браслеты, серьги, дирхемы, фрагменты других изделий (ОАК за 1900 г. С. 124–125; ФА, нег. III 7605–7610).

Из Закаспийской области происходит чеканное медное блюдо с изображением всадника в центральном медальоне и животных и людей в арочках по краю, найденное в 1893 г. и хранившееся в коллекции фотографа Д. И. Ермакова (ФА, отп. Q 543/17–18). В 1916 г. в пещере у оз. Батыр Мангышлакского уезда обнаружены кувшин из орехового дерева, каменные грузила, пара серег со вставками из камней, золотой флакончик, штампованная пластина, золотая кружка и кожаная коробочка (ФА, нег. III 13250–13251).

В Самаркандской области в урочище Танге-Танды Джизакского уезда в 1897 г. был найден свинцовый слиток с отпечатками хорезмшахских монет (ОАК за 1897 г. С. 180–181; ФА, нег. II 26263). Стекланные подвески с восточными буквами происходят из Самарканда (ФА, нег. I 22000), с Афрасиаба — костяная статуэтка всадника с палицей на коне (ФА, отп. Q 672/12).

В Самарканде и Бухаре И. Ф. Баршевским сфотографированы мозаика, керамика и лепные украшения (ФА, отп. O.493/32, 33, 40). В 1902 г. коллекционер С.-А. Лапин привез из Бухары золотые украшения: ажурную бляху, украшенную филигранью и камнями, бляшку-розетку, розетку с привесками на спиральках, наконечник из четырех прорезных бус (ФА, нег. II 26465, III 8134–8136). В Семипалатинской области Г. Васильевым в с. Большое Владимирское найден нефритовый бурхан, изображающий Будду (ФА, нег. II 26218). В Тургайской области в сопке Ак-Карча у р. Тобол нашли бронзовый бурхан с изображением четырехрукого божества (ФА, нег. II 26475–26476), а в 1901 г. у коллекционера И. С. Назарова ИАК приобрела большое медное «поллуние» (пектораль), золотой наконечник с изображением головки сайги, костяной наконечник стрелы, каменное блюдо на высоких ножках (ФА, нег. II 26724, 26579, 26580).

После высочайшего обозрения и фотографирования в ИАК на хранение в Императорский Эрмитаж поступили приобретенные в Самарканде у коллекционера Мирзы Бухарина в 1888 г. глиняные статуэтки, сосуды, светильники, мелкие поделки, медная узорчатая сетка, бронзовые светильник и курильница (РА. Ф. 1, 1888 г., д. 66; ФА, нег. II 13158, III 2418, IV 247–254); три глазурированных кирпича, случайно найденные в 1897 г. близ г. Андижана Ферганской области (ФА, нег. III 7872). Коллекция древностей, происходящих из Кашгара (Восточный Туркестан), была приобретена ИАК в 1898 г.: терракотовые, каменные и бронзовые изделия, а именно сосуды и фрагменты сосудов, статуэтки людей и животных, орнаментированные пластины (ФА, нег. III 7169–7175), а также медное восточное блюдо с инкрустированными серебром изображениями парных человеческих фигур и шествия зверей (ФА, нег. IV 1318). Еще одно приобретение составили случайно найденные в Сырдарьинской области золотые и серебряные украшения: браслеты, серьги, перстни (ОАК за 1898 г. С. 78; ФА, нег. III 7062–7063) и медное четырехугольное блюдо с изображением человеческой фигуры, сидящей с поджатыми ногами, и арабской надписью по борту блюда, найденное в Пенджикенте (ОАК за 1898 г. С. 76; ФА, нег. III 7187–7188).

Ф. В. Поярковым в Петербург был доставлен чугунный ажурный предмет колоколовидной формы, найденный в с. Токмак Семиреченской области в 1899 г. (ОАК за 1899 г. С. 139; ФА, нег. III 7426), а также бронзовый подсвечник, найденный в м. Асиль-Арык Сырдарьинской области (ФА, нег. III 8802). Приобретенные в Самарканде медный цилиндр от подсвечника, каменный сосуд в виде ведра с ушками и половиной крышки, медный орнаментированный кувшин восточнотуркестанского типа привез Н. И. Веселовский (ОАК за 1899 г. С. 138–139; ФА, отп. Q 710/27, Q 475/71; нег. III 7952).

Археологическая комиссия передавала приобретенные казной предметы и в другие музеи. В Исторический музей через ИАК поступили бронзовый сосуд на трех ножках с восточным орнаментом, найденный близ г. Верного Семиреченской области и приобретенный А. В. Селивановым в 1895 г. (ОАК за 1895 г. С. 76; ФА, отп. Q 670/7, нег. II 25665), и золотые штампованные бляшки и колокольчик из кургана в Акмолинском уезде (ФА, отп. Q 670/7, нег. II 25664), а в 1900 г. — гипсовые слепки с резных камней с изображениями человеческих голов и зверей, приобретенные в Бухаре (ФА, нег. I 20739; II 26824), и медная кирка и серп, найденные близ Себинского оз. в Семипалатинской области (ФА, нег. II 26612).

В Русский музей были переданы найденные в кургане близ с. Биш-Тала-Юкари Ферганской области серебряное сасанидское блюдо и глиняные сосуды (ФА, отп. O.30/44–54; нег. II 10382–10383, III 13318). В музей РАО из Средней Азии поступили глиняные сосуды и бронзовый наконечник стрелы (РА. Ф. 1, 1894 г., д. 241. Л. 36–37; ФА, нег. III 7047). В Азиатский музей в 1890 г. поступило мраморное блюдо с арабской надписью, присланное в дар ИАК Н. П. Остроумовым (РА. Ф. 1, 1890 г., д. 130; ФА, нег. II 13145). На средства ИАК Н. И. Веселовский купил у Мирзы Бухарина древности из Афрасиаба: обломки глиняных оссуариев, фигурки животных и крышки глиняных сосудов (ФА, отп. O.2427/69–75; нег. IV 1617–1618), а также перстни, резные камни, индикиации (оригиналы и слепки) (ФА, отп. Q 480/63; нег. II 31033–31034, 31120).

Находки «восточного серебра» в Средней Азии немногочисленны. Практически все они опубликованы в известном Атласе «Восточное серебро» Я. И. Смирнова (Смирнов, 1908). Стоит упомянуть серебряную фигурку оленя из кургана близ Усть-Каменогорска Семипалатинской области (Смирнов, № 18; ФА, отп. Q 661/10; нег. II 26885, 26888), серебряную чашу с точечным орнаментом, найденную в 1891 г. в Кочкорской долине (Смирнов, № 236; ФА, нег. II 26831–26832), серебряный ковш с орнаментированной ручкой и две чаши: одна с растительным орнаментом по борту и другая – с точечным орнаментом (Смирнов, № 233, 234, 235; ФА, отп. Q 666/19–20, Q 663/20, 12; Q 661/14; нег. II 26828, 26830, 26839, 26834, III 7964), найденные в Верненском уезде Семиреченской области в 1892 г.; серебряную чашу с рельефным изображением мифологической сцены из Кустанайского уезда Тургайской области, найденную в 1903 г. (Смирнов, № 284; ФА, отп. Q 476/80–81, III 8934–8936, 8954–8955); чашу с кольцеобразной ручкой и гравированным изображением зверя на дне, обнаруженную в 1888 г. в Акмолинской области (ФА, отп. Q 663/18–19; нег. III 7965, II 26827). Для Берлинского антиквариата в 1904 г. была приобретена серебряная чаша с изображением человеческих фигур в растительном обрамлении (Смирнов, № 283; ФА, отп. Q 664/13–15, II 27460).

Таким образом, исследованием архитектурных и археологических памятников в период деятельности ИАК в Русском Туркестане занимались почти исключительно востоковеды и местные краеведы. Фотосъемка историко-культурных памятников и этнографических сюжетов осуществлена в 1871–1872 гг., но наиболее масштабно и целенаправленно в последнее десятилетие

XIX в. Первые археологические раскопки связаны с именами востоковедов Н. Н. Пантусова и Н. И. Веселовского, продолжавшего археологические и архитектурные исследования с 1884 г. до начала XX в. Обследованием древних городов в 1890 и 1896 г. занимался В. А. Жуковский. Начиная с 1893 г. в Туркестане проводил исследования В. В. Бартольд, соединивший глубокое знание письменных источников с открытыми им и его спутниками памятниками. Каждый из них являлся основоположником исследований в своем направлении. Это же можно сказать и о фотографе и этнографе С. М. Дудине.

Разновременные случайные находки — от эпохи бронзы до позднего средневековья, — поступающие в ИАК, распределялись по различным музеям, за исключением тех случаев, когда вещи приобретались на местах специально для какого-либо из них. Изделия «восточного серебра», в основном, опубликованы. В материалах также представлены древности, присланные в ИАК и сфотографированные И. Ф. Чистяковым. Сами древности переданы на хранение в ГИМ, Русский музей, Императорский Эрмитаж, Музей антропологии и этнографии, музей РАО и Азиатский музей.

В применении фотографии в исследованиях сотрудников ИАК в Азиатской России намечается три периода: 1860–1880-е гг., 1890–1900-е гг. и 1900–1910-е гг. Точная датировка этапов была бы искусственной, особенно если учесть, что до дальних регионов новшества доходили с сильным запозданием. В первый период количество фотографий ограничено дороговизной метода, особенностями технологии фотопроцесса и незначительным количеством исследований. Второй период — время расцвета фотометода — характеризуется значительным увеличением количества раскопок сотрудников ИАК и местных археологов, архитектурных обследований и, соответственно, исполненных фотографий. Последний этап применения фотографии происходил в сложный для истории России период, связанный, прежде всего, с военными действиями на Дальнем Востоке (Русско-Японская война) и в европейской части России (Первая Мировая война). С одной стороны, уменьшается финансирование изысканий и их количество, с другой, — фотометод постоянно используется в научных исследованиях, в небольшом числе продолжавшихся на территории Центральной Азии. В целом, в период деятельности ИАК на всем пространстве Российской империи в архиве отложилось около 100000 ед. хр., историко-археологическое фотонаследие Центральной Азии составляет примерно четвертую часть (около 25000 ед. хр.).

«Туркестанский альбом» и личный фонд А. Л. Куна

Знаменитый «Туркестанский альбом» был создан к Политехнической выставке 1872 г. в Москве. Экспозиция Туркестанского отдела была подготовлена по инициативе и, в основном, на средства генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана, который считал «одной из главных обязанностей первой администрации в наших среднеазиатских владениях всестороннее ознакомление России с этим новым малоизвестным краем». Таким образом, целью Туркестанского отдела выставки, также как и альбома, было ознакомление

русской публики и специалистов с краем, недавно присоединенным к России. Отдел в экспозиционном отношении был устроен для того времени довольно необычно: в оформлении фасадов и интерьеров присутствовали местные мотивы. Многие приемы в дальнейшем, использовались на других выставках, например, Всемирной Парижской 1900 года.

Критик В. В. Стасов, оценивая выставку, писал, что в художественном отношении самым примечательным являлся Туркестанский отдел, где было представлено множество производств, а также ковров, серебряных изделий, металлических и гончарных сосудов, оружия и бытовых предметов, «блиставших роскошью форм, красок и узоров, какими почти всегда красуется Восток» (Стасов, 1894. С. 383).

В создании «Туркестанского альбома» принимали участие некоторые из авторов экспозиции на выставке 1872 г., а структура его во многом напоминала экспозицию выставки. Материалы по археологии и этнографии собирал иранист Александр Людвигович Кун (1840–1888), в начале 1870-х гг. состоявший чиновником особых поручений при генерале К. П. фон-Кауфмане. В «Предисловии» к «Туркестанскому альбому» А. Л. Кун объяснял, что «занятие Ташкента и за ним Самарканда, открыло русским исследователям Среднюю Азию, обширное поле для всестороннего ознакомления с краем, составлявшим столь долго для людей науки, предмет жадных стремлений их любознательности. Альбому поставлено главной задачей представить наглядно: 1) прошедшую жизнь края в сохранившихся древних памятниках (археологическая часть); 2) современную жизнь населения — типы, верования, обряды, обычаи, костюмы и виды более населенных местностей края (этнографическая часть); 3) культуру страны в промышленном, техническом отношении (промысловая часть) и 4) движение русских в эти новые страны, сгруппировав в одном целом виды местностей, где приходилось отличаться русскому оружию и портреты тех деятелей, которые были первыми, открывшими путь в Среднюю Азию (историческая часть)» (Цит. по: Прищепова, 2006. С. 221–222).

Оригинал «Туркестанского альбома» (ФА, отп. Q 487) поступил в фотоотдел из библиотеки ГАИМК в 1929 г. Из Публичной Библиотеки в феврале 1930 г. в Фотоотдел ГАИМК была передана коллекция негативов, включавшая 637 негативов, из них только с 35 негативов при изготовлении альбома были сделаны отпечатки. С части негативов в 1933 г. были изготовлены фотографии (ФА, отп. Q 492/1–23, O.919/1–84, O.920/1–104).

В альбоме представлены типы народностей Туркестана, «общественные увеселения», гулянья в праздники Рамазан в Пскенте и Курбан-байрам в Ташкенте, скачки (байга) у киргиз (ФА, отп. Q 487/1–7, 17, 41, 42). Имеются снимки, посвященные мусульманской школе, местным ремеслам, мелочной торговле и «уличным типам» в Ура-Тюбе и Самарканде (ФА, отп. Q 487/20, 23, 29, 43).

Большую часть альбома составляют фотографии архитектурных сооружений. В городах Катта-Курган, Пенджикент, Чимкент, Ходжент и Самарканд сфотографированы цитадели и укрепления; в Ура-Тюбе, г. Туркестане, Ташкенте и Самарканде — всемирно известные мечети, медресе и мавзолеи (ФА,

отп. Q 487/8–13, 16, 18, 21, 25–28, 30–32, 34, 35 и др.). Многие фотографии из «Туркестанского альбома» опубликованы в альбоме «Мусульманский мир Российской империи» (Длужневская, 2006б).

Материалы личного фонда А. Л. Куна включают две группы фотодокументов: 1) архитектурные памятники, виды различных местностей, городов Туркестана; 2) народности Туркестана: типы, общественная жизнь, производства, торговля, религия.

В Самарканде на Регистане были сфотографированы медресе Мирза Улугбек и Тилля-Кари, Шир-Дор (ФА, нег. IV 22, II 1355–1365, I 901–938; отп. Q 492/15, O.919/25–35, 82–84, O.920/1–35), комплекс Биби Ханым (ФА, нег. IV 8–11, 68–70; II 1333–1344; отп. Q 492/1–4, O.919/3–14, 59). В мемориально-культовом ансамбле XI – начала XX в. Шах-и Зинда — общие виды и детали мавзолеев, мечеть Кусамы-Ибн-Аббаса и ее интерьеры, надписи на фасадах и в интерьерах (ФА, нег. IV 13–21, II 1366–1380, I 939–976, 1002; отп. Q 492/6–14, O.919/36–50, O.920/36–73, 99). Мечеть Ходжа Абди-Бирун и мавзолей Ходжа-Абди-Дарун до некоторой степени напоминают комплекс Шах-и Зинда (ФА, нег. I 923, II 1349–1350, отп. O.919/19–20; отп. O.920/20). Менее известны мечеть и медресе Надир-диван-беги (ФА, нег. IV 12, II 1351–1354, 1348, I 888–900; отп. Q 492/5, O.919/18, 21–24, 69–81). В комплексе Гури-Эмир сняты общие виды и интерьеры (ФА, нег. II 1345–1346, I 879–887, отп. O.919/15–16, 62–68).

В Сырдарьинской области были сфотографированы в г. Тараз — мазар святого Аулиэ-Ата; в г. Ура-Тюбе — развалины мечети Кок-Гумбяз; в Ташкенте — медресе Кокаль-Даш (ФА, отп. Q 487/13, 26, 32, 46, 47, 49, 53). В г. Туркестане (Казахстан) зафиксированы фасад и дверь мавзолея святого султана Ахмада Яссави (ФА, нег. IV 24–30, 33, отп. Q 492/17–23). Кроме того, фотограф Н. Н. Нехорошев сфотографировал подсвечники и надпись на котле, подаренных в мечеть Тимуром (ФА, нег. I 977–988, отп. O.920/74–85).

Ряд фотографий фиксирует места боев при завоевании территории Туркестана (ФА, нег. IV 36, II 1477). Особо следует отметить портрет Оренбургского генерал-губернатора графа В. А. Перовского (1795–1857), руководителя Хивинского похода 1839–1840 гг., в 1853 г. овладел кокандской крепостью Ак-Мечеть. По Высочайшему повелению крепость была переименована в форт Перовский, преобразованный затем в город Перовск (ныне Кызыл-Орда) (ФА, нег. IV 31).

В Коканде были сняты виды дворца Сеид-худояр-хана и медресе Мадали-хана (ФА, нег. IV 44–46, 48); в Андижане — строящийся дворец сына кокандского хана (ФА, нег. IV 47); в Ассакке — виды части ханского дворца, его женской половины и торжественный прием во дворце (ФА, нег. IV 49–51). В Ташкенте сняты дом военного губернатора, общая молитва в праздник Курбан-байрам (ФА, нег. IV 53–59). В Ура-Тюбе — части города «Хандар-Чамани» и «Сери-Карчи»; в Ходженте — конный базар (ФА, нег. IV 60–65) и в Чимкентском уезде — добыча каменного угля (ФА, нег. IV 66). В Казалинске была сфотографирована мастерская Аральской флотилии; в г. Пенджикенте — часть города Дашти-Карабид и вид кишлака Суджина (ФА, нег. IV 41–43, 52, 67, 73).

Далее представим обзор материалов, названных в описи «Народности Туркестана: их типы, общественная жизнь, производства, торговля, религия».

Общественные увеселения отражены в снимках танцем женщин, пляской мальчиков и мужчин, национальной борьбой (ФА, нег. I 1101, 1224–1226, нег. IV 76–77), показаны места общественных сборищ «Кукнар Хан» и приготовление кукнара (ФА, нег. II 1462, I 1099). Катание на каруселях в праздник Нового года (ФА, нег. I 1038). Специально устраивалась кухня (ФА, нег. II 1463); продавали сладкий плов, кислое молоко, мороженое, жареную рыбу и разнообразные игрушки (ФА, нег. I 1033–1037). На гулянье в праздник Рамазан в Пскенте продавали вареные потроха и курили кальян (ФА, нег. I 1010, 1089). В праздник Курбан-байрам в Ташкенте в месте гулянья устраивали чайхану (ФА, нег. II 1464, I 1039–1040). В увеселении «маскара тахта бози» участвовали музыканты, игравшие на национальных музыкальных инструментах, и уличные артисты (ФА, нег. I 1104–1119).

Весьма подробно были зафиксированы обряды и праздники среднеазиатских евреев, которых чаще называли бухарскими (ФА, нег. II 1393–1402, I 1056–1058, 1060–1063, 1073–1074); портреты афганцев, индийцев; похоронный обряд индийцев и их увеселения (ФА, нег. II 1389–1390, 1403–1405, I 1102); портреты таджиков, а также их религиозные обряды и другие обычаи (ФА, нег. II 1423–1429, II 1434–1435, I 1070, 1125–1126).

Портрет святого шейха Маслахатдина из Ходжента; свадебные обряды, женские обычаи, похороны (ФА, нег. II 1436–1445, I 1068–1069). Узбеки представлены портретами кокандского хана Сеид-Мухаммеда-Худояр-хана, бывших беков, узбечек и оседлых сартов (ФА, нег. II 1446–1451, 1071, 1420–1422). По каракиргизам или горным киргизам имеется ряд портретов (ФА, нег. II 1406–1410); также по казахам или степным киргизам (ФА, нег. II 1413–1415), снимки свадебных обычаев и промыслов (ФА, нег. II 1416–1419, I 1064–1067).

Фотографом Н. Н. Нехорошевым были сделаны портреты каратегинцев (таджиков), хивинца и цыган джуги (ФА, нег. II 1411–1412, II 1452–1456, I 1072). А. Л. Куном было организовано фотографирование «ягнаубцев», жителей верховья р. Ягнауб (ФА, нег. II 1457–1459).

Яркое впечатление на русских, оказавшихся в Средней Азии, производили обычно базарные и уличные типы, мелкие торговцы (ФА, нег. I 1008–1009, 1015–1032, 1041–1055, 1086, 1087, 1090–1098, II 1466). Торговля осуществлялась в лавках, которые часто являлись и ремесленными мастерскими. Существовали хлебные ряды, москательные (ФА, нег. II 1467–1476, 1481–1485, I 1010–1014, 1075–1085, 1129–1131, 1170–1182).

В фонде А. Л. Куна сохранились фотодокументы по гончарному производству; производству камышевому; кожевенному, сапожному (ФА, нег. II 1486–1487, 1490, 1513, I 1127–1128, 1187–1199, 1204–1208). Имелись кузнечное и чугунно-литейное, столярное производство, выделка медных изделий (ФА, нег. I 1200–1203, 1210–1212). Табачное производство, хлопковое и производство шелка (ФА, нег. I 1213–1214, II 1132–1142, 1491–1497).

Шорники занимались изготовлением седел, на арбяном дворе делали составные части для арбы (ФА, нег. I 1149–1169). Представлено занятие земледелием и земледельческих орудий (ФА, нег. II 1488–1489, I 1183–1186). Имеется серия неопределенных негативов (ФА, нег. II 1498–1516, I 1215–1254; нег. IV 78–81).

Таким образом, «Туркестанский альбом» и неразрывно связанные с ним фото из фонда А. Л. Куна являются одним из самых ценных этнографо-этнологических источников, позволяя изучать архитектурные сооружения, торговлю и обыденные занятия населения, «увеселения», соответственно различную одежду, головные уборы, прически. Достаточно подробно показаны промыслы, ремесленные инструменты и многое другое. Необходимо вспомнить сказанное К. П. фон-Кауфманом, который считал «одной из главных обязанностей первой администрации в наших среднеазиатских владениях всестороннее ознакомление России с этим новым малоизвестным краем».

Неоднократно отмечалось, что фотография является наиболее точным и беспристрастным свидетельством увиденного через объектив: камера с одинаковой точностью фиксирует все, что попадает в кадр, в отличие от художественных произведений, где мастер обращает внимание на то, что наиболее заинтересовало его лично. К тому времени, когда С. М. Дудин отправился в Среднюю Азию с аналогичной целью, многое уже было потеряно. Отсюда уникальность данного материала для исследователей, занимающихся изучением истории и культуры народов Азиатской части России.

Работы в Сибири в период деятельности Императорской Археологической комиссии

Обширную территорию Сибири, простирающейся от Уральских гор до Приморского края, целесообразно рассматривать по условно выделенным регионам — Западная, Восточная и Южная Сибирь, Забайкалье. В административном отношении во второй половине XIX — начале XX в. эта территория подразделялась на четыре губернии и четыре области: Тобольская, Томская, Енисейская и Иркутская губернии, Забайкальская, Якутская, Амурская и Приморская области. Отделенный хребтами Западных и Восточных Саян Урянхайский край (ныне Республика Тыва) является северо-западной окраиной Центральной Азии.

В археологическом отношении в середине XIX века территория Сибири, несмотря на отдельные раскопки и приобретение случайно найденных древностей, начатые еще в петровскую эпоху, являлась в полном смысле *terra incognita* (Радлов, 1888. Приложения). Однако уже в 1860-х — начале 1870-х гг. в архив ИАК начали поступать материалы раскопок и обследований иных видов памятников в разных уголках Сибири. В период с 1872 по 1881 г. в исследовании местных древностей наступил спад — Открытые листы на раскопки в Сибири не запрашивались и не выдавались. Исследование древностей Сибири, находившейся за тысячи километров от культурных и научных центров Евро-

пейской части России, происходило по другой «схеме», нежели изучение памятников на юге России или в Центральной Азии — в эти регионы ИАК направляла своих сотрудников. В Сибири же комиссия вступала в контакты с местными краеведами, отчасти корректируя их работу и выдавая разрешение на раскопки, которыми занимались, преимущественно, чиновники, офицеры, учителя, врачи и политические ссыльные, но также и художники, писатели, крупные ученые и простые крестьяне. В качестве примера плодотворного сотрудничества столичных археологов с местными краеведами можно указать на контакты Комиссии с преподавателем Барнаульского окружного училища В. В. Радловым, сибирским публицистом, археологом и этнографом А. В. Адриановым, политическим ссыльным Д. А. Клеменцем и другими.

В фонде Археологической комиссии в фотоархиве Научного архива ИИМК РАН отложились фотографии и негативы материалов раскопок стоянок, курганов, могил и обследований других видов памятников А. В. Адриановым — с небольшими перерывами с 1883 по 1904 г.; Д. А. Клеменцем в 1888–1890, 1898 г.; И. Т. Савенковым в 1884–1901 и 1912 г.; В. И. Анучиным в 1903 г.; И. П. Кузнецовым-Красноярским в 1907–1911 гг. в Южной Сибири. С. К. Кузнецов в 1887, 1889, 1891 г.; А. О. Гейкель в 1893 и 1894 г.; С. М. Чугунов в 1895–1897, 1899 г.; Г. О. Оссовский в 1895 и 1896 г.; Н. Ф. Кашенко, 1896 г.; П. С. Проскуряков в 1897 г. осуществили раскопки в Западной Сибири; Ю. Д. Талько-Грынцевич в 1897, 1899, 1900 г. и Б. Э. Петри в 1913 г. — в Забайкалье. Н. М. Ядринцев в 1889 г. и П. К. Козлов в 1908 и 1909 г. работали в Монголии, а С. Р. Минцлов в 1914 г. и А. В. Адрианов в 1915–1916 гг. — в Урянхайском крае.

Случайные находки, поступившие в ИАК и затем переданные на хранение в музеи (или возвращенные владельцу), фотографировали М. Е. Романович, В. Г. Дружинин и И. Ф. Чистяков. Значительные коллекции древностей были собраны А. В. Адриановым и И. А. Лопатиным. Многие изделия восточного серебра, найденные в Сибири, опубликованы в атласе Я. И. Смирнова (Смирнов, 1908).

Материалы из Сибири хранятся в Эрмитаже, Историческом и Румянцевском музеях, Томском, Красноярском и Минусинском музеях, музее РАО. В 1890–х гг. съемку в музеях произвел А. О. Гейкель.

С именем Василия Васильевича Радлова, крупнейшего языковеда, фольклориста, этнографа, археолога, связаны развитие отечественной и мировой тюркологии второй половины XIX — начала XX в., начало научного подхода к археологическим материалам и использование их в качестве исторического источника. В. В. Радлов (Фридрих Вильгельм Радлов) (1837–1918) родился в Берлине и получил историко-филологическое образование в университете родного города. В 1858 г., сразу после окончания университета, защитил докторскую диссертацию по теме «О влиянии религии на народы Азии» и в том же году приехал в Петербург для занятий при Азиатском музее.

В его научной деятельности в России, прежде всего, следует выделить алтайский период (1859–1871), когда он служил учителем Окружного горного училища в Барнауле, занимался собиранием лингвистического, фольклорного

и этнографического материала. К археологическим исследованиям он обратился, столкнувшись с полным отсутствием письменных источников в области истории изучавшихся им народов. В эти годы он работал на обширной территории — от Енисея на востоке до Илийской долины на западе, в Енисейской и Тобольской губерниях, Монголии и Западном (Русском) Туркестане. Изначально В. В. Радлову было поручено проводить исследование Алтайского округа в естественно-историческом и этнографическом отношениях и совершать поездки в свободное от служебных занятий время, для чего ему выделили ежегодное денежное пособие (до 700 руб. серебром). Средства вносились в Алтайские заводские сметы в течение 5 лет, затем финансирование было продлено еще на пять лет (Артюх, 2003. С. 20).

Научные задачи, которые определил для себя исследователь, заключались в изучении языков тюркоязычного населения, собирании образцов фольклора и материалов по этнографии. К исполнению плана он приступил летом 1860 г., совершив поездку в Бийский округ, по долинам рек Чуи и Катунь, а весной 1861 г. — на Западный Алтай, к Телецкому озеру и в Урянхайский край, в район озера Кара-Холь. В сентябре 1861 г. В. В. Радлов присутствовал при раскопках нескольких курганов близ Барнаула, проводившихся французской экспедицией доктора Г. Менье и барона Л. де Эйхтала (Артюх, 2003. С. 20). По их окончании Василий Васильевич отослал в ИАК краткий очерк с рисунками найденных вещей (ЦХАФ АК. Ф. 2, оп. 1, д. 21; 2785). Именно тогда он убедился в необходимости «соединить археологические исследования с этнографическими и лингвистическими», так как «единственными источниками для истории передвижения древних народов по Южной Сибири должны служить остатки самих этих народов, остатки и людей, и вещей, хранящиеся в курганах» (Там же. Л. 22–22 об.), то есть — в необходимости изучения во взаимосвязи истории тюркских народов, этнографии, археологии и лингвистики. Таким образом, В. В. Радлов первым начал внедрять комплексный метод исследования на Алтае.

В контакте с Археологической комиссией Радлов работал с 1862 г.: в 1862-м он исследовал два средневековых кургана в Кулундинской степи у с. Боровой Форпост, курган на левом берегу Иртыша, напротив Семипалатинска, два кургана близ Терсакапского пикета, один — в долине р. Каркары. Все они носили «следы прежних раскопок» и были сильно ограблены. В небольших курганах близ Барнаула найдены бронзовая пряжка на поясе, медное украшение и остатки пояса, круглый просверленный камень, обломок железа, вероятно от ножа или кинжала, остаток кожи на ногах и полуистевший кусок резного дерева. Из 22 курганов, исследованных в окрестностях Копала, только один оказался не разоренным, во всех остальных — среди камней, заполнявших могилы, лежали разрозненные части скелетов людей. В детской могиле была найдена золотая бляшка четвероногого животного, возможно зайца, являвшаяся украшением одежды. Раскопки 14 курганов близ Сергиополя показали, что они также не уцелели от прежних расхищений. Только в двух были найдены фрагменты грубо сделанных глиняных сосудов. Результаты своих исследований Радлов признал неудачными, объясняя это ограб-

ленностью погребений (ОАК за 1862 г. С. XIX–XXII; Радлов, 1989. С. 452, 454; Демин, 1989. С. 78–79). В 1863 г. по поручению правительства и на средства Горного управления он отправился на Восточный Алтай изучать быт «нерусского» населения. Археологическая комиссия выделила деньги на археологические исследования в бассейне Абакана в Минусинских степях и у г. Красноярска, где В. В. Радлов раскопал более ста археологических объектов, в том числе курганы эпохи бронзы и железного века (РА. Ф. 1, 1863 г., д. 8. Л. 1, 7–9; Радлов, 1989. С. 454; Вадецкая, 1973. С. 108–110).

В 1865 г. В. В. Радлов произвел раскопки на р. Урсуле при Ангодайской (совр. Онгудайской), в Чуйской и Берельской степи, на берегах р. Катанды. На р. Урсуле он исследовал 7 курганов: два были ограблены ранее; в одном находилось погребение человека с глиняным остроконечным сосудом у головы; остальные оказались поминальными сооружениями, не содержащими могил. Из 8 курганов на р. Тобажок — четыре содержали могилы, в которых только при одном погребенном был положен железный ножичек, во втором находился скелет лошади с удилами во рту; остальные, по-видимому, «были насыпаны с иной целью».

Около деревни Катанда обследованы четыре кладбища. В первом — наиболее примечательными были захоронение коня, под которым лежали завернутые в шубу брюки из грубой ткани и чулки из тонкого войлока; погребение женщины в истлевшем головном уборе с медными украшениями, медными серьгами, серебряным кольцом, каменным кружком от веретена и каменным брусом. В одном из погребений мужчин обнаружены железные и костяные наконечники стрел, ножик, копье и обломки лука. На втором кладбище в девяти маленьких курганах открыто четыре нетронутые могилы. В одной встретились кости лошади, железные витые удила с кольцами, пара железных стремян и пряжка. Ниже лежали останки человека, при котором находился прямой меч и 17 трехгранных железных и костяных стрел, в изголовье стоял серебряный сосуд с ручкой. Во второй могиле ниже костяка лошади найден скелет человека с кресалом и несколькими железными стрелами. Еще две могилы имели такое же устройство, но с совершенно истлевшими скелетами. При одном находились обломки какого-то костяного предмета, 7 железных стрел, железный заступ, костяная пряжка от пояса, при другом только 5 железных стрел. Судя по устройству могильных ям и обнаруженным изделиям, это погребения древнетюркского периода, датируемые, вероятно, VIII – IX вв. (РА. Ф. 1, 1863 г., д. 8. Л. 17–18об.).

В Берельской степи Радлов исследовал семь курганов. В главном кургане, в 5 м высотой и 28 м в диаметре, камни наземного сооружения, образованного плоскими плитами и валунами, лежали рядами. Под ним — огромная яма, заваленная мерзлой землей, песком и огромными камнями, на дне которой был установлен деревянный сруб, покрытый с одной стороны тщательно отесанными досками, с другой — берестой, под которой по четыре в каждом ряду лежало 16 лошадей. На них виднелись деревянные и берестяные украшения, тонкие золотые узорчатые пластинки. С южной стороны оказалась прикрытая

берестой колода, по четырем углам ее лежало по одной вылитой из меди птице — с поднятыми и опущенными крыльями. За колодой находились выложенные из камней четырехугольники. За срубом шла простая яма, заполненная глиной и галькой; на самом дне ее лежали кости ног, рук и несколько ребер человека, около них — тонкие золотые украшения. При раскопках трех курганов, расположенных поблизости от большого, найдены погребения, аналогичные описанным выше древнетюркским, в одном были захоронены в ряд три лошади, с серебряными и костяными уздечными украшениями, при человеке обнаружены железный меч, два ножа, остатки панциря, следы серебряных пластинок, костяная пряжка и др.

В 2 км севернее Радлов исследовал еще несколько памятников — под одним было три, под другим пять скелетов лошадей, головы последних были украшены тонкими золотыми и серебряными пластинками, просверленными кабаньими клыками. Посредине ямы находилась раздавленная глиняная посуда, половина скелета человека, золотые пластинки от украшения одежды, железные ножичек и кинжал, рукоятки которых обложены тонким листовым золотом (РА. Ф. 1, 1863 г., д. 8. Л. 21–26об.).

Для В. В. Радлова, производившего раскопки большого количества памятников, 1865 год ознаменовался открытием Большого Катандинского кургана, с вечной мерзлотой и уникальными по сохранности предметами искусства, одежды и утвари древних алтайских племен (ОАК за 1865 г. С. XV–XIX; Радлов, 1989. С. 442–451; Вайнштейн, Кляшторный, 1972. С. 20–31).

В 1866 г. В. В. Радлов продолжил археологические исследования курганов в Барабинской степи, около аула Карган, близ Убинского озера и к северу от г. Каинска на правом берегу р. Оми; в Киргизской степи на правом берегу Иртыша, между оз. Чаны и г. Павлодаром, около оз. Сары-Озек; в Семипалатинске и в Кокбектинском крае, около Аблайкитских развалин и близ самого г. Кокбекты. Все раскопанные курганы близ Карганского аула оказались ограбленными. У с. Идюголь из шести «бугров» три оказались нетронутыми: погребенные лежали в ямах, на спине, с вытянутыми руками и были прикрыты двумя-тремя слоями бересты. При них были найдены остатки лука, железные и костяные наконечники стрел, медная пряжка, вырезанные из кости украшения. У двух из них в ногах находились раздавленные глиняные сосуды. Несколько сходные с идюгольскими курганы обнаружены у деревни Кызыр, с той разницей, что в кызырские погребения было помещено больше сопроводительного инвентаря — железные заступы, железные и медные мечи и наконечники стрел, у мужчин — остатки медных поясных украшений и пуговиц, на женских вокруг головы и ушей бисер, а на груди медные пряжки и бляхи. Около двух мужских скелетов — следы конских уздечек и стремян, но сохранность металла такова, что взять предметы из земли не представлялось возможным. Курганы относились к разным историческим периодам, но большинство из них являлось средневековыми.

На правом берегу р. Оми Радлов обнаружил огромное кладбище, но раскопки 20 маленьких и двух больших курганов не принесли особенных резуль-

татов, курганы были и грабленными, и изначально малоимущими. Вещей никаких не оказалось, кроме следов окислов меди в малых и железа — в большом. На самом берегу Оми исследователь увидел местность, которую местные жители называли крепостью. Заложив траншею, по всей длине ее он выявил обломки глиняных горшков с разными украшениями, формочки для отливки, множество древесного угля, жженые кирпичи и т. п. Скорее всего, это было городище, но по столь скудным данным определить его датировку Радлов не решился. В районе г. Павлодара, в местности Джыланде и в самом г. Семипалатинске он раскопал ряд небольших «бугров». Близ Павлодара умершие были похоронены с лошадьми с инвентарем из железа. В местности Джыланде все курганы оказались копаными ранее. В одном из погребений в Семипалатинске обнаружен скелет человека, лежавший на спине, головой на запад, с яшмовыми бусами на шее и медным зеркалом на груди, по краям которого китайская иероглифическая надпись. В ногах находился железный котел с носиком.

Радлов побывал на Аблайкитских развалинах в 50 км от Усть-Каменогорска и исследовал остатки главного строения. Аблайкитские палаты возведены из гранитных, довольно тщательно отесанных плит, стояли на земляном возвышении, обведенном стеной из неотделанного плитняка, скрепленного цементом. Полы внутри из утрамбованной земли (ОАК за 1866 г. С. XVI–XXV).

Раскопки курганов близ Катанды, в Чуйской и Берельской степях в 1865–1866 гг. в фотоархиве отражены снимками находок, отложившихся в фонде А. А. Спицына (ФА, отп. Q 441/37–50, 57–58), таблицами зарисовок металлических изделий из памятников Западной Сибири, исследованных в 1865–1870 гг. (РА. Ф. 1, 1865 г., д. 8. Л. 65; ФА, нег. I 91015) и материалами к работе «Сибирские древности» (МАР, № 15) — четыре медных навершия с фигурами оленя и баранов (ФА, отп. F 123/44).

На основе собственных исследований В. В. Радлов создал первую периодизацию археологических памятников, которая могла быть применена для обширной территории. Он подразделил памятники на четыре периода: к медному и бронзовому отнесены курганы с бронзовыми изделиями, без каких бы то ни было следов железа. Сюда включены открытые им в долине Абакана афанасьевские и карасукские погребения, а также некоторые писаницы и горные выработки. К древнему железному периоду — курганы с бронзовыми и железными орудиями и оружием; к новому железному — те из курганов, которые местное население считало «кыргызскими». Конечно, не все они кыргызские, то есть содержали остатки погребений по обряду трупосожжения, и были оставлены населением, жившим в иные исторические времена. Он также выделил памятники позднейшего железного периода, охватывавшие курганы вплоть до этнографической современности.

В целом, раскопки В. В. Радлова были проведены на уровне, в ряде случаев даже превосходившим методику многих археологов тех лет. Как видно из отчетов, он старался раскапывать курганы, полностью снимая наземное сооружение и целиком расчищая могилу; для фиксации материала составлял

схематические чертежи, показывающие конструкцию кургана и положение погребенных. Однако исследователь не всегда строго придерживался принятой им методики. Большой Катандинский курган, например, был раскопан при помощи траншеи, что привело к тому, что конское захоронение осталось им не замеченным (ЦХАФ АК. Ф. 2, оп. 1, д. 2785. Л. 22–22об.; Вайнштейн, Кляшторный, 1972. С. 27–29).

Помимо значительных достижений Радлова в археологии, результатом его ежегодных путешествий был постоянно накапливавшийся этнографический и лингвистический материал. Барнаульский музей, пополнявшийся находками Радлова, принял участие в Общероссийской антропологической выставке, организованной в 1869 г. Обществом любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. За коллекцию древностей из Сибири, состоящую из «чуждских вещей, костюмов, орудий, инструментов и разной утвари азиатских народов», Барнаульский музей получил серебряную медаль; часть предметов коллекции была оставлена в Москве (ЦХАФ АК. Ф. 66, оп. 1, св. 8, д. 34. Л. 30–68).

Научные результаты своих путешествий В. В. Радлов начал публиковать в годы пребывания на Алтае, как в виде отдельных статей, так и отчетов в Академию наук. Исследования наречий тюркских племен были оценены «как совершенно необходимые» и «достойными напечатания» (ЦХАФ АК. Ф. 2, оп. 1, д. 2819. Л. 115–120). По инициативе Академии наук с 1866 г. началось издание его первого фундаментального сочинения «Образцы народной литературы тюркских племен», продолжавшееся до 1907 г. Не меньшее значение для науки имеют другие крупные работы В. В. Радлова, написанные по материалам алтайского периода — «Из Сибири» (1884) и «Опыт словаря тюркских наречий» (1888–1911). Лингвистическая работа В. В. Радлова — это один из первых опытов сравнительно-исторического исследования тюркских народов и введение в научный оборот нового фактического материала. В алтайский период своей деятельности В. В. Радлов сформировался как основатель комплексного метода исследований, в сферу интересов которого вошли история, археология, этнография, лингвистика и другие науки (Кононов, 1982. С. 117, 120; Артюх, 2003. С. 20–21).

Позднее, в казанский период (1871–1884) он занимал должность окружного инспектора магометанских школ, изучая приволжские и башкирские тюркские говоры, чувашский и черемисский языки. Петербургско-Петроградский период длился с 1884 г. до кончины ученого в 1918 г. В 1884 г. Радлова избрали ординарным академиком Императорской Академии наук по части истории и древностей азиатских народов. В 1885–1890 гг. был директором Азиатского музея, участвовал в реконструкции Кунсткамеры Петра I, из которой был выделен этнографический отдел и создан Музей антропологии и этнографии: в 1894–1918 гг. В. В. Радлов был директором МАЭ. По его почину организован Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии (РКИСВА) и начато изучение древностей Восточного (китайского) Туркестана: председателем Комитета он был с 1903 по 1918 г. Кроме того, В. В. Радлов был председателем правления

Общества изучения Сибири и улучшения быта ее народов, руководителем многих научных археологических, этнографических и лингвистических экспедиций и поездок. В 1891 г. организовал и провел экспедицию Императорской Академии наук для исследования древних памятников долины р. Орхона в Монголии, в 1898 — Турфанскую во главе с Д. А. Клеменцем. Одновременно с В. Томсоном, расшифровавшим древнее руническое письмо, Радлов работал над переводами Орхонских надписей (Изв. ИАК, 1909. С. 114–115; Ольденбург, 1918. С. 1233–1236; Щербак, 1972. С. 54–63).

Видным исследователем более тридцати пяти лет занимавшимся изучением памятников Южной и Западной Сибири, Урянхайского края является археолог и этнограф, публицист А. В. Адрианов (1854–1920), член МАО с 1887 г. В 1883 г. он раскопал шесть курганов: пять на Тагарском острове близ Минусинска и один на р. Немире. В насыпи одного из них в деревянной погребальной камере он обнаружил многочисленные кучки пепла, шесть полных скелетов, разрозненные кости и 86 черепов, на некоторых сохранились таштыкские погребальные маски. Они стали первыми археологическими коллекциями Минусинского музея, полученными из раскопок (ФА, отп. О.698/42; Вадецкая, 1981. С. 39–42).

Музей, ради организации которого Н. М. Мартьянов приехал в Минусинск, был создан в 1877 г. С музеем и самим Н. М. Мартьяновым были тесно связаны Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов, И. Т. Савенков, а также И. П. Кузнецов-Красноярский, И. С. Боголюбовский и И. А. Лопатин — все они были археологами-любителями, но именно им принадлежит заслуга начала систематического исследования Минусинских котловин и проведения разведочных маршрутов для составления археологической карты региона. Н. М. Мартьянов сам раскопок не производил и как директор музея, получив право на их осуществление, предложил провести исследования Д. А. Клеменцу и И. П. Кузнецову-Красноярскому.

В 1887 и 1889 г. на берегу р. Томь близ Томска А. В. Адрианов открыл Томский могильник. Еще до раскопок были обнаружены остатки скелетов людей, шлифованный каменный топор, фрагменты керамических сосудов и целые сосуды. В результате двухлетних работ он вскрыл около 430 кв. м площади и получил богатый археологический материал, начиная с эпохи неолита до раннего железного века (Адрианов, 1892. С. 99–111). При последующих исследованиях Томского могильника А. В. Адрианов и член Восточного комитета МАО, профессор С. К. Кузнецов опять нашли орудия из камня и кремня, изделия из металла и кости. Были сфотографированы таблицы находок — ножи, зеркала, напершия, чеканы, украшения, керамические сосуды и каменные орудия (ОАК за 1887 г. С. CLXXVII–CLXXX; ОАК за 1889 г. С. 83–87; РА. Ф. 1, 1887 г., д. 26; ФА, нег. IV 284–285, 926, отп. О.693/55–60, О.698/21–35). Начиная с 1890 и до 1903 г., А. В. Адрианов производил раскопки на средства ИАК и посылал отчеты в Петербург. Найденные сосуды оставались в Минусинском музее, остальные вещи поступали в МАО (РА. Ф. 1, 1890 г., д. 68).

На 1887-й годъ

М. И. Д.
ИМПЕРАТОРСКАЯ
 АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
 КОММИССИЯ.

18^й листъ 1887 г.
 № 527

Открытый листъ

Предъявляю сего къ имени
 Императорскаго Русскаго
 Географическаго Общества
 Александру Васильевичу
Адрианову, занимающему
 и сразрешеніи Импера-
 торской Археологической
 Коммисіи, на своей собствен-
 ной счетъ, изслѣдованіемъ
 и временою цѣлью старин-
 ныхъ могильныхъ курганныхъ
 и городищъ въ Момской гу-
 берніи, данъ сій открытой
 листъ и тѣмъ, чтобы
 листныя Начальства без-
 препятственно допускали
 его къ упомянутымъ изслѣ-
 дованіямъ на казенныхъ и
 общественныхъ земляхъ и
 оказали ему всю вспоможе-

МИНИСТЕРСТВУ

ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОМИССИЯ

17 Дек. 1891 г.
№ 1524
Импер. арх. деп.

Въ Императорскій
Россійскій Историческій Музей

Императорская

Археологическая Комиссія, препровож-
дая при семъ для коллекцій Историчес-
каго Музея три гипсовыя массы,
найденныя г. Андреевскимъ въ
1887 году при археологическомъ
ислѣдованіи Московскаго мѣстечка
и и и а ,

имѣетъ честь покорнѣе просить о
полученіи массы № не оставитъ Ком-
иссію увѣдомленіемъ.

Подп.: Предсѣдатель Комиссіи
Государственнаго Двора Его Величества г. А. Водворской

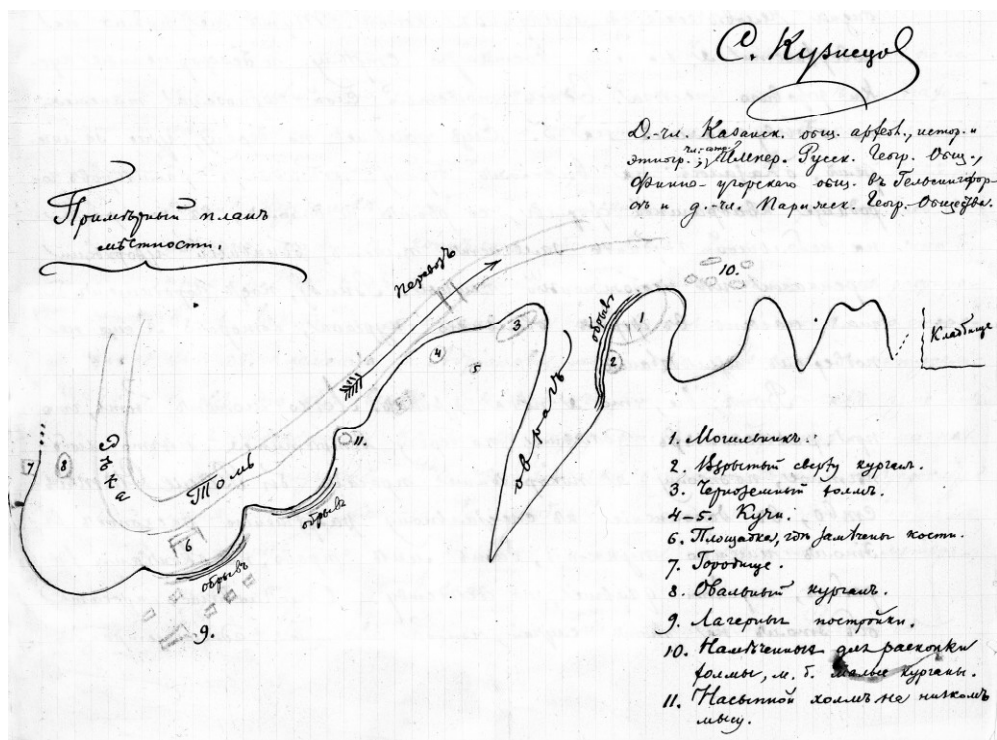
Въручено:

Директоръ-производитель М. Суменовъ

Директоръ-производитель М. Зуревъ

Письмо в Императорский Российский Исторический Музей от 17 декабря 1891 г.
(Ф. 1, 1887 г., д. 26. Л. 81)

Во время раскопок курганов в 1894 г. в Минусинском округе — на Тагарском острове и по долине р. Туба — А. В. Адрианов обнаружил и исследовал более 40 комплексов, в том числе карасукской и тагарской культур, в которых были найдены ножи, наконечники стрел, зеркала, бронзовые украшения, гладкие и орнаментированные глиняные сосуды, отправленные затем в Исторический музей (ОАК за 1894 г. С. 104–138; РА. Ф. 1, 1894 г., д. 34; ФА, нег. II 25685–25687, III 6688–6694). На следующий год в курганах близ с. Думная гора и на Тагарском озере в могильниках тагарской культуры он обнаружил глиняные сосуды, костяные наконечники стрел, бронзовые фигурные пластины, поясные пряжки, ножи, кинжалы, секиры, украшения (бляхи в виде оленей, «коники» и др.); происходящие из средневековых могил медные и железные орудия и оружие, стремена, удила, золотые украшения, молот и наконечники переданы на хранение в Эрмитаж (ОАК за 1895 г. С. 141–151; ФА, нег. III 6872–6873, 6773–6784, 7004–7008, II 25607–25609, отп. Q 680/1–5). У озера Кызыл-куль в Абаканской степи и в долине р. Уйбат он нашел тагарские костяные и медные орудия и оружие (РА. Ф. 1, 1895 г., д. 72; ФА, нег. II 25957–25969).

Ситуационный план местности близ Томского могильника
(Ф. 1, 1887 г., д. 26. Л. 10 об.)

Материалы раскопок А. В. Адрианова в 1896 г. в Абаканской степи у горы Самохвал (могила в сарагашенской ограде, 13 подгорновских курганов), близ д. Малая Иня и в долине р. Туба — костяные и медные орудия и оружие, медные фигурные бляхи и пр. — поступили в Исторический музей (ОАК за 1896 г. С. 104; РА. Ф. 1, 1896 г., д. 64; ФА, нег. II 26024, II 26067–26081), также как и обнаруженные при раскопках большого кургана тесинского этапа в котловине оз. Кызыл-Куль в Абаканской степи золотая бляшка, украшенная зернью, костяная пластинка в виде конской головы, бронзовые и железные орудия, серебряные и золотые пластины, костяные поделки, фрагменты глиняных сосудов (ОАК за 1897 г. С. 54–56; РА. Ф. 1, 1897 г., д. 43; ФА, нег. III 7159, II 25997–26003).

В 1898 г. он осуществил раскопки 23 курганов подгорновского этапа тагарской культуры и могил таштыкской культуры у Абаканской управы, по р. Абакан, у горы Самохвал и чаатаса за р. Ташебой. Были найдены сосуды, орудия, оружие, наконечники с фигурками козлов, зеркала и пр. (ОАК за 1898 г. С. 60–62; РА. Ф. 1, 1898 г., д. 74; ФА, нег. III 7955–7959). В следующем году Адрианов исследовал курганы за Абаканской управой. Медные зеркала, ножи, топор, наконечники стрел, костяные поделки, гипсовые погребальные маски отправлены в Исторический музей (ОАК за 1899 г. С. 103–105; РА. Ф. 1, 1899 г., д. 85; 1898 г., д. 74; ФА, нег. III 7947–7949). С этого года параллельно с раскопками Адрианов занимался изготовлением копий изображений на плитах, стоявших на курганах, и доставил ряд изваяний в Минусинский музей. В последующие годы работал в г. Иркутске. Вернувшись в Красноярск в должности ревизора управления акцизными сборами, он возобновил связи с Археологической комиссией, но теперь его больше интересовало изучение писаниц — их поиск, копирование и фотографирование.

В 1902 г. при раскопках двух курганов с коллективными погребениями у с. Частоостровское Красноярского у. А. В. Адрианов нашел орудия, оружие, зеркала, костяные и медные изделия (ОАК за 1902 г. С. 117; РА. Ф. 1, 1902 г., д. 33; ФА, нег. III 8768–8770; Дэвлет М. А., 2004. С. 35–36). Раскопки близ улуса Саргова и Оглахты Минусинского окр. проведены в 1903 г., из вскрытых могил пять относятся к афанасьевской культуре, десять — к подгорновскому этапу, три кургана и две могилы к сарагашенскому этапу тагарской культуры, три сруба — к таштыкской культуре. Найденные деревянные и глиняные сосуды, ложки, иглы, палочки, фигурки «идолов», бронзовое оружие, орудия, зеркала, фигурные бляхи и пластины, глиняная маска, чучело из травы, кожи и ткани, волосы, часть костяка с сохранившимися кожей и мускулами хранятся в Историческом музее (ОАК за 1903 г. С. 128–131; РА. Ф. 1, 1903 г., д. 33. Л. 20–23; ФА, нег. III 9098–9116, 9388–9391, II 27415–27422, отп. Q 680/12–36; Дэвлет М. А., 2004. Рис. 9–11).

В 1902 г. по поручению ИАК А. В. Адрианов осмотрел и зарисовал писаницы на утесах по течению р. Мана; в 1904, 1907 и 1909 г. работал на средства РКИСВА: осмотрены все известные к этому времени писаницы и найдены новые на берегах Енисея, рек Белый и Черный Июс. Он копировал все изобра-

жения, считая своей целью тщательнейший сбор массового материала. Сделанные эстампы хранятся в МАЭ, оставшаяся неизданной рукопись «Писаницы» в Научном архиве ИИМК РАН (РА. Ф. 2, оп. 2; Вадецкая, 1986. С. 158). Материалы обследования в 1904 г. Боярской писаницы близ с. Копены — фотопанорама писаницы с изображением древнего поселения — отложились в фонде Г. П. Сосновского (ФА, отп. Q 680/37; Дэвлет М. А., 2004. С. 19).

В 1905 г. А. В. Адрианов передал в Иркутский музей, так как к этому времени он переехал работать в Иркутск, три эстампажа с камней, вывезенных им из Урянхайского края в Минусинский музей. На камнях имелись руноподобные надписи, фигуры животных и изображение круга с лучами. Академией наук ему было поручено собирание и изготовление снимков с надписей в Восточной Сибири. В связи с этим, он предполагал исследовать острова на Ангаре в пределах Иркутской губернии (Изв. ИАК, 1905. С. 46).

В 1911 г. на средства РКИСВА А. В. Адрианов осуществил раскопки курганов в Западном Алтае. Было исследовано 14 ограбленных курганов в пяти различных местах, судя по всему раннескифских и оградок тюркского времени. Находки (в разных курганах) составили бронзовые зеркала, небольшой нож, точила, костяные трубочка и пластинка, бусы; в захоронении коня — бронзовые уздечные украшения, удила с остатками ремней, две пряжки; бронзовые и костяные наконечники стрел, фигурное зеркало, остатки костяного гребня. Сфотографированы были только золотые пластинки от конской упряжи, возможно составлявшие «клад» (ФА, отп. О.2212/5). По р. Майэмир, Солонечной и Бухтарме он раскопал восемь кольцеобразных сооружений из 7–9 камней, три каменные насыпи и несколько фигурных выкладок из крупного булыжника. Эти сооружения не являлись надмогильными и, как пишет исследователь, «имели какое-то иное назначение, но какое именно, выяснить не удалось» (Адрианов, 1912. С. 107; 1916). В 1915–1916 гг. он работал в Урянхайском крае (ныне Республика Тыва).

В целом, А. В. Адрианов исследовал около 150 курганов и множество отдельных могил, из которых происходит богатая вещевая коллекция. Несмотря на то, что он копал шурфами, добытые данные весьма ценны, так как представлены не только словесные описания могильников, но и их планы, подробнейшим образом отмечено все встреченное при раскопках, указано положение скелетов, длина костей и иные мелкие детали. Он видел свою задачу в добросовестном накоплении материала «для тех хорошо вооруженных знаниями археологов, которые используют этот материал. Зная твердо, что раскопкой я уничтожаю навсегда памятник древности, я старался вести подробный дневник и не упускать никакой мелочи, которая могла бы пригодиться в качестве материала» (Адрианов, 1916).

Сосланный в 1881 г. за противоправительственную деятельность в Сибирь Д. А. Клеменц провёл почти 15 лет в Минусинске, Томске и Иркутске. Уже в 1883 г. он начал обследовать археологические памятники в верховьях рек Томь и Абакан, а в 1886 г. выпустил книгу «Древности Минусинского музея». После этого на него обратили внимание в ИАК, и избрали членом-корреспондентом. С

1888 г. Д. А. Клеменц получал от Комиссии Открытые листы на право раскопок и средства на их проведение. Им исследованы курганы под Минусинском и Ачинском, в частности в 1888 г. в Ачинском округе раскопано 6 курганов с могилами бронзового века, в инвентаре которых не было встречено никаких железных изделий. После раскопок Клеменц сообщил в ИАК, что вынужден задержать отправку вещей в связи с состоянием сибирских дорог, с одной стороны, и отсутствием упаковочного материала, с другой. Он также сообщал, что хотел бы отправить в Москву известному антропологу Д. Н. Анучину для определения костный материал. Осенью того же года Клеменц намеревался посетить Чулым, где один из крестьян обещал указать необычные для Сибири и в особенности для Ачинского округа курганы, и собирался незамедлительно начать раскопки, если, как он пишет, не помешают снега и морозы. «В случае неблагоприятных условий для работы я не стану портить курганы: из мерзлой земли крайне трудно будет добывать мелкие вещи, многое и ускользнет от внимания» (РА. Ф. 1, 1888 г., д. 23. Л. 5). Следует отметить и то, что в переписке с ИАК Клеменц поднимает целый ряд вопросов, в том числе и касающихся ограниченности знаний сибирских археологов вследствие немногочисленности раскопанных памятников, единичности имеющих фактов и, следовательно, отсутствия материалов для сравнения, определения периодизации памятников и т. п.

Добытые Д. А. Клеменцем при исследованиях 1888–1889 гг. в Ачинском окр. и Минусинской котловине тагарских курганов, оград и могил, таштыкского склепа на Тагарском острове медные сосудики, различные украшения, железные стрелы и др. были приобретены в Эрмитаж (ОАК за 1888 г. С. СССР–СССХIV; ФА, нег. II 25742, II 25743); кинжалы, чеканы, ножи, бляхи «с ушками» — в Исторический музей (РА. Ф. 1, 1888 г., д. 23. Л. 8–35, 80–87, 226–253; ФА, нег. III 6936–6939).

Во время раскопок в 1890 г. в Джатасском могильнике в Минусинском окр. были найдены глиняные поделки, обломок сосуда, крестик и бляшки (ОАК за 1890 г. С. 70–72; РА. Ф. 1, 1890 г., д. 68; ФА, нег. II 25745, III 6940). В архиве сохранились фотографии таблиц с находками из раскопок в 1898 г. на р. Чулым в с. Назарово Ачинского округа, где исследованы большие тагарские курганы (ФА, отп. F 123/52–55). Кроме того, Д. А. Клеменц описал пещеры, средневековые крепости и наскальные изображения (ОАК за 1889 г. С. 80–83; Вадецкая, 1981. С. 31–35).

Клеменц, как и практически все исследователи сибирских древностей конца XIX – начала XX в. не был археологом, но слишком любил археологию и занимался раскопками на высоком профессиональном уровне. Во многих вопросах он был «первопроходцем», изучал новые, ранее не исследовавшиеся типы памятников; к 1885–1886 гг. собрал материал для археологической карты Минусинского округа и прилегающих к нему местностей и предполагал продолжать эту работу и сообщать в ИАК о новых памятниках.

В 1909 г., уже заведовавший к этому времени Этнографическим отделом Русского музея императора Александра III, Д. А. Клеменц подал прошение об отставке, Русский музей обратился в ИАК с просьбой поддержать ходатайство

«авторитетным отзывом Высокого Научного Учреждения о заслугах его в области научного обследования нашего обширного отечества». В обращении были подведены итоги деятельности Д. А. Клеменца: в 1883 г. — обследование верховьев Томи, Матура и других рек; в 1884 г. — экспедиция в верховья Абакана; в 1885 г. — поездка в Урянхайский край (исследование р. Хемчик); в 1886 г. — экспедиция в Восточный Саян к сойотам, спуск по Енисею и переход по Малому Абакану. В 1888–1890 гг. по поручению ИАК он проводил раскопки в Ачинском и Каинском округах Енисейской губ. В Иркутске служил правителем ВСОИРГО. В 1886 г. провел т. наз. экскурсию к бурятам, произвел раскопки громаднейшего кургана переходной эпохи от бронзы к железу. Приняв предложение В. В. Радлова участвовал в Орхонской экспедиции, дошел до Орхона и затем вернулся в Минусинск. Так же по поручению В. В. Радлова за 5 лет проехал по Монголии до 15 тысяч верст. В 1898 г. состоялась экспедиция в Турфан, имевшая огромное значение как толчок для постановки интернациональной задачи изучения Азии в археологическом отношении (РА. Ф. 1, 1888 г., д. 23. Л. 199–203). Ходатайство было поддержано ИАК с высокой оценкой многолетней деятельности Д. А. Клеменца (Длужневская, Лазаревская, 2009. С. 605–609).

В 1887–1889 гг. в Сибири работала экспедиция Финского археологического общества под руководством профессора Гельсингфорского университета, историка, археолога и востоковеда Иоганна Рейнгольда Аспелина при участии археолога Отто Хельмана Апеельгрена-Кивало. В течение двух месяцев 1887 г. они обследовали разновременные памятники у улусов Орак, Ошколь, Подкамень, Большого и Малого озера, дер. Соленоозерная, Таргасуль, Сухая Ерба, с. Знаменское, Абакано-Перевозное, в округе с. Потрошилово, Аскыза, долины Камышты, в окрестностях Минусинска и др., а также Сулекскую писаницу и гору Оглахты; произвели выборочные раскопочные работы, копирование и фотосъемку писаниц (РА. Ф. 1, 1889 г., д. 39. Л. 15–26). В 1888–1889 гг. было изучено и скопировано 32 надписи в бассейне Енисея, в том числе сделаны эстампажи стел в Урянхайском крае. Однако, после того, как датский лингвист В. Томсен в 1893 г. расшифровал орхонские письма и установил, что это руническая письменность древних тюрков, а не древних финнов, как считал И. Р. Аспелин, он потерял интерес к исследованиям в Сибири и больше не возвращался к изучению памятников в бассейне Енисея (История востоковедения, 1997. С. 382–383; Кызласов, 1969. С. 8–9; Матющенко, 2001. С. 56–57).

Директор Красноярской учительской семинарии краевед И. Т. Савенков в 1884–1886 гг. провел раскопки шести погребений неолитического могильника Базаиха в Енисейской губ., в которых были найдены орудия из камня, фигурки животных и изделия из кости (ФА, отп. Q 393/1–4). В 1889–1901 гг. он копировал петроглифы на скалах у д. Оглахты, Копены, Трифоново, Абаканской заставы на р. Туба, где были изображены животные, люди, всадники, в том числе с луками, «шаманы» с бубнами, отдельно бубны, кыргызские тамги, и попытался предварительно разделить их на хронологические периоды, следуя технике исполнения (ФА, нег. III 8091–8095; Савенков, 1886; 1910). В

1910–1911 гг. он исследовал тагарский курган у р. Бири. Фотограф Н. В. Федоров зафиксировал виды кургана и процесса раскопок (ФА, отп. О.983/26–28). Негативы хранятся в Минусинском музее им. Н. М. Мартьянова.

Следует отметить, что И. Т. Савенков был первым исследователем, серьезно занимавшимся памятниками каменного века, придавал огромное значение антропологическому и остеологическому материалу и считал, что для составления археологической карты необходима более точная и обоснованная классификация курганов с точки зрения наземных сооружений, а в предложенных классификациях выделено недостаточное количество типов, характеристики их неопределенные, расплывчатые. Он, также как Д. А. Клеменц, составлял археологическую карту, которую выслал для публикации П. С. Уваровой в МАО. Через некоторое время попросил ее вернуть для уточнения, предполагая послать карту в дальнейшем вместе с другими материалами, однако, все они исчезли (Вадецкая, 1981. С. 46).

Материалы о древностях Сибири поступали в Комиссию и от наставника Красноярской учительской семинарии, позже — консерватора Красноярского краевого музея П. С. Проскуракова, который в 1895 г. произвел раскопки курганов у д. Карымской, Татарской и с. Ладейского Енисейской губ. и нашел бронзовые ножи, кинжалы, молотки и бляхи (ОАК за 1895 г. С. 152–157; ФА, нег. II 25614–25618, 25727–25728, отп. Q 643/17–18). В 1897 г. он работал в Айдашинской пещере, где обнаружил медные, железные и костяные наконечники стрел и копий, фигурные пластины и прорезные бляхи (ОАК за 1897 г. С. 52–54; ОАК за 1899 г. С. 105; РА. Ф. 1, 1897 г., д. 187; 1899 г., д. 43; ФА, нег. III 7064–7067).

В 1903 г. член-сотрудник Археологического института, этнограф В. И. Анучин исследовал памятники у с. Сухобузимское Красноярского уезда. Местонахождение материалов позволяет предположить, что здесь находилось поселение, хотя исследователь не составил об этом определенного мнения. Кроме того, Анучин раскопал курган с коллективным погребением (до 200 скелетов). Умершие были похоронены в разных позах, у некоторых имелись круглые отверстия в черепах. В яме находилось множество миниатюрных бронзовых поделок: секиры, ножички, разнообразные зеркала и т. п. Добытые материалы: ножи, кинжалы, наконечники, зеркала были присланы в ИАК, откуда после фотографирования, отправлены в Исторический музей (ОАК за 1902 г. С. 147, 157; ОАК за 1903 г. С. 131–132; РА. Ф. 1, 1902 г., д. 116; 1903 г., д. 94; ФА, нег. III 9168–9170).

В 1884 г. историк, археолог, член ВСОИРГО И. П. Кузнецов-Красноярский раскопал для Минусинского музея с разрешения ИАК 17 древних могил у с. Аскыз, в верховьях рек Немира и Узунжул. Раскопки отличались высоким качеством исполнения: землю из заполнения могил снимали послойно и дополнительно просеивали.

Во время раскопок в 1907 г. курганов у с. Синявино в Минусинском окр. И. П. Кузнецовым-Красноярским было исследовано 6 карасукских могил и тагарская ограда на западном берегу оз. Шира: найдены грузила, бусы, булавка,

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКОГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССИЯ.

Открытый листъ.

На 1903 р е т и й годъ.

16 . . . М а я . . . 1903 . . .

№ 1196.

С.-Петербургъ.

Здание ИМПЕРАТОРСКОГО Зимнего Дворца.

Виданъ этотъ листъ Г.Члену-сотруднику С.Пе-
тербургскаго Археологическаго Института
Василію Ивановичу А Н У Ч И Н У.

Императорскою Археологическою Коммиссіею на
право производства археологическихъ раскопокъ въ
теченіи 1903 года на земляхъ казенныхъ, обществен-
ныхъ и принадлежащихъ разнымъ установленіямъ
въ предѣлахъ Сухобузымской волости, Краснояр-
скаго уѣзда, Енисейской губерніи,

съ обязательствомъ доставить въ Коммиссію отчеты
или дневники по произведеннымъ раскопкамъ, а
также, при особой описи всехъ находокъ, наиболее
ценные и интересные изъ найденныхъ предметовъ,
для представленія ихъ на Высочайшее Государя
Императора воззрѣніе.

Председатель Императорской
Археологической Коммиссіи,
Гофмейстеръ Двора ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Сенаторъ

Делопроизводитель

Листъ этотъ действителенъ на одинъ годъ и, по минованіи надобности, долженъ быть
представленъ обратно въ Коммиссію.

на оборотѣ.

Открытый лист В. И. Анучину на 1903 г. (Ф. 1, 1903 г., д. 94. Л. 22)

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО
ДВОРА.

ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ

КОММИССИЯ.

25 Февраля 1911.

№ 197

С.-Петербургъ

Здание ИМПЕРАТОРСКАГО Зимняго Дворца.

Открытый листъ.

№ 1971 одиннадцатый дводъ.

Выданъ этотъ листъ Дѣйствительному члену
Восточно-Сибирскаго Отдѣла ИМПЕРАТОРСКАГО Рус-
скаго Географическаго Общества Иннокентію Петро-
вичу К у з н е ц о в у _____

Императорскою Археологическою Коммиссіею на
право производства археологическихъ раскопокъ въ
теченіе 1911 года на земляхъ казенныхъ, обществен-
ныхъ и принадлежащихъ разнымъ установленіямъ въ
предѣлахъ Минусинскаго и Ачинскаго уѣздовъ,
Енисейской губерніи, _____

съ обязательствомъ доставить въ Коммиссію отчетъ
или дневникъ по произведеннымъ раскопкамъ, а
также, при особой описи всѣхъ находокъ, наиболее
ценные и интересные изъ найденныхъ предметовъ,
для представленія ихъ на Высочайшее Государя
Императора воззрѣніе.

За Предсѣдателя Императорской
Археологической Коммиссіи,

Товарищъ Предсѣдателя, Академикъ *В. С. Златовицкій*

Делопроизводитель *М. С. Кузнецовъ*

Листъ этотъ действителенъ на одинъ годъ и, по мнѣнію надобности, долженъ быть
представленъ обратно въ Коммиссію.

на оборотѣ.

нож (РА. Ф. 1, 1907 г., д. 24; ФА, нег. П 30999–31000). В 1908–1911 гг. он провел раскопки в долинах р. Аскыз, Черный Июс и Ниня в Минусинском окр. и сфотографировал виды местностей, курганы, плиточные могилы, писаницы, каменную бабу и находки — сосуды, оружие, удила, стремяна и пр. Снимки отложились в фондах А. А. Спицына (ОАК за 1908 г. С. 189; РА. Ф. 1, 1907 г., д. 24; ФА, отп. О.744/1–61, 70–76) и РАО (ФА, отп. Q 475/3–13). Кроме того, сохранился снимок глиняного сосуда из кургана баиновского этапа тагарской культуры по р. Немира в Минусинском окр. (РА. Ф. 1, 1890 г., д. 37; ФА, отп. О.744/46) и рисунок И. П. Кузнецова-Красноярского каменного изваяния с р. Немира (ФА, отп. Q 441/34).

И. П. Кузнецов-Красноярский одним из первых откликнулся на призыв собирать материал для археологической карты, совершив для этого в 1880-е гг. ряд обследований; предложил свою классификацию памятников (Кузнецов-Красноярский, 1889), часть сооружений совпадает с типами, выделенными Д. А. Клеменцем, среди других отмечено значительно больше разновидностей и даны их точные описания. Кроме того, И. П. Кузнецов — один из наиболее крупных сибирских коллекционеров древностей и, начиная с 1876 г., отсылал в Петербург предметы из личного собрания (ФА, отп. О.744/6, 62).

Внимание исследователей из Великого княжества Финляндского к сибирским древностям определенно было связано с поисками «финно-угорской прародины» за Уралом. В 1889 г. член Финского археологического общества, доцент Гельсингфорского университета А. О. Гейкель получил от ИАК Открытый лист для проведения раскопок в Томской и Енисейской губерниях. По завершении работ он представил в Комиссию отчет и опись фотографических снимков, сделанных им с коллекций Минусинского музея (РА. Ф. 1, 1889 г., д. 39). В 1893 и 1894 г. произвел небольшие раскопки в Тобольской губернии у Ялutorовска и Кургана. Фотографии видов курганов сохранились в фонде А. А. Спицына (ФА, отп. Q 452/1–3).

Часть собрания представляют фотографии по археологии Сибири — древности Минусинского, Красноярского и Тобольского музеев в фотографиях 1890 г. Гейкеля и Аспелина; археологические коллекции музеев ВСОРГО в Омске, Тюмени и др., снятые в 1911 г. Бекреевым, а также эстампажи писаниц, выполненные А. В. Адриановым на р. Абакан в 1898 г. и на р. Енисей в 1904 г., и полевые работы И. П. Кузнецова в Минусинском округе в 1908–1911 гг.

Фотографии сибирских древностей, находящихся в Томском, Минусинском и Гельсингфорском музеях, были присланы в ИАК (ФА, отп. О.698/21–44). В Москве, в Историческом музее Гейкель сфотографировал изделия из железа (предметы конской упряжи, вооружения, пряжки и др.), в Румянцевском — бронзовый предмет с врезанными знаками. Им были сняты также рисунки из «Атласа М. С. Знаменского»: виды и планы городков в Сибири и сибирские древности, в том числе из раскопок М. С. Знаменского и А. И. Дмитриева-Мамонова в 1880-х гг. у мыса Чуваш. Практически все материалы отложились в фонде А. А. Спицына (ФА, отп. Q 452), кроме фотографии серебряной бляхи

с изображением двух животных в центре и орнаментом (ФА, отп. Q 475/52). Этот снимок, сделанный в Тобольском музее, сохранился в фонде РАО.

В 1895 г. по поручению ИАК и на ее средства состоялись раскопки антрополога, прозектора Императорского Томского университета С. М. Чугунова и члена Томского общества естествоиспытателей и врачей Г. О. Оссовского. При раскопках С. М. Чугуновым 10 курганов в Томской губ. — с. Спасском, Тояновом городке и Усть-Тартасском могильнике — обнаружены орудия, костяные наконечники стрел, бронзовые украшения, фрагмент керамического сосуда, а также зеркало, поясной набор, глиняный сосуд (ОАК за 1895 г. С. 41–43, 138–140; ОАК за 1896 г. С. 219–225; РА. Ф. 1, 1895 г., д. 80; ФА, нег. II 25732, 25624, 25625, 25721, 25741, I 20519, III 6934–6935, отп. Q 643/14–16, Q 642/8).

Раскопки производились траншейным методом. В последующие годы он продолжил раскопки в с. Спасское и Тояновом городке. Кремневые и костяные наконечники стрел и копий, медные украшения, каменные молот и долото, глиняные пряслица, зеркало, поясной набор, горшок, поясные наконечник и пряжка хранятся в ГИМ (ОАК за 1896 г. С. 100–103; ОАК за 1897 г. С. 51–52; РА. Ф. 1, 1896 г., д. 71; 1897 г., д. 133; ФА, нег. III 7184, 6934, 6935, 7092; II 25988–25993, 25741; I 20519, 20550; отп. Q 647/28). В 1899 г. С. М. Чугунов вместе с штатным смотрителем училищ Каинского и Барнаульского округов А. А. Аргуновым раскопал курганы древнетюркского времени у с. Убинское и обнаружил поясные украшения и стремяна (ОАК за 1896 г. С. 98–100; ОАК за 1899 г. С. 143; РА. Ф. 1, 1896 г., д. 63; 1899 г., д. 70; ФА, нег. II 26235–26236).

Из раскопок курганов Г. О. Оссовским близ с. Тисуль и Б. Барандат в Томской губ. происходит колесовидный предмет (ОАК за 1895 г. С. 43–44; РА. Ф. 1, 1895 г., д. 80; ФА, отп. Q 643/11), из курганов скифского времени на р. Убиенке в Томской губ. — бронзовый чекан, котелок, пластина в виде оленя; приобретенные там же изображение летящего журавля и ажурная пластина хранятся в ГИМ (ФА, нег. II 25823, I 20548–20549, отп. Q 643/12–13). Эти исследования позволили ему установить близость данных памятников к минусинским «коллективным могилам».

Во время исследований зоологом, профессором Томского университета Н. Ф. Кашенко в 1896 г. палеолитической стоянки на берегу р. Томь близ г. Томск были сделаны фотографии раскопанных площадок с костями мамонта (ФА, отп. O.928/16–17). Не являясь археологом-профессионалом, он, тем не менее, использовал великолепную по качеству методику раскопок — стоянка была исследована широкой площадью, охватившей весь памятник. Подобная методика исследования стоянки, по мнению А. А. Спицына, явилась определенным достижением отечественной археологии. Н. Ф. Кашенко сделал ряд выводов, в дальнейшем не подвергавшихся сомнению: по залеганию в одном комплексе костей мамонта и каменных изделий доказано бесспорное сосуществование человека и мамонта в низовьях Томи, а также то, что стоянка была кратковременным лагерем охотников на мамонта (Матющенко, 2001. С. 37; Древности, 2005. С. 47).

Исследование библиотекарем Томского университета С. К. Кузнецовым в 1884 г. курганов близ с. Асанского в долине р. Абакан было завершено представлением в ИАК описания раскопок, плана расположения могильника и рисунков находок. В 1891 г. в курганах на р. Яя были найдены медное оружие и бляхи со звериным орнаментом. В 1896 г. в средневековых курганах близ Томска, вероятно VIII–IX вв., помимо железных изделий им найдено «до сотни бронзовых изделий, две чаши, шесть поясных фигурных блях, идол, ножи, ножницы, булавки, бусы, пряжки, большой диск, оригинальные подвески. Хотя курганы тронуты хищниками, но находки сохранились в тайниках». Бронзовая четырехугольная бляха с тремя медвежьими головами, фигурные пластины, стреловидные пластины с отверстиями, которые хранятся в ГИМ'е (ОАК за 1892 г. С. 71–73; 1892 г., д. 132; РА. Ф. 1, 1889 г., д. 62; 1896 г., д. 53. Л. 34–39, 41; ФА, нег. II 25843–25844, I 20633, 20558–20561, IV 186–195, отп. Q 440/7). Кроме того, в 1891, 1895 и 1896 г. он открыл близ г. Томск шаманские погребения: первое — на Тояновом городке относится к XVII в. и содержало остатки бубна, подвески, бусину из каменного угля; второе — в кургане на р. Басандайка с остатками бубна с колотушками; в третий раз он обнаружил два древних шаманских погребения VIII в. с крылатыми идолами и другими предметами. С. К. Кузнецов также сообщил о кладоискательских работах томича Е. Е. Белоусова, в 1901 г. служившего на Забайкальской железной дороге, и приобретенных у него предметах, составлявших шаманское облачение с множеством подвесок, бусин, раковин каури, остатков бубна и меча в истлевших деревянных ножнах (Изв. ИАК, 1904. С. 22–23).

В исследовании древностей Забайкалья Комиссия сотрудничала с кяхтинским врачом, антропологом и краеведом, правителем дел Кяхтинского музея Ю. Д. Талько-Грынцевичем, который обнаружил многочисленные могильники в долине Селенги и на ее притоках, часть которых он определил как памятники азиатских гуннов, в 1897 г. исследовал Суджинский могильник в Троицкосавском окр. Забайкальской обл. и нашел костяные и бронзовые изделия гуннской эпохи (ОАК за 1897 г. С. 84; РА. Ф. 1, 1897 г., д. 31; ФА, нег. III 7139–7141, отп. Q 643/3; Талько-Грынцевич, 1928). В 1898–1900 гг. он изучал памятники в Верхнеудинском, Новоселенгинском и Троицкосавском округах, где были найдены пряжка, поясной наконечник, глиняные сосуды, изделия из кости, бронзы и железа, железные наконечники стрел и копий, ножи, фрагмент зеркала, монеты, бляхи с львиными головами и с грифоном, нападающим на зверя, прорезные бляхи со звериным орнаментом, бусы и раковины (ОАК за 1898 г. С. 93; ОАК за 1899 г. С. 141; ОАК за 1900 г. С. 118; РА. Ф. 1, 1898 г., д. 97; 1899 г., д. 34; 1900 г., д. 53; ФА, нег. III 7888–7889, 7711–7712; I 20685, II 26311–26316, отп. Q 643/3, 42; Талько-Грынцевич, 1928).

Захоронения в Кяхтинском районе, в пади Царам были обнаружены Талько-Грынцевичем в июне 1899 г. Он зафиксировал не менее 20 могил, «рассеянных по лесу». Пять из них в июне 1903 г. он исследовал вместе с Я. С. Смолевым. Все могилы были ограблены, полученные находки оказались немногочисленными: железное шило с кольцеобразным навершием, фрагменты бронзовой накладки и нескольких сосудов. Тем не менее, по особенностям

внутримогильных конструкций исследователь отнес их к выделенному им типу «захоронений в срубках», интуитивно отождествленных с погребениями хуннов (ОАК за 1903 г. С. 177; РА. Ф. 1, 1903 г., д. 257; Талько-Гринцевич, 1999. С. 93, 117–118).

Материалы раскопок в 1913 г. этнографа и археолога, сотрудника МАЭ, позже профессора этнологии Иркутского университета Б. Э. Петри с многослойной стоянки Улан-Хада в бухте Мухорского залива оз. Байкал составили фрагменты керамики и каменные орудия (хранятся в МАЭ). Б. Э. Петри провел раскопки на высоком для того времени методическом уровне и датировал стоянку эпохой неолита. Он вскрыл 11 слоев, в каждом из которых были найдены изделия, свидетельствующие о пребывании здесь древних людей. Чем выше он «поднимался» по археологическим слоям, тем изделия становились все более совершенными по форме и исполнению. В первую очередь, это относится к фрагментам керамических сосудов. Б. Э. Петри предположил постепенное развитие культуры обитавших здесь некогда людей и смену одного поколения другим (ФА, отп. О.1110/46–68; Изв. ИАК, 1914. С. 139; Петри, 1914; Свинин, 1992. С. 111–133).

Московскія вѣдомости
12 Сентября 1889 г. № 252.

ИРКУТСКЪ. Экспедиція Н. М. Ядринцева. Въ теченіи нынѣшняго лѣта Н. М. Ядринцевъ предпринялъ поѣздку въ предѣлы Монголіи по порученію Восточно-Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, для отысканія развалинъ древней столицы имперіи Монголовъ Карокурума. 12 іюня экспедиція Н. М. Ядринцева, въ составъ которой входили г. Смысловскій, въ качествѣ топографа, и г. Парожковъ какъ переводчикъ монгольскаго языка, выступила въ Монголію чрезъ южныя ворота Кяхты на 10 вьючныхъ лошадахъ, нѣсколькихъ верблюдахъ и при проводникахъ изъ Монголіи. Недавно Восточное Обозрѣніе получило отъ г. Ядринцева слѣдующую телеграмму изъ Кяхты: „Экспедиція возвратилась, передайте председателю отдѣла: достигли вершинъ Орхона, открыто много дворцовъ, два древніе города, сняты планы, открыто древнее царское кладбище съ монументами, надписями, снято множество іероглифовъ. Скоро буду въ Иркутскѣ.“

Материалы Орхонской археологической экспедиции под руководством Н. М. Ядринцева в 1889 г. представлены снимками прорисовок тюркских и древнемонгольских надписей из Карабалгасуна и Кошо-Цайдама (ФА, отп. Q 441/52).

В 1908–1909 гг. путешественник, исследователь Центральной Азии П. К. Козлов работал на древнем городе Хара-Хото в Монголии. В архиве сохранились фотографии изображений Будды на шелке, вырезанных из дерева и вылепленных из глины (ФА, нег. III 11479–11486).

Исследования в Урянхайском крае (ныне Республика Тыва)

Изучение памятников в Урянхайском крае началось в 1880-е гг. Впервые А. В. Адрианов был в Туве в составе экспедиции Г. Н. Потанина в 1879 г. Долиной р. Торгалык путешественники вышли к Улуг-Хему недалеко от подножья священной горы Хайыракан и направились долиной Улуг-Хема вверх по его течению.

В 1881 и 1883 г. А. В. Адрианов совершил путешествия на Алтай и за Саяны по заданию ИРГО. В 1881 г. средства на поездку были выделены Географическим обществом, редакцией «Сибирской газеты» и минусинским купцом Г. П. Сафьяновым, который предложил взять на себя расходы для разъездов экспедиции «за Саянами» и возвращения ее в Минусинск. А. В. Адрианов спустился в долину р. Хемчик, где срисовал петроглифы и надписи на скалах Бижикиг-Хая и обследовал каменное изваяние, известное под названием «Чингисхан». В скале Бижикиг-Хая он осмотрел и описал буддийскую нишу: в естественной нише оказалось искусно нарисованное кистью изображение Будды, сидящего в окружении облаков, дракона и птиц, датированное имевшейся иероглифической надписью 1358 г. (Грач, 1955. С. 31). Он также осмотрел и описал буддийскую нишу Чурумал-Бурхангыг на берегу р. Чаа-Холь: «В отвесной скале, сложенной из сланцев, на высоте около 3 сажен от земли сделана ниша, имеющая в высоту около 1,5 аршин, а в ширину и глубину до одного аршина (высота — 1 м, ширина — 60 и глубина — 86 см). В глубине этой ниши на задней её стенке рельефно высечены три божества; среднее изображено в весьма обыкновенной позе бурхана с поджатыми под себя ногами и напоминает распространённое изображение Шигемуни (Шакьямуни), а два боковых в стоячем положении. Снаружи перед входом в нишу по сторонам её поставлены две статуэтки около аршина высотой, весьма хорошо и отчётливо отделанные; статуи парные, изображают воинов, у которых один сжатый кулак поднят кверху, а другой подперт в бок, так что они напоминают несколько английских боксёров, изображаемых на картинках. Группа эта пользуется большим почитанием лам и народа, внимание которых проявилось между прочим и в том, что на стенках ниши были расклеены бумажные маленькие рисунки, изображающие корзины с плодами, букеты цветов, различных животных и проч.; а на дне ниши валялись лоскутки бумаги также с рисунками, медные коробочки и т. д. На земле перед скалой протянуты на кольях бечёвки, увешанные тысячами лент, по большей части бумажных, а также и матерчатых; целые вороха этого добра навязаны на бечёвки и при малейшем дуновении ветра поднимают странный шум и шелест среди немых мест» (Адрианов, 1888. С. 400–401; Длужневская, Савинов, 2007).

На правом берегу Улуг-Хема на пути к р. Чинге А. В. Адрианов отметил на утёсе около ручья Биделик изображения животных и какие-то загадочные знаки. Это было первое сообщение о петроглифах в данном районе. Подробно об этой стороне деятельности А. В. Адрианова говорится в специальной работе М. А. Дэвлет (Дэвлет М. А., 2004). Кроме того, он открыл и описал ряд

крупных местонахождений петроглифов и руноподобных надписей (близ совр. пос. Кызыл-Мажалык, скалы Хая-Бажы на правом берегу р. Хемчик, в местности Баянкольчик на правом берегу Улуг-Хема близ г. Кызыла). А. В. Адрианов оценил значение петроглифов как исторического источника, в котором нашла отражение жизнь давно ушедших поколений людей. Он не ставил перед собой задачи исторического анализа, видя свою миссию в сборе полевого материала, и отметил, что «много, много подобного материала разбросано по разным местам Алтая, Монголии и цепи Саян, нужно только собрать его и тогда, несомненно, историческое прошлое народа будет для нас яснее» (Адрианов, 1888. С. 405).

Как сказано выше, А. В. Адрианов обратил внимание на почитание местным населением древних каменных изваяний, особенно статуи, носящей в народе и до настоящего времени имя «Чингисхан» (в степи близ горы Бижиктиг-Хая недалеко от пос. Кызыл-Мажалык). Изваяния, отметил А. В. Адрианов, представляют «святыню и предмет поклонения. Не все изваяния удостоиваются такого обожания, не перед всеми приносятся жертвы, но все одухотворяются в глазах язычника, который твердо верует в их силу и уверяет, что они могут принести ему пользу или вред» (Адрианов, 1988. С. 381). Тогда же он столкнулся с ситуацией, что население старалось скрыть от него местонахождение памятников древности. «Многие из осмотренных мною могли быть исследованы поверхностно, вследствие враждебного настроения туземцев, смотревших на такое любопытство как на посягательство с моей стороны на их святыни... Правда, в таком отношении инородцев к историческим памятникам заключается прочная гарантия за их целость. До тех пор, пока они будут считать их своею святынею, эти памятники будут охранены самым надежным образом от истребления и расхищения, но как только цивилизация проникнет в эти страны, начнет производить постройки, сооружения, обработку земли, она уничтожит значительную часть памятников, постарается и из них извлечь пользу при постройках, как это было, например, в южной России» (Адрианов, 1988. С. 382).

От места слияния рек Бий-Хем и Каа-Хем Адрианов на плоту, заказанном Г. П. Сафьяновым для сплава соли, спустился вниз по Енисею через Саянский каньон (Дэвлет М. А., 2004. С. 5–16).

В следующем году Туву посетил горный инженер И. С. Боголюбский и близ р. Куйлуг-Хем (правобережный приток Улуг-Хема) обнаружил каменную стелу с рунической надписью.

В 1887–1889 гг. в Туве побывала экспедиция Финского археологического общества под руководством профессора Гельсингфорского университета Иоганна Рейнгольда Аспелина при участии археолога Отто Хельмана Апельгрена-Кивало. В 1887 г. они обследовали памятники в Минусинской котловине; в 1888–1889 гг. ими было изучено и скопировано 32 надписи в бассейне Енисея, в том числе сделаны эстампажи стел в Урянхайском крае: одной — на плато Алдыы-Бель (Е 12 — нумерация по «Корпусу тюркских рунических памятников Верхнего Енисея». Васильев, 1983), девяти — в окрестностях пос. Чаа-Холь (Е 14 — Е 23) и одной — на левом берегу Элегеста. После ис-

следований летом 1888 г. И. Р. Аспелин и К. Вуори осенью вернулись верхами по пути близком к современному Усинскому тракту, а затем сплавились на плоту из Чаа-Холя в Минусинск.

В 1889 г. в Урянхайский край И. Р. Аспелин направил финского этнографа и археолога А. О. Гейкеля, который сфотографировал уже известные рунические стелы и две новые, стоявшие возле курганов, раскопать которые тогда ему не было разрешено тувинскими властями, но в дальнейшем получило развитие в исследованиях российских археологов (История востоковедения, 1997. С. 382–383; Матющенко, 2001. Т. 1. С. 56–57; Кызласов, 1969. С. 8–9; Вадецкая, 1973. С. 130–132).

В 1891 г. некоторые стелы копировали археолог и этнограф Д. А. Клеменц (стелы у Чаа-Холя и на Куйлуг-Хеме) и краевед В. А. Ошурков, направленный в 1892 г. от ВСОРГО обследовать известные памятники и разыскивать новые. Он сделал эстампажи уже известных памятников, обнаружил два новых, в том числе у с. Чаа-Холь, и вывез на плоту по Енисею в Минусинский музей новонайденный чаа-хольский памятник (Е 13); также в Минусинский музей этнографом П. Е. Островских в 1897 г. был доставлен памятник Е 19 — Чаа-Холь VII (Кызласов, 1969. С. 7–9).

В 1902–1903 гг. Минусинский музей организовал экспедицию в Туву, которую возглавил Ф. Я. Кон. Как и большинство исследователей, посещавших Туву до него, он был у ниши в горе Сюме и сфотографировал ее. Фотография хранится в музее в Иркутске, самым примечательным на снимке является то, что ниша закрыта деревянными ставнями, хотя во второй половине XX в. это уже трудно было предположить. В 1906–1907 гг. финский географ И. Г. Гранэ побывал в Уюкской котловине, на р. Элегест и в районе Чаа-Холя. Он также сфотографировал стелы с надписями и одну из них (Е 16) вывез в Национальный музей в Хельсинки.

В 1907–1910 гг. инженер В. М. Родевич, занимаясь геодезическими работами в начальной части Саянского каньона, отметил Чингисханову дорогу, которую он увидел, сплаваясь по Улуг-Хему. Он писал: «Чингисханова дорога — старинное шоссе через Кемчикские (Хемчикские) горы и степь, длиной верст 100, от Джакуля (Чаа-Холя) на Кемчик». В каньоне она прослеживается от входа реки в Саянские горы до устья Хемчика. В. М. Родевич приводит предание, согласно которому она «сооружена кочевавшим на рубеже XII–XIII вв. Чингисханом, чтобы ездить ему на поклонение великой реке Кему с малой реки Кемчика, где он стоял». Интересно отмеченное выше его замечание о наличии древних оросительных систем, то есть остатков старых арыков (по местному мочагов), подпорных стенок, высеченных в скале лотков. «По р. Иликему (Эйлиг-Хему) и Темир-Суку (Темир-Сугу), например, видно, как взятые очень высоко из речек древние каналы, опоясали кругом эти речные долины, лепясь по скалам в трех разных уровнях. Местами они очень искусно врезаны в утес, местами идут на весу, с искусственным дном из каменной кладки, или с деревянным дном из пластин на каменных столбах. Современные сойоты (тувинцы) не могут поддержать в исправности все эти сооруже-

ния, часто очень остроумные — и лишь отчасти пользуются старыми арыками для орошения своих первобытных пашен. Такого же рода сооружением является береговая дорога, видная над Енисеем, на левом его берегу, в гористой его части, от входа реки в Саянские горы до устья Кемчика, на 20 верстах».

Недалеко от Джакуля (Чаа-Холя) В. М. Родевич отметил в горах левого берега полутемную пещеру именуемую Джурмал, в ней находится изсеченное изображение Будды обычного типа: это изваяние должно быть китайского или монгольского происхождения (Родевич, 1912. С. 145–146). Кроме того, он видел на некоторых могильных плитах и кое-где на скалах знаки и надписи, язык которых преимущественно «древнекиргизский» (Родевич, 1912. С. 46).

В 1913 г. по поручению Общества естествоиспытателей при Казанском университете экспедицию в Туву возглавил биолог С. А. Теплоухов. Экспедиция имела задачу обследовать регион в антропологическом, археологическом и этнографическом отношении. Упомянем данную экспедицию в связи с тем, что, успешно проработав два месяца, ее сотрудники отправились вниз по Енисею на плоту через Саянский каньон. Эта поездка внесла решительные изменения в судьбу С. А. Теплоухова — буквально за десять лет он стал крупным археологом-сибиреведом, а созданная им для культур Минусинской котловины периодизация справедлива, в целом, и для Тувы.

В 1914 г. для ревизии деятельности заведующего устройством русского населения В. К. Габаева в Туву был направлен чиновник Главного управления земледелия и землеустройства С. Р. Минцлов, археологическую «деятельность» которого А. В. Адрианов оценил как «ученое хулиганство» (Дэвлет, 2004. С. 53). Будучи в Урянхайском крае, он произвел совершенно неквалифицированные раскопки курганов: копал их шурфами, без какой-либо графической фиксации и дневниковых записей. Судя по всему, это были курганы скифского времени: умершие лежали на боку, около черепов располагались предметы домашнего обихода. Покойные были окружены срубом из лиственницы, который «при сгнивании обрушивался вниз», раздавливая скелеты. Многочисленные предметы из археологических раскопок составили свыше 24 пудов (!)

Оригинальна цель его изысканий — точное выяснение родины т. н. чуди. Предыдущие исследователи предполагали родину этого народа в Минусинском крае, но раскопки Минцлова «устанавливают родину чуди в Урянхайском крае, подтверждением чего служат многочисленные памятники их культуры». Затем «чудь ушла за Саяны в Минусинский уезд и оттуда в Русь; чудь жила в Урянхае только в бронзовом веке, следов перехода к железному — не найдено, они видны уже в Минусинском крае». Кроме того, С. Р. Минцловым составлена археологическая карта Урянхайского края, в которой точно указаны местоположения всех курганов с подразделением их на характерные типы, благодаря чему позднейшие исследователи получают возможность легко ориентироваться (Изв. ИАК, 1915. С. 57–58). Вторая заметка совсем короткая, но содержит те же измышления: «Из Григорьевки сообщают, что археолог Минцлов, производя обследование Урянхайского края, нашел у подножия хребта

Таннуолу (Танну-Ола) чудские рудники, плавильные печи — остатки поселений бронзового века. В курганах найдены длинноголовые черепа, предметы, тождественные с минусинскими, устанавливающие передвижение Чудского племени в Россию из Центральной Азии» (Изв. ИАК, 1915. С. 55).

Фотографии каменных изваяний, наскальных рисунков, буддийской ниши Чурумал-Бурханниг, каменных курганов с установленными рядом с ними каменными стелами, земляных курганов и др., исполненные Минцловым, сохранились в Научном архиве ИИМК РАН (ФА, отп. Q 635). Он, как и В. М. Родевич, видел береговую дорогу с реки. «Возвращаясь из Урянхайского края на плоту, в теснине Саянских хребтов, сжимавших своими отвесами воды Енисея, я на далеком протяжении от Чакуля видел высоко над водою на кручах скал, изорванные осыпями остатки той же дороги, выводившей, очевидно, в Минусинский край» (Дэвлет, 1982. С. 13). Об участке дороги в Тувинской котловине (на восток от каньона) Минцлов пишет: «В 4–5 верстах от Чакуля дорога повышается в пустынную степь. По всей долине местами по искусственной насыпи вьется гладкая дорога — дорога Чингиз-хана. Устроена из гальки. Сопровождают ее каменные монгольские курганы; особенно в 7–10 верстах от Чакуля. Несколько могил прямо на полотне дороги. Остатки этой дороги есть под Белоцарском (Кызылом) и близ Элегеста». Далее следует совершенно фантастическое предположение, что это должна быть та дорога, о которой говорит Геродот, называя ее великим скифским путем, от Ольвии начинающимся и ведущим к подножию снеговых гор (Алтай) (Минцлов, б/г. С. 219–220).

В том же 1914 г. англичанин Д. Каррутерс, побывавший в Урянхайском крае в 1910–1911 гг., писал, что между Джакульской (Чаа-Хольской) долиной и рекой Кемчиком он нашел «хорошо сооруженную большую дорогу шириной в шесть ярдов, поднятую над уровнем окружающей ее степи, с канавами по обеим ее сторонам. Полотно этой дороги было так же ровно и так же хорошо укатано, как и на любой английской большой дороге. Проходящие караваны, которые обычно оставляют позади себя ряды глубоких параллельно тянувшихся небольших впадин, образуемых ногами лошадей или верблюдов, следующих обычно друг за другом гуськом, на поверхности этой дороги не оставляли никакого следа. Она тянется с прямолинейностью былых римских дорог между двумя вышеупомянутыми пунктами, на протяжении приблизительно 50 миль. Нам представляется, однако, маловероятным, чтобы объем торговли здесь когда-либо мог достигать таких размеров, чтобы потребовалось даже сооружение для этого особого огромного пути. Назначение этой дороги остается для нас необъяснимым» (Каррутерс, 1914. С. 120–121). Он отметил, что водный путь от Чаа-Холя до Минусинска занимает 3–5 суток, а также то, что связь Чаа-Холя с севером может осуществляться через Куртушский перевал (Каррутерс, 1914. С. 116, 119).

В 1914 г. в Урянхай Южнорусская земская переселенческая организация отправила еще одну экспедицию — под руководством О. Б. Згерского-Струмило, в состав которой входило семь человек, кроме проводников, которые, естественно, должны были быть взяты на месте, и рабочих. В составе ее имелся студент-медик 4-го курса с достаточно большим запасом медикаментов; был в экспедиции

и фотограф. Цель экспедиции — всесторонне исследование края. Страна будет исследована в геологическом, археологическом и этнографическом отношениях. Вступив в Урянхайский край, экспедиция предполагает направиться по тропе к поселку Солдан (совр. Салдам), находящемуся ниже слияния Бей-Кема (Бий-Хема) и Улу-Кема (Улуг-Хема). Далее предполагалось оставить «в стороне» западную часть страны, долину р. Хемчик, как наиболее изученную. От Салдама экспедиция направиться вверх по Улуг-Хему. В пунктах, которые почему-либо обратят на себя особое внимание, участники экспедиции будут останавливаться и производить обследование окрестностей, главным образом по южным притокам Улуг-Хема. Окончив работы в бассейне Улуг-Хема, экспедиция переправиться в бассейн Бий-Хема, где, спускаясь вниз по реке, будет производить исследования, как по самой реке, так и по ее притокам, особенно северным. Таким образом, обследованию подвергнется весь восточный Урянхай, кроме части, лежащей в середине между Бий-Хемом и Улуг-Хемом, на исследование которой в распоряжении экспедиции не имеется времени, ибо уже в сентябре нужно возвращаться обратно. При возвращении предполагено выехать на р. Амыл (Изв. ИАК, 1915. С. 54–55).

А. В. Адрианов смог вернуться к исследованиям в Туве только в 1915–1916 гг. Он раскопал более 60 курганов разных исторических периодов. Собственно говоря, это были первые серьезные археологические исследования на территории Тувы. Проведя зиму в Туве, он осуществил разведки от долины р. Хемчик до Бий-Хема, открыл и сфотографировал ряд памятников. Коллекция материалов из раскопок хранится в Томске, в Музее археологии и этнографии Сибири Томского университета (кол. 6041), а отдельные фотографии раскопок, добытого материала и копий наскальных изображений — в фотоархиве ИИМК РАН (РА. Ф. 42, д. 259; ФА, отп. О.1775).

Таким образом, из древних памятников путешественники и исследователи, посещавшие Туву, в первую очередь, описывали буддийскую нишу в горе Сюме на левом берегу р. Чаа-Холь, отмечали монументальную кладку из плитняка вдоль левого берега Улуг-Хема на участке Саянского каньона выше устья р. Хемчик, дорогу Чингисхана, как образно назвал ее Г. Е. Грумм-Гржимайло — «несокрушенное временем шоссе», и, конечно, памятники русской письменности и каменные изваяния людей и животных.

***

Результаты исследований в Сибири в период деятельности ИАК следует считать весьма значимыми. В первую очередь благодаря тому, что было раскопано значительное количество разновременных и разнотипных погребальных памятников; разработаны первые классификации курганных объектов, отразившие разнообразие сооружений и достаточно точное разделение их на памятники эпохи бронзы и железа. Постепенно совершенствовалась методика раскопок, которыми были охвачены районы Западной Сибири, Южной Сибири, Забайкалье. Археологические коллекции (материалы из раскопок и случайные находки) пополнили фонды столичных и местных музеев. Результаты ряда исследований были опубликованы в Отчетах ИАК и отдельными изда-

ниями. В фотографических материалах основную массу составляют снимки находок, поступавших «на обозрение» в ИАК, и далее распределявшихся по музеям. Если право «первенства» на некоторые категории древностей принадлежало Императорскому Эрмитажу и Историческому музею в Москве, то все же стоит отметить, что многие находки сразу оставались в местных музеях, при этом предпочтение отдавалось музеям при университетах. Роль ИАК в формировании этих фондов очевидна: несмотря на отсутствие в тогдашней археологической и музейной практике принципа «единства и неделимости» коллекций, Комиссия, существующая в столице, прекрасно осознавала не только практическую невозможность доставки всех открытых древностей в Петербург, но и необходимость формирования собраний древностей в провинции.

К началу XX в. в Сибири было создано около полутора десятков музеев. Самым первым при Главном управлении Восточной Сибири организован Иркутский музей, где в конце XIX в. работали И. Д. Черский, М. П. Овчинников, Н. И. Витковский. Б. Э. Петри и др. Тобольский музей, с археологической деятельностью которого были связаны краевед М. С. Знаменский и историк И. Я. Словцов, открылся в 1870 г. С Омским музеем, основанным, как и Минусинский в 1877 г., сотрудничали Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, М. В. Певцов и др. Один из самых известных — Минусинский музей. До конца своей жизни его возглавлял Н. М. Мартыанов. Томский университетский музей (этнолого-археологический) открыт в 1882 г. Возглавлял его В. М. Флоринский. В тесной связи с музеем работали сотрудники университета С. К. Кузнецов, Н. Ф. Кашенко, а также А. В. Адрианов, Г. Н. Потанин, И. П. Кузнецов, антрополог С. М. Чугунов. Инициаторами создания музея Приенисейского края в Красноярске, открывшегося в 1889 г. были И. А. и Ю. П. Матвеевы, директором в течение 20 лет — зоолог, орнитолог А. Я. Тугаринов. Сотрудниками являлись А. П. Ермолаев, И. Т. Савенков. Музей в Якутске открылся в 1891 г., основание музеев в Нерчинске и Чите связано с именем А. К. Кузнецова (1845–1928), члена Восточносибирского отдела РГО. Музеи в Барнауле, Тюмени и Владивостоке открылись в один и тот же 1892 г., в Енисейске — в 1893 г., в Забайкальске — в 1895 г. Позже других были организованы музеи в Троицкосавске и Хабаровске — 1902 г.

Тогда же был основан Кяхтинский музей, с которым сотрудничали Ю. Д. Талько-Грынцевич, учитель А. П. Мостиц, местный житель, кожевник Н. Н. Агапитов, а также этнограф и священник И. А. Подгорбунский. П. С. Михно — самый активный участник создания Троицкосавского музея, подарил музею свои первые естественно-исторические коллекции. В годы Советской власти он 15 лет возглавлял этот музей, обследовал археологические памятники юго-западного Забайкалья и Северной Монголии, Агинскую степь Восточного Забайкалья.

Исследовательская и просветительская деятельность музеев, часто единственных культурных центров в провинциальных городах, была чрезвычайно важна. Музеи организовывали и проводили экспедиции. За разрешением на раскопки обращались в ИАК. Постоянно пополнявшиеся новыми

материалами, занимались созданием постоянных экспозиций и временных выставок накоплением и сбором коллекций по разным направлениям науки — археологические, этнографические, антропологические и т. п. Сотрудники музеев проводили научные исследования коллекций, их публикацию, введение в научный оборот, а также издательскую деятельность (Матющенко, 2001. С. 30–34).

ИАК уделяла особое внимание «сохранению случайных находок древностей». Для поощрения к представлению в ИАК находимых древних вещей выдавалось денежное вознаграждение, определявшееся не только ценой золота, серебра или иного вещества, из которого они сделаны, но и археологическим достоинством их и редкостью. В «Положении» ИАК было отмечено, что древности, представленные в Комиссию, но не приобретенные ею, возвращаются по принадлежности (РА. Ф. 1, 1859 г., д. 1. Л. 4об.–5). Поэтому археологические материалы из Сибири хранятся не только в Эрмитаже, Историческом или Румянцевском музеех, но и в Томском, Красноярском, Минусинском и др.

Известия о случайных находках в Сибири поступали в Комиссию начиная с 1860 г. Так, из Красноярского уезда Енисейской губернии сообщили о находке железного кинжала (РА. Ф. 1, 1860 г., д. 23). В 1877 г. для Императорского Эрмитажа у коллекционера Дзероминского приобрели древние серебряные вещи, найденные на Иртыше (РА. Ф. 1, 1877 г., д. 24). Средневековые китайские зеркала, орудия, оружие, украшения сбруи и седла; железная ажурная пластина от седла с изображением драконов были доставлены в ИАК Н. И. Булычевым, который в 1903 г. стал сверхштатным членом Комиссии (ФА, нег. III 7708–7710). В разные годы у крестьянина С. С. Усова куплены разновременные древности из Тарского округа: каменные клинья, медные кельты, украшения, глиняные пряслица и грузила, поясная орнаментированная бляха, прорезная бляха в виде единорога и др. (ФА, нег. III 11477–11478). В 1883 г. в ИАК поступило сообщение о монетах, найденных в г. Томске, а через два года — о находке «пайдзе» в Енисейской губ. (РА. Ф. 1, 1885 г., д. 15) и некоем бронзовом предмете, присланном в Комиссию на рассмотрение Ружинским из Тобольска (РА. Ф. 1, 1885 г., д. 46). В 1888 г. в Томской губ. случайно были найдены бронзовые сосуды (РА. Ф. 1, 1888 г., д. 53), а в следующем году сообщили о древностях, добытых крестьянами из кургана близ г. Красноярска (РА. Ф. 1, 1889 г., д. 78). В 1891 г. древности были приобретены в Тобольске (РА. Ф. 1, 1891 г., д. 146), а медная пластинка с орнаментом и китайскими надписями принесена в дар И. А. Лопатиным, который уже в 1888 г. был избран членом-корреспондентом ИАК за передачу в Петербург большой коллекции древностей бронзового века из Южной Сибири, в особенности из Минусинского края. Он прислал опись древностей, доставленных им к этому времени в ИАК (РА. Ф. 1, 1891 г., д. 157, д. 201; 1892 г., д. 216; 1894 г., д. 253). Часто также сообщали о находках монет — в Томской и Тобольской губерниях (РА. Ф. 1, 1892 г., д. 66, д. 195; 1895 г., д. 48, д. 163; 1896 г., д. 213, д. 146) и Забайкалье (РА. Ф. 1, 1895 г., д. 236).

Комиссия приобретала как отдельные вещи, так и целые коллекции, а в случае невозможности приобретения производила их фотофиксацию для собственного архива. В Енисейской губ. были найдены железный шишак и кольчуга (РА. Ф. 1, 1892 г., д. 82). Золотой спиральный браслет, обнаруженный в долине р. Хемчик в Урянхайском крае, был приобретен в 1894 г. (ФА, отп. О.687/6). Каменные орудия, средневековые железные плоские и трехлопастные с отверстиями в лопастях наконечники стрел, тагарские бронзовые ножи, кельты, железные наременные наконечники и двусоставные удила были собраны в 1900 г. этнографом П. Е. Островских, в 1894–1907 гг. служившим податным инспектором Туруханского края. Они были найдены на Афонтовой горе, в с. Ладейском близ г. Красноярска и в других местах Енисейской губ. В том же году была приобретена собранная по р. Ангаре коллекция, включавшая ножи, кинжалы, кельты, топоры, подвесные чернильницы (ФА, нег. III 7795–7798). Древности из разных мест Енисейской губ.: ножи, кинжал, бронзовые кельты, удила, псалии, костяные фигурки животных и человека, в основном изделия тагарского периода, — составили коллекцию И. Т. Савенкова. После фотографирования в ИАК предметы были возвращены владельцу (РА. Ф. 1, 1892 г., д. 156; ФА, нег. III 8284, IV 1562; ОАК за 1892 г. С. 93).

Из Сибири происходит значительное количество изделий из серебра, многие из которых опубликованы Я. И. Смирновым в атласе «Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи» (СПб., 1908).

В Тобольской губернии обнаружены серебряный позолоченный кувшин на поддоне с гравированным фризом с бегом зверей, отдельными изображениями в медальонах и арабской надписью по краю, который был изготовлен в Северном Иране в XI в. и серебряный ковш с длинной ручкой (Смирнов, № 316 и № 163). Из клада, найденного у р. Иртыш, происходят серебряный с позолотой поясной ковш с орнаментом в клеймах (Золотая Орда, XIII в.), серебряный кубок с орнаментом вокруг борта и изображением птицы в клейме (Смирнов, № 198) и браслет; из с. Истяцкие Юрты — серебряное блюдо с изображением змеи (Смирнов, № 167; ФА, нег. III 7692, IV 290). В с. Мужы Березовского уезда приобретена плоская серебряная чаша, с позолотой и чернью, и изображением на дне всадника, стреляющего из лука, датируемая XII – началом XIII в. и, возможно, изготовленная в Волжской Болгарии (Смирнов, № 155); у остяков — серебряный с чернью четырехугольный поднос с куфической надписью, вероятно, принадлежавший Исмаилу Алтунташу, правившему в Хорезме до 1041 г. (Смирнов, № 150), и бляха с изображением всадника с птицей в руке (Смирнов, рис. 24). Серебряная бутылка с восточным орнаментом и куфическими надписями, найденная в Березовском округе, датирована XI в. и происходит из Тохаристана (Смирнов, № 147).

В д. Терехово Тарского округа в 1893 г. найден клад, в состав которого входили золотоордынский (XIII в.) серебряный поясной ковш с ручкой в виде фантастического зверя и изображением лисицы на дне; две серебряные чаши, одна — с ручкой в виде головки грифона с кольцом и орнаментом по бортику и вторая — с растительным орнаментом по борту (Смирнов, № 238, 240, 239), а также 20 золо-

тоордынских монет 1313–1362 гг. (РА. Ф. 1, 1893 г., д. 192; ФА, отп. Q 476/71–74; Q 663/21). Все предметы хранятся в Эрмитаже, куда были переданы через ИАК.

Кроме того, в атласе «Восточное серебро» опубликованы: фрагмент серебряного сосуда — дно с рельефным изображением двух грифонов, найденный в начале XIX в. в Барнаульском округе; серебряная чаша на ножке, с рельефным пояском на стенках — в Гурьевском заводе (Смирнов, рис. 4; № 202). Два предмета, обнаруженные в Сибири сохранились только в рисунках. Это серебряный сосудик с крышкой на цепочке и серебряная чашка с ручкой, украшенная каннелюрами (Смирнов, № 33, 115; ФА, отп. О.755/8). Кроме них найдены статуэтки крылатых коней, фигурка женщины с покрывалом в руках, пластина в виде рыбы (Смирнов, рис. 9 и 10, 3, 18) и серебряный «дуршлаг» (Смирнов, № 165).

На р. Большой Анзас в Минусинском округе найдена серебряная чашка (Смирнов, № 319); в с. Ньюское Верхнеудинского округа Забайкальской области — серебряный сосуд с узким горлом, два блюда, одно из них гладкое, во фрагментах и четыре гладкие чаши (Смирнов, № 173–175, 177–180). Три серебряных гладких кубка обнаружены в д. Карымской Красноярского округа Енисейской губ. (Смирнов, № 207–209; РА. Ф. 1, 1894 г., д. 198). Четыре случайно найденных средневековых серебряных сосуда приобретены через П. С. Проскурякова для Исторического музея за 60 руб. (РА. Ф. 1, 1894 г., д. 140. Л. 8–10, 43, 44). Происхождение и местонахождение золотого подвесного флакончика с крышкой, украшенной розеткой, и двух золотых кубков с орнаментом вокруг борта неизвестно (Смирнов, № 195, 196).

Заканчивая обзор исследований в Сибири, подведем краткие итоги. Первые раскопки были проведены В. В. Радловым в 1860-е гг. Затем более 10 лет сибиряки не обращались в ИАК за Открытыми листами. Новый виток изучения древних памятников начался в 1880-е гг. Он характеризуется значительным накоплением материала, созданием первых типологий памятников, первыми попытками их периодизации, однако никаких конкретных названий культурам не было присвоено — все это произойдет уже вне рамок деятельности ИАК.

Первые попытки классификации памятников были сделаны В. В. Радловым, Д. А. Клеменцем, И. П. Кузнецовым-Красноярским, активно сотрудничавшими с Комиссией. Некоторые из сибиряков стали членами-корреспондентами ИАК. В начале XX в. экспедиции проводятся реже, что обусловлено, конечно, общим положением России, сокращением финансирования археологических работ, трудностями с наймом рабочих и т. п. Тем не менее, работы понемногу продолжались до конца существования ИАК.

Большая роль в сотрудничестве с ИАК принадлежала сибирским музеям, которые активно включились в сбор материала, направляли его после экспедиций в Комиссию для обозрения и оценки, при этом обычно сопровождали посылки письмом с просьбой вернуть его обратно: для экспозиции и дальнейшей научной обработки. Естественно, материалы, назначенные ИАК к хранению в Эрмитаже и Историческом музее, передавались им — это были, в основном, предметы восточного серебра и оригинальные вещи, не имеющие аналогов или найденные в одном экземпляре. Из монетных кладов несколько экземпляров оставляли в Эр-

митаже, другие отсылали в разные музеи, в том числе в Московский и Петербургский университеты.

То, что было сделано в период деятельности Императорской Археологической комиссии, получило дальнейшее развитие при ее преемниках — археологических учреждений СССР.

В применении фотографии в исследованиях сотрудников ИАК в Сибири также намечается три периода: 1860–1880-е гг., 1890–1900-е гг. и 1900–1910-е гг. Исследователи Сибири испытывали те же трудности, что и исследователи Центральной Азии: дороговизна метода, особенности технологии фото процесса и незначительное число исследований. В последнее десятилетие XIX в. — в период расцвета фотометода — существенно увеличивается количество раскопок сотрудников ИАК и местных археологов, вступает в силу неперемное требование исполнения фотографий для отчетов. В начале XX века уменьшается финансирование изысканий и их количество, однако фотометод постоянно используется в научных исследованиях, продолжавшихся на территории в Сибири и Центральной Азии.

ФОТОГРАФИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Фонд Русского археологического общества в Петербурге (1846–1925)

С целью «развить любовь к археологии и содействовать распространению археологических знаний в России несколько просвещенных лиц, вполне убежденных в пользе и необходимости этих знаний», решили образовать в Санкт-Петербурге общество, «посредством которого любители археологии и нумизматики могли бы находиться в постоянных сношениях и принести некоторую пользу наукам в отечестве, распространяя в Империи и вне ее пределов полезные сведения о фактах археологии и нумизматики» (Брокгауз и Ефрон. Т. II, 1891. С. 231). Высочайшее разрешение на утверждение «Статутов Археологическо-нумизматического общества» последовало 15 мая 1846 г. Общество поставило перед собой цель изучения классической археологии и, в особенности, археологии и нумизматики новейших времен стран Запада и Востока. Звание президента принял на себя герцог Максимилиан Лейхтенбергский. В 1851 г. в РАО было выделено три отделения: а) Русской и славянской археологии; б) Восточной и в) Древней и западной. При преемниках герцога Лейхтенбергского великих князьях Константине Николаевиче (с 1852) и Константине Константиновиче (с 1892) общество именовалось Императорским. Долгое время секретарем Восточного отделения служил В. В. Григорьев, с 1885 г. — В. Р. Розен. Общество приняло плодотворное участие в двух вопросах «великой научной важности», вызванных новейшими открытиями на Востоке: речь

идет о несторианских кладбищах в Семиреченской области и об орхонских надписях в Монголии (История ИРАО, 1900. С. 291–304).

Изначально главное внимание общества было обращено на издательскую деятельность. Восточное отделение РАО издавало собственные Записки, начиная с 1886 г. (к 1921 г. было издано 25 томов). Это издание — ЗВОРАО — не ограничивалось публикацией археологического материала и представляло собой, в полном смысле слова, орган отечественного востоковедения, снискавший себе почетную известность далеко за пределами России. Находки из раскопок пополняли Музей общества. В целом, с 1848 по 1873 г. Общество произвело очень небольшое количество раскопок. Однако в деле охраны и реставрации древних памятников Русское (Петербургское) и Московское археологические общества добились некоторого успеха.

Московское Археологическое общество (МАО) было основано 17 февраля 1864 г., председателем его стал граф А. С. Уваров (Императорская Археологическая комиссия, 2009. С. 34), а после его кончины — графиня П. С. Уварова (Императорская Археологическая комиссия, 2009. С. 121). МАО считало основным «исследование как археологии вообще, так и преимущественно русской, и распространение в России археологических знаний». Его деятельность нашла свое выражение в производстве археологических раскопок и исследований, издании ученых трудов, в заботах о сохранении древних памятников и устройстве Всероссийских археологических съездов. Издательская сторона деятельности и РАО, и МАО была, пожалуй, наиболее успешной.

Фотодокументы поступили в фотоархив ГАИМК после закрытия Общества в 1925 г.: 388 негативов и 668 отпечатков. Съемка осуществлялась в 1871–1908 гг., в основном, это снимки И. Ф. Чистякова для изданий Общества и присланных в Санкт-Петербург случайных находок и кладов. В этом фонде снимки, представляющие иллюстрации археологического и этнографического разделов «Туркестанского альбома» А. Л. Куна, сделанные в 1871–1872 гг. фотографом Н. Н. Нехоршевым.

Собрание фотографий великих князей

Константина Николаевича и Константина Константиновича

В книге фондов фотоотдела Научного архива ИИМК РАН записано, что документы из Мраморного дворца поступали в фотоархив ГАИМК с 1924 по 1932 г.: 260 негативов и 4531 отпечаток были сделаны в 1850-е–1920-е гг. С 1920 г. в Мраморном дворце расположилась Российская академия истории материальной культуры. Библиотека и фотографическое собрание великих князей остались во дворце.

В исключительно ценном фонде великих князей генерал-адмирала Константина Константиновича и Августейшего президента Академии наук Константина Константиновича материалы археологических и архитектурных исследований сосредоточены в ряде альбомов, которые мы уже отметили выше: папка с фотографиями 1858 г. А. С. Муренко «От Оренбурга через Хиву до

Бухары. Светопись артиллерии подпоручика Муренко» (ФА, отп. Q 211), преподнесенная генерал-адмиралу Константину Николаевичу (Длужневская, 2006б. С. 282–291); фотоальбом-папка «Типы и виды Западной Сибири» со снимками фотографа Л. К. Полторацкой. Вероятно, альбом также был преподнесен Константину Николаевичу как председателю РГО (Длужневская, 2006в).

С именем великого князя Константина Константиновича связаны организация и поддержка научных экспедиций. Только за первые десять лет его президентства состоялось 12 крупных экспедиций. В 1891 г. была организована Орхонская археологическая экспедиция АН под руководством академика В. В. Радлова, в состав которой входили также Н. М. Ядринцев и Д. А. Клеменц. Самым важным результатом экспедиции стал перевод и научный комментарий орхонских надписей и «Атлас древностей Монголии» — уникальный каталог, в котором опубликованы все обнаруженные экспедицией археологические памятники, различные письма и отражены архитектурные особенности монгольских монастырей (История востоковедения, 1997. С. 391).

Кроме того, в библиотеке Мраморного дворца хранились великолепный, как по качеству исполнения, так и по содержанию альбом Q 159 — «Виды Самарканда и его окрестностей», исполненные фот.-любит. И. Введенским. Альбом был подарен автором великому князю Константину Константиновичу, в это время уже являвшемуся председателем РГО. Чуть позже, в 1900-е гг. зафиксировал исторические памятники Самарканда Г. А. Панкратьев (ФА, отп. Q 198–199) и также преподнес альбомы Константину Константиновичу. 109 черно-белых отпечатков, сделанных дальневосточным фотографом В. В. Ланиным в 1875–1876 гг., представляют путешествие фотографа по Восточной Сибири — от Охотского моря до Иркутска с целью фотографирования видов местностей и типов населения. Его работы впоследствии были использованы для иллюстрации издания «Живописная Россия», а сами фотографии преподнесены Константину Николаевичу как председателю РГО в конце 1870-х гг. (ФА, отп. Q 173 и Q 174).

Фонд 11. Бобринский Алексей Александрович (1852–1927), археолог

Дата поступления материалов — 1934 г. Негативов — 146, отпечатков — 937. Съемка 1896–1917 гг.

Снимки случайных находок из Центральной Азии представляют приобретенные Н. И. Веселовским терракотовые статуэтки и головки с Афрасиаба (ФА, отп. Q 521/20–22), Бухарского клада 1902 г. (ФА, отп. O.950/7, 8), восточного орнаментированного зеркала с изображением охотничьей сцены, найденного в 1889 г. в Аулие-Атинском у. Сыр-Дарьинской обл. (ФА, отп. O.950/13). Имеются фотографии находки 1902 г. в Кустанайском уезде — голова каменного истукана, «будто бы стоявшего на кургане» (ФА, отп. Q 512/17); приобретенного у Л. М. Белинко в 1891 г. круглого медного блюда с инкрустированными серебром изображениями и узорами (ФА, отп. O.950/13).

Снимки предметов из Томского археологического музея, в том числе из коллекции И. П. Кузнецова, доставленной из Минусинского округа Енисейской губ. (ФА, нег. II 16206–16221).

Только в фонде А. А. Бобринского находятся фотографии выставок древностей, устраивавшихся ИАК с периодичностью раз в два года. Эти снимки крайне интересны, поскольку представляют не только сами предметы, но и показывают — как и где они экспонировались. Представлены фотографии витрин выставок 1888–1889 гг. и 1891–1892 гг. (ФА, отп. Q 338, Q 387, Q 517).

Фонд 34. Спицын Александр Андреевич (1858–1931), археолог

Член-сотрудник ИАК (с 1892), действительный член РАО и хранитель Музея общества (с 1907), член-корреспондент АН СССР (с 1927). В 1892 г. переведен в Санкт-Петербург на службу в Императорскую Археологическую комиссию; приват-доцент по кафедре русской истории Петербургского университета (с 1909) и создатель Археологического кабинета при ней (1910); преподаватель кафедры исторической географии Петроградского археологического института (с 1914); профессор факультета языка и материальной культуры Петроградского-Ленинградского университета (1918–1927), с 1919 по 1929 г. — действительный член РАИМК–ГАИМК, заведующий разрядом русской археологии Этнологического отделения, член комиссии по раскопкам. В 1929 г. уволен со всех должностей как «великодержавный шовинист» (Равдоникас, 1931. С. 54–62; Бич, 1948. С. 21–52; Жебелев, 1931. С. 9–11; Антология советской археологии. Т. I. 1995. С. 154).

В фотоотделе НА ИИМК РАН выделен его личный фонд № 34 (кол. 153), поступивший в 1931 г. и включающий 979 негативов и 3486 отпечатков, датированных 1889–1915 гг. Часть собрания представляют фотографии по археологии Сибири — древности Минусинского, Красноярского и Тобольского музеев в фотографиях 1890 г. Гейкеля и Аспелина; археологические коллекции музеев Омска, Тюмени и др., снятые в 1911 г. Бекреевым, а также эстампажи писаниц, выполненные А. В. Адриановым на р. Абакан в 1898 г. и на р. Енисей в 1904 г., и полевые работы И. П. Кузнецова в Минусинском округе в 1908–1911 гг.

В Рукописном отделе имеется фонд А. А. Спицына (ф. № 5). Крайние даты материалов — 1880–1931 гг. Фонд включает: 1) 188 томов специальных папок, называемых «корочками»; 2) 20 томов систематически подобранных иллюстраций (зарисовок и вырезок из различных изданий), распределенных по темам; 3) материалы к «Словарю русской старины»: картотека, включающая более 100 тысяч карточек, алфавитный и библиографический указатели, подбор иллюстраций (почти пять тысяч листов) (Подробно об этом фонде — см. Бич, 1948. С. 21–52).

Персоналия

↑ Т. М. Девель. 1939 г.

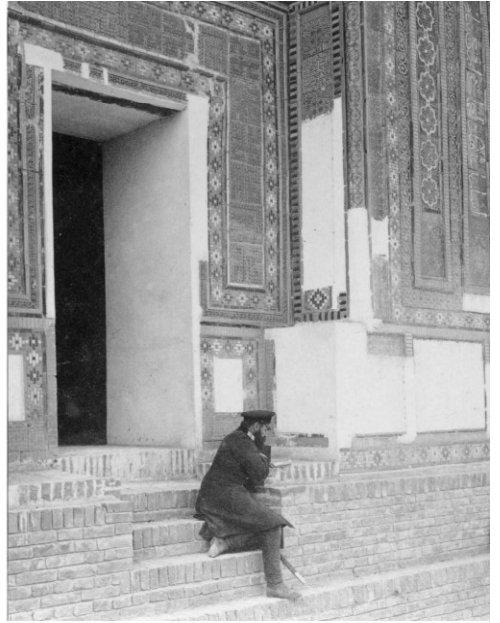
↑ И. Ф. Чистяков в Ольвийской экспедиции. 1920-е гг.

↓ Фотоархив в помещении Мраморного дворца. 1935 г.

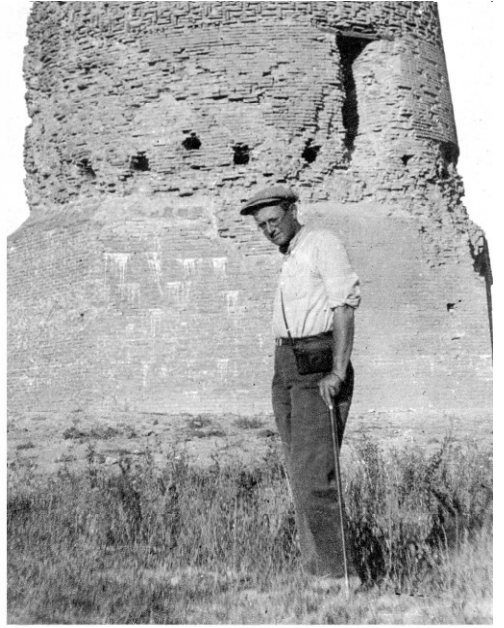
↑ П. И. Лерх. 1858 г.

↑ П. П. Покрышкин. 1895 г.

↓ Н. И. Веселовский и А. А. Бобринский. 1912 г.

↑ В. В. Бартольд. 1910-е гг.

↑ А. Н. Бернштам у башни Бурана. 1938 г.

↓ А. Ю. Якубовский. 1952 г.

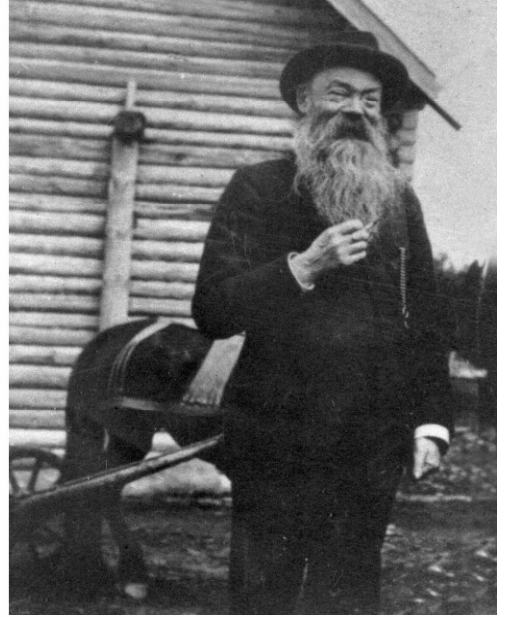

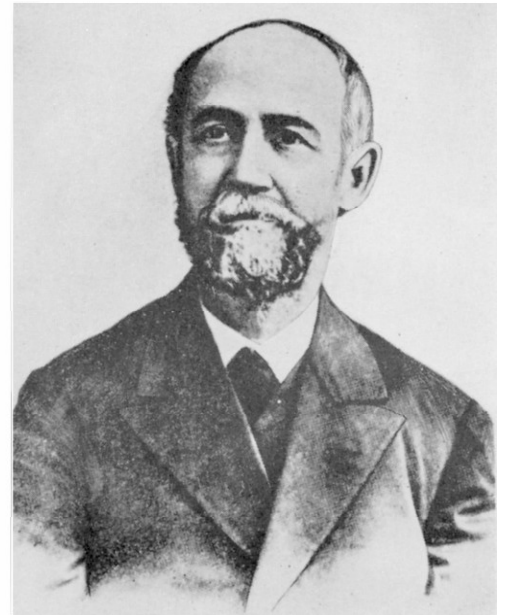
↑ В. В. Радлов. 1870-е гг.

↓ А. В. Адрианов. 1909 г.

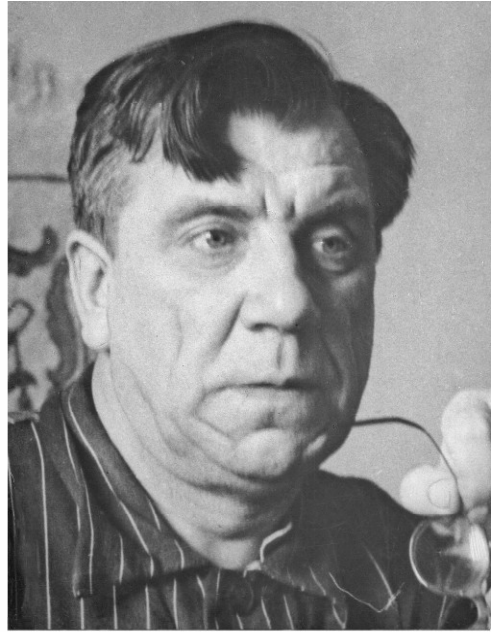
↑ Д. А. Клеменц. 1913 г.

↓ И. А. Лопатин. 1880-е гг.

↑ А. П. Окладников. 1950-е гг.

↑ С. В. Киселев. 1950-е гг.

↓ М. П. Грязнов. 1974 г.

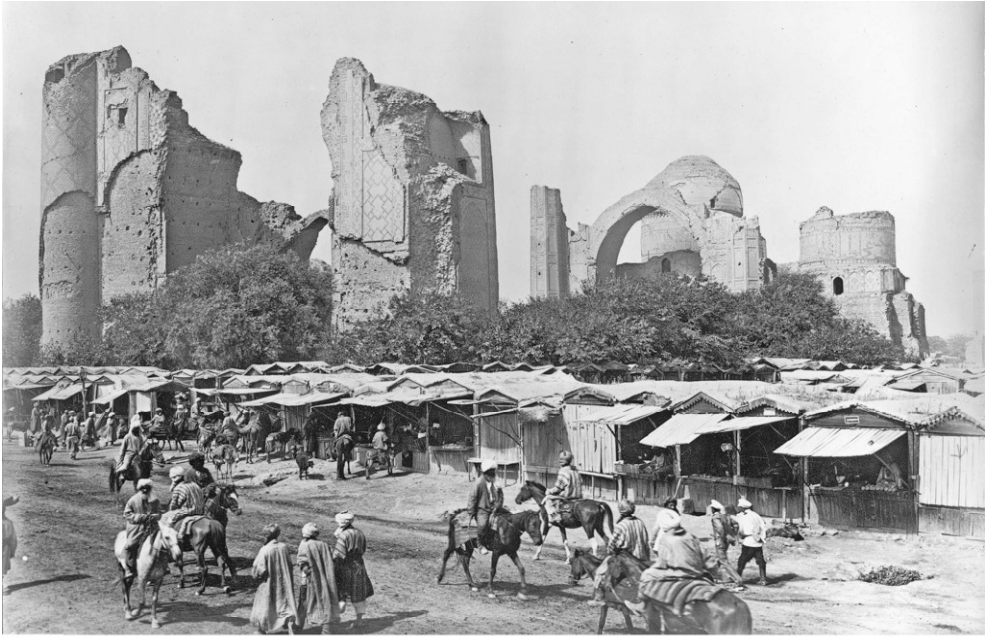
Центральная Азия

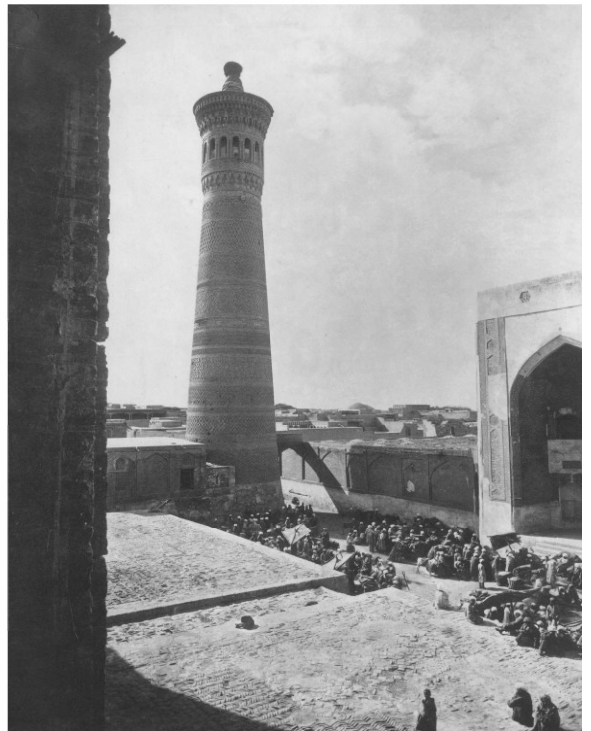
↑ Семиреченская обл. Общий вид кладбища близ Пишпека.
Раскопки Н. Н. Пантусова, 1886 г. Фото А. С. Лейбина.

↓ Анау. Вид дворового фасада развалин мечети.
Фото В. А. Жуковского, 1896 г.

↑ Самарканд. Общий вид комплекса Биби-Ханым. Фото И. Введенского, 1890-е гг.

→
Бухара. Регистан: медресе
Мири-Араб, минарет Калян
и мечеть Мееджид-и-Калян.
Фото П. Надара, 1895 г.

↑ Самаркандская обл. Афрасиаб. Раскопки В. В. Бартольда, 1904 г.
Фото Б. Литвинова.

↓ Самарканд. Общий вид Шах-и Зинда. Фото В. Ф. Козловского, 1890-е гг.

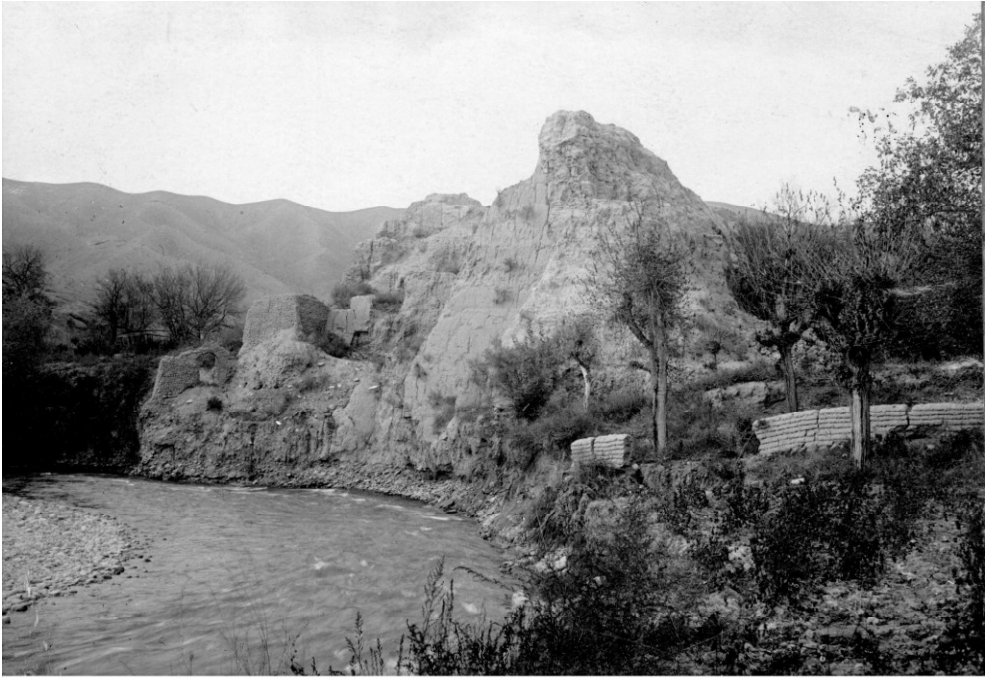

↑ Самарканд. Шах-и Зинда. Работы на мавзолее № 8.
Туркестанская архитектурная экспедиция, 1921 г. Фото А. П. Удаленкова.

↓ Шахрисябз. Дворец Ак-Сарай. Вид с юго-запада.
Обследование и фото А. Ю. Якубовского, 1926 г.

↑ Крепость Кала-и-Боло.
Вид с юга-юго-востока.
Ферганская экспедиция, 1934 г.

←
Горы Могол Тау,
близ ущелья «Красное».
Рисунки на скале с изображением
стада рогатых животных.
Работы Т. Г. Оболдуевой, 1936 г.

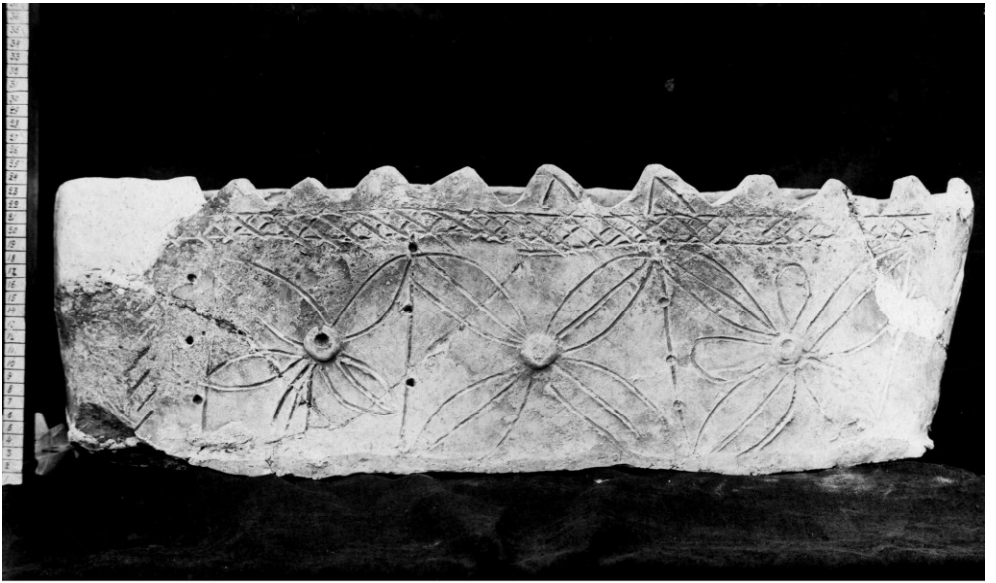

↑ Садыр-Курган. Вид цитадели с юга. Казахстанская экспедиция, 1936 г.

↓ Фринкент. Реконструкция костехранилища «Башня молчания». Акварельный рисунок Г. В. Григорьева, 1936–1937 гг.

↑ Кафир-Кала. Орнаментированный оссуарий. Раскопки Г. В. Григорьева, 1938 г.

↓ Дарат-курган. Кокандская крепость. Памиро-Алайская экспедиция, 1947 г.

↑ Могильник Арча-Булак. У кургана стоит Ю. А. Заднепровский.
Памиро-Алайская экспедиция, 1948 г.

↓ Аул Кула-Журга. Хребет с писаницами.
Восточноказахстанская экспедиция, 1950 г.

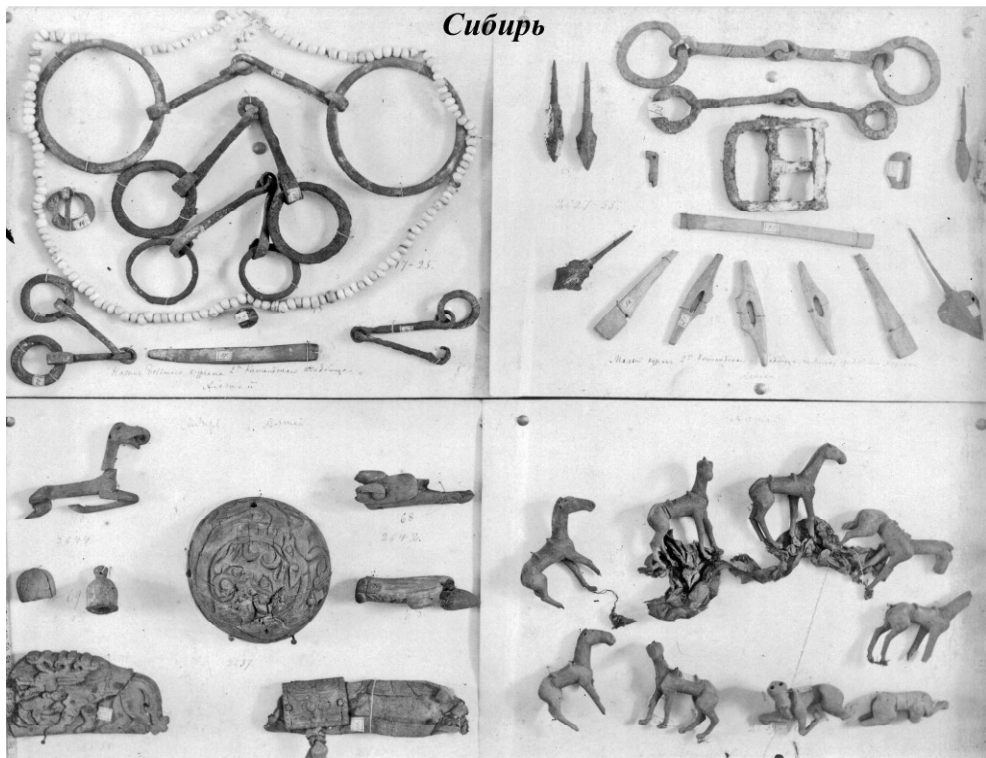
↑ Пянджикент. Ряд наусов. Вид с лицевого фасада.
Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция, 1950 г.

← Пянджикент. Глиняный сосуд
с воланообразным венчиком.
Таджикская археологическая экспедиция,
1954 г.

→ Пянджикент. Глиняная фигурка в виде
«свинки». Таджикская археологическая
экспедиция, 1954 г.

Катандинский могильник. ↑
 Планшеты с находками
 из курганов древнетюркского времени,
 XVII–XVIII вв. и пазырыкских.
 Раскопки В. В. Радлова, 1865 г.

Находки «восточного серебра»
 из разных мест
 Минусинского округа Енисейской губ.
 Фото 1890 г.

↑ Минусинский уезд, улус Саргов. Глиняные маски.
Раскопки А. В. Адрианова, 1903 г.

↓ Минусинский округ Енисейской губ., с. Назаровское. Бронзовые изделия.
Раскопки Д. А. Клеменца, 1886 г.

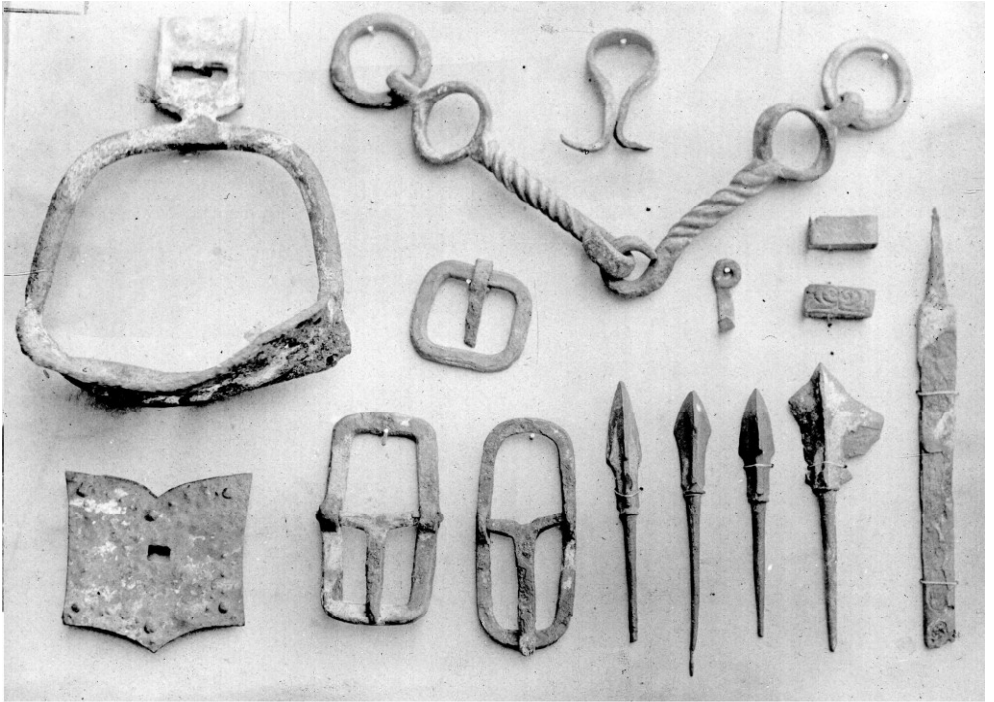

↑ Хакасия, р. Биря. Вид кургана № 1 в процессе раскопок.
Раскопки И. Т. Савенкова, 1912 г. Фото Н. В. Федорова.

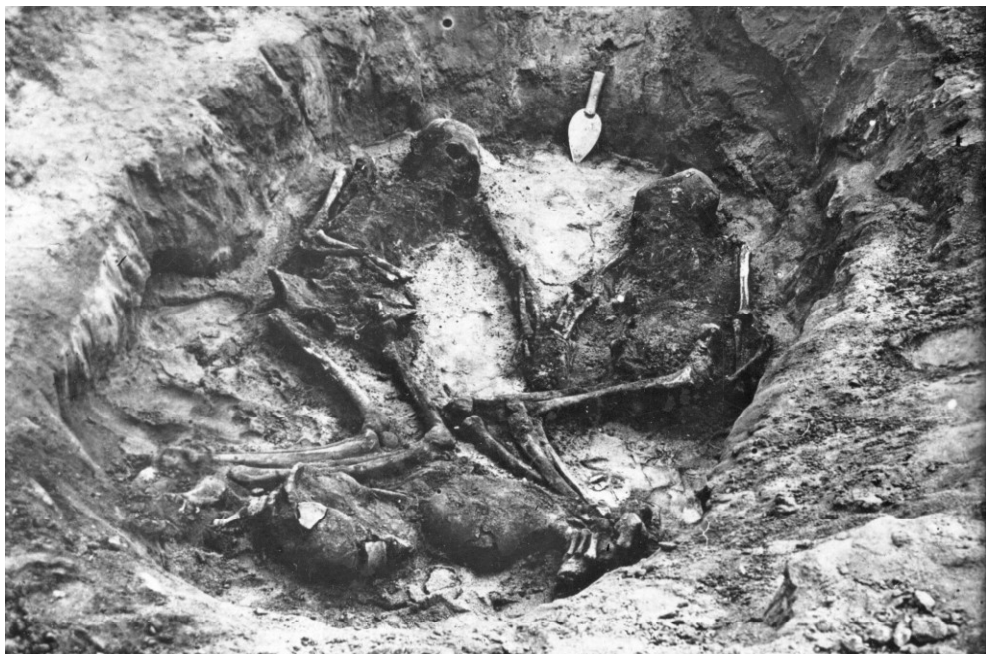
↓ Минусинская котловина. Каменные бабы. Фото 1907 г.

↑ Древности енисейских кыргызов
из коллекции
И. П. Кузнецова-Красноярского.

←
Забайкальская обл.,
Троицкий округ.
Суджинский могильник.
Находки из курганов.
Раскопки Талько-Грынцевича,
1897 г.

↑ Хакасия, с. Батени. Вид могилы XI в. с парным захоронением после расчистки. Раскопки С. А. Теплоухова, 1921 г.

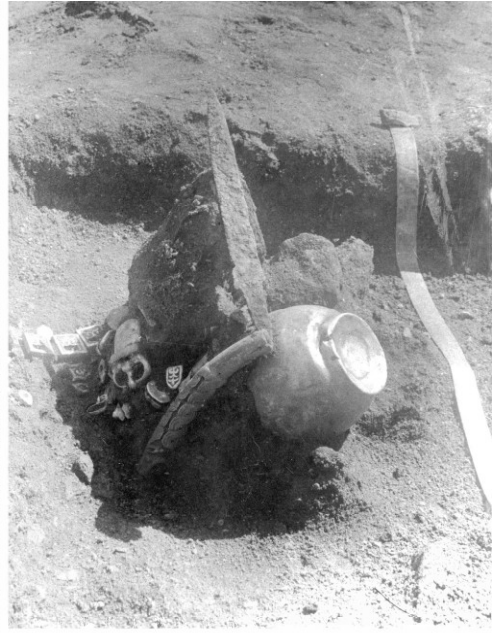

→ Судзуктэ. Общий вид раскопа после снятия продольного простенка кургана. Монгольская экспедиция, 1926 г.

↑ «Идол» — скульптура из дерева работы В. С. Адрианова. Амурская экспедиция, 1933 г. Фото К. Г. Болтенко.

↑ Горный Алтай. Могильник Курай IV, курган I. Тайник. Саяно-Алтайская экспедиция, 1935 г.

↓ Стоянка Мальта. Общий вид раскопа с жилищем из костей мамонта. Мальтинская экспедиция, 1937 г.

↑ Р. Лена. Шишкинская писаница. Вид части скал
Бурято-Монгольская экспедиция, 1947 г.

↓ Р. Обь. Большие Елбаны. Вид погребения после расчистки.
Алтайская экспедиция, 1947 г.

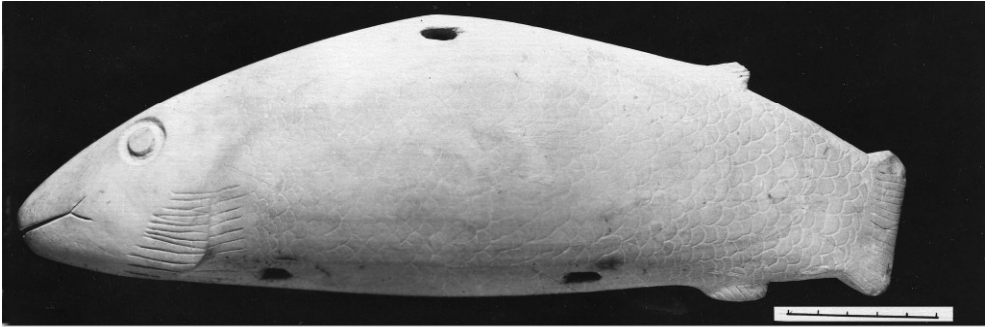

↑ Дер. Ирмень. Вид землянки карасукской эпохи в процессе расчистки.
Новосибирская экспедиция, 1952 г.

↓ Пазырык. Погребальная камера кургана 2. Горно-Алтайская экспедиция, 1948 г.

↑ С. Верхоленск. Каменная рыбка-приманка. Ангарская экспедиция, 1951 г.

↑ Манхай. Р. Селенга. Плитка с изображением. Ангарская экспедиция, 1952 г.

↓ Озеро Байкал. Остров Ольхон. Могильник Нурэ.
Вид шатрового сооружения № 80. Иркутская экспедиция, 1959 г.

↑ Урянхайский край. Урочище Саадак-Терек в степи на правом берегу р. Хемчик. Вид кладбища с могилами, окаймленными вертикально поставленными плитами. Фото С. Р. Минцлова, 1914 г.

Минусинская котловина.
Г. П. Сосновский у кургана
со стояками. Фото 1920-х гг.

ГЛАВА III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ — ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР В 1919–1959 ГГ. И ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ФОТОАРХИВА

Организованная в Петрограде Академия истории материальной культуры, являясь прямым наследником Императорской Археологической комиссии, сохранила и в процессе своей деятельности значительно приумножила фотографический фонд ИАК. Фотодокументы стали неотъемлемой частью научного процесса, как в практическом, так и в теоретическом контексте. Фотография стала особым видом исторического источника, объектом изучения и научных публикаций.

Академия истории материальной культуры: учреждение, цели, задачи и деятельность в 1919–1937 годах

Археологическая комиссия, как и многие иные учреждения, в конце 1917 г. перестала именоваться Императорской, но продолжала свою деятельность в Петрограде в 1918 – начале 1919 г., до преобразования ее в Российскую академию истории материальной культуры (РАИМК). Комиссию, как и Академию наук, включили в систему Наркомата просвещения; непосредственную связь с ней должна была осуществлять Всероссийская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины.

Организационная структура Археологической комиссии вплоть до осени 1918 г. оставалась неизменной. В ее состав входили восемь штатных членов (вместе с председателем и его товарищем) и около полутора десятков «свершштатных» членов и членов-корреспондентов, в число которых входили Н. Я. Марр, М. И. Ростовцев, А. С. Лаппо-Данилевский, С. А. Жебелев, М. В. Фармаковский и др. С мая и. о. члена комиссии являлся А. П. Удаленков. В сентябре 1918 г. в состав Совета комиссии вошли также С. Ф. Ольденбург, А. А. Марков, Ф. А. Браун, А. И. Малеин, в октябре — А. А. Миллер, В. В. Бар-

тольд, С. Ф. Платонов, А. А. Ильин, К. К. Романов, В. К. Шилейко, А. А. Васильев, Б. А. Тураев, в декабре — Н. П. Сычев (Платонова, 1989. С. 7, 14).

На первом же заседании Комиссии, состоявшемся 26 апреля 1918 г. было постановлено, что «новые условия жизни русского государства» побуждают «не медлить с решением вопросов о новых путях деятельности Российской Археологической Комиссии» (РА. Ф. I, 1918 г., д. 20. Л. 75).

В начале мая А. А. Спицын и Б. В. Фармаковский доложили общему собранию Комиссии о продвижении работы над «проектом нового устройства Археологической комиссии», основной смысл которого заключался в расширении уставных видов деятельности Комиссии в связи с формированием государственной системы охраны памятников древности и принятии ею новых функций по организации реставрационных работ памятников истории и культуры (РА. Ф. I, 1918 г., д. 1. Л. 1).

24 сентября для завершения разработки проекта Устава Российской государственной археологической комиссии (РГАК) была избрана комиссия в составе Н. Я. Марра, П. П. Покрышкина и Б. В. Фармаковского (РА. Ф. I, 1918 г., д. 1. Л. 12).

На заседании совета 1 октября Н. Я. Марр информировал о проекте устройства Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Наркомпросе и создании внутри него четырех подотделов — археологического, музейного, по охране памятников искусства и старины, издательского, а также о том, что «Российскую археологическую комиссию решено преобразовать в Академию археологии и поставить в центре дела как высшее компетентное в государстве учреждение», освобожденное от административных обязанностей, в частности, от выдачи Открытых листов на право раскопок. Предполагалось, что Академия продолжит деятельность Археологической комиссии, но с большими, чем у ИАК, возможностями в области научных исследований и научной охраны памятников древности (РА. Ф. I, 1918 г., д. 1-а. Л. 1об.). С целью скорейшего утверждения устава нового учреждения было решено сохранить прежнее наименование — Археологическая комиссия. 17 октября 1918 г. Нарком просвещения А. В. Луначарский утвердил устав Российской государственной археологической комиссии (РА. Ф. I, 1918 г., д. 1-г. Л. 1–7).

На Комиссию возлагалось:

- 1) ведение в России исследования памятников древности, искусства, старины и народного быта;
- 2) практическая организация археологических исследований (разведок и раскопок) и разработка научных основ охраны памятников древности;
- 3) теоретическая разработка вопросов археологии, истории искусства и художественно-историческая оценка новых памятников.

Структурно она была разделена на пять отделов: I — древностей доисторических; II — древностей русских; III — древностей античных и древнехристианских; IV — древностей восточных; V — монументальных памятников. В середине ноября 1918 г. председателем РГАК был избран Н. Я. Марр,

товарищем председателя — В. В. Латышев, а заведовать отделами были поставлены: I — А. А. Миллер; II — А. А. Спицын; III — Б. В. Фармаковский; IV — Н. Я. Марр; V — П. П. Покрышкин.

Рукописный архив вошел в состав библиотеки, там же был выделен отдел фотографических отпечатков и негативов (РА. Ф. 1, 1918 г., д. 1. Л. 3об., 4).

Утверждение Устава «завершило собой первый этап преобразования Археологической комиссии», в ходе которого по структуре, задачам и научному составу она приобрела черты довольно крупного для своего времени исследовательского института (Платонова, 1989. С. 9).

По мнению С. А. Жебелева, высказанному им в 1935 г.: «Государственная Российская комиссия представляла собой лишь исправленное и дополненное издание императорской» (Жебелев, 1935. С. 172). Не оставалось сомнений, что РГАК — мера временная, и почти сразу после реорганизации Археологической комиссии был поднят вопрос о необходимости создания Академии.

На заседании совета РГАК 27 февраля 1919 г. была образована комиссия для выяснения вопроса об учреждении Академии, в которую вошли Н. Я. Марр (председатель РГАК с ноября 1918 г.), ученый секретарь комиссии Б. В. Фармаковский, председательствующий Русского археологического общества С. А. Жебелев, директор Петроградского Археологического института С. Ф. Платонов, непреходящий секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург и директор Русского музея А. А. Миллер (РА. Ф. 1, 1919 г., д. 3. Л. 7об.).

В марте 1919 г. проект «Декрета о преобразовании Российской государственной археологической комиссии в Российскую государственную академию археологических знаний и учреждений ее объединения» был подан на утверждение Совнаркома через Коллегию по делам музеев и охране памятников искусства и старины. В редакции Совнаркома Академия была названа «Российской академией материальной культуры», и на нее, помимо прочего, возлагалось «общее наблюдение за научностью направления деятельности всех культурно-исторических музеев республики». В окончательном варианте Декрета в название добавлено — «истории» — Российская академия истории материальной культуры (РАИМК). Декрет был утвержден на заседании Малого Совета Совнаркома 18 апреля 1919 г. и подписан «Председатель Сов. Нар. Ком. Н. Ленин» (Декреты Советской власти, т. V. С. 443).

Предполагалось, что новое всероссийское учреждение станет Академией с теоретическими и практическими задачами.

Новое наименование, включившее понятие «история материальной культуры», оказалось весьма удачным, поскольку снимало противоречия, связанные с термином «археология», хотя «археология» в то время наиболее часто выступала как комплекс дисциплин, исследующих письменные, эпиграфические, нумизматические и прочие виды источников. Исследователи-востоковеды и антиковеды, например, традиционно включали в круг своих научных интересов полевую археологию, филологию, эпиграфику, фольклористику и др., тогда как этнологи отличались особым вниманием к материалам,

добытым именно путем раскопок, используя сравнительно-этнографический, типологический, естественнонаучные и другие методы.

Прежде чем начать работу, следовало выбрать «верхушку» Академии — председателя и членов РАИМК. Для этого в те времена, как, впрочем, и в более поздние, требовалось разработать и утвердить на Коллегии Наркомпроса «Инструкцию выборов членов Академии истории материальной культуры» (РА. Ф. 2, 1919 г., д. 1. Л. 21, 23).

21 июня чрезвычайное собрание совета РГАК постановило приступить к осуществлению декрета о преобразовании Комиссии в Академию на основании данной инструкции, а 15 июля в Петрограде состоялись выборы членов бывшей Археологической комиссии в члены Академии. Тогда же установили число новых членов Академии, которых предстояло избрать в Избирательном собрании, датой созыва которого назначили 5 августа (РА. Ф. 1, 1919 г., д. 3. Л. 25об., 26).

Членами Академии стали 28 крупнейших российских исследователей, включая 13 членов бывшей Археологической Комиссии: востоковеды В. В. Бартольд, А. А. Васильев, С. Г. Елисеев, С. Ф. Ольденбург, И. А. Орбели, Н. Я. Марр, Б. А. Тураев, В. К. Шилейко, археологи А. А. Миллер, А. А. Спицын, Б. В. Фармаковский, Ф. И. Шмит, историки С. А. Жебелев, В. В. Латышев, С. С. Лукьянов, историки искусств Д. В. Айналов, Н. П. Кондаков, В. К. Мальмберг, Н. П. Сычев, этнографы Д. Н. Анучин, В. В. Богданов, архитекторы Н. Б. Бакланов, П. П. Покрышкин, К. К. Романов, А. П. Удаленков, художники А. Н. Бенуа и И. Э. Грабарь. В состав Академии истории материальной культуры вошли «почти все наличные в стране научные силы из лиц старшего и среднего поколения». Конкретно проблемами истории и археологии Сибири и Центральной Азии занимались только В. В. Бартольд, С. Ф. Ольденбург, Б. Ф. Адлер и А. П. Удаленков (РА. Ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1. Л. 63; Длужневская, 2003. С. 236–244).

Фотограф Иван Федорович Чистяков, понимая исключительную значимость события, запечатлел группу участников собрания во дворе Зимнего дворца, так как и Императорская археологическая комиссия, и наследовавшая ей Российская археологическая комиссия до 1920 г. размещались в Старом Эрмитаже. И. Ф. Чистяков сделал стеклянный диапозитив размером 24 × 30 см, видимо, используя для съемки «видавший виды» аппарат, с которым он не расставался со времени экспедиции Н. И. Веселовского в Самарканд в 1895 г. Изначально снимок не был «расшифрован» (ФА, нег. II 99124). Много позже, в 1960-е годы научную атрибуцию фотографии сделал Михаил Петрович Грязнов.

Таким образом, 7 августа Академия была окончательно сформирована, и это повлекло за собой ликвидацию Археологической комиссии. 23 августа ученым секретарем Академии был избран И. А. Орбели. Его первыми заданиями стали разработка положений о библиотечном и издательском советах и проекта Устава. Уже 1 сентября И. А. Орбели огласил составленный им проект Устава (РА. Ф. 2, 1919 г., д. 4. Л. 13об., 24об.). В сентябре Рукописный архив стал самостоятельным подразделением Академии (РА. Ф. 2, 1919 г., д. 1.

Л. 25об., 26). 18 сентября Устав был принят советом Академии, а через месяц, 21 октября 1919 г., утвержден Главным ученым советом Наркомпроса (РА. Ф. 2, 1919 г., д. 4. Л. 28; ф. 2, 1919 г., д. 1-а. Л. 1–18).

Положения Устава регламентировали деятельность научного учреждения в иных политических условиях, отражая во многом принципиально новый подход к перспективам развития науки и культуры. Перед Академией встали сложнейшие комплексные задачи:

1) всестороннее научное исследование памятников древности, искусства, старины и народного быта, распространение знаний об этих памятниках, организация их изучения и разработка научных основ их охраны;

2) теоретическая разработка всех вопросов, относящихся к области археологии, истории искусства и этнологии;

3) производство археологических раскопок и сбор предметов древностей, искусства, старины и народного быта с целью их охранения и изучения; организация экспедиций в этих целях и художественно-историческая оценка вновь открываемых памятников;

4) руководство научной стороной всех предпринимаемых раскопок и разведок, а также работ по реставрации и ремонту монументальных памятников древности, искусства и старины, право на производство которых дается Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины на основании заключений Академии;

5) всемерное «способствование распространению в стране знаний, относящихся к памятникам древности, искусства и старины и правильного понимания их культурной ценности и значения»;

6) публикация ежегодных отчетов о своей деятельности, периодических изданий и отдельных трудов по предметам своей специальности (РА. Ф. 2, 1919 г., д. 1-а).

Отношения с историко-культурными учреждениями были оговорены в разделе «Объединения ученых учреждений и обществ»: «С Академией входят в объединение научные учреждения и общества, работающие в Петрограде, Москве и других местностях Республики, а также русские учреждения за границей, преследующие однородные с задачами Академии цели, но действующие на основании своих уставов и сохраняющие свою автономию... Академия, являясь органом объединения в научных работах и исследованиях в области изучения вещественных памятников материальной культуры, рассматривает, в целях согласования, проекты экспедиций и исследований, предпринимаемых учреждениями, входящими в объединение, а также всеми государственными культурно-историческими музеями». Из учреждений и обществ имелись в виду Российский институт истории искусств, Комитет Всероссийского общества поощрения художеств, Историко-генеалогическое общество, Археологический институт в Петрограде, Комитет по изучению Средней и Восточной Азии, Русское и Московское археологические общества, Общество российских архивных деятелей, Комитет по изучению древнерус-

ской живописи, Археологический институт в Константинополе и Государственный Эрмитаж (Пескарева, 1980. С. 31–32).

В «Воспоминаниях о Н. Я. Марре» С. А. Жебелев писал также, что первоначального помещения Академии в Зимнем дворце, вскоре после установления путем избрания состава ее действительных членов, стало недостаточно. Тем более, что состав вскоре же был пополнен и впредь пополнялся учеными сотрудниками, которые занимали такое же положение, что и «верхушка» Академии. Благодаря стараниям Н. Я. Марра, избранного председателем, Академия получила для своего размещения Мраморный дворец (Жебелев, 1935. С. 173). Однако еще до Избирательного собрания, 15 июля 1919 г. коллегия Народного Комиссариата по Просвещению отвела под РАИМК часть здания Мраморного дворца, расположенного на Дворцовой набережной неподалёку от Троицкого моста (РА. Ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 2. Л. 1), а 24 июля Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса информирует руководство Академии о том, что «...весь Мраморный дворец с отдельными его корпусами передаётся в распоряжение Академии с тем, чтобы в нём были размещены Академия и все её вспомогательные учреждения, а также Археологический Музей» (РА. Ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 2. Л. 3; Алекшин, 2007. С. 13).

Еженедельно происходили выборы членов комиссий. 13 сентября на X заседании в состав Академии избрано 28 сотрудников, в том числе Д. А. Золотарев, Б. С. Жуков, А. П. Смирнов, К. В. Тревер, Н. П. Лихачев и др. Н. П. Остроумов и А. А. Семенов были причислены к Разряду древностей кочевых турецко-монгольских народов для работы в Туркестане.

13 октября заведующим архивом единогласно избран С. А. Жебелев (РА. Ф. 2, 1919 г. Л. 3–33; Длужневская, 1991. С. 31–44).

2 декабря правление Академии поручило Н. П. Сычеву организовать особый фотографический архив и выработать положение о нем, хотя «де факто» фотоархив родился на год раньше — в декабре 1918 г., в рамках РГАК поступлением от фотографа И. Ф. Чистякова более 20000 стеклянных негативов Императорской Археологической комиссии. На заседании Совета «постановлено: организовать фотографический архив, как самостоятельное учреждение при фотографической части» (РА. Ф. 2, 1919 г. Л. 45).

Научные коллективы должны были составить постоянную Комиссию по исследованию классического Востока для изучения и совместного издания культурно-исторических материалов, находящихся в русских музеях и собраниях, а при улучшении внешних условий организовать археологические изыскания «в пределах стран изучаемых культур» (РА. Ф. 1, оп. 1, 1920 г., д. 2. Л. 19). Разряд буддийской археологии планировал провести «разведочную командировку» в Среднюю Азию «в виду несомненных указаний на существование буддийских древностей в недрах земли русского Туркестана» (РА. Ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 21. Л. 6, 7; 1920 г., д. 3. Л. 105; Алекшин, 2007. С. 15).

Таким образом, структура Академии, определявшаяся ее научными задачами, складывалась на протяжении ряда лет. К 1924–1925 гг. в Ленинграде

работали три отделения, которые в свою очередь делились на разряды в зависимости от отдельных научных специальностей:

— Археологическое, председателем которого был В. В. Бартольд, включало 11 разрядов, изучавших археологию и искусство Древнего Востока (Б. А. Тураев, В. В. Струве и др.); археологию Эллады и Рима (С. А. Жебелев и др.); Скифии и Сарматии (Б. В. Фармаковский, Г. И. Боровко, К. В. Тревер и др.); археологию и искусство раннего христианства и Византии (Ф. И. Шмит, А. П. Смирнов, М. А. Тиханова и др.), средневекового Запада и эпохи Возрождения (Д. В. Айналов и др.), прикладное искусство, археологию и искусство Индии и Дальнего Востока (С. Ф. Ольденбург и др.); мусульманского мира (В. В. Бартольд и др.), Армении и Грузии (И. А. Орбели и др.), Средней Азии (В. В. Бартольд, А. Ю. Якубовский и другие). При археологическом отделении существовали секция нумизматики и глиптики;

— Этнологическое отделение под председательством А. А. Миллера включало 5 разрядов: палеоэтнологии (А. А. Миллер, П. П. Ефименко, С. Н. Замятнин, С. А. Теплоухов и др.), этнической антропологии (С. И. Руденко и др.), этнографии, археологии Кавказа и яфетического мира (Н. Я. Марр, И. И. Мещанинов и др.), русской археологии (А. А. Спицын и др.);

— Художественно-историческое отделение, в котором был выделен разряд греко-римского искусства, где работали Б. В. Фармаковский, Б. Л. Богаевский и др. Главным образом, здесь занимались изучением памятников искусства, русской живописи, русского зодчества, общей архитектуры (РА. Ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 1, Л. 97, 108; д. 10. Л. 80, 81; 1920 г., д. 3. Л. 108, 109; 1920 г., д. 13. Л. 104, 104об.; 1920 г., д. 20. Л. 9, 13, 14). Также при Академии действовали комиссии по социологии искусства, искусствоведению и Эгейская. В ведении Академии находились также Общество поощрения художеств и Комитет популяризации художественных изданий (с 19 марта 1920). Собственно Комитет популяризации художественных изданий являлся отдельным учреждением, в которое трансформировалось издательство Общины святой Евгении после прекращения деятельности Общины сестер милосердия Красного Креста. Отчасти из-за соподчиненности, после их ликвидации (издательства Общины и Комитета) в 1929 г., собрание материалов поступило в фотоархив ГАИМК (ФА, фонд № 7 — Комитет популяризации художественных изданий).

Институт археологической технологии при РАИМК возглавил геохимик А. Е. Ферсман. Институт начал работать в 1920 г. и включал пять разрядов: камня; керамики и стекла; живописной техники; металла; органических остатков. В Институте разрабатывались вопросы консервации, реставрации и сохранения археологических памятников. Комиссия по раскопкам занималась проблемами полевого изучения памятников археологии. Огромную работу вела Комиссия по регистрации памятников архитектуры. Деятельность сотрудников всех разрядов, комиссий, комитета, также как и Института археологической технологии нашла отражение в документах Научного архива ИИМК РАН.

В апреле 1924 г. была образована Московская секция РАИМК под председательством Д. Н. Егорова, которая включала пять комиссий: комиссии по археологии, по этнологии, по истории быта, по истории искусства и музееведению. В частности, в комиссии по археологии (председатель Ю. В. Готье) работали А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин, Б. Н. Граков, Б. С. Жуков, А. А. Захаров, Б. А. Куфтин, О. А. Кривцова-Гракова, П. С. Рыков и другие. При московской секции была организована научно-техническая лаборатория по изучению методов хранения и реставрации древних тканей и шитья.

К середине 1920-х гг. в связи с принятием обширной программы индустриального и культурного строительства в СССР особенно возросли проблема охраны памятников, а также роль и значение научных учреждений, осуществлявших научно-методическое руководство охранными мероприятиями. Активизировалась деятельность местных административных органов, музеев и краеведческих обществ. В связи с этим потребовалось внести коррективы в Устав 1919 года.

Новый Устав был утвержден Наркомпросом 12 января 1926 г., и Российская академия истории материальной культуры переименована в Государственную Академию истории материальной культуры (ГАИМК).

Академия, по Уставу 1926 г. — научно-исследовательское учреждение. Преследуя в своей деятельности общие цели развития просвещения и хозяйственного строительства СССР, оно имело непосредственной задачей научное добывание и исследование вещественных памятников искусства, древности и старины, с вовлечением в научный оборот достижений исторически сменявшихся одна другую культур, а также всестороннее научное изучение этих достижений и исследование методов их охраны. Большое внимание уделялось координирующей, в том числе согласование работы музеев, и методологической стороне деятельности.

Просветительская работа, в виде «распространения среди трудящихся масс теоретических и практических сведений по различным вопросам археологии и охраны памятников», являлась неотъемлемой частью работы ГАИМК (РА. Ф. 2, 1926 г., д. 3. Л. 3–11; Устав ГАИМК, 1926. С. 5–6).

Устав ГАИМК, в равной степени, как и Устав РАИМК, непременно включали положения о производстве и научном обосновании раскопок, связанные с организацией экспедиций и поездок с целью собирания новых материалов, их регистрации и принятия мер охраны. Обязательными считались также научная обработка и публикация материалов, издание общих сводов памятников древности.

В структуру ГАИМК было введено научно-организационное отделение, задачей которого являлось «выяснение методологических вопросов, связанных с работой самой Академии, и разработка в теоретическом разрезе планов, направленных к согласованию работы Академии и музеев» (Пескарева, 1980. С. 31).

Все подразделения РАИМК–ГАИМК представляли отчеты, сводившиеся ученым секретарем Б. В. Фармаковским в «Сообщениях» о деятельности Академии. В отчете по Фотографическому отделу за 1924–1925 гг. было указано,

что исполнено 493 отп., 102 нег. и 164 диапозитива. В Отдел принято 4298 отп. и нег. Составлены подробные описи пяти коллекций и 3462 нег. и отп. Занесены на карточки негативы из трех коллекций (2424 ед.) (Фармаковский Б. В., 1929. С. 26). В это время заведующим Фотографическим отделом был Н. В. Малицкий, научным сотрудником Т. М. Девель и фотографом И. Ф. Чистяков.

В Отчете за 1925–1926 г. сообщается, что исполнено 627 нег., 2081 отп. и 389 диапозитивов. Продолжены работы по инвентаризации и каталогизации: из 4596 нег. определены и описаны 4146 нег., из 13375 фотографий — 10947. Зарегистрированы и детально описаны все поступившие диапозитивы (453 ед.). Приобретено 3 фотоаппарата и произведен ремонт 3 аппаратов, таким образом все заявки сотрудников о предоставлении им фотоаппаратов для летних командировочных работ могут быть удовлетворены (Фармаковский Б. В., 1929. С. 23). В Отчете за 1926–1927 гг. говорится, что исполнено 1395 нег., 1854 отп. и 349 диапозитивов. По инвентаризации и каталогизации коллекций описаны 4165 нег., 279 отп. и 414 диапозитивов, занесено на карточки 450 нег. и 1360 отп. Не все поступившие материалы были обработаны — поступления составили 2870 нег., 25262 отп. и 181 диапозитив (Отчет 1926–1927 гг., 1929. С. 364). Перед началом Великой Отечественной войны в фотоархиве хранилось, в целом, 256000 ед. хр. Все диапозитивы были списаны в 1960-е гг.

Определенным видом «полевой» деятельности Академии в 1919–1929 гг. являлись поездки по изучению, реставрации и охране памятников архитектуры и искусства, точнее небольшие экспедиции для осмотра, описания и рекогносцировочных раскопок археологических памятников. Особенно многочисленными они были в 1920–1929 гг. Большинство этих документов отложилось в архиве, где хранится и поныне.

Уже в 1919 г. В. В. Бартольд планировал провести раскопки в Мерве, «... единственной местности в Средней Азии, о которой собраны и подробно разработаны исторические сведения...», на городище Афрасиаб вблизи Самарканда, а также в округе Хивы, где сохранились древние архитектурные памятники и были известны находки «каменных баб» (РА. Ф. 2, оп. 1, 1919 г., д. 21. Л. 6, 7; 1920 г., д. 3. Л. 105; Алекшин, 2007. С. 15).

В 1920 г. началась реставрация историко-культурных памятников Самарканда (медресе Улуг-Бека, мавзолей Гури-Эмир) и Бухары (мавзолей Исмаила Самани, цитадель — Арк), несколько позже — Ашхабада. Академик В. В. Бартольд был направлен в командировку в Туркестан, чтобы «на месте ознакомиться с состоянием памятников прошлого и условиями научной работы для составления плана дальнейших исследований», который следовало представить на утверждение в Академию (Бартольд, 1966. С. 243).

В 1924 г. всестороннему обследованию были подвергнуты архитектурные памятники Казахстана, Крыма и Украины. С 1926 г. начались регулярные исследовательские работы А. Ю. Якубовского в Средней Азии и Казахстане.

В этот же период (1919–1930 гг.) Академией были организованы первые фундаментальные археологические экспедиции: в 1919–1921 годах активно работали Минусинская (нач. С. И. Руденко, нач. отряда С. А. Теплоухов) и Туркестанская (нач. А. П. Удаленков). Более подробно история полевых исследований РАИМК–ГАИМК в 1919–1959 гг., как одного из главных видов деятельности Академии, освящена отдельным разделом в настоящей работе (см. также *Приложение*).

В 1924 г. газета «Известия» писала: «Если прежде работа археологов протекала в тиши кабинетов, то теперь в изучение памятников старины вовлечены широкие круги населения» (Пряхин, 1986. С. 43). Большое значение в распространении «среди трудящихся масс» сведений, касающихся археологии и, особенно, охраны памятников, имели выступления членов Академии в периодической печати, их популярные лекции и беседы, организация разного рода выставок: ознакомительных, для подшефных организаций, к ежегодным пленумам РАИМК–ГАИМК; отчетных о работе разрядов, к докладам и т. д.

Обычно выставки устраивались в помещении РАИМК–ГАИМК в Мраморном дворце. В 1924–1925 гг. демонстрировали результаты своих работ Верхне-Волжская этнологическая, Ольвийская, Туркестанская и Монголо-Тибетская (нач. П. К. Козлов) экспедиции; разряды греко-римский и русской живописи. Они были приурочены к празднованию 200-летия Академии Наук.

7 апреля 1927 г. состоялось заседание Комиссии СНК СССР по содействию работам АН СССР об участии Академии Наук СССР в праздновании 10-летней годовщины Октябрьской революции. Заседание постановило, что, наряду с изданием очерков научных достижений Академии наук, необходимо организовать публичные выставки научных учреждений Академии наук (в частности, по исследованию Центральной Азии) «с изданием сводного каталога и заснятием наиболее важных достижений на киноленте» (Документы, 1988. С. 44).

Несмотря на то, что ГАИМК оставалась вне структуры Академии наук, 8 ноября 1927 г. в Мраморном дворце была открыта огромная выставка результатов работ РАИМК–ГАИМК за 1919–1927 гг. (Девель, 1929. С. 217–239). Экспозиция располагалась в девяти залах, в семи из них были представлены результаты экспедиционных исследований, в двух — работы вспомогательных учреждений ГАИМК и Института археологической технологии. Сводная карта с указанием мест длительных обследований, раскопок и разведок, работ по линии изучения живого быта, в музеях и установления связей с местными учреждениями представила общую картину работ РАИМК–ГАИМК в первые десять лет ее деятельности. В частности, разряд Археологии и искусства Средней Азии занял VI зал. Здесь были показаны планы, акварели, фото мавзолеев Шах-и Зинда, Узгента, являвшиеся результатами командировок с целью составления общего свода памятников архитектуры Средней Азии. Особый зал был выделен Институту Археологической технологии, занимавшемуся реставрацией и консервацией памятников культуры и искусства.

На выставке В. В. Бартольд, П. П. Ефименко, А. А. Миллер, И. А. Орбели, Н. П. Тихонов, М. В. Фармаковский и др. прочитали научные доклады. Для широкой публики экспозиция была открыта более месяца и ее посетило 1250 человек.

Концом 1920-х – началом 1930-х годов датируется «выход советских археологов на международную арену». В 1929 г. в Берлине происходил II Международный съезд археологов, на который были делегированы Б. С. Жуков, Г. И. Боровко, С. С. Дложевский и представлен доклад П. Д. Рау о раскопках в Поволжье. К проведению съезда приурочили выставку материалов из раскопок П. К. Козлова в Монголии.

В 1931 г. в Лондоне состоялся II Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Заместитель председателя ГАИМК Ф. В. Кипарисов писал, что «советские экспонаты — сасанидское золото, серебро, бронза, драгоценные изделия ювелирного искусства XVII в. в Персии — вызвали сенсацию своей уникальностью (ФА, отп. Q 220/19, 20). Газета «Таймс» отметила, что материалы, представленные Советской Россией, являются наиболее значительными. За январь–март выставку посетило 249 тысяч человек из состоятельных классов английского общества. Глава делегации И. А. Орбели сделал доклад об экспонатах и работе советских музеев» (Кипарисов, 1931. С. 5–7).

Из редакционной статьи Сообщений ГАИМК, № 3–4 за 1932 год: «В 1929–1933 годах ГАИМК охватила перестройка. Основной задачей переломного 1932 г. в области изучения истории материальной культуры является борьба за коренную перестройку работы на основе марксистско-ленинской теории, за захват решающих позиций в научном изучении исторического процесса. Одним из важнейших моментов организации работы является перевод ее на хозрасчетную систему, которая, сохраняя основной смысл, соответствующим образом должна быть модифицирована в своих формах и методах в применении к научно-исследовательской работе». Первые шаги перестройки были сделаны в Москве учениками В. А. Городцова. В Ленинграде одним из ее активнейших деятелей стал Ф. В. Кипарисов. Новые задачи потребовали научно-организационных мероприятий, прежде всего, пополнения штата сотрудников. В структуре вместо трех ранее существовавших отделений было выделено три сектора: доклассового общества (архаический), рабовладельческой и феодальной формаций, подразделявшиеся в свою очередь на группы или бригады, заменившие разряды. С 1934 г. они стали называться научно-исследовательскими институтами истории доклассового, рабовладельческого и феодального общества. Кроме того, существовали три научно-организационных сектора и три научно-вспомогательных учреждения, в том числе фотоархив. В институтах и секторах было организовано 20 кафедр. Институт Археологической технологии переименовали в Институт исторической технологии. ГАИМК постепенно становилась крупнейшим центром по изучению истории докапиталистических обществ (Борисковский, 1980. С. 5–7).

Вспоминая об этом периоде работы ГАИМК, М. А. Тиханова отмечает, что «при перестройке в начале 30-х годов из одной крайности — традиционного формально-вещеведческого подхода — увлеклись другой — абстрактным социологизированием и пренебрежением к конкретному материалу. Археологические работы продолжались, в основном, на новостройках» (Тиханова, 1980. С. 36). Этот процесс нашел отражение в комплектовании фотоархива в виде усиленного потока материалов новостроечных экспедиций (Длужневская, Березовская, 1995. С. 180–190).

В 1933 г. состоялись пленумы по проблемам истории доклассового общества и генезиса и развития феодальной формации. Ударными бригадами, в том и другом случае, были организованы выставки, которые по существу являлись музеифицированной исторической справкой по этапам изучения — от Императорской Археологической комиссии до последних работ рабовладельческого и феодального секторов. Ведущими лозунгами являлись «От вещеведения, от ползучего эмпиризма, от культурно-исторической школы — к социологическому методу, к марксистско-ленинскому изучению исторического процесса». В области организации: «От механического соединения случайных тем отдельных сотрудников разрядов — к единому плану сектора» (ПИМК, 1933, № 3–4; № 9–10).

В 1932 г., 7–11 мая в Ленинграде на Всероссийском археолого-этнографическом совещании развернулась дискуссия о месте археологии в системе других наук. К совещанию была устроена выставка работ экспедиций и иллюстративных материалов, которая имела, по терминологии того времени, «смотровой» характер. Показ вещественных памятников был сведен до минимума. Демонстрировались материалы последних лет основных экспедиций: Северо-Кавказской, Юго-Восточной, Ольвийской, Таманской, Эски-Керменской; командировки в Армению в 1930 г. для изучения циклопических крепостей и древних поселений; обследования территорий «Большого Ленинграда» и Ленинградской области, где с 1927 по 1931 г. было обнаружено 1046 разновременных памятников, из которых 800 объектов были оформлены отдельными папками с описаниями, чертежами, фотографиями, литературными справками (подобие современных «паспортов» памятников). В работах участвовали А. А. Иессен, С. Н. Замятин, В. И. Равдоникас и другие. Обследование «Большого Ленинграда» можно, по сути, отнести к разряду новостроечных работ, так как оно производилось на проектируемой территории будущего города. Одновременно проходила выставка Института исторической технологии. В этот период основой его работ становится изучение археологических объектов с целью вскрытия и реконструкции технологических процессов материального производства различных социально-экономических формаций и разработки методики консервации и реставрации археологических объектов для научных и музейных целей. Демонстрировались результаты работ по изучению цветности древних тканей и др.

Наибольшего размаха рекогносцировочные поездки и археологические раскопки достигают во второй половине 1930-х годов, когда страна приступила к реализации программы индустриального строительства. Перед ГАИМК

была поставлена задача — в кратчайшие сроки и в строгом согласовании с программой капитального строительства — выявить и зафиксировать все имеющиеся на осваиваемых территориях археологические памятники, наиболее значимые взять на учет под государственную охрану. На 1928–1932 гг. было запланировано продолжение обследования памятников Армении, Дагестана, Крыма и Сибири. При ГАИМК организован Комитет по организации археолого-раскопочных исследований, а в 1932 г. — Комитет по работам на новостройках, во главе которого встал Н. Я. Марр. Комитет по новостройкам напрямую подчинялся Президиуму Академии, что подчеркивало значение, придававшееся работам в районах социалистического строительства.

Постановлением Сектора науки Наркомпроса от 9 марта 1932 г. на базе бывшего сектора археологии ГАИС в Москве было организовано отделение Государственной Академии истории материальной культуры с четырьмя секторами: 1 — материального производства доклассового общества; 2 — материального производства рабовладельческих обществ; 3 — материального производства феодального общества; 4 — материального производства капитализма и генезиса социалистического производства. Такое подразделение было организовано впервые. Задачи, которые ставили перед собой сектора, отражены в их названиях.

В январе 1932 г. при ГАИМК был учрежден Научно-исследовательский институт музееведения, производственный план которого предусматривал разработку 12 тем по советскому музееведению, сначала в теоретическом плане, затем предполагалось использование этих разработок в осуществлении практических мероприятий.

В 1930-е гг. сотрудники ГАИМК работали в зонах строительства Волго-Дона, Беломорканала, Нуриной и Амурской ГЭС, на строительстве метрополитена в Москве. В зонах новостроек функционировало более 60 экспедиций (ПИДО, 1935, № 7–8. С. 196–203). В феврале 1934 г., к специальному пленуму ГАИМК по новостроечным работам, в залах Мраморного дворца была развернута новая экспозиция. На выставке ГАИМК в 1935 г. отдельный щит был посвящен работе фотоархива (ФА, отп. О.1129/1).

Задачи, ставившиеся перед Академией истории материальной культуры и зафиксированные уставами 1919 и, особенно, 1926 г., полностью совпадали с задачами главного научного учреждения страны — Академии наук. Устав Академии наук СССР, утвержденный в 1927 г., имел целью приблизить деятельность научных учреждений к потребностям социалистического строительства. От Академии наук требовалось: «а) развивать и усовершенствовать научные дисциплины, входящие в круг ее ведения, обогащая их новыми открытиями и методами исследования; б) изучать естественные производительные силы страны и содействовать их использованию; в) приспособлять научные теории и результаты научных опытов и наблюдений к практическому применению в промышленности и культурно-экономическом строительстве Союза ССР». Академия наук Союза ССР должна была осуществлять научно-экспедиционную деятельность в пределах поставленных научных задач, учи-

тывая при этом нужды и пожелания союзных республик. В Академии наук были созданы Отделения физико-математических и гуманитарных наук. В состав Гуманитарного отделения вошли «история, филология, экономика, социология и т. п.». АН СССР имела право устанавливать и поддерживать научные связи с академиями, учеными учреждениями и научными обществами как Союза ССР, так и других стран, а также, с разрешения Совета Народных Комиссаров Союза ССР, утверждать исследовательские институты, музеи, лаборатории, кабинеты и постоянные комиссии типа исследовательских институтов.

В июле 1937 г. ГАИМК была реорганизована в Институт истории материальной культуры (ИИМК) имени Н. Я. Марра в Ленинграде с отделением в Москве. 5 октября того же года Президиум АН СССР утвердил структуру Института, вошедшего в состав Отделения истории и философии АН СССР. Руководителем Института был назначен И. А. Орбели, который вскоре после своего назначения сделал доклад на Президиуме АН СССР. По итогам доклада руководство Академии наук поручило институту составление генерального плана археологических работ в СССР, а также разрешило директору ИИМК заключать договора на проведение археологических раскопок и иметь для расчётов по договорным работам особые средства (РА. Ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 15. Л. 24, 26, 27). Перед Институтом была поставлена первоочередная задача — исследование истории СССР с древнейших времен до позднего средневековья по археологическим данным с привлечением всех видов исторических источников (Протоколы заседаний Президиума АН СССР от 05.08.1937 № 23, § 4 — ААН, ф. 7, оп. 1, д. 208. Л. 88 и № 55, § 1, 6 от 15.10.1938). Научные задачи определили структуру института: он состоял из 10 секторов, в том числе секторов Передней и Средней Азии; Сибири; Центральной Азии; Московской группы и вспомогательных учреждений (РА. Ф. 2, оп. 1, 1937 г., д. 15. Л. 1, 2, 9; д. 54. Л. 1, 7; ф. 312, оп. 1, д. 8. Л. 1).

В 1938 г. в составе ИИМК насчитывалось 9 секторов (РА. Ф. 312, оп. 1, д. 14. Л. 7–10, 13–19), а в 1939 г., после того как директором ИИМК стал М. И. Артамонов (РА. Ф. 35, оп. 5, д. 10. Л. 213 об.), Учёный Совет института произвел укрупнение секторов и их количество сократилось до шести. Среди них были представлены сектор бронзы и раннего железа, сектор Средней Азии и сектор Кавказа (РА. Ф. 312, оп. 1, д. 58. Л. 3). В 1940 г. сектора Средней Азии и Кавказа были объединены в сектор Центральной Азии (рук. А. Ю. Якубовский) (РА. Ф. 312, оп. 1, д. 86. Л. 2).

9 февраля 1945 г. Институт был переведен в Москву, в Ленинграде осталось его отделение (Протокол распорядительного заседания Президиума АН СССР № 4, § 7 от 09.02.1945). Несоответствие названия Института его задачам было «исправлено» в 1959 г. переименованием учреждения в Институт археологии.

Организация фотоархива как отдела РАИМК–ГАИМК. Заведующие фотоархивом в 1919–1950-е гг.

Вместо упраздненной после Октябрьских событий 1917 г. Императорской Археологической комиссии была организована Российская Государственная Археологическая комиссия (РГАК), процесс формирования которой от момента постановки вопроса о необходимости поиска новых путей деятельности в апреле 1918 г. (РА. Ф. 1, 1918 г., д. 20. Л. 75) до утверждения проекта Устава в октябре 1918 г. занял всего полгода.

В Уставе было отмечено, что при Комиссии организовываются библиотека с рядом отделов, в том числе с отделом фотографических отпечатков и негативов, и особая фотографическая техническая часть (РА. Ф. I, 1918 г., д. 1). Рукописная часть архива (документы на бумажных носителях) составляла в библиотеке Отдел старых книг, а графическая (чертежи и рисунки) входила в Отдел книг, карт, чертежей и рисунков.

Позитивы (фотографические отпечатки) поступили в библиотеку. Хранение и научно-техническая обработка негативов были организованы в декабре 1918 г., но как самостоятельный отдел в числе вспомогательных подразделений фотоархив был выделен только в начале 1930-х гг., хотя вопрос о его организации поднимался с самого начала деятельности Академии истории материальной культуры (РА. Ф. 2, 1933 г., д. 73. Л. 33).

В связи с расширением функций Комиссии, включавших отныне не только учет и надзор за памятниками прошлого, но и проведение практических мероприятий по их реставрации и ремонту, было предложено учредить новые должности помощника архитектора, техников, архивариуса для заведования архитектурным отделом Комиссии, а также ассигновать ежегодно средства на приобретение фотографических снимков, рисунков и чертежей — 3 тыс. рублей, на фотографические работы — 10 тыс. рублей (РА. Ф. I, 1918 г., д. 20. Л. 75, 75об.). На Заседании РГАК от 13 ноября 1918 г. помощником библиотекаря по архиву был назначен А. С. Раевский, а помощником фотографа — И. Ф. Чистяков.

Именно Иван Федорович Чистяков 11 декабря 1918 года передал в Российскую Государственную Археологическую комиссию 20315 негативов, о чем свидетельствует запись № 1 в инвентарной книге фотоархива № 1, приступив таким образом к организации специализированного хранилища. С 1896 по 1918 г. он являлся постоянным фотографом ИАК и, благодаря его стараниям, были созданы ориентировочные описи на все сделанные им и хранившиеся у него в лаборатории негативы. Это собрание и стало основой фонда архива новой Комиссии.

26 декабря 1918 г. Совет РГАК одобрил постановление Правления от 6 декабря о приобретении для библиотеки Комиссии за 15561 руб. большой коллекции негативов (РА. Журнал правления № 7. Ст. XII). А. А. Спицын «указал на желательность приобретения коллекции фотографа Машечкина», и Совет просил К. К. Романова навести справки об этой коллекции.

В. М. Машечкин, фотограф Этнографического отдела Русского музея, в 1912–1914 гг. участвовал в экспедициях К. К. Романова по Заонежью, Ярославской и Псковской губерниям; Н. И. Репникова и др. В основном, негативы, хранившиеся в домашних условиях, передавались сотрудниками безвозмездно.

В феврале–марте 1919 г. Совет и чрезвычайное собрание РГАК обсудили проекты «Положения о Российской академии археологических знаний» и «Декрета о преобразовании Российской государственной археологической комиссии в Российскую государственную академию археологических знаний и учреждений ее объединения» (Пряхин, 1986. С. 13). Декрет о создании РАИМК был утвержден 18 апреля 1919 г. (Устав ГАИМК, 1926. С. 3).

В сентябре 1919 г., согласно Уставу, рукописный архив стал самостоятельным подразделением РАИМК (РА. Ф. 2, 1919 г., д. 1. Л. 190об., 191). 13 октября 1919 г. на XIV заседании на должность заведующего архивом Академии единогласно избрали академика С. А. Жебелева. 2 ноября того же года И. А. Орбели (XVII заседание) доложил постановление Правления от 24 октября о поручении Н. П. Сычеву организовать Особый фотографический архив и выработать положение о таковом. Было решено организовать фотографический архив как самостоятельное учреждение при фотографической части и внести соответственные дополнения в Устав Академии (РА. Ф. 2, 1919 г., д. 17. Л. 45).

Самостоятельным отделом в числе вспомогательных подразделений ГАИМК фотоархив стал только в 1930-е гг. (РА. Ф. 2, 1933 г., д. 73. Л. 33), и при реорганизации 1937 г. остался самостоятельным подразделением в составе ИИМК АН СССР.

Осенью 1941 г., с целью концентрации усилий для обеспечения сохранности документов, остававшихся в блокадном городе, рукописный архив и фотоархив были объединены в единый архив ИИМК (РА. Ф. 35, оп. 6, д. 25. Л. 30), но в 1944 г. они снова стали самостоятельными научно-вспомогательными подразделениями.

В первой половине XX в. заведующими фотоархивом были Н. П. Сычев, Н. В. Малицкий, Т. М. Девель и Т. Б. Томес.

Первым заведующим стал **Николай Петрович Сычев** (1883–1964), историк искусства, специалист в области древнерусской живописи, художник, реставратор; профессор ряда учреждений, хранитель Отделения древнерусского искусства и Художественного отдела Русского музея, директор Русского музея в 1921–1926 гг. (Лазарев, 1965. С. 191–192; Длужневская, 2003а. С. 349–360).

Родился в Санкт-Петербурге, в семье служащих. Окончил 11-ю Петербургскую гимназию, в 1904–1910 гг. учился на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, после его окончания был оставлен для подготовки к преподавательской деятельности. В 1910–1911 гг. был командирован университетом и РАО для научно-исследовательских работ в Новгород, Псков, Старую Ладугу и др.; в 1913 г. — в Армению, где под руководством академика Н. Я. Марра участвовал в раскопках древнего г. Ани и провел самостоятельные исследования архитектуры и живописи памятников в районе Эчмиадзина. В том же 1913 г. Н. П. Сычев получил командировку

в Австрию и Италию для научных занятий по византийскому и итальянскому искусству. В 1915 г. побывал в Грузии с целью изучения памятников искусства XIV в., в 1916 г. выдержал экзамен на степень магистра и был избран приват-доцентом и хранителем Музея древностей при Петроградском университете; кроме того, он был ученым секретарем Художественного отдела Русского музея, профессором Института истории искусств, Археологического института в Петрограде-Ленинграде; Академии Художеств в Петрограде-Ленинграде; действительный член РАИМК-ГАИМК; заведовал Разрядами древнерусского искусства и русской живописи, Председатель III художественно-исторического отделения. В декабре 1919 г. назначен заведовать фотографическим отделом и исполнял эти обязанности до 1924 г.

Первый раз Н. П. Сычева арестовали в сентябре 1930 г. по подозрению в принадлежности к контрреволюционной монархической организации «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России»; однако, спустя 10 месяцев он был освобожден без предъявления обвинения. Второй раз арестован в 1933 г. и Коллегией ОГПУ осужден на 8 лет в ИТЛ (Ашнин, Алпатов, 1994). В заключении преподавал в Учебном комбинате НКВД в г. Кемь; организовывал Музей строительства Беломорско-Балтийского канала им. тов. Сталина в г. Повенец и был назначен его директором; начальник Архитектурно-Художественного сектора Туломстроя НКВД, художественный руководитель Центральных Мастерских Беломорско-Балтийского Комбината НКВД в г. Повенец; в 1941 г. эвакуирован в Усольлаг и назначен статистиком при центральной больнице. 18 июля 1942 г. Н. П. Сычев освобожден и направлен в г. Чистополь, где работал сверхштатным научным сотрудником и заместителем директора Чистопольского краеведческого музея Татарской АССР.

В конце 1944 г. Комитетом по делам искусств при СНК СССР Сычев направлен в г. Владимир для работы в Отделе архитектуры при Владимирском облисполкоме (Кызласова, 2002. С. 363). Летом 1945 г. переведен на работу в ИИМК АН СССР, в Москву (РА. Ф. 35, оп. 5, д. 301. Л. 13). В феврале 1945 г. зачислен в Московский реставрационный центр, где заведовал Отделом древней живописи. 15 апреля Сычев был арестован в третий раз. Его обвинили «в проведении после освобождения из заключения антисоветской агитации, направленной на подрыв политического строя СССР». Через три месяца освободили, но только в конце декабря 1954 г. с него была снята судимость и дано право жить и трудиться в Москве. Он работал в должности старшего научного консультанта Республиканской научно-реставрационной производственной мастерской Комитета строительства и архитектуры при Совете Министров РСФСР (Кызласова, 2006).

За время научной деятельности он написал около двух десятков научных исследований, а ряд его художественных произведений приобретен для разных музеев и Государственной Третьяковской галереи (РА. Ф. 35, оп. 5, д. 301. Л. 9об.).

В Научном архиве ИИМК РАН: в РА — фонд 51: 410 дел, 1907–1964 гг.; в ФА — фонд 37: 2906 ед. хр.

Незаслуженно забытым оказался заведовавший фотоотделом **Николай Владимирович Малицкий** (1881–1938). Он родился в с. Белка Волынской губернии. Учился в Кременецком Духовном училище, затем в Волынской Духовной семинарии, в 1905 г. окончил Петроградскую Духовную Академию, в 1909 г. — историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета по специальности «христианская археология» и был оставлен на кафедре истории средних веков. С 1911 г. преподавал христианскую археологию в Духовной академии, а с 1916 — в Петроградском Археологическом институте. В 1920–1924 гг. в том же институте профессор Н. В. Малицкий возглавлял кафедру византийского искусства. С 1925 г. являлся доцентом ЛГУ.

Преподавательскую деятельность Н. В. Малицкий совмещал с работой в научных учреждениях: с 1919 г. — научный сотрудник РАИМК; зав. Разрядом русской живописи, секретарь III отделения, с апреля 1929 — научный сотрудник I разряда ГАИМК. 15 декабря 1930 г. уволен из ГАИМК, 3 февраля 1932 г. зачислен секретарем Института исторической технологии, 23 марта 1933 г. переведен во внештатные сотрудники. Сам он отмечает, что являлся сотрудником ГАИМК с 1922 по 1932 г. С 1924 г. — ученый секретарь АК и заведующий фотоотделом. С 1922 года Н. В. Малицкий, крупнейший специалист в области византийского и русского искусства, работал также научным сотрудником Русского музея (РА. Ф. 2, оп. 3, д. 400).

Старший научный сотрудник Русского музея Н. В. Малицкий арестован 29 ноября 1933 г. и осужден 2 апреля 1934 г., когда Коллегией и Особым Совещанием при коллегии ОГПУ вынесено постановление по ленинградской части дела «Российской национальной партии». Из 35 осужденных Д. А. Золотарев, А. А. Миллер, И. Г. Спасский, Ф. И. Шмит получили по 5 лет лагерей, Г. А. Бонч-Осмоловский и др. — 3 года лагерей. По три года ссылки получили Н. В. Малицкий, Л. А. Дурново, М. П. Грязнов. Одиннадцать осужденных, в том числе И. Г. Спасский и М. П. Грязнов, не признали себя виновными. Два дела было прекращено «за смертью подсудимых» — С. А. Теплоухова и Ф. А. Фиельструпа (Ашнин, Алпатов, 1994. С. 86; Платонова, 1995. С. 159–160).

Н. В. Малицкий был сослан на 3 года в Петрозаводск и вторично арестован 19 сентября 1937 г. Умер 15 января 1938 г. в Каргопольском лагере (Ашнин, Алпатов, 1994. С. 241–243, 138). Полностью реабилитирован 31.03.1989 г. Такова трагическая судьба второго заведующего фотоотделом Николая Владимировича Малицкого.

Здесь требуется некоторое отступление, поводом которого является название того научно-вспомогательного подразделения, которое существует с 2004 г. как «фотоотдел Научного архива ИИМК РАН». В 1921 г. Т. М. Девель пишет *фотографический отдел*; в 1934 г., что с 1932 г. работает в *фотоархиве*. Рядом общее название подразделения «*фотоотдел*». В «Распоряжениях» 1932 г. и 1934 г. — *фототека*, а 1-го февраля и в июле 1934 г. — *фотоархив*, в конце 1935 г. — *фотоархив*. Дальше в приказе от 15/X-1937 г. — *фотоархив*, но 7/III-1940 г. — *фототека*. И, наконец, после 1940 г. всегда встречается только *фотоархив*, даже в более поздних автобиографиях Т. М. Девель пишет,

что пришла работать в 1921 г. в *фотоархив*. Судя по всему, название *фотоархив* более-менее устойчиво утверждается в 1934 г. Названию, по-видимому, не придавалось большого значения, так как все понимали, о каком отделе идет речь и что это отдел, в котором концентрируются, научно и технически обрабатываются именно фотодокументы. Отметим также, что в документе от 15 ноября 1927 г. из личного дела Н. В. Малицкого указано, что с 1924 г. (и, вероятно, до 1932 г.) Н. В. Малицкий заведовал *фотоотделом*.

Девель Татьяна Модестовна (1888–1981), заведующая фотоархивом ГАИМК – ИИМК АН СССР (с 1932 по 1956 г.) (Длужневская, 2003а. С. 349–360).

Родилась в Петербурге, в семье воспитателя Инженерного училища. Первоначальное образование получила в Литейной женской гимназии, которую окончила в 1906 г. В 1907–1908 гг. обучалась в педагогическом классе Оболенской гимназии, и в 1909–1910 гг. работала воспитательницей в женской Константиновской гимназии при Педагогическом Институте в Ленинграде.

В 1912 г. Т. М. Девель поступила на Высшие Женские Бестужевские курсы, где занималась на историко-филологическом отделении по истории западного средневековья у И. М. Гревса, О. А. Добиаш и М. И. Ростовцева. Числилась на курсах до 1917 г., но не смогла сдать экзамены из-за болезни. В 1913 г. летний семестр училась во Фрейбургском университете в Германии по истории средневекового города, а летом 1914 г. в течение трех месяцев занималась историей Флоренции.

В 1915 г. Т. М. Девель пошла сестрой милосердия на фронт, работала в Рижском (Минск, Винница) и Кауфманском (Тула) госпиталях. Тяжело заболела в мае 1917 г., была направлена на лечение в Анапу, а затем в Пятигорск. В Пятигорске в 1918 г. работала в Вечернем Народном Университете, занималась стенографированием для пособий лекций, составлением и подготовкой к печати учебных пособий. С весны 1919 по март 1920 г. служила в должности делопроизводителя у «белых» в Гражданском Управлении Терским краем в Пятигорске. С весны 1920 г. вплоть до переезда в Петроград в 1921 г. работала в Земельном Отделе пятигорского Исполкома.

Весной 1921 г. Татьяна Модестовна вернулась в Петроград и в апреле того же года поступила на работу в фотографический отдел РАИМК в должности научно-технического сотрудника. В сентябре 1921 г. указана должность — регистратор фотографического отдела.

Т. М. Девель — историк, специалист в области западноевропейского средневековья, знала европейские языки, читала и переводила с греческого и латыни. Семейное положение: «холостая». «В СССР имею двоюродную сестру, проживающую в Ташкенте, за границей двоюродную сестру, выехавшую в Париж в 1924 г., с которой не переписываюсь». В революционном движении не участвовала и ни в какой партии или группировке не состояла (Личное дело. Л. 99–100).

Полученное образование дало ей историческую специальность, последующая практическая деятельность сделала ее фотоархивистом. Указывая специальность, она пишет «фотоархивное дело». По возвращении в Петроград

Т. М. Девель была научно-техническим сотрудником РАИМК–ГАИМК (1921–1927), научным сотрудником II разряда (1928); назначена заведующей фототекой с 1 ноября 1932 г., позже — хранителем фотоархива; старшим научным сотрудником с 1-го февраля 1934 г. Кроме того, с 1923 по 1929 г. Т. М. исполняла обязанности секретаря Комитета по искусствознанию и секретаря Ольвийской экспедиции ГАИМК 1926, 1928–1930 гг. (Личное дело. Л. 24).

26 декабря 1929 г. на заседании Разряда Средневековых культур Европы и Передней Азии и Разряда Средней Азии Т. М. Девель сделала доклад «Гончары Ташкента (Материалы и наблюдения)». В результате было принято постановление: направить сообщение для напечатания и считать желательным проведение в Академии работ по собиранию наблюдений по этнографической керамике (Личное дело. Л. 12).

В ежемесячных Сообщениях ГАИМК в 1931 г. опубликованы две заметки: «Поступления в *фотоотдел*» и «Поступления в *фототеку*» (СГАИМК, 1931, июль, № 7. С. 40). *Фототека* ГАИМК пополнилась рядом поступлений, явившихся результатом экспедиционных работ Академии и отдельных командировок ее сотрудников. «Прочие поступления» составили: Коллекции фотографий Библиотек Зимнего и Мраморного дворца; диапозитивы из поездки А. П. Удаленкова в Среднюю Азию; а также коллекция «Туркестанского Альбома» 1870–1871 гг. и др. Итоговая цифра поступлений на 1 декабря 1930 г. — 15042 (СГАИМК, 1931, февраль, № 2. С. 39).

«За все эти годы ею (Т. М. Девель) проведена огромная научно-организационная работа, в результате которой фототека Академии сделалась одним из образцовых научно-вспомогательных учреждений не только города Ленинграда. Фотоархив Академии является одним из крупнейшим фотохранилищ в Европе и вызывает к себе большой интерес иностранных специалистов, бывающих в СССР и знакомящихся с работой Академии. В 1937 г. ГАИМК обретает новый статус и становится Институтом истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР. В связи с этим Президиум Академии наук утверждает Т. М. Девель в должности зав. фотоархивом, точнее «подтверждает» уже имевшуюся должность. В июне 1941 г. Т. М. Девель ушла в очередной отпуск и выехала в Ташкент; с начала ВОВ была откомандирована ИИМК в распоряжение Ташкентского Музея Искусств и работала в Институте языка, литературы и истории УзФАН по составлению сводного каталога, имеющейся в Ташкентских библиотеках литературы на иностранных языках по истории Средней Азии» (Личное дело. Л. 62).

Только 18 мая 1945 г. Т. М. Девель вернулась «из очередного отпуска», который так надолго оторвал ее от любимого дела и «детища» — фотоархива: «Считать возвратившимися из эвакуации и приступившими к исполнению своих обязанностей сотрудников Ташкентской группы ИИМК, в том числе — Девель Т. М. — ст. н. с., зав. фотоархивом» (Личное дело. Л. 67). В августе 1951 г. по штатному расписанию ЛО ИИМК АН СССР в составе фотоархива числились: заведующая фототекой, ст. н. с. Т. М. Девель и научно-технический сотрудник Т. Б. Томес (Личное дело. С. 94).

Т. М. Девель продолжает плодотворно трудиться, публикует в 1950 г. «Обзорные коллекции собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР» (СА. Т. XII. С. 289–336), в 1954-м — «Материалы по технике ведения фотоархива при научно-исследовательских учреждениях» (М.; Л., 1954). «В порядке товарищеской помощи» читает лекции, пропагандируя разработанную ею систему учета и хранения негативов и фотографических материалов.

1 октября 1956 года исполнилось тридцать пять лет безупречной работы Т. М. Девель в быв. ГАИМК–ИИМК АН СССР в качестве сотрудника и зав. фототекой, создавшей образцовое хранилище ценнейших фотонегативов, выработавшей совершенную систему хранения фотоисточников и на протяжении лет показавшей высокую культуру труда, любви и преданности делу. Вскоре Т. М. Девель ушла на заслуженный отдых и прожила на пенсии еще четверть века.

После ухода на пенсию Т. М. Девель исполнение обязанностей заведующей фотоархивом с ноября 1956 г. было возложено на мл. науч. сотрудника без степени *Тамару Борисовну Томес* (1915–1975). Родилась в Петрограде, мать после революции работала машинисткой и препаратором, отчим — военнослужащий. Окончила 34-ю Трудовую школу в 1931 г. В 1936 г. пришла на должность научно-технического сотрудника в фотоархив ГАИМК и работала до июля 1940 г. В 1941 г. вместе с организацией мужа была эвакуирована в Свердловск. В Ленинград они вернулись в 1947 г., и Т. М. снова стала трудиться в фотоархиве, но теперь в должности лаборанта (1949 г.). С ноября 1956 г. — заведующая фотоархивом (РА. Ф. 35, оп. 5, д. 371).

Изучением стран Востока Н. П. Сычев практически не занимался, его знакомство с памятниками Закавказья ограничивается поездкой в Ани в 1911 г. (ФА, нег. II 72614–72619, 78677–78689, III 16378–16417, отп. Q 797, Q 798, Q 799) и в Грузию в 1915 г. (ФА, отп. Q 800). В основном, фотографии и списанные ныне диапозитивы подготавливались им для чтения лекций и представляли собой пересъемку из изданий.

Т. М. Девель специально занималась изучением Средней Азии, о чем свидетельствует список ее работ: «О гончарном производстве Ташкента» (описание производства, ряд зарисовок, в том числе план мастерских, горнов, гончарных кругов и отдельно орудий) (1929 г.). Сохранились сделанные ею фотографии гончаров, производства хумов и других изделий (ФА, отп. О.149). «Указатель снимков по архитектуре Средней Азии в собрании фотоархива ИИМК». Рукопись (1936 г.) — 2 п. л. и «Западно-европейские путешественники в Среднюю Азию в XIX в.». Рукопись (1944 г.) — 64 п. л. Обе рукописи остались неопубликованными. Значительно позже кончины Т. М. увидела свет ее статья о миссии полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару (Девель, 1994).

Наибольший вклад внесла Т. М. Девель в организацию и ведение фотоархива. Именно она разработала систему хранения, научно-технической обработки, шифровки документов и их каталогизации, используемые в работе фотоотдела НА ИИМК РАН и в настоящее время.

ГЛАВА IV. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР В 1919–1959 гг. ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДОВ АРХИВА РАИМК — ГАИМК — ИИМК АН СССР

Полевые исследования в период Первой мировой войны значительно сократились, хотя были проведены небольшие работы в Сибири и Казахстане. Состоялось несколько поездок с целью охраны памятников и эвакуации из районов боевых действий наиболее ценных документов.

Возобновление экспедиционной деятельности связано с образованием в Петрограде Российской Академии истории материальной культуры. В 1919–1929 гг. состоялись многочисленные поездки по изучению, реставрации и охране памятников архитектуры и искусства, точнее небольшие экспедиции для осмотра, описания и рекогносцировочных раскопок археологических памятников. Большинство документов по этим поездкам отложилось в Научном архиве Института истории материальной культуры РАН в фондах РАИМК–ГАИМК (РА. Ф. 2; 35; ФА — ф. 46; 47).

В августе 1937 г. ГАИМК была реорганизована в *Институт истории материальной культуры* (ИИМК) в Ленинграде с отделением в Москве. Президиум АН СССР утвердил структуру Института, вошедшего в состав Отделения истории и философии АН СССР, и определил его задачи: исследование истории СССР с древнейших времен до позднего средневековья по археологическим данным с привлечением всех видов исторических источников. Таким образом, основным направлением деятельности ИИМК АН СССР стала археология, организация и проведение экспедиций на пространстве всего Союза, исследование памятников всех исторических периодов.

Обзор материалов археологических исследований РАИМК–ГАИМК–ИИМК АН СССР ограничен периодом 1919–1959 гг., то есть периодом деятельности названных учреждений. Здесь представлены только исследования, проводившиеся на территории Сибири и Центральной Азии.

При составлении обзора археологических и этнографических исследований 1919–1959 гг. использованы материалы Научного архива ИИМК РАН и справочное издание «Археологические экспедиции Государственной Академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР. 1919–1956 гг. Указатель» (М.: изд. АН СССР, 1962). К сожалению,

в этом справочнике полностью отсутствуют указания места хранения фотографической документации. Исходя из этого, основной задачей представляемого обзора является введение в научный оборот фотодокументов, отложившихся в Научном архиве ИИМК РАН.

В данном параграфе выделен год проведения экспедиции, наблюдательной поездки или командировки с археологической или этнологической целью, в тексте — название экспедиции или фамилия исследователя, осуществлявшего поездку; далее указаны годы работы, начальник и участники работ, финансирующие организации. Обозначены изучавшиеся памятники, основные результаты работ, находки. В скобках указаны место хранения материала — Научный архив ИИМК РАН, Рукописный отдел (РА). Затем год, номер дела, иногда листы; по фотоотделу — Научный архив ИИМК РАН, Фотоархив (ФА), шифры негативов: I, II, III, IV и номер негатива, шифры отпечатков: O, Q, F и номер альбома/номера страниц в альбоме. В завершении дается ссылка на опубликованную литературу.

1920 год

В 1920 г. была организована *Минусинская экспедиция*, работавшая до 1927 г. В 1920–1921 гг. экспедицией руководил С. И. Руденко. В составе ее работал отряд С. А. Теплоухова. В организации экспедиции приняли участие РАИМК, Томский университет и Русский музей; в работах 1923 и 1924 г. участвовал М. П. Грязнов, в 1927 г. — В. А. Адрианов. М. П. Грязнову, регистратору созданного при РАИМК Института археологической технологии (ИАТ), было поручено извлечение и определение добытого в ходе раскопочных работ остеологического материала (РА. Ф. 2, оп. 1, 1923 г., д. 81. Л. 5; 1924 г., д. 1. Л. 135, 137; Алекшин, 2007. С. 19).

Задачи экспедиции, в целом, заключались в разведках и раскопках разновременных археологических памятников в долинах Абакана и Енисея (РА. Ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 90; 1922 г., д. 75; 1923 г., д. 81; 1924 г., д. 1; д. 55; д. 122; 1925 г., д. 138; д. 194; 1926 г., д. 122; 1927 г., д. 125; Ф. 42, д. 118; ГМЭ, ф. 3, оп. 1, д. 56–57; 1925 г., д. 70–71; 1928 г., д. 105; ИА, ф. 12, д. 9, 10; Теплоухов, 1927). В фотоархиве отложилось небольшое количество фотографий находок из могильника на Часовенной горе (XIII–XIV вв.) и могилы с парным погребением взрослых и ребенка у них в ногах в с. Батени, датируемой XI в. (ФА, отп. O.2515/85, 128–131; O.1674).

Благодаря целенаправленным исследованиям в Минусинском крае С. А. Теплоухов разработал первую хронологическую классификацию памятников эпохи металла. И, хотя она основана на изучении курганов одного района юга Сибири, ее применение для сопредельных территорий оказалось также справедливым. Создание классификации, остающейся в большей своей части используемой до настоящего времени, намного продвинуло изучение археологических памятников и древней истории данного региона (РА. Ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 1. Л. 233).

В Бухаре были начаты работы по реставрации мавзолея Исмаила Самани и цитадели — Арка, в Самарканде — медресе Улуг-Бека и мавзолея Гури-Эмир,

и *академик В. В. Бартольд* был направлен в командировку, чтобы «на месте ознакомиться с состоянием памятников прошлого и условиями научной работы для составления плана дальнейших исследований» (Бартольд, 1922. С. 1–22; 1966. С. 243).

В Ташкенте, в Туркестанском государственном университете В. В. Бартольд выступил с докладом о ближайших задачах изучения Туркестана. В частности, он считал, что в области археологии самым неотложным следовало признать изучение того материала, который грозит исчезнуть в скором времени, ограничившись его собиранием, охраной и внешним описанием; регистрацией памятников прошлого в пределах Бухарской и Хивинской республик в отличие от прежних работ ИАК, касавшихся исключительно территории прежнего Туркестанского генерал-губернаторства. Необходимо также приступить к созданию археологической карты Средней Азии; исследованию Мерва, продолжив раскопки, начатые американской экспедицией Р. Пампелли близ станции Анау Закаспийской области; разработать план раскопок Афрасиаба; провести топографическое изучение Бухары. Совершенно неотложной задачей он полагал подробное изучение среднеазиатских архитектурных памятников и их детальную фотофиксацию (Бартольд, 1977. С. 546–555).

Одним из результатов его командировки стало образование в Ташкенте Туркестанского комитета по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис, с 1927 г. — Средазкомстарис). В начале 1921 г. В. В. Бартольд был избран его председателем (РА. Ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 4. Л. 23об., 24) и в его рамках, в основном, сосредоточилась работа разрядов археологии Средней Азии и мусульманской археологии РАИМК. Основным в их деятельности стала организация экспедиции в Туркестан с целью изучения памятников мусульманской архитектуры в Самарканде и Бухаре (РА. Ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 21. Л. 3).

«Отчет о командировке в Туркестан» был опубликован в 1922 г. (Бартольд, 1922). Фото документов по этой поездке не имеется, особо следует отметить неоднократно прозвучавшее требование непременно заниматься фотофиксацией. В начале XX столетия не все исследователи признавали за фотографией право быть источником для научного изучения, хотя всеми признавалось, что этот источник может быть только дополнен, но не заменен другим.

1921 год

Проведено широкомасштабное обследование историко-культурных памятников Бухары и изучение комплекса Шах-и Зинда в Самарканде (Археологические экспедиции, 1962. С. 16–17).

Ансамбль Шах-и Зинда был взят под охрану государства в 1920 г. К решению вопроса о научной реставрации комплекса были привлечены архитекторы, археологи, реставраторы (В. Л. Вяткин, Б. Н. Засыпкин, М. Е. Массон и др.). Для проведения обмеров, фотофиксации, копирования декоративного убранства, изучения технологических приемов строительства, археологических вскрытий РАИМК организовала *Туркестанскую архитектурную экспедицию* под руководством архитектора А. П. Удаленкова (РА. Ф. 2, оп. 1, 1921 г., д. 21;

43. Л. 1; 85; 1922 г., д. 1. Л. 16; 17, 29, 70; 1923 г., д. 75). Существенно, что весь полученный материал (чертежи, планы, рисунки) был признан собственностью Академии (РА. Ф. 2, оп. 1, 1922 г., д. 11. Л. 12).

446 фотографий было сделано начальником экспедиции А. П. Удаленковым (ФА, отп. О.1382–О.1388): общий вид лестницы и входной арки верхней площадки; вид коридора средней группы мавзолеев; общие виды и интерьеры мечети на западной стороне; мавзолеев по восточной и западной стороне; общие виды и детали коридора, мечети и мавзолея Кусам-Ибн-Аббаса и др.

Изучение ансамбля Шах-и Зинда началось еще в XIX в. После присоединения Средней Азии к России в 1860-х гг. военными инженерами и топографами были сделаны первые обмеры; фотофиксацией в 1871–1872 гг. занимались составители «Туркестанского альбома», в конце XIX в. — Г. А. Панкратьев, в начале XX в. — С. М. Дудин. В 1895 г. Самарканд, Бухару и Мерв посетил сын знаменитого французского фотографа П. Надара — П. Надар и сделал снимки, показывающие состояние комплексов в конце XIX столетия (ФА, отп. F 1). Тем не менее, столь детальная фиксация специально созданной Туркестанской архитектурной экспедицией была проведена впервые.

Обмеры и изучение художественно-декоративных приемов, использованных в оформлении памятников Шах-и Зинда, продолжались в 1930-е гг., и только комплексные исследования, развернувшиеся в 1950-е–1960-е годы, позволили завершить реставрацию ансамбля (Немцева, Шваб, 1979).

1923 год

Г. П. Сосновский и Н. К. Ауэрбах в составе *Красноярской экспедиции* по поручению Красноярского и Восточно-Сибирского отдела РГО для Музея Приенисейского края произвели раскопки палеолитической стоянки у Афонтовой горы близ г. Красноярска. Сохранились снимки находок — рог оленя, бусы и поделки из кости и таблиц с изображениями изделий из кости (РА. Ф. 2, 1924 г., д. 187; ФА, нег. П 76857–76867).

1924 год

В 1924–1925 гг. в Туркестане был немецкий историк искусства *Э. Кон-Винер*: он обследовал памятники Самарканда, совершил поездку в Анау и Мерв, посетил Бухару. В 1925 г. фотографировал мавзолеи в Узгенде (ФА, отп. О.66/1–20). Финансировали эти поездки Немецкий научно-исследовательский фонд, Министерство культуры и науки Германии, а также отдел культуры Министерства иностранных дел, Академия Наук в Ленинграде, Народный комиссариат просвещения в Москве и Туркомстарис в Ташкенте (Гирихс, 2004. С. 249). Критике исследований Э. Кон-Винера В. В. Бартольд посвятил две обстоятельные статьи (Бартольд, 1966. С. 269–279; Бартольд, 1966. С. 282–289). Главным недостатком работ Э. Кон-Винера он считал плохое знание литературы, археологического материала и данных письменных источников, хотя находил справедливым ряд выводов о датировке стен и отмечал изучение орнамента среднеазиатских построек.

В районе г. Томска в 1924–1925 гг. под руководством А. К. Иванова и М. П. Грязнова было раскопано 50 курганов XVII в. в Тояновом городке и

проведены разведки по р. Томи — обнаружены стоянки эпохи неолита и бронзы в Басандайке, Самуськином затоне и др. На следующий год в окрестностях города найден неолитический могильник на Татарском кладбище и стоянка карасукской культуры на «городище у Лагерного сада» (РА. Ф. 2, 1925 г., д. 10). Работы организовало Общество естествоиспытателей и врачей при ТГУ. Находки 1924 г. поступили в Археологический музей Томского университета, а 1925 г. — в Гос. Эрмитаж.

Монгольская экспедиция (нач. П. К. Козлов, участвовали Г. И. Боровка, С. А. Теплоухов), организованная Монгольским комитетом при СНК и АН СССР, работала в 1923–1926 гг. В архиве ИИМК РАН, кроме того, отложились отчеты за 1927 и 1928 г. (РА. Ф. 2, 1924 г., д. 144; 1925 г., д. 68, 241; 1926 г., д. 107; 1927 г., д. 119; 1928 г., д. 76), фотодокументы датируются 1924–1926 гг.

В 1924 г. П. К. Козловым было сделано сенсационное открытие: исследованы княжеские захоронения рубежа н. э. могильника Ноин-Ула в Северной Монголии (Козлов, 1928). В архиве отложились снимки фрагментов ткани с изображением льва и дракона (ФА, отп. О.119/46); зарисовок узора настенных драпировок с изображением птиц и рыб (ФА, нег. II 76826–76827); чертежей и реконструкции погребения, одежды, головных уборов (ФА, отп. О.1394/49–59); находок, в том числе изделий из дерева, бронзы, фрагментов ткани (ФА, нег. I 50371–50372, II 75792–75827, отп. О.2212/33–39); ткани с изображением головы человека — в первоначальном и отреставрированном виде (ФА, отп. Q 707/237–239). Помимо этого, сохранилось большое количество снимков находок из раскопанных памятников, особенно тканей и фрагментов глиняных сосудов (ФА, нег. I 3612–3659, II 10324–10334, 10341–10354, отп. О.119). Находки фотографировали Н. П. Тихонов, И. Ф. Чистяков и С. М. Дудин (ФА, отп. О. 759/36, 13).

Экспедиция П. К. Козлова, утвержденная правительством как «Тибетская» (в литературе известна как Монголо-Тибетская), в Тибет не попала из-за развернувшихся вокруг нее политико-идеологических интриг. В конце ноября 1923 г., когда экспедиция только приступила к исследованиям в Монголии, последовало указание вернуться в Россию, но П. К. Козлов, не подчинившись приказу, начал не входящие в утвержденный высокими инстанциями план работы экспедиции археологические раскопки в горах Ноин-Ула. Принятие такого решения явилось результатом серьезного анализа информации об интересных находках в этих местах, полученной П. К. Козловым, как от монгольских знакомых, так и его главного информатора о местных древностях Ц. Ж. Жамцарано, в то время одного из членов Монгольского Ученого Комитета.

В конце февраля 1924 г. Козлов отправил в Ноин-Ула своих сотрудников во главе с С. А. Кондратьевым и затем, обследовав местность лично и предположив, что находящиеся там курганы — древние могильники, приступил в марте к раскопкам. Руководство Российской Академии наук, обеспокоенное отсутствием в Монголо-Тибетской экспедиции квалифицированных специалистов, направило в помощь Козлову двух археологов — С. А. Теплоухова и Г. И. Боровко.

Сложности, возникшие с вывозом коллекции в Россию, П. К. Козлову удалось преодолеть, пользуясь своим авторитетом в кругах монгольского правительства, заключив с Учкомом Монголии договор о доставке всех находок в Ленинград для изучения с последующим возвратом в Монголию содержимого одного («среднего») кургана. Выбор места хранения ноин-улинских находок также явился предметом разногласия: на коллекции претендовали Эрмитаж и Русский музей, в Этнографический отдел которого хотел передать находки сам П. К. Козлов. Обсуждением этого вопроса занималась правительственная комиссия, созданная при СНК в 1925 г для предварительной оценки деятельности Монголо-Тибетской экспедиции (Юсупова, 1999. С. 46–47; Юсупова, 2006. С. 154–168). Материалы поступили в Гос. Эрмитаж.

Этой же экспедицией в 1925–1926 гг. под руководством Г. И. Боровко обследованы археологические памятники в долине р. Толы: херексуры, наскальные изображения, каменные изваяния; произведены раскопки курганов в Судзукте и Мандоле (около 200 фотографий — ФА, отп. О.1243–О.1245); большой интерес представляют снимки этнологического характера (типы монголов, одежда, головные уборы; жилища, утварь; праздник в Улан-Баторе: национальная борьба, военный парад и т. д.) и деревянной архитектуры Улан-Батора (ФА, отп. О.1246–О.1248). Здесь же уникальные фотографии встречи П. К. Козлова, Н. К. Рериха и сотрудников Монгольской экспедиции в Ученом комитете Монголии (Боровка, 1925; 1927).

В 1925 г. в Монголии работала *Кэнтэйская экспедиция* Академии наук под руководством академика Б. Я. Владимирцова. Среди материалов экспедиции П. К. Козлова сохранились снимки находок из древнетюркского погребения VIII в. в Баин-даванэ-аман, сделанных Кэнтэйской экспедицией (ФА, нег. II 25368, отп. О.1246/53).

1925 год

В. В. Бартольд совершил поездку в Туркестан с целью исследования памятников архитектуры Ташкента, Самарканда, Бухары и Шахрисябза.

П. А. Дмитриев в 1925–1926 гг. в Тюменской области изучал позднелеолитическую стоянку на Андреевском озере и позднелеолитическую стоянку Липки: имеются снимки планов раскопов и землянок (ФА, отп. О.1640/31–34).

М. П. Грязнов провел разведочные работы в верховьях р. Оби и близ г. Семипалатинска (РА. Ф. 2, оп. 1, 1925 г., д. 127. Л. 1; д. 138. Л. 1; оп. 3, д. 167. Л. 8об.).

С. И. Руденко, возглавляя в 1924 и 1925 г. по поручению Русского музея *Алтайскую экспедицию*, произвел раскопки курганов железного века в Восточном Алтае (РА. Ф. 2, оп. 1, 1924 г., д. 126. Л. 2; 1925 г., д. 138. Л. 1) и открыл во время полевого сезона 1924 г. знаменитые Пазырыкские курганы, содержавшие захоронения знати эпохи ранних кочевников (РА. Ф. 35, оп. 5, д. 262. Л. 97; Руденко, 1926; 1927; Грязнов, 1930; 1950; 1956).

Р. П. Митусова провела археологические исследования в Обско-Тазовском районе и этнографическое изучение остяков и самоедов (СГАИМК, т. I, 1926. С. 11).

1926 год

А. Ю. Якубовский в Шахрисябзе обследовал памятники архитектуры, в том числе мечеть Ак-Сарай, работал в Самарканде и Бухаре (РА. Ф. 2, 1926 г., д. 28. Л. 25; д. 31. Л. 28об., 29, 31; д. 32. Л. 36, 38; д. 95. Л. 8об.). Результатом поездки стали 105 сделанных им самим фотографий (ФА, отп. О.115–О.116).

Проведены *работы в Центральной Азии, в Туве*, руководителем которых был С. А. Теплоухов, а организатором — Русский музей (РА. Ф. 2, 1926 г., д. 231; 1927 г., д. 228; 1929 г., д. 262). Личный архив С. А. Теплоухова хранится в Рукописном архиве РЭМ, фотографий по этим работам в фотоотделе ИИМК РАН не имеется.

1927 год

В Среднюю Азию после 1921 г. сотрудники ГАИМК выезжали, в основном, в командировки, из которых наиболее важными стали поездки **А. Ю. Якубовского** для обследования архитектурных памятников Казахстана (Сыгнак, Кок-Кесен и Узгенд) и их фотофиксации (РА. Ф. 2, 1927 г., д. 23. Л. 32, 39об.; д. 33. Л. 39об., 72, 73; д. 82. Л. 39об.; ФА, отп. О.121 и О.122; Якубовский, 1929; 1947) и **А. П. Удаленкова** для завершения архитектурных обмеров мавзолея Баян-Кули-Хан в Самарканде (Узбекистан). Эти визиты состоялись в 1927 и 1928 г. (Алексин, 2007. С. 22–23).

В. П. Левашова в 1927–1928 гг. осуществила раскопки курганов в с. Саргатка (Западная Сибирь): сохранились снимки планов и разрезов курганов (ФА, отп. О.1775/66–67).

Г. П. Сосновский исследовал курганные могильники андроновского и карасукского времени у улуса Орак: виды местности, каменных и земляных курганов, вскрытых могил и керамических сосудов (ФА, отп. О.1237/1–8, О.2515/7–13, 17–31, 35–36).

М. П. Грязнов произвел раскопки двух княжеских курганов на Алтае — могильник Шибе (ФА, отп. О.1885, О.1670, О.2023; О.3587; Длужневская, Лазаревская, Медведева, 2002. С. 36).

1928 год

Семипалатинский областной музей пригласил **А. А. Адрианова** с целью обследования Усть-Каменогорского района (Адрианов, 1929).

В Казахстане, в каменоломне *на оз. Боровом близ села Щучье* случайно было открыто погребение, в котором находились бронзовые псалии, обломки золотых предметов, золотые пряжки, булавка, медальон, пластинки с зернью и гранатами, сердоликовые бусы (ФА, нег. П 77410–77416, отп. Q 838/83–85, О.2515/133–136).

В. В. Бартольд в Туркестане обследовал развалины городища Анау и памятники Ташкента и Ашхабада (РА. Ф. 2, 1928 г., д. 25, 33. Л. 13, 85; 34. Л. 90; 36. Л. 11).

Енисейская экспедиция (1928–1929 гг., нач. Г. П. Сосновский, участвовал В. И. Громов) занималась раскопками палеолитических стоянок у д. Кокорево на Енисее, исследовала таштыкские склепы у д. Кокорево и Новая Черная, могильники подгорновского этапа тагарской культуры Киперный Лог

и Черновая, погребения эпохи ранней бронзы, в том числе андроновские ограды, и памятники в окрестностях улуса Орак Хакасского окр. Сибирского края (РА. Ф. 42, 1928 г., д. 119, 121; Ф. 2, 1929 г., д. 182; 1930 г., д. 1; Сосновский, 1928; 1934; 1935).

Минусинской экспедицией (1928–1929, 1931 г., нач. С. В. Киселев) были проведены разведки по рекам Амыл, Туба, Енисей (в окрестностях Минусинска), Сыда, Ерба, Тесь, осмотрены писаницы на хребте «Бояры». В 1928 г. раскопки проводились у с. Большая Тесь на р. Туба и у заимки Усть-Тесь (афанасьевские, карасукские, тагарские, таштыкские и кыргызские погребения), у с. Кочергино и на острове Тагарском (тагарские погребения). В 1929 г. были осуществлены раскопки у с. Сыда, Усть-Сыда и Быстрая (афанасьевские, карасукские, тагарские и таштыкские погребения) и обследована тагарская писаница на горе «Большая Бычиха». В 1931 г. раскопки производились у с. Усть-Ерба в Хакасии и у с. Малые Копены (андроновские, тагарские, таштыкские и кыргызские погребения; тагарские городища) (РА. Ф. 2, 1928 г., д. 163; Киселев, 1929; 1937; 1937а; 1935; 1951).

Бурят-Монгольская экспедиция, работавшая в 1928–1929 гг. под руководством Г. П. Сосновского, провела в Бурят-Монголии разведки и раскопки памятников палеолита и неолита, плиточных могил и писаниц (РА. Ф. 2, 1929 г., д. 182; ФА, отп. О.1235–1236; Сосновский, 1928; 1932; 1933; 1936). Г. П. Сосновский исследовал несколько могил в Ильмовой пади и пришел к выводу об одновременности захоронений в Ильмовой пади и Ноин-Уле (раскопки П. К. Козлова 1924 г.). В фотоархиве отложились снимки находок из могильника Ильмовая Падь — костяные поделки, металлические предметы (прорезные и четырехлопастные бляхи), два глиняных сосуда, обрывки шелковой ткани, шилья и украшения из бронзы из могилы № 40; фрагменты керамики со ст. Дурены (ФА, нег. П 76856, отп. О.917/19–24, О.1407/51, О.2515/52–59); материалы из раскопок у горы Толгой и с. Новой Березовки — изделия из кости и фрагменты керамики (ФА, нег. П 76849–76852), материалы раскопок и обследований у пос. Саянтуй по р. Селенга (ФА, нег. П 76846, 76856, 76868–76873, отп. О.2515/39–40, 46–59), дюнных стоянок (ФА, отп. О.2515/41–43), материалы раскопок 1929 г. в Верхнеудинском, Селенгинском и Троицкосавском округах (полевая работа, находки и древности из музея — ФА, отп. О.247, О.248, О.917/16–24).

В том же 1928 г. Ученый секретарь научного общества им. Доржи Банзарова **В. В. Попов** обследовал Нижне-Иволгинское городище в Верхнеудинском окр. Фотографии некоторых находок имеются в фотоархиве (ФА, нег. П 76843, отп. О.2515/37–38; Отчет ..., 1929).

1929 год

В Тургайской области Казахстана под руководством **О. А. Кривцовой-Граковой** обследованы памятники Кустанайского и Актюбинского районов (РА. Ф. 2, 1929 г., д. 213).

В 1929 г. Академия смогла финансировать, совместно со Средазкомстарисом, этнолого-археологическую *Куня-Ургенцкую экспедицию*, целью которой

являлось исследование руин средневекового города Куня-Ургенч в Туркмении. Общее руководство работами было возложено на В. В. Бартольда (второй начальник экспедиции — Н. Б. Бакланов); раскопками руководил А. Ю. Якубовский, участвовали сотрудники Института истории и Института народов Востока и практиканты из Москвы. А. П. Удаленкову предстояло заниматься обмерами архитектурных памятников. В ходе изысканий участники экспедиции заложили несколько раскопов в различных частях городища, в том числе и на крепости Ак-кала, расположенной в юго-восточной части памятника. В результате удалось установить, что город и крепость основаны в домонгольское время, а обнаруженная здесь керамика сходна с керамикой из Гяур-Кала и Султан-Кала в Мерве. Кроме того, сотрудники экспедиции занимались архитектурными обмерами мавзолеев Куня-Ургенча, цитадели Ак-кала и Таш-кала, городища, караван-сарая (ФА, отп. О.223, О.224). А. Ю. Якубовский уделил внимание и этнографическим сюжетам (РА. Ф. 2, 1928 г., д. 25, 82; 1929 г., д. 119; 1930, д. 111). Кроме того, была осуществлена поездка на средневековое городище Миздакхан с целью фотосъёмки и сбора подъемного материала (РА. Ф. 2, оп. 1, 1929 г., д. 1; д. 119; д. 6. Л. 47; д. 119; ФА, отп. О.260; Якубовский, 1930; 1930а).

А. И. Тереножкин принял участие в археологической экспедиции Московского антропологического института, которая работала в бассейне р. Чу. Он провел разведку по предгорьям Александрийского хребта. Главным результатом его единоличной разведки стало нанесение на археологическую карту 655 археологических объектов — памятников андроновской культуры, усуньского времени (Тереножкин, 1935. С. 138–150; Гречишкина, 2010. С. 322–323).

На Алтае **М. П. Грязнов** провел раскопки 1-го Пазырыкского кургана, а также составил археологическую карту Пазырыкских курганов и схематичный план Пазырыкского курганного поля (ФА, отп. О.2515, О.709, О.1885, О.1632; О.3587; Длужневская, Лазаревская, Медведева, 2002. С. 36).

1930 год

Ферганская экспедиция в 1930, 1933–1934 гг. работала под руководством Б. А. Латынина. В Ферганской долине (Коканд-Сох, Хакулабад-Учкурган – Наманган), по р. Нарым в районе Кызыл-Ярской и Уч-Курганской степи (Узбекистан) и в долине р. Исфара (Таджикистан) были проведены разведки, направленные на выявление археологических памятников и остатков древней ирригации (Латынин, 1935; Давидович и Литвинский, 1955; Латынин и Оболдуева, 1959). Результаты полевых исследований отложились в Рукописном отделе (РА. Ф. 2, 1930 г., д. 180; 1933 г., д. 224; 1934 г., д. 220, 268) и в фотоотделе ИИМК: было сделано более 350 снимков (ФА, отп. О.294, О.1044–О.1045, О.1124, О.1271).

В 1930 г. **А. Н. Бернштам** был направлен в командировку в Узбекистан, Туркменистан и Крымскую АССР. Результаты поездки отражены в 175 фотографиях (ФА, отп. О.278 и О.279). Несмотря на невысокое качество снимков, они представляют бесценный этнологический материал: зафиксированы традиционные занятия туркмен, народные обычаи, культовые места. Серия снимков посвящена сельской архитектуре туркменских аулов Кеши, Багир и Нухур

и типам их обитателей. Аналогичные сюжеты были объектами съемки в Крыму (пос. Ай-Тодор, Черкес-Кермен, Биюк-Узенбани). По материалам поездки в 1931 г. он опубликовал работы «Туркменский род и колхозы» и «Жилище крымского предгорья».

А. И. Тереножкин провел разведку в Киргизии по р. Талас (Тереножкин, 1938. С. 204–215; Гречишкина, 2010. С. 323).

Юганская экспедиция, начальником которой являлся В. И. Громов, провела геологическое обследование долины р. Юган и этнографическое изучение остояков (ФА, нег. П 44898–45003).

С 1930 г. развернулись многолетние исследования **Саяно-Алтайской экспедиции** (нач. С. В. Киселев, 1930–1938 гг.; 1939–1940 гг., совместно с Л. А. Евтюховой). В 1931 г. экспедиция работала в с. Усть-Ерба в Хакасии. На Алтае в 1932 г. были проведены разведки в Горно-Алтайской АО по маршруту Горно-Алтайск – Онгудай – Усть-Кан – Абай – Катанда – Черный Ануй – Бийск. В 1934 г., наряду с другими памятниками, были раскопаны древнетюркские оградки с изваяниями в урочище Кулада; в 1935 г. — древнетюркские погребения и оградки с изваяниями у с. Курай Кош-Агачского района и с. Туяхта Онгудайского района; в 1937 г. были исследованы новые древнетюркские погребения у с. Туяхта. Великолепные произведения ювелирного искусства древних тюрков (блюдо, сосуды, наборные пояса и др.)полнили коллекции Государственного исторического музея. В фотоархив были переданы альбомы с фотографиями, отражающими процесс полевых исследований (ФА, отп. Q 610–611).

В 1935 г. в Минусинской котловине экспедицией проведены разведки по рекам Ус и Уйбат, выявлены разновременные памятники, в том числе енисейских кыргызов; в последующие полевые сезоны исследованы памятники на Уйбатском и Копенском чаатасах, поселение Малые Копены, где обнаружены фрагменты сосудов тагаро-таштыкского типа (РА. Ф. 2, 1932 г., д. 11; 1935 г., д. 10, 108; 1936 г., д. 255; 1937 г., д. 210; ф. 35, 1938 г., д. 39; 1939 г., д. 21, 60; 1940 г., д. 36; д. 75; ИА, ф. 12, д. 1; Киселев, 1936; Евтюхова и Киселев, 1940; Евтюхова, 1941; 1948; 1952; Киселев, 1951).

В 1930, 1932, 1934, 1936 и 1937 г. работала **Мальтинская экспедиция**, называвшаяся в разные годы **Ангарской**, **Восточно-Сибирской** и **Сибирской**. Начальником ее являлся М. М. Герасимов, в 1932 г. — совместно с С. Н. Замятниным, в 1934 и 1937 г. — с Г. П. Сосновским. В 1936 г. **Ангарской экспедицией** руководил А. П. Окладников. В организации экспедиции приняли участие ГАИМК, МАЭ, Гос. Эрмитаж и Иркутский музей. Материалы, добытые во время раскопок 1930 и 1932 г., поступили в Иркутский музей, 1934 г. — в МАЭ; 1936 и 1937 г. — в Эрмитаж.

В 1930, 1932 и 1937 г. М. М. Герасимов, в 1932 г. вместе с С. Н. Замятниным, исследовал на р. Белой палеолитическую стоянку Мальта: виды раскопок, погребения, снимки находок (РА. Ф. 2, 1930 г., д. 164; 1932 г., д. 111; 1937 г., д. 200, 242, 262; ФА, отп. О.934/66–76, О.1369/1–33, О.1475/6276; Герасимов, 1935; Сосновский и Герасимов, 1937; Громов, 1937).

Кроме того, были совершены разведки ряда палеолитических и неолитических местонахождений на реках Селенге и Белой.

Открытие и дальнейшее изучение Мальты означало особую ступень в исследовании памятников сибирского палеолита: был открыт древнейший этап палеолита Сибири, который предшествовал всем ранее открытым стоянкам. По мнению П. П. Ефименко, стоянка по своему значению разместилась «на одном уровне с наиболее известными европейскими памятниками верхнего палеолита». Памятник поражал обилием костяных и роговых изделий, предметов искусства — мелкая пластика, женские статуэтки, фигурки летящих птичек, которые были отреставрированы М. М. Герасимовым в полевых условиях. Помимо этого, раскопки Мальты стали школой методики исследований палеолитических стоянок.

Много позже, в 1956–1957 гг. М. М. Герасимов в составе экспедиции по исследованию дна водохранилища Братского моря продолжил исследование стоянки — были открыты шесть жилищ. В. И. Матющенко подчеркивает исключительную тщательность расчистки М. М. Герасимова, позволившую реконструировать жилища, отметить мельчайшие детали при раскопках памятника (Матющенко, 2001. С. 136).

В Иркутском районе у Верхоленской горы в 1934 г. Б. Э. Петри, руководивший *Верхне-Ангарским отрядом* экспедиции, произвел раскопки палеолитической стоянки у оз. Байкал и обследовал памятники в верховьях Ангары и у оз. Кочерга (ФА, отп. О.779/14, О.1110/30–40).

1931 год

По заданию ГАИМК и Института по изучению народов СССР при АН СССР *А. М. Золотарев* был на Амуре и произвел разведку памятников палеолита и неолита, раскопки землянок древненивхской культуры и этнографическое изучение нивхов. Коллекции, привезенные с Амуре, погибли (РА. Ф. 2, 1931 г., д. 847).

1932 год

А. И. Тереножкин провел разведки в Западном Казахстане по берегу р. Урал — от ст. Гниловская до ст. Морченово. Впервые проводившееся обследование этого района позволило выявить более 300 разновременных курганов и 6 поселений, 2 кладбища с мавзолеями золотоордынского времени и другие памятники (РА. Ф. 2, 1933 г., д. 8).

А. Х. Маргулан совершил этнологическую поездку в Казахскую ССР, где сделал снимки колхозной жизни республики (жилища, работа в поле, изготовление сырца, животноводство) (ФА, отп. О.777).

С. А. Токарев, являясь начальником *Ойротской экспедиции*, организованной при содействии Музея народов СССР, осуществил этнографические обследования на Алтае (РА. Ф. 2, 1933 г., д. 8. Л. 12).

С 1932 до 1940 г. работала *Амурская экспедиция*, в 1940 г. именованная *Иркутской*. Бессменным начальником ее являлся А. П. Окладников. Экспедицию организовали ГАИМК–ИИМК АН СССР, Иркутский музей, Вос-

точно-Сибирское краеведческое общество и Гидроэлектропроект. Материалы поступили в Иркутский музей.

В 1932 г. были проведены разведки в Братском и Качугском районах Иркутской области, в 1933 г. — в долине р. Ангара от Иркутска до Балаганска: обнаружены неолитические погребения на могильниках у с. Качуг и памятники эпохи бронзы (РА. Ф. 2, 1932 г., д. 169; 1933 г., д. 137; ФА, нег. I 29545–29548, II 44869–44893, отп. О.1580, О.1432).

В 1934 г. состоялись разведки от Байкала до г. Братска и проведены раскопки неолитического погребения в Подъострожном городище, в котором были обнаружены глиняные сосуды (РА. Ф. 2, 1934 г., д. 265; ФА, отп. О.1253/62), в 1937 г. — разведки от Братска до Енисейска и раскопки могильника в тайге (РА. Ф. 2, 1937 г., д. 222).

В 1936, 1939–1940 гг. экспедицией произведены раскопки палеолитической стоянки Буреть, неолитической стоянки и погребений у с. Балей, Братенье, у Братского Камня, а также д. Исаковка и сел Пономарево, Середкина, Бумажкино, Аносова, Шивера, Мамырь и др. (РА. Ф. 2, 1936 г. д. 261; ф. 35, 1940 г., д. 75; ФА, нег. К 1309–1320, Л. 174, I 44360–44370, отп. О.1578–О.1580, О.1253, О.725, О.1432, О.1726; Окладников, 1937; 1938; 1939; 1940; 1941; 1950; 1955).

М. М. Герасимов, участвуя в работах Ангарской экспедиции в 1936 г., произвел раскопки в Бурято-Монголии (ФА, отп. О.1227).

1933 год

А. Н. Бернштам, во время поездки с целью приобретения археологических коллекций для отдела Востока Гос. Эрмитажа, обследовал долину р. Чу (РА. Ф. 2, 1933 г., д. 244–246; Бернштам и Морозова, 1934). Из фотоматериала сохранились снимки четырех каменных изваяний (ФА, отп. О.1394/60–63).

Экспедиция ГАИМК летом 1933 г. работала под руководством *К. Г. Болтенко*. Она была направлена на Байкало-Амурскую магистраль с целью разведки по трассе от разъезда Тахтамыгда Уссурийской железной дороги до устья р. Тынды (Амурская область): были выявлены остатки ороченских стойбищ (РА Ф. 2, 1933 г., д. 77, 83, 84, 219; Болтенко, 1935). Фотографии довольно плохого качества (ФА, отп. О.944–О.945). В. С. Адрианов побывал в Благовещенске и сфотографировал здание Амурского музея, его интерьеры, экспозицию и отдельные экспонаты (ФА, отп. О.945/31–57). Базовым лагерем экспедиции был назначен небольшой городок в Дальневосточном крае. Здесь следовало получить картографические материалы и необходимые разъяснения. Помимо раскопок членам экспедиции было также предписано вести «...культурно-просветительскую деятельность среди сотрудников строительства в делах своей компетенции и согласно указаниям БАМЛАГ» (РА. Ф. 2, оп. 1, 1933 г., д. 61. Л. 12, 13, 13об.; Алекшин, 2007. С. 37).

1934 год

В Центральной Азии работали *Хорезмская* (нач. М. В. Воеводский, участники А. А. Потапов и А. И. Тереножкин) и *Зеравшанская экспедиции* (нач.

А. Ю. Якубовский). Первая занималась обследованием памятников Южного Хорезма по маршруту: Хазарасп – Ташвака, Новый Ургенч, Хива, Ак Дербент, Газават, Ташауз, Измушир и района по границе Кара-Кумов и вдоль русла Даудана от Хивы до Измушира. Было обнаружено 9 городов и крепостей, 12 поселений сельского типа, изучены 24 древние деревянные колонны с надписями в мечети Калян и скалькированы надписи с 10 камней в Хивинском музее (РА. Ф. 2, 1934 г., д. 126, 222, 380; Voyevodsky, 1938). Экспедиция А. Ю. Якубовского провела обследование крепостной стены Бухары, ее рустиков (Кампыр-Дувал) и средневековой дороги из Бухары в Самарканд, мечети в кишлаке Хазара (Якубовский, 1940).

Амурская экспедиция при участии А. М. Золотарева занималась разведками памятников различных эпох и этнографическим изучением народа ульчи (РА. Ф. 2, 1934 г., д. 123; Золотарев, 1939).

1935 год

А. А. Иессен руководил *Казахстанской экспедицией*; в 1937–1938 гг. ее возглавил С. С. Черников. Задачи экспедиции — исследование древних выработок на олово, золото и медь в Восточном Казахстане и Кокчетавской области — были связаны с народным хозяйством страны и финансировались ГАИМК, Трестом Калбаолово и Главзолоторазведкой (РА. Ф. 2, 1935 г., д. 18. Л. 204–232; д. 117; 1937 г., д. 252). В 1937 г. С. С. Черников произвел раскопки в Восточном Казахстане, в районах Калбинского и Нарымского хребтов. На следующий год он зафиксировал местонахождение стоянки эпохи бронзы у оз. Ашилы-Куль в Северо-Казахстанской области (ФА, отп. О.1468/1–2, О.1365–1366). Результаты работ 1937–1938 гг. были опубликованы С. С. Черниковым только после войны 1941–1945 гг. (Черников, 1949).

В. С. Адрианов в составе специальной экспедиции Академии наук СССР, направленной для исследования места обнаружения изделий из кости с художественной скульптурной резьбой в устье р. Полуй, в нескольких километрах от г. Салехард, осуществил раскопки поселения Усть-Полуй. В архиве сохранились снимки находок (ФА, отп. О.1771/1–86).

Бийская экспедиция, начальником которой являлся Г. П. Сосновский, была организована ГАИМК, МАЭ, ГЭ и др. Во время работ были проведены исследования палеолитической стоянки на правом берегу р. Катунь в 36 км от г. Бийск. Сохранились снимки видов местности и процесса раскопок (ФА, отп. О.1576/1–24, О.2515/60–62) и могильника афанасьевской культуры в 160 км от Бийска. Находки были переданы на хранение в МАЭ и Эрмитаж.

В 1935–1936 гг. направленный ГАИМК в командировку в Улан-Удинский район Бурятии *Э. Р. Рыгдылон* произвел исследование археологических памятников. В фотоотделе отложились фотографии полевых работ и предметов из шаманского погребения XVII–XVIII вв. (ФА, отп. О.1211/1–10; О.1232/79).

1936 год

В Туркмению для наблюдения за реставрационными работами в мечети Анау и на городище Мерва был направлен **Н. М. Бачинский**. Сохранились фотографии памятников и планы (ФА, отп. О.1228).

В 1936 г. была организована **Казахстанская экспедиция**, работавшая до 1940 г. (нач. А. Н. Бернштам). В первый год работ экспедиция занималась фиксацией археологических памятников в долинах рек Талас, Или, правого берега р. Чу, обследованием мазаров Айша-биби и Бабаджи-хатун и раскопками городищ Тараз, Головачевка и Кош-Тюбе (ФА, отп. О.1255–О.1264, О.1464–О.1466). В 1938–1939 гг. были проведены раскопки городища древнего Тараза и курганов Берккаринского могильника (ФА, отп. О.1513–О.1514).

В 1940 г. полевые работы были сконцентрированы на средневековом городище Касмычи и могильнике Карагалинка в Киргизии; проведена съемка планов городищ Койлык, Талгар и других городищ, турткулей и курганных групп в Илийской долине (ФА, отп. О.1552).

Т. Г. Оболдуева осуществила раскопки курганов в районе Исфары в Таджикской ССР. Находки поступили в Ленинабадский музей: керамика, железный нож, деревянный столик (ФА, нег. I 31985–31988).

От ГАИМК состоялась **командировка Н. А. Мальцевой** в Гойский аймак Ойротской Автономной области с целью этнографического изучения тубалар (ФА, отп. О.1200/1–46).

1937 год

Известная комплексная **Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция**, бессменным начальником которой был С. П. Толстов, работала в 1937–1940 гг. и после Великой Отечественной войны — в 1945–1948 гг. Экспедиция была организована при содействии ИИМК, ИЭ, ГИМ, ГЭ, МГУ, Академии архитектуры СССР, Государственного этнографического музея народов СССР, Узкомстарис, УзФАН СССР, АН КазССР, учреждений Центрального музея, НИИИЯЛ, Института экономики и культуры Кара-Калпакской АССР. Отчеты и фотоматериалы хранятся в Институте этнографии в Москве (Толстов, 1948; 1948а; Труды, 1952).

1938 год

Организована **Киргизская экспедиция** под руководством А. Н. Бернштама, которая продолжила работы в 1939–1940 гг. В эти годы будут обследованы Чуйская долина, долины рек Малый и Большой Кемин и побережье Иссык-Куля; проведены раскопки городищ Красная речка и Ак-Пешин, Кенкольского могильника (Архив АН. Ф. 312, 1939 г., д. 24, 25; РА. Ф. 35, 1935 г., д. 206; 1939 г., д. 80; 1940 г., д. 75; ФА, отп. О.1002, О.1666, Q 686, Q 700; Бернштам, 1941; Труды... «Чуйская долина», 1950).

В. А. Шишкин осуществил раскопки «Красного» и «Восточного» залов комплекса Варахша в Узбекистане. Отложились фотографии видов городища и находок — резного штука, фрагментов настенных росписей и статуй (ФА, нег. I 28093–28110; отп. О.2278/33–50).

В 1938–1940 гг. *Г. В. Григорьев* занимался обследованием систем орошения в Самаркандской области Узбекистана — виды и планы древнего русла канала Даргом, городищ Шур-Тепа, Азля-тепа, Кулдар-тепа, Рават-хасан у кишлака Багры Ургутского района (ФА, отп. О.2518, О.1581/102, 108–111).

1939 год

Алтайская экспедиция (нач. М. П. Грязнов) занималась исследованием курганов ранних кочевников, древнетюркского времени и IX–X вв. н. э. на могильнике Яконур в Усть-Канской степи (РА. Ф. 312, 1939 г., д. 20; ФА, отп. О.709; О.3587; Грязнов, 1940).

1940 год

Г. П. Снесарев произвел раскопки на городище Афрасиаб в Самарканде. Сохранились фотографии находок: глиняная статуэтка богини Анахит, фрагмент сосуда с изображением человеческого лица, фрагменты сосудов со штампами и очажков (ФА, отп. О.1581 /39–52, 119–120, О.2517, О.2519/42–46, 52).

Ленская историко-археологическая экспедиция 1940–1945 гг. под руководством А. П. Окладникова, в организации которой принимали участие ИИМК, НИИЯЛИ Якутской АССР и др., провела разведки и раскопки памятников в долине реки Лена; в 1945 г. — раскопки на острове Фаддея и в долине р. Хатанга памятников палеолита, неолита, бронзы, железного века и XVII в. В фотоотделе снимки находок из погребений эпохи бронзы и наскальных изображений (ФА, отп. О.1432, О.1580, О.1650). Работы экспедиции продолжались в годы Великой Отечественной войны (Археологические экспедиции, 1962. С. 125–126).

1941 год

Чуйская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама провела изучение памятников в зоне строительства Большого Чуйского канала (Бернштам, 1943 и др.). Имеются снимки 6 сводных таблиц материала (ФА, отп. О.1502).

1943 год

Фархадская экспедиция под руководством В. Ф. Гайдукевича в течение 1943–1944 гг. провела обследование зоны строительства Фархадской ГЭС, раскопки могильника I–IV вв. н. э. у Ширин-сая (М. З. Паничкина, М. М. Герасимов). Раскопки городища Мунчак-тепе на левом берегу р. Сырдарья в 10 км от г. Беговата (участвовали А. Н. Карасев, М. А. Наливкина, Т. Н. Книпович). На городище были обнаружены слои кушанской эпохи, гончарная печь и др., замок VI в. В верхнем слое — XI–XII вв. — найдены жилища, поливная и рельефная керамика, стекло, монеты, ювелирные изделия и др. Работы были организованы Ташкентской группой ИИМК, Управлением строительства Фархадской ГЭС, УзбФАН СССР (РА. Ф. 35, 1945 г., д. 9; Гайдукевич, 1946; 1949; 1952).

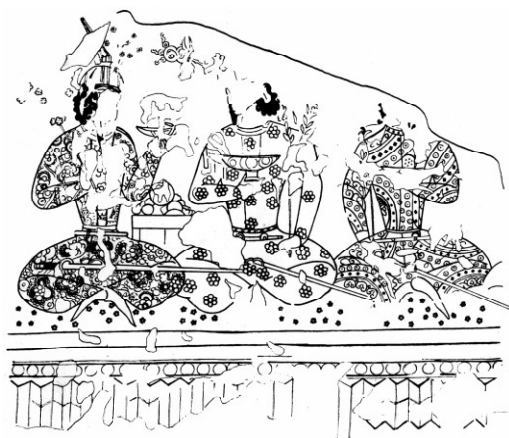
Поездку в Таджикистан осуществили С. Н. Замятнин и М. З. Паничкина. Организованная Ташкентской группой и ТаджФАН СССР поездка была направлена на разведки пещер в ущелье Варзоба, окрестностях Гиссара и Орджоникидзеабада (Замятнин, 1951).

1944 год

Тяньшанская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама проводила исследования в течение 1944–1946 и в 1949 г. В первый год работы обследования были сконцентрированы в Южной Киргизии: раскопки курганов эпохи бронзы в Арпе и катакомбных погребений в Бурмачапе. В 1945 г. обследована долина р. Алабука на Тянь-Шане и в Узгенском районе раскопки городища Узген. В 1946 г. — обследования Восточной Ферганы, Алая и Восточного Памира; в 1949 г. были раскопаны курганы сако-усуньского и тюркского времени на Иссык-Куле, Алабуке и др. (РА. Ф. 35, 1949 г., д. 38; Бернштам, 1945; 1946; 1947; 1951; 1952).

1946 год

Согдийско-Таджикская экспедиция (нач. А. Ю. Якубовский) проводила исследования в течение 1946–1952 гг.; в 1953 г. экспедицию возглавлял М. М. Дьяконов, а с 1954 г. — А. М. Беленицкий. В организации работ принял участие ряд академических учреждений (ИИМК, ГЭ, ИИЯЛ и ИИАЭ АН ТаджССР).

Панджикент. Объект I. Стенные росписи храмов.
Согдийско-Таджикская археологическая экспедиция, 1950 г.

Зеравшанский отряд, которым в разные годы руководили А. Ю. Якубовский, О. И. Смирнова и А. М. Мандельштам, произвел обширные разведки в долине Зеравшана и по берегам впадающих в него рек. Были обследованы горные крепости, оросительная система в районе Пенджикента, а также раскопаны курганы и городище Батур-тепе VII–VIII вв. в верховьях Зеравшана.

Вахшский отряд (нач. А. М. Беленицкий, 1946–1947 гг.) провел разведки в северных районах Кулябской и Душанбинской областей, Вахшской долине и по правому берегу р. Кафирниган, во время которых был обследован мавзолей в с. Саят и установлено местонахождение городов Мунк и Вашгирд.

Кафирниганский отряд (нач. отряда в 1946–1952 гг. М. М. Дьяконов; в 1953–1956 гг. — А. М. Мандельштам) сначала провел разведки в Гисарской долине и по берегам р. Кафирниган, а затем раскопки разновременных могильников Туп-Хана и в Пишкентской долине, городищ Калан-Мир (VI в. до н. э.), Кей-Кобадшах (III до н. э. — IV в. н. э.), городской стены и оборонительной башни Мунчак-тепе.

Пенджикентский отряд (нач. А. Ю. Якубовский, 1947–1951; А. М. Беленицкий, 1952–1956 гг.) начал раскопки древнего городища — жилой башни на цитадели, храма, жилых комплексов на шахристане, некрополя, мелких усадеб, винодельни в пригороде; были вскрыты и сняты со стен росписи, глиняная скульптура и обугленное резное дерево (VII–VIII вв.). Произведенные обмеры мавзолея Мухаммеда-Башшара.

Усрушанский отряд под руководством О. И. Смирновой обследовал раннесредневековые городища Усрушаны: Шахристан, Нау, Ура-Тюбе.

Кайрак-кумский отряд Б. А. Литвинского в 1951–1956 гг. провел разведки и раскопки памятников эпохи бронзы в зоне Ленинабадского водохранилища и по трассе Кайрак-кумстроя; изучал погребальные памятники кочевников в Кара-Мазарских горах и средневековые крепости Махрам. Его же Исфаринский отряд осуществил разведки в Исфаринском районе, а затем раскопки курганов у с. Ворух (посл. вв. до н. э. — первых вв. н. э.). Хуттальский отряд, начальником которого также являлся Б. А. Литвинский, исследовал городища Хульбун (древний Хутталь) и Кухна-Лала (посл. вв. до н. э. — первые вв. н. э.).

Ходжентский отряд (нач. Н. Н. Негматов) в 1954–1956 гг. провел разведки в Ленинабаде и прилегающих районах, обследовал Ленинабадскую крепость и городище Шахристан, где были обнаружены росписи и резное дерево.

Специальный отряд по изучению каменного века работал под руководством А. П. Окладникова — во время разведок в районе Душанбе в долине рек Кафирниган, Варзоб и Кайрак-кумского водохранилища обнаружил и исследовал памятники неолитической (гисарской) культуры и поселение Ходжи-гор (палеолит, мезолит) (РА. Ф. 35, 1948 г., д. 79; 1949 г., д. 38; 1950 г., д. 27; МА ИИМК. Ф. 1, д. 754 (1952); д. 1017 (1954); МИА, № 37, 1954; Давидович и Литвинский, 1955; Смирнова, 1956; МИА, № 66, 1958; Беленицкий, 1959; Археологические экспедиции, 1962. С. 153–154).

Пенджикент.
Объект III.
Танцовщица. Резное
обугленное дерево.
Таджикская археоло-
гическая экспедиция,
1954 г.

Мангазейская экспедиция под руководством В. Н. Чернецова проводила обследование городища Мангазея XVII в. на правом берегу р. Таз в 300 км от ее устья, а также раскопки стоянки эпохи бронзы «Салехард-1» в г. Салехарде, стоянки «Зеленая горка» эпохи раннего железа близ Салехарда и селища I тыс. н. э. Материалы были переданы в ГИМ, Музей Арктики и Тюменский музей; отчет в МА ИИМК — фонд № 95 (Чернецов, 1947; 1949; Мошинская, 1953).

Верхнеобская экспедиция под руководством М. П. Грязнова, организованная ИИМК и ГЭ, в 1946, 1947 и 1949 г., проводила раскопки в урочище Ближние Елбаны на р. Оби, близ с. Большая Речка — могильников, курганов, поселения от эпохи бронзы до XIV в. н. э. (МА ИИМК. Ф. 1, д. 83 (1946), д. 261 (1947), д. 515 (1949); ФА, отп. О.1632; Грязнов, 1956).

Колымская экспедиция под руководством А. П. Окладникова, организованная ИИМК, Якутским и Колымским музеями, осуществила раскопки древнекоряцких и древнеэскимосских поселений на полуострове Кони и Охотском побережье, в долине р. Колымы и на Барановом мысу (РА. Ф. 35, 1946 г., д. 26; Окладников, 1947).

1947 год

Южноказахстанская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама в 1947–1949 гг. проводила обследование между Каратау и Сырдарьей Отрарского оазиса, низовья р. Чу и среднего течения Сырдарьи, где были произведены раскопки Тамдинского, Шегнаксайского и Бурджарского могильников. Материалы были переданы в Центральный музей Казахстана в г. Алма-Ата (Бернштам, 1949; 1950; 1951).

Восточноказахстанская экспедиция под руководством С. С. Черникова в 1947–1956 гг. проводила разведки в долине Иртыша, раскопки андроновского поселения у д. Малая Красноярка, могильников III–I вв. до н. э. Кула-Журга и Баты, у оз. Сарыкан и курганов IV в. до н. э. в Чиликтинской долине, а также обследование зоны затопления Бухтарминской ГЭС (в долине Иртыша от устья Бухтармы до оз. Зайсан), где были раскопаны курганы у д. Усть-Нарым, пос. Бухтарминское и Кызыл-Ту.

В экспедиции работали Палеолитический отряд, который в разные годы возглавляли Э. Р. Рыгдылон, И. И. Гохман и др. — раскопки палеолитической стоянки у д. Пещера и Н. Никольское, местонахождения палеолитических орудий у с. Канай, раннеандроновского и неолитического поселения у д. Усть-Нарым. Разведка памятников в долине р. Нарым и у пос. Свинчатка. 1 и 2 Андроновские отряды, которыми руководили А. Г. Максимова и др., раскапывали андроновские поселения у д. М. Красноярка, с. Канай и д. Трушниково. Раннекочевнический отряд (нач. А. А. Гаврилова, 1952; А. В. Давыдова, 1954; А. М. Оразбаев, 1956) занимался раскопками кочевнических курганов у с. Канай, пос. Кызыл-Ту, Тускани, Пчела, Славянка, Усть-Буконь и с. Кула-Журга. Разведочный отряд в 1955 г. (нач. И. Н. Мельникова) работал в зоне затопления Шульбинской ГЭС (от г. Усть-Каменогорска до ст. Шульба). Материалы раскопок хранятся в ИИАЭ АН КазССР, Усть-Каменогорском музее и

МА ИИМК — Ф. 1, д. 881 (1953); д. 1028 (1954), д. 1148 (1955). Итоги исследований опубликованы С. С. Черниковым (Черников, 1960).

Памиро-Алайская экспедиция под руководством А. Н. Бернштама в 1947–1948 гг. (при участии Ю. А. Заднепровского и С. С. Сорокина) проводила обследование Памира и Наманганской области, разведки в долине Каратегина Гармской обл. Таджикской ССР и в Чон-Алайском районе, а также раскопки могильников Кызыл-ту и Мааша в Алайской долине и Тюлейка в Чакмале, Тамдинского могильника сакского времени на Памире; Дараут-курганского селища и городища Касан. Материалы были переданы в Исторический музей в г. Фрунзе и Наманганский музей (Бернштам, 1947; 1952).

С. Араван (Кыргызстан). Даванские наскальные изображения. Рисунок. Памиро-Алайская экспедиция, 1950 г.

Палеолитический отряд (IX) ЮТАКЭ (нач. А. П. Окладников) в 1947 и 1952 г. проводил разведки на Краснозаводском полуострове и в Западной Туркмении: обнаружены памятники палеолита, неолита и мезолита (Окладников, 1949; 1951; 1953; 1956).

Саяно-Алтайская экспедиция (нач. С. В. Киселев, участвовали Л. А. Евтюхова и Л. Р. Кызласов) провела обширную разведку в Тувинской АО по маршруту: Туран–Кызыл–Самагалтай–Эрзин–Хондагайты–Чадан–Тээли–Барлык–Шагонар–Баян-Кол–Кызыл-Уюк–Малиновка и обнаружила памятники скифского времени, древнетюркские погребения и городища (МА ИИМК. Ф. 1, д. 175; Евтюхова и Киселев, 1949).

Улаганская экспедиция (нач. С. И. Руденко) была организована ИИМК с целью раскопок Второго Пазырыкского кургана, находки из которого сданы в Гос. Эрмитаж (Руденко, 1948).

Бурят-Монгольская экспедиция (нач. А. П. Окладников) в 1947–1950 гг. провела разведку по маршруту: Кяхта–Улан-Удэ–Байкал; юго-восточное побережье Байкала, где обнаружены памятники палеолита, неолита, бронзы, железного века, писаницы, а также в долине р. Уды от Еравнинских озер до устья и в долине р. Селенги. Были осуществлены раскопки неолитической стоянки Березовка, Фофановского могильника, Нижне-Иволгинского городища (нач. отряда В. П. Шилов) и других памятников; обследование писаниц на Верхней Лене (МА ИИМК. Ф. 1, д. 160 (1947); 243 (1948); 363 (1949); РА. Ф. 35, 1949 г., д. 38; Окладников, 1949; 1950; 1951; Давыдова и Шилов, 1950; 1951; 1953; Давыдова, 1956).

1948 год

Казахстанская экспедиция (нач. О. А. Кривцова-Гракова), организованная ИИМК и ГИМ, провела раскопки 3 землянок на андроновском поселении на правом берегу р. Верхний Тобол близ пос. Садчиковского Кустанайской обл. Материалы были сданы в ГИМ (Кривцова-Гракова, 1951).

Западносибирская экспедиция (нач. В. Н. Чернецов) работала в 1948–1952 и 1955–1956 гг. В 1948 г. проведена разведка от г. Кондинска до с. Низямы по правому берегу р. Обь и открыты памятники различных эпох. Раскопки осуществлены на городище Сузгун (XIV в.), жертвенного места эпохи бронзы Сузгун II и Ивановских курганов эпохи раннего железа близ Тобольска. В 1949 г. работы были сконцентрированы на раскопках многослойного поселения Большой Лог близ г. Омска. В 1951 г. — раскопки на городище Потчеваш близ Тобольска и Андреевском озере близ Тюмени. Раскопки на Андреевском озере были продолжены в 1952 г. — городища Жилье и Андрюшин городок I тыс. н. э. В 1955–1956 гг. также на Андреевском озере исследованы могильник Козел и стоянка Козлов Мыс I–II (МА ИИМК. Ф. 1, д. 293 (1948); д. 367 (1949); д. 518 (1950); д. 644 (1951); д. 891 (1952); д. 1211 (1955)).

Горноалтайская экспедиция (нач. С. И. Руденко), организованная ИИМК и ГЭ, работала в 1948–1950 и 1954 г. В 1948–1949 гг. проведены раскопки Пазырыкских курганов V–III вв. до н. э.; могил и оградок VI–VIII вв. н. э. в урочище Кудыргэ Горно-Алтайской области. В 1950 г. — раскопки Башадарских курганов V–III вв. до н. э. В 1954 г. были организованы два отряда: Туэктинский (нач. С. И. Руденко) занимался раскопками Туэктинских курганов V–IV вв. до н. э.; Катандинский (нач. А. А. Гаврилова) доследовал Большой Катандинский курган II–I вв. до н. э. и изучил пять малых курганов на могильнике Катанда II близ одноименного села Горно-Алтайской области (РА. Ф. 35, 1948 г., д. 79, 80; 1950 г., д. 27; МА ИИМК. Ф. 1, д. 1087 (1954); Руденко, 1949; 1952; 1953; Гаврилова, 1951; 1956).

Монгольская историко-этнографическая экспедиция АН СССР и Комитета наук МНР (нач. С. В. Киселев), организованная ИИМК, ИЭ и Комитетом наук МНР, работала в 1948–1949 гг. в составе нескольких отрядов: Палеолитический (нач. А. П. Окладников) — разведки палеолитических и мезолитических местонахождений: Эрдени-Цзу–Улан-Батор–Чойбалсан–Халхингол–Сайн-Шанд–Алтан-Булак. Курганный (нач. Л. А. Евтюхова) — раскопки

курганов и могильников скифо-сарматского и уйгурского времени и разведки древнетюркских усыпальниц в местностях Кошо-Цайдам, Орхон-дель, Хушот-Худжирте и Джаргаланты на р. Орхон близ монастыря Эрдени-Цзу. Хара-Балгасский отряд (нач. Х. Пэрлээ) раскапывал г. Хара-Балгас — столицу уйгурского ханства на левом берегу р. Орхон к северу от Эрдени-Цзу. Хоринский отряд (нач. Н. Я. Мерперт) занимался раскопками монгольской столицы Кара-Корум и дворца близ Эрдени-Цзу и произвел разведочные раскопки кидане-уйгурских городов Харухана Балгас и Чин-Тологой (Киселев, 1957; Евтюхова, 1957; Пэрлээ, 1957).

1950 год

Памиро-Ферганская комплексная археолого-этнографическая экспедиция (нач. А. Н. Бернштам) работала в 1950–1952 гг. А. Н. Бернштам изучал наскальные изображения Саймалы-таша, провел разведки западных районов Ошской области Кирг. ССР, Ферганской и Наманганской обл. Узб. ССР, Ленинабадской обл. Тадж. ССР, а также раскопки городища Мархамат, могильников Джангайл, Гурмирон, Акбеит (сакского времени) и курганов Алайской долины.

Узбекский отряд (нач. М. Э. Воронец) вел раскопки Чустского поселения эпохи бронзы и Мугхана. Чаткальский отряд (нач. А. К. Кибиров) провел разведки в долине р. Чаткал, раскапывал курганы первых веков н. э. и тюркского времени. Группа по изучению оседлых поселений (рук. Ю. А. Заднепровский) занималась раскопками Эйлатанского, Кувинского и Касанского городищ. Группой по изучению могильников Боркарбаз руководил С. С. Сорокин. Отчетные документы пополнили фонды Институтов истории Кирг. ССР и Узб. ССР (Бернштам, 1952; 1956; Археологические экспедиции, 1962. С. 179).

Древний Кассан. Реконструкция С. С. Сорокина. Рисунок. Наманганская экспедиция, 1948 г.

1951 год

Х отряд ЮТАКЭ (нач. В. М. Массон) в 1951–1953 гг. обследовал Мисрианскую равнину (ю.-з. Туркмении), изучал древние ирригационные системы, а также занимался раскопками селищ Изат-кули и Мадау-депе (кон. II – нач. I тыс. до н. э.), городищ Хенлы-депе (III–VIII вв. н. э.) и Ортадепеслик (I–VIII вв. н. э.) (В.М. Массон, 1953; 1954; 1956; 1957).

Ангарская экспедиция (нач. А. П. Окладников) работала в зоне затопления Ангарской ГЭС в 1951–1956 гг. В 1951 и 1954–1955 гг. были проведены разведки в Тункинской котловине, по островам Ангары от Байкала до Иркутска и Братска. Осуществлены раскопки Верхоленского могильника, многослойных памятников на острове Сосновом, неолитической стоянки и поселения эпохи железа на о-ве Коноваловском, неолитической стоянки у пос. Патроны, стоянки эпохи бронзы, поселения раннего железа на о-ве Варакин и о-ве Кочерга, неолитической стоянки и могильника у г. Братска. Верхнеангарский отряд под руководством З. А. Абрамовой исследовал неолитические могильники у пос. Пономарево и Усть-Уда (МА ИИМК. Ф. 1, д. 566 (1951); д. 737 (1952); д. 823 (1953); д. 1058 (1954); д. 1187, 1188 (1955); д. 1310 (1956); Окладников, 1955; 1957; Абрамова, Окладников, Седякина, 1959).

1952 год

Новосибирская экспедиция (нач. М. П. Грязнов), организованная ИИМК АН СССР, работала также в 1953 и 1954 г. Были проведены разведки в долине р. Оби от г. Новосибирска до г. Камень. Осуществлены раскопки неолитических стоянок, стоянок андроновской и поселения карасукской культуры, курганов времени ранних кочевников и сроткинской культуры, в основном все памятники находились у с. Ордынское; многие памятники получили наименование Ирмень I, II, III и IV. Каменский отряд (нач. М. Н. Комарова) провел разведки в долине р. Оби от г. Камень до устья р. Чумыш. Раскопками были исследованы неолитические стоянки Кротово VII и Ирба, одно погребение в Ливадии; поселения карасукской культуры Мерети II и Кротово VII; поселения времени ранних кочевников Мерети I и курган у д. Камышанки; два могильника одинцовского этапа (II–IV вв.) у г. Ини (МА ИИМК. Ф. 1, д. 728 (1952); д. 920, д. 922, д. 923 (1953); д. 1059 (1954); ФА, отп. О.1780–О.1783, О.1872, О.1967, О.1969; Грязнов, 1956; Комарова, 1956).

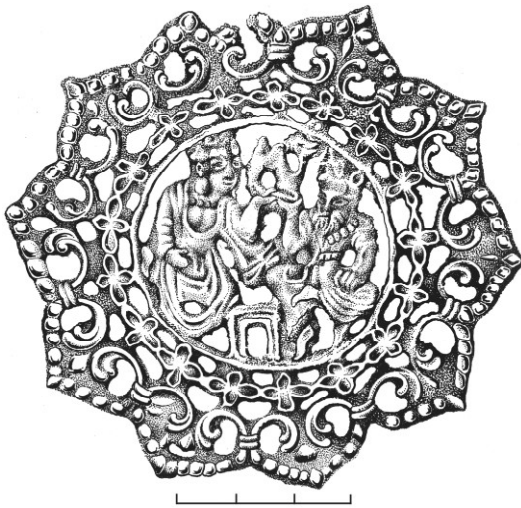
1953 год

Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция (нач. А. П. Окладников, 1953; Г. Ф. Дебец, 1954–1955), организованная ИИМК, Кирг. ФАН ССР и Институтом истории Кирг. ССР, работала в составе нескольких отрядов:

Палеолитический отряд (нач. А. П. Окладников) исследовал памятники каменного века у Он-Арча. Ак-бешимский отряд (Л. Р. Кызласов — 1953–1954; Л. П. Зяблин — 1955) — раскопки буддийских храмов и городища Ак-Бешим. Иссыккульский отряд (Л. П. Зяблин — 1954–1955) исследовал курганы усуней и тюрков. Тянь-Шаньский отряд (А. К. Кибиров) произвел раскопки памятников кочевников и разновременных курганов на Тянь-Шане. Чуйский

отряд (П. Н. Кожемяко) раскапывал поселение XI–XIII вв. у с. Сретенка и обследовал ряд средневековых городищ. Южно-Киргизский отряд (Н. Н. Забелина, Ю. А. Заднепровский, участвовала Т. Г. Оболдуева) произвел раскопки средневековых поселений в Узгене и на городище Шурабашат, Дунбулак, курганов Джергетальского и Чангарханского могильников (первые вв. – VI–VIII вв. н. э.), а также разведки в Джелал-Абадской и Ошской обл., в бассейнах рек Яссык Катадары и Тар-Алайку. Тувинский отряд (Л. Р. Кызласов) занимался раскопками курганов от таштыкской эпохи до поздних тюрок (МА ИИМК. Ф. 1, д. 1018 (1953–1954); д. 998 (1954); д. 1137 (1955); д. 1016 (1954); д. 1120 (1955); д. 1212 (1955); Окладников, 1954; Заднепровский, 1958, 1959; Кызласов, 1958).

Баласагун (древний Ак-Пешин) (Кыргызстан). Киргизская экспедиция, 1953 г.

Образок с изображением двух фигур,
державших верблюжонка

Образок с изображением Божества

Дальневосточная экспедиция (нач. А. П. Окладников), организованная ИИМК и ДВ ФАН СССР, провела разведки в районе Владивостока, Уссурийска и Хасанском Приморского края (неолитические и средневековые памятники), в верховьях Амура от Читы до Благовещенска (поселения неолитические, эпохи бронзы, писаницы, погребения). Осуществила раскопки неолитического поселения в Тетюхе, многослойного поселения у д. Осиновки, средневекового городища близ Уссурийска, поселения времени раковинных куч на полуострове Песчаном и древнего поселения на Сенькиной Шапке и у д. Покровка.

Сахалинский отряд (нач. Р. В. Чубарова) провел разведки в Сахалинской области и на Курилах, а также раскопки неолитического поселения Стародубское II в Долинском районе и Сусуйской стоянки в Корсаковском районе. Приморский отряд (нач. Г. И. Андреев) осуществил разведки в районе Посыета Приморского края и в районе Уссурийского и Амурского заливов, а также раскопки неолитической стоянки на р. Гладкой (МА ИИМК. Ф. 1, д. 830 (1953);

д. 1029 (1954); д. 1325 (1956); д. 1138 (1955); д. 1189 (1955); Андреев, 1957, 1959; Окладников, 1957, 1958, 1959; Чубарова, 1958, 1960; Труды..., 1960).

1954 год

XIV (Каракумский) отряд ЮТАКЭ (нач. В. М. Массон) в 1954–1956 гг. обследовал дельту р. Мургаб, занимался раскопками селища Тахирбай III (втор. пол. II тыс. до н. э.), городища Яз-депе (IX–IV вв. до н. э.), изучением памятников энеолита и бронзы в районе г. Ашхабад – г. Теджен. Раскопки селищ Джейтун (конец V тыс. до н. э.), Кара-депе у жел. дор. станции Артык (IV–III тыс. до н. э.) и Геоксюр к востоку от г. Теджен (IV тыс. до н. э.) (МА ИИМК. Ф. 1, д. 1084 (1955), д. 1198 (1956); В.М. Массон, 1955, 1956, 1957, 1959; Сарияниди, 1957, 1959).

Хакасская экспедиция (нач. С. В. Киселев), организованная ИИМК, МГУ и Хакасским НИИЯЛИ, в 1954–1956 гг. исследовала Большой Салбыкский курган тагарской культуры и окружающих его тагарских и таштыкских погребений (МА ИИМК. Ф. 1, д. 975 (1954); д. 1165 (1955); д. 1315 (1956); Киселев, 1956).

1955 год

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР (ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ)	
КУРГАННЫЙ ПОСЕЛЕНИЕ	КАРТОЧКА №
АК-ЖАР	
Историческое наименование	
Этнографическое название поселения <i>Юрта кельт Артыкбай, ок. 10 км к югу от с. Ак-Жар, на левом берегу реки Тасты-Бугак</i>	Дата обнаружения <i>28 февраля 1955 г.</i>
Инициаторы и участники работ <i>Курган № 29</i>	Должность, название и фамилия руководителя работ <i>М. П. Грязнов, С. Ю. Лыкина, В. С. Сорокин</i>
Категория кургана по классификации <i>Зем. погребит. стр. экот. II ИИМК на целинных землях, 1955</i>	АИ-55 Материалы полевых работ Фонд № 29 Инвентарный номер
Имя <i>АИ-55</i>	Откуда и где
Номер <i>АИ-55</i>	
<p>Описание предмета <i>Эллинистический сосуд ручной работы с цилиндрическим плоским дном. Цвет терракотовый с белыми коринтевскими и белыми бордюрами. Высота 15,5–16 см, диаметр по верхнему краю ок. 9 см; диаметр дна 6 см.</i></p>	
	
	
Данные анализа	

Учетная карточка археологического материала.

Экспедиция на целинные земли, 1955 г. разведки на левом берегу Енисея от с. Новоселово до д. Усть-Ербы; раскопки мезолитической стоянки близ Батени, трех курганов около д. Усть-Ерба, литейной мастерской и поселения таштыкской культуры на р. Таштык. Правобережный отряд (нач. А. А. Гаврилова) — разведки по правому берегу Енисея от р. Сыды до г. Минусинска; раскопки курганов афанасьевской культуры и по-

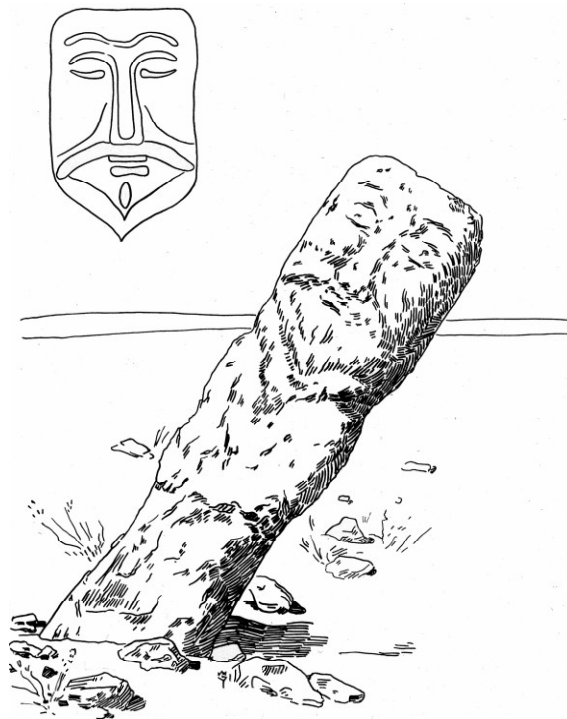
Экспедиция на целинные земли (нач. В. С. Сорокин) организована ИИМК. В 1955–1956 гг. проведены разведки в северных районах Актюбинской обл. Казахской ССР и раскопки могил и курганов вт. пол. II тыс. до н. э. (могильники Ак-Жар Каргала, Ульке I и II, Бугат II), VI–IV вв. до н. э. (Ак-Жар), III–I вв. до н. э. (Ульке II) и сер. II тыс. н. э. (Ак-Жар и Бугат I), а также могильника Тасты-Бугак I вт. пол. II тыс. до н. э. в Новороссийском районе Актюбинской обл. (МА ИИМК. Ф. 1, д. 1174 (1955), д. 1287 (1956); Сорокин, 1958).

Красноярская экспедиция (нач. М. П. Грязнов) — одна из крупнейших новостроечных экспедиций, организованная в связи со строительством Красноярской ГЭС на Енисее, в 1955 г. провела исследования в долине Енисея несколькими отрядами: Батеневский (нач. М. П. Грязнов) —

селения андроновской культуры близ с. Потрошилова. Абаканский отряд (нач. А. Н. Липский) — разведки по левому берегу Енисея от д. Усть-Ерба до г. Абакана (ФА, отп. О.2073, О.2133 и др.).

Экспедиция работала около 20 лет (до 1977 г.). В составе ее трудились сотрудники ЛОИА и ИА АН ССР, музеев Москвы, Ленинграда, Сибири, сотрудники и студенты многих ВУЗ'ов — даже приблизительно невозможно перечислить всех участников этих грандиозных работ. За годы ее деятельности исследовано свыше 3500 памятников разных исторических эпох от палеолита до позднего средневековья. На основе широких раскопок была разработана и дополнена периодизация памятников Среднего Енисея, созданная С. А. Теплоуховым. Опубликовано множество статей и монографий, в том числе книга М. П. Грязнова «Южная Сибирь».

Материалы поступали в Гос. Эрмитаж (Археологические экспедиции, 1962. С. 211; Пшеницына, Боковенко, 2002. С. 22–23).

Могильник Ульке 2 (Западный Казахстан). Каменное изваяние.
Экспедиция на целинные земли, 1955 г.

1956 год

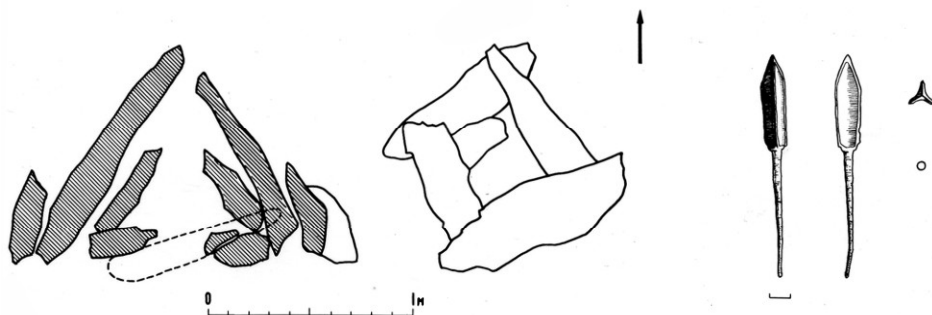
Киргизская экспедиция (нач. П. Н. Кожемяко) организована ИИМК Институтом истории АН Кирг. ССР. Южнокиргизский отряд (нач. Ю. А. Заднепровский) продолжил начатые ранее раскопки городища Шурабашат (IV–I вв. до н. э. и IX – нач. XII в. н. э.). Ак-бешимский отряд (нач. Л. П. Зяблин) завершил раскопки второго буддийского храма. Таласский отряд (нач. П. Н. Ко-

жемяко) занимался раскопками разновременных курганов и средневековых поселений в Таласской долине (МА ИИМК. Ф. 1, д. 1339; д. 1358; Археологические экспедиции, 1962. С. 215–216).

Узбекская экспедиция (нач. В. А. Шишкин, руководитель работ Ю. А. Заднепровский) организована АН УзбССР с целью раскопок на Дальверзинском селище с расписной керамикой эпохи бронзы (II–I тыс. до н. э.) в Андижанской обл. Узбекской ССР (МА ИИМК. Ф. 1, д. 1319).

1959 год

Иркутская экспедиция (нач. М. П. Грязнов) организована в связи со строительством Иркутской ГЭС, в работах приняли участие сотрудники ЛОИА, ИА АН СССР, Государственного Эрмитажа и Иркутского университета. За один полевой сезон экспедицией было исследовано около 30 стоянок и могильников, давших большой и разнообразный материал, который позволил наметить основные линии истории заселения Байкала и развития культуры его древних обитателей, начиная с мезолита и до этнографической современности (ФА, отп. О.2273, О.2274; Древности Байкала, 1992; Пшеницына, Боковенко, 2002. С. 22).

Озеро Байкал. Малое море. Куркутская бухта.
Могильник Куркут. Могила 7. Планы и разрез сооружения.
Иркутская экспедиция, 1959 г.

Таким образом, в соответствии с основными задачами РАИМК–ГАИМК и ИИМК АН СССР в 1919–1959 гг. были осуществлены археологические исследования разновременных и разнотипных памятников в Сибири, Средней Азии и Казахстане. В течение 40 лет на этих территориях работало 67 археологических, комплексных археолого-этнографических экспедиций, одна архитектурная; состоялось 6 командировок, 12 «поездок по изучению, реставрации и охране памятников архитектуры и искусства». В финансировании принимали участие РАИМК–ГАИМК–ИИМК АН СССР, Институт по изучению народов СССР при АН СССР, Музей народов СССР в Москве, Государственный исторический музей, Государственный Эрмитаж, Русский, Минусинский, Якутский и Колымский музеи, научно-исследовательские институты Бурят-Монголии и Якутии и др.

Изучение названных территорий в археологическом отношении кардинально изменилось по сравнению с исследованиями, проводившимися ИАК. Если в дореволюционные годы (до 1917), это было изучение отдельных памятников, то теперь оно стало комплексным: ставились задачи обследования целых регионов. Многоплановые полевые исследования проводились в совершенно новых, ранее не изученных районах. Организовывались крупные экспедиции, в которых принимали участие археологи «нового поколения».

Во многом это было связано с принятием в середине 1920-х гг. обширной программы индустриального строительства в СССР, тогда же особенно возросли роль и значение научных учреждений, осуществлявших руководство охранными мероприятиями. Напомним, что в 1932 г. при ГАИМК был организован Комитет по работам на новостройках. Наибольшего размаха археологические исследования достигли во второй половине 1930-х годов. В целом, в зонах новостроек функционировало более 60 экспедиций, в финансировании которых теперь принимали участие Средазгипровод, Гидроэлектропроект, Трест Калбаолово, Главзолоторазведка, строившиеся ГЭС и другие учреждения, напрямую заинтересованные в обследованиях зон строительства.

Ведущая роль в организации экспедиций и научное руководство всеми раскопками, разведками и работами по реставрации и ремонту монументальных памятников древности, искусства и старины принадлежала сотрудникам ГАИМК. Академия истории материальной культуры и ИИМК АН СССР до послевоенного времени оставались головными учреждениями, что, бесспорно, отразилось на комплектовании фотоархива РАИМК–ГАИМК–ИИМК АН СССР. Все материалы поступали на хранение в «комплекте», установленном еще в годы деятельности ИАК. Естественно, нет правил без исключений: многие документы не были сданы в архив по тем или иным причинам, и в противоположность этому в фотоотделе архива выявлены материалы, о которых не имеется сведений в рукописном отделе и публикациях.

Следует отметить изменение качества и количества фотодокументации, поступившей на хранение в архив. Фотографии позволяют судить об усовершенствовании методики раскопок, их более полноценной фиксации по сравнению с раскопками членов ИАК.

Фотография была признана особым видом исторического источника, что позволило ей, наравне с археологическими и иными видами источников, явиться самостоятельным объектом изучения и научных публикаций.

ФОНДЫ УЧРЕЖДЕНИЙ И ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Фонд 4. Ленинградский Государственный музейный фонд (1918–1928)

2250 негативов и 3657 отпечатков поступили в фотоархив ГАИМК в 1928 г. Съемка осуществлялась с 1873 по 1928 г. По интересующим нас территориям документов немного, но ценность их неоспорима, так как снимки сделаны в самом начале 1920-х гг.

В 1921 г. неизвестный фотограф посетил Бухару и сделал снимки цитадели – Арка; главной городской мечети Мееджид-и-Калян; мавзолея Исмаила Самани, медресе Мири-Араб и Хиабан. Только в медресе Мири-Араб были сделаны фотографии интерьеров (ФА, нег. II 7287–7309, 7338).

В Новой Бухаре, поселении близ железнодорожной станции Каган, фотограф снял общие виды и интерьеры дворца Эмира, построенного в персидском стиле (ФА, нег. II 7311–7316), а также виды хлопкового караван-сарая, хлебного базара на Регистане, развалин восточных бань; улиц и мусульманского кладбища (ФА, нег. II 7317–7337).

Фонд 6. Ленинградские Реставрационные мастерские Главнауки (1918–1930)

2531 негативов и 277 отпечатков поступили в фотоархив ГАИМК в 1927 и 1930 г., но все они датируются 1920–1929 гг.

Для нашей темы наиболее интересны снимки с памятников архитектуры Средней Азии (Самарканд, Бухара, Ташкент). Знаменитые мечети, минареты и мавзолеи яркого Самарканда и монохромной Бухары снимали многие фотографы, начиная с 1860-х гг., когда ее территория была присоединена к России. Названные документы, сохранившиеся на стеклянных пластинах, были сделаны фотографом Реставрационных мастерских в 1920-е гг., практически сразу после образования советских республик.

Были зафиксированы виды г. Ташкента и его архитектурные памятники: мечети Иски-Джума, Шейхантаур; Турсун-Ата, Барак-Хан; мавзолеев на кладбище Хазрет-Имам, в котором покоится прах одного из первых приверженцев ислама — святого Абубекра-бин-Исмаил-Каффалья-шашского, умершего и погребенного в 976 г. (ФА, нег. II 5736–5776, 5856–5877). Снимков архитектурных памятников Бухары значительно меньше: вид городских ворот, мечети Мееджид-и-Калян и минарета Калян. Поездка в Среднюю Азию, по-видимому,

была связана с началом реставрационных работ на некоторых объектах, во всяком случае специально отмечено, что виды медресе Мири-Араб зафиксированы до реставрации 1921 г. (ФА, нег. П 4281–4282). Наиболее детально сфотографирован комплекс Мееджид-и-Калян (ФА, нег. П 4283, 4287, П 5728–5736, 5838–5843).

В Самарканде были сфотографированы медресе Мирза Улугбек и Тилля-Кари, мечеть Биби Ханым, мемориально-культурный ансамбль Хаджи Ахрара, мавзолей Гури-Эмир. Фотографии из коллекции ЛРМ показывают состояние сооружений в 1920-е гг.

И, наконец, снимки верхней группы мавзолеев комплекса Шах-и Зинда, расположенного на склоне холма Афрасиаб: «Улица мавзолеев», мемориальный комплекс Кусамы-Ибн-Аббаса. Шедевром прикладного искусства является входная двустворчатая дверь из карагача, исполненная в 1404 г. мастером Юсуфом Ширази (ФА, нег. П 2700–2714, П 5697–5727; Длужневская, 2006б. С. 124–161; 2011. С. 165–177).

Несколько снимков было сделано в Хиве (медресе Кутли-Мурад-Инак) и Коканде (виды дворца) (ФА, нег. П 5838–5843). В Туркменистане зафиксированы виды фасадов и интерьер мавзолея султана Санджара на городище Султан-Кала в Мерве.

Скрупулезность с какой осуществлялась съемка деталей говорит о фиксационном характере фотодокументов, о подготовке к начинавшимся или предполагавшимся в будущем реставрационным работам. Как эти, так и другие снимки из фотоотдела Научного архива, были использованы реставраторами при работах на памятниках Средней Азии (ФА, нег. П 5844–5855; Длужневская, 2006б. С. 61).

Фонд 7. Комитет популяризации художественных изданий (1920–1931)

В фонде отложилось 1706 негативов, 379 отпечатков и 375 открыток, которые поступили в фотоархив ГАИМК в 1932 г., хотя были изготовлены в период с 1890 по 1920 г.

В собрание вошли материалы Комитета и унаследованные им от Издательства Общины св. Евгении и Общества поощрения художеств в Петербурге. Видовые снимки 1896–1917 гг. городов и местностей европейской части России, Центральной Азии и Сибири.

Открытки знакомили публику с видами разных мест и городов Российской империи, в том числе Сибири, Дальнего Востока, представляли архитектурные памятники Москвы и Петербурга по произведениям художников. Многие виды воспроизводились с фотографий известных фотомастеров конца XIX — начала XX века И. Ф. Барщевского, И. Н. Александрова, К. Е. Гана, Е. Мрозовской, А. Н. Павловича, С. М. Прокудина-Горского и др. Открытки представляли также карты-планы ряда городов и губерний. Наиболее популярные открытки выдерживали 5–6 изданий при тираже в 10000 экземпляров,

ставшим обычным с 1907 г. Общее количество открыток за время существования издательства превысило 30 миллионов, выполненных приблизительно на 6400 сюжетов (Острой, 2000. С. 51; Третьяков, 2000. С. 17–23).

Общиной Святой Евгении было опубликовано более 100 открыток, посвященных русско-японской войне, а также карты Маньчжурии, Кореи, Дальнего Востока, план и виды Порт-Артура. Значительный интерес представляют открытки с видами Мукдена, а также Телина в Маньчжурии, Храма Неба в Пекине и типов Маньчжурии: китайские рикши, пехота, войско в зимнем одеянии. Некоторые из названных открыток сохранились в архиве (ФА, отп. О.69). Открытки Пекина и китайского войска представляют особый интерес в плане сравнения с фотографиями Русской учено-торговой экспедиции в Китай в 1874–1875 гг. под началом полковника Генштаба Ю. А. Сосновского, сохранившимися в фонде ИАК, во время которой фотограф А. Н. Э. Боярский сделал 160 снимков с памятников архитектуры и этнографического характера в Монголии, Китае и Восточном Туркестане (ФА, отп. Q 226–Q 229). Следует отметить, что фотооткрытка обладает большей степенью достоверности, нежели произведение живописи, поскольку фотофиксация не позволяет приносить никаких изменений в изображение видимого через объектив, хотя каждый фотограф имел свои пристрастия (архитектура, портрет, репортаж и т. д.) и свой стиль (реалистичный, абстрактный и т. д.).

На открытках запечатлены общие виды стран и местностей, в том числе на Алтае. Ряд открыток, изданных в 1907 г. по фотографиям Г. Крафта, представляет Русский Туркестан — «Вход в чайхане», «Вход в дом сарта» (узбека). В 1899–1901 гг. выпущены карты р. Амур, Великого Сибирского пути и Среднеазиатских владений Российской империи; этими же годами датируются некоторые открытки по Сибири. Большая серия открыток по Сибири вышла в августе 1910 г. На открытках были указаны ближайшая станция и расстояние от Санкт-Петербурга в верстах. Например, Сибирь. Акмолинская обл. Урочище Боровое. Ближайшая ст. Петропавловск (расстояние от С.-Петербурга 3115 верст). Также были сделаны снимки р. Уды, Тельменьего озера (совр. назв. Телецкое) на Алтае, моста через Селенгу, виды Томска, Верхнеудинска, Иркутска и др.

Серия открыток «Великий Сибирский путь»: ледокол «Ангара» у ст. Байкал, пароход на Селенге, ст. Нерчинск; ст. Петровский Завод. Кругобайкальская ж. д., ст. Маньчжурия В.-Кит ж. д., река Шилка близ ст. Шилка, виды других мостов и перевалов. Эти открытки также весьма интересны в плане сравнения их с фотографиями В. В. Ланина, совершившего в 1875–1876 гг. путешествие от Охотского моря по Восточной Сибири вдоль берегов Шилки и Амура, вокруг Байкала до Иркутска (ФА, отп. Q 173–174).

Фотограф А. Н. Павлович тоже совершил путешествие по Сибири и, будучи большим мастером по съемке городов, улиц и спешащих по своим делам людей, фотографировал Томск, Иркутск, Красноярск, Читу и другие города Сибири, Петропавловск в Акмолинской обл. и пр. (открытки 1914 г.).

Личные фонды археологов первой половины XX в.

Фонды археологов Г. В. Григорьева и Г. П. Сосновского поступили в архив в 1940-е гг. и касаются исследований Григорьева в Узбекистане и Сосновского в Сибири.

Фонд 13. Григорьев Георгий Васильевич (1898–1941), археолог

Фотодокументы переданы из Сектора Средней Азии осенью 1941 г. и представляют собой: раскопки 1937 г. в Янги-Юльском районе УзССР на Каунчи-тепе (I–VI вв. н. э.) — сводные таблицы планов городища Каунчи-тепе, погребений в его окрестностях, обнаруженного материала — всего более 130 таблиц; ряд из которых опубликован (ФА, нег. II 45327–45336; Григорьев, 1940). Г. В. Григорьев выделил в Чаче каунчинскую культуру конца II тыс. до н. э. — III в. до н. э. (РА. Ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 49. Л. 75, 76; д. 78. Л. 79), в настоящее время каунчинская культура датируется II в. до н. э. — первой пол. VI в. н. э.

Снимки находок 1939 г. из раскопок Зеравшанской экспедиции на городищах Тали-Барзу (III–VIII вв. н. э.) и Кафыр-Кала (VII–VIII вв. н. э.) и из раскопок Пайкентского отряда Зеравшанской экспедиции на городище Пайкент (IX–X вв.); материалы полевых работ Г. В. Григорьева на Тали-Барзу, Кафыр-Кала и Чулеке в 1939–1940 гг. (ФА, нег. I 30135–30147, 30206–30274, II 45337–45361, 45417–45443, отп. О.1581, О.1582; Григорьев, 1940б). В 1939 г. на городище Пайкент был снят подробный план памятника и заложены шурфы в шахристане и на цитадели. На поверхности найдены кушанские, сасанидские, согдийские, саманидские, караханидские и тимуридские монеты (ФА, нег. II 45362–45387, Якубовский, 1940б).

Материалы к диссертации «Тали-Барзу как памятник домусульманского Согда», в основном, были опубликованы; рукопись, альбом иллюстраций (РА. Ф. 35, оп. 2, № 15 а–в) и оригинальные негативы сохранились в Научном Архиве (ФА, нег. I 30148–30203, II 45390–45416, III 14164–14165, отп. О.1581/40–118). В 1947 г. поступили фотографии, большей частью связанные с диссертационным исследованием, а также представляющие раскопки 1936–1937 гг. зороастрийского костехранилища в кишлаке Фринкент близ Самарканда, среди которых наиболее интересна съемка акварельной реконструкции костехранилища «Башня молчания», выполненной Г. В. Григорьевым для Самаркандского музея; снимки раскопок 1938–1940 гг. на городище Тали-Барзу и находок, хранящихся в Самаркандском музее; а также раскопок 1937 г. курганных могильников близ Каунчи и др. (ФА, отп. О.2516–О.2519).

Учитывая значение исследования систем древнейшей ирригации в Средней Азии, в 1935 г. при ГАИМК была создана Среднеазиатская комиссия с целью координировать действия ГАИМК и соответствующих органов национальных республик при раскопках археологических памятников в «районах ударных ирригационных работ» (РА. Ф. 2, оп. 1, 1936 г., д. 49. Л. 81, 81об.). В 1940 г. Григорьев занимался обследованием древних ирригационных

систем близ Самарканда. Кроме того, были сделаны отпечатки с негативов Самаркандского музея по среднеазиатским дувалам, исполненных В. И. Катковским в 1937–1938 гг.

Таким образом, в фонде Г. В. Григорьева сохранились существенные археологические материалы по исследованию памятников домусульманского Согда. Фотодокументы позволяют осветить быт населения Согда, архитектурные сооружения, погребальный обряд и внести определенный вклад в изучение историко-культурного наследия народов Азии этого периода.

Фонд 33. Сосновский Георгий Петрович (1899–1942), археолог

Практически все материалы, отложившиеся в личном фонде (ФА, ф. 33 — кол. 428 и 1253), представляют собой отдельные фотографии по раскопкам самого фондообразователя в Минусинской котловине и Забайкалье, С. А. Теплоухова, М. М. Герасимова в Мальте. Однако имеется некоторое число фотографий древностей Красноярского музея ИРГО, снятых «нашитыми на планшеты» в зависимости от места находок: Приангарский край — различные места по р. Ангара (каменная рыба, два бронзовых ножа, каменные орудия, а также бронзовые кельты, топоры, ножи, бусы), Бирюсинская пещера (изделия из кости и камня), Чадобец (каменные рыбы, орудия из камня и кремня), Есаульская стоянка (фрагменты неолитической керамики и орудия из камня), Ладейка близ Красноярска (каменные орудия и поделки из кости) (ФА, отп. О.2515/63–77).

Ряд отпечатков сделан с негативов А. В. Адрианова — бронзовые кельты из д. Мятлево, планшеты «с сибирскими древностями» — случайными находками из Енисейской губ. и Красноярского края, глиняными сосудами яйцевидной формы, а также панорама знаменитой Боярской писаницы, обследованной А. В. Адриановым в 1904 г. (РА. Ф. 1, 1892 г., д. 156; ФА, отп. О.2515/78–81, Q 680/37). Имеется серия ландшафтных снимков с негативов, выполненных М. П. Грязновым в 1929 г., во время его работ на Алтае (ФА, отп. О.2515/86–94). Неизвестным фотографом, может быть, самим Г. П. Сосновским, сняты иные пейзажи Алтая, а также сделаны снимки теленгитов у юрты, ойротов за чтением национальной газеты (ФА, отп. О.2515/110–122). Из Бурят-Монголии Г. П. Сосновский привез открытки с фотографий Л. Венюкова, в т. ч. обряд жертвоприношения «Тайлаган» (ФА, отп. О.2515/123–126).

Несмотря на то, что материалы носят случайный характер, они представляют значительный интерес для исследователей археологии и этнографии Сибири.

ГЛАВА V. КРАТКИЕ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ, РАБОТАВШИХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ В 1859–1959 ГОДАХ

В настоящей главе представлены краткие биобиблиографические сведения практически обо всех исследователях, работавших в Центральной Азии и Сибири в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859–1917) и ее преемников — Российской Государственной Археологической комиссии (1918–1919), Российской Академии истории материальной культуры (1919–1925), Государственной Академии истории материальной культуры (1926–1937) и Института истории материальной культуры АН СССР (1937–1959). В некотором ряде случаев не удалось установить полные имена-отчества и даты жизни исследователей, особенно второй половины XIX – начала XX в., то есть тех любителей-археологов, которые сотрудничали с ИАК. Вполне понятно, что самым видным специалистам посвящены более обширные тексты, хотя они могли бы быть и еще пространнее. Данные представлены в алфавитном порядке, независимо от времени и территории, на которой трудились названные исследователи.

Адлер Бруно (Бруно-Вильгельм-Карл-Адольф) Фридрихович (1874–1942), этнограф, географ, антрополог и музеевед, исследователь культуры народов Поволжья и Северной Азии. Родился в Воронеже. В 1900 г. окончил Московский университет, позже — Лейпцигский. В 1902 г. был приглашен В. В. Радловым на работу в Санкт-Петербург в МАЭ. Действительный член ИРГО (с 1903). С 1910 г. работал хранителем Этнографического отдела Русского музея, и в мае этого же года был удостоен степени магистра географии в Московском университете. В 1911 г. переехал в Казань, где в должности профессора заведовал кафедрой географии, этнографии и антропологии Казанского университета; в 1918–1922 гг. — директор Казанского губернского (Центрального) музея. В 1922–1925 гг. работал в Германии. В середине 1920-х годов вернулся в Москву и преподавал в МГУ в должности доцента, затем профессора. Являлся председателем этнографической секции Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, членом редколлегии журнала «Северная Азия». К научной школе Б. Ф. Адлера принадлежат И. А. Лопатин, С. Н. Лаптев, С. А. Теплоухов и др.

Арестован 7 декабря 1933 г. по обвинению в «организации контрреволюционной группы», выслан в Обско-Иртышскую область сроком на 5 лет. В ссылке вторично арестован и в конце августа 1938 г. осужден на 7 лет ИТЛ. Находился в лагере в г. Омске, где 26 февраля 1942 г. приговорен Особым отделом при НКВД «за участие в антисоветской повстанческой организации» к высшей мере наказания. Расстрелян в Омске 18 марта 1942 г. Реабилитирован в 1990 г. (Люди и судьбы, 2003. С. 15–16).

Адрианов Александр Александрович (1882 – около 1960), археолог, этнограф. Сын А. В. Адрианова. Работал хранителем музея Семипалатинского отделения РГО; с 1928 г. — директор Семипалатинского музея. Проводил экспедиции на средства музея, работал в области этнографии казахов и русских ссыльных, занимался археологией и музейным делом. Был репрессирован. После возвращения из лагерей жил в нищете и забвении в Томске, писал книгу воспоминаний об отце (Адрианов, 1929. С. 43–56; Тишкина, 2004. С. 180; Люди и судьбы, 2003. С. 16).

Адрианов Александр Васильевич (1854 – 7 марта 1920), видный исследователь Сибири — путешественник, историк, археолог и этнограф, кандидат естественных наук Петербургского университета, публицист.

Родился в Белозерской слободе Курганского окр. Тобольской губ. После окончания Тобольской гимназии учился в Медико-хирургической академии в Петербурге и Петербургском университете, который окончил по естественному разряду физико-математического факультета в 1879 г. В марте этого же года стал членом ИРГО и в этом же году в качестве геолога и фотографа участвовал в экспедиции Г. Н. Потанина в Северо-Западную Монголию. За участие в этой экспедиции удостоен серебряной медали ИРГО.

Со студенческой скамьи А. В. Адрианов увлёкся идеями областничества и всю свою научную и просветительскую деятельность посвятил воплощению их в жизнь, занимаясь исследованием Сибири, изучением культуры и быта населявших её народов. В 1880 г. переехал в Томск, работал в «Сибирской газете», был её издателем и редактором (1883–1888). В 1881 и 1883 г. по заданию ИРГО совершил два путешествия на Алтай и за Саяны. Поступив на государственную службу чиновником особых поручений в Томское губернское управление, одновременно исполнял обязанности секретаря статистического комитета (1887–1889). С 1889 г. находился под надзором полиции.

В 1887–1888 гг. А. В. Адрианов был в экспедиции в Нарымском крае, в 1887 и 1889 г. осуществил раскопки Томского могильника, открытого им на южной окраине города. В результате раскопок он вскрыл около 430 кв. м площади и получил богатый археологический материал, начиная с эпохи неолита и до раннего железного века. В 1887 г. А. В. Адрианов был избран членом Московского археологического общества (МАО).

С 1890 по 1905 г. Адрианов жил в Минусинске, Иркутске, Красноярске и работал в должности надзирателя акцизных сборов. Служебные обязанности совмещал с раскопками курганов, составлением археологических, петрографических, энтомологических коллекций, гербариев, сбором этнографического

материала, обследованием наскальных рисунков и стал первооткрывателем енисейских писаниц. Собранные им коллекции и фотографии хранятся в музеях Петербурга, Москвы, Минусинска, Томска, а также за рубежом. В 1906–1912 гг. Адрианов продолжал службу в Управлении акцизными сборами Томской губернии и Семипалатинской области, занимался активной общественной деятельностью, был секретарём Томского общества изучения Сибири и Общества любителей художеств. С 1907 г. заведовал Музеем археологии и этнографии Томского университета. Был награждён орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст., медалями «В память царствования Императора Александра III» и «За труды по первой всеобщей переписи населения», а также серебряной и малой золотой медалями ИРГО.

В 1915–1916 гг. Адрианов совершил экспедицию в Урянхайский край (совр. Республика Тыва). После возвращения в Томск, с 1917 и до конца 1919 г., был редактором «Сибирской жизни», вёл активную полемику с большевиками, одновременно высказывая и критическое отношение к «белым» правительствам. С переходом власти в Томске в руки большевиков в декабре 1919 г. Адрианов был арестован, обвинен в «систематической борьбе с советской властью путем агитации в газете». Постановлением Томской ЧК 29 февраля 1920 г. приговорен к высшей мере наказания и 7 марта 1920 г. расстрелян (Дэвлет М. А., 2002. С. 9–56; Дэвлет М. А., 2004; Длужневская, Лазаревская, 2009. С. 594–636).

Адрианов (Адрианов) Василий Степанович (1904–1936), археолог и палеоэтнолог. Родился в Санкт-Петербурге. Окончил Стрельнинскую трудовую школу (1922), около трех лет посещал вольнослушателем отделение археологии Петроградского университета. В 1924–1930 гг. — сотрудник МАЭ, с 1931 г. — Центрального геологоразведочного института; в 1932–1935 гг. работал в ГАИМК, затем в Институте антропологии и этнографии АН. С 1924 г. принимал участие в экспедиционных исследованиях, участник раскопок Пазырыкских курганов на Алтае, археологического отряда экспедиции Монгольской комиссии 1927 г., руководил экспедициями на Ямал (1934), в Среднюю Азию и др. Научные работы, в основном, затрагивали вопросы исследования усть-полуийской культуры раннего железного века. Арестован по делу «контрреволюционной троцкистско-зиновьевской террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 злодейское убийство С. М. Кирова». 19 декабря 1936 г. приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в 1957 г. (Люди и судьбы, 2003. С. 17–18).

Андреев Геральд Иванович (1926–1970), археолог, специалист по Дальнему Востоку и Сибири. Родился в Куйбышеве, в семье военнослужащего. Поступил в школу на Волге, но затем семья переехала в Монголию, где он продолжил обучение. В 1942 г. вступил в ряды Красной Армии, учился в школе авиационных механиков и авиатехническом училище, затем служил в системе военно-воздушных сил. После демобилизации окончил школу-десятилетку в Будапеште и поступил на исторический факультет Московского университета. Его дипломная работа «Керамика Приморья и Нижнего Амура

до XIII века», по отзыву члена-корреспондента АН С. В. Киселева, явилась «первым научным исследованием керамики Дальнего Востока». После МГУ — обучение в аспирантуре ИИМК АН СССР. Под руководством С. В. Киселева написана кандидатская диссертация «Побережье Южного Приморья в III—I тысячелетиях до н. э.». Материал для диссертации был получен во время самостоятельных раскопок в заливе Петра Великого. После защиты ее работал в различных экспедициях на р. Онон в Забайкалье, у Кондуя в Приаргунье, на Северном Кавказе в Чечне и Северной Осетии. В 1953–1956 гг. — участник Дальневосточной экспедиции. На основании изучения ряда поселений на Дальнем Востоке им выделены зайсановская и южноприморская культуры, получены первые данные о местном бронзолитейном производстве. Последние годы Г. И. Андреев работал в Эвенкии, в бассейнах рек Нижней и Подкаменной Тунгусок и обнаружил комплексы каменной индустрии.

Г. И. Андреев — автор около 30 печатных работ по археологии Дальнего Востока и Эвенкии (Гришин, Марковин, 1970. С. 326).

Анучин Василий Иванович (1875–1941), археолог, антрополог, этнограф-сибиревед, член-сотрудник Археологического института в Санкт-Петербурге; профессор Томского, Казанского и Узбекского университетов; писатель; эсер-областник. Родился в с. Базаиха Красноярского окр. Енисейской губ., в семье рабочего. По окончании церковно-приходской школы (1886) и Красноярского духовного училища (1891) поступил в Томскую духовную семинарию, откуда в 1896 г. отчислен по собственному прошению. В 1897 г. окончил Археологический институт в Петербурге, работал в МАЭ, занимался изучением народов Сибири. В 1900-е гг. обследовал археологические памятники в окрестностях г. Минусинска, Красноярска и в Томской губернии. В 1905–1909 гг. участвовал в экспедициях к енисейским осяткам. В 1914 г. вышла его книга, посвященная шаманизму енисейских остяков. С 1911 г. жил в Томске. После Февральской революции — зам. Председателя временного комитета общественного порядка и безопасности в Томске. В начале 1918 г. участвовал в попытке провозглашения самостоятельной республики на землях «бывшего государства Ойрот». За политическую деятельность 17 раз был арестован и дважды приговорен к смертной казни. В сентябре 1922 г. арестован ЧК, обвинен в подготовке отделения Сибири от России, но через 9 месяцев выслан в Казань на 3 года с разрешением преподавать в университете. В Казани служил секретарем по научным поручениям СНК ТатАССР, членом Академцентра ТатНКИ и ОИАЭ, читал лекции в Восточном педагогическом институте. В декабре 1924 г. лишен права преподавания и выслан в Весьегонск Тверской губ. с запретом проживать в студенческих городах до 1926 г. По пути в Тверь встретился в Москве с Ф. Э. Дзержинским и был назначен профессором в Казанский университет. В 1929 г. переехал в Самарканд, где и работал до своей кончины в 1941 г. (Люди и судьбы, 2003. С. 35–36; Белова, 2009. С. 75, 80, 100).

Апельгрэн-Кивало Отто Хельман (1853–1937), финский археолог. В 1888–1889 гг. вместе с И. Р. Аспелиным в составе экспедиции Финского географического общества изучал надписи, обнаруженные в бассейне Енисея. За

два сезона ими было скопировано 32 надписи (История востоковедения, 1997. С. 382). Опубликованный в 1931 году свод материалов экспедиции И.Р. Аспелина с иллюстрациями Аппельгрена-Кивало (Appelgren-Kivalo, 1931) до сих пор является важнейшим источником для изучения древнего искусства Сибири.

Арсеньев Владимир Клавдиевич (1872–1930), выдающийся этнограф, исследователь, путешественник-натуралист, писатель и общественный деятель Дальнего Востока. Родился в Петербурге. В 1892 г. поступил в Петербургское юнкерское пехотное училище, по окончании которого, в 1895 г. был направлен на службу в Польшу. В 1900 г. переведен во Владивосток. В 1902–1907 гг. предпринял ряд экспедиций для топографического, географического и военно-статистического изучения отдельных районов Южного Приморья. В 1906–1910 гг. исследовал горы Сихотэ-Алиня, в 1918 г. совершил путешествие на Камчатку, в 1923 г. — на Командорские острова. В 1927 г. организовал экспедицию и прошел по маршруту Советская Гавань – Хабаровск.

С 1903 г. являлся действительным членом Общества изучения Амурского края, с 1909 — действительный член ИРГО; почетный член Вашингтонского национального и Британского королевского географических обществ. В 1910 г. указом Императора Николая II освобожден от службы в войсках и штабах и переведен в Главное управление землеустройства и земледелия. В 1917 г. в звании подполковника был уволен из царской армии.

В. К. Арсеньев участвовал в создании ряда музеев на Дальнем Востоке, был директором Хабаровского краеведческого музея (1910–1918 гг.), а также вел большую преподавательскую работу, профессор с 1921 г., заведовал кафедрой краеведения и этнографии во Владивостокском университете.

Трагически погиб в начале июня 1930 г. во время экспедиции на Нижний Амур.

В. К. Арсеньев создал новое краеведческое направление в отечественной научно-художественной литературе. Его собрание сочинений включает 6 томов.

В 1911 г. и в 1916 г. получал от ИАК открытые листы на раскопки в пределах залива Святой Ольги, в Приморской и Приамурской области (БСЭ. 2-е изд. Т. 3: Аризона – Аяччо. С. 117–118; Белова, 2009. С. 114, 137).

Аспелин Иоганн Рейнгольд (1842–1915), профессор Императорского Александровского (Гельсингфорского) университета, историк, археолог и востоковед. В 1887–1889 гг. во главе экспедиции Финского археологического общества в Южной Сибири и Монголии занимался обследованием археологических памятников в бассейне Среднего и Верхнего Енисея. Экспедицией были осмотрены отдельные курганы, могильники, крепости, каменные изваяния, оросительные каналы, произведены выборочные раскопочные работы, копирование и фотосъемка рунических надписей и писаниц (История востоковедения, 1997. С. 382–383; Вадецкая, 1973. С. 130–132; Матющенко, 2001. Т. 1. С. 56–57; Тишкина, 2010. С. 59–64).

Ауэрбах Николай Константинович (1892–1930), сибирский археолог-краевед, сотрудник Красноярского музея. Родился в Нижегородской губ., в семье горного инженера. В 1902 г. семья переехала в Красноярск. Здесь

в 1910 г. окончил гимназию; осенью 1914 г. — юридический факультет Московского университета, тогда же защитил диссертацию в Московском археологическом институте на тему «Наконечники каменных стрел урочища Бор близ г. Красноярска» и получил звание «ученого-археолога». В 1914–1918 гг. работал во Всероссийском Земском союзе, а в 1918–1920-е гг. — в музее Приенисейского края.

Н. К. Ауэрбах принимал участие в работе Географического общества, Научной организации труда и в Окружном профсовете. В 1920-е гг. работал секретарем Научно-исследовательского бюро при Сибкрайплане, был ученым секретарем главной редакции Трудов I Сибирского научно-исследовательского съезда, редактором доисторического отдела Сибирской советской энциклопедии, заведовал Сибирской книжной палатой и др.

В 1920–1923 гг. участвовал в Норильской экспедиции А. В. Урванцева, служил матросом, раскопал зимовье Малое. В 1923–1925 гг. вместе с Г. П. Сосновским и В. И. Громовым по поручению Красноярского и Восточно-Сибирского отдела РГО для музея Приенисейского края произвел раскопки палеолитической стоянки у Афонтовой горы близ г. Красноярска. В 1923–1927 гг. работал педагогом в учебных заведениях Красноярска и вместе с В. И. Громовым исследовал поселение Бирюса.

В 1927 г. с семьей переехал в Новониколаевск (Новосибирск), где работал в должности ученого секретаря Общества изучения Сибири и ее производительных сил.

Скончался от разрыва сердца 12 декабря 1930 г. в поезде, около ст. Тайга (Громов, 1931. С. 31–32; Древности, 2005. С. 97–98).

Бартольд Василий Владимирович (1869–1930), востоковед, академик (с 1913); профессор Петербургского университета (с 1910); член-сотрудник (с 1894) и член совета РАО; член РАИМК, в 1925 г. — товарищ Председателя РАИМК, председатель Археологического отделения, заведующий Разрядом археологии и искусства Средней Азии; с 23 октября 1918 по 2 сентября 1921 г. — директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Основные труды (свыше 400) по истории, географии и религии народов Средней Азии, Персии, Арабского халифата, истории востоковедения.

Родился в Санкт-Петербурге, в обрусевшей немецкой семье. Получил разностороннее гуманитарное образование, владел западноевропейскими и древними классическими языками. В 1887 г. окончил с золотой медалью Санкт-Петербургскую гимназию и в том же году поступил на факультет восточных языков по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду. В студенческие годы изучил также армянский, еврейский, сирийский языки, санскрит, более всего, однако, его привлекала история стран Ближнего и Среднего Востока.

В 1889 г. удостоен факультетом серебряной медали за сочинение «О христианстве в Средней Азии». По окончании университета в 1891–1892 гг. совершил путешествие в страны Европы, во время которого слушал лекции знаменитых западноевропейских востоковедов. В 1892 г. вернулся в Петербург и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по

кафедре истории Востока, в 1893 г. выдержал испытание на ученую степень магистра, в 1896 г. получил звание приват-доцента и приступил к чтению лекций. В 1897–1901 гг. был также хранителем Минц-кабинета при университете. Осенью 1900 г. В. В. Бартольд представил как магистерскую диссертацию труд «Туркестан в эпоху монгольского нашествия», однако после защиты ее он был удостоен высшей степени — доктора истории Востока.

С 1901 — экстраординарный, с 1906 — ординарный профессор. С 1906 по 1910 г. — секретарь факультета восточных языков. В 1910 г. избран членом-корреспондентом АН, а в 1913 — академиком. С 1905 по 1912 г. — секретарь Восточного отделения Русского археологического общества, с 1908 по 1912 г. — редактор Записок Восточного отделения Русского археологического общества (ЗВОРАО). Сотрудничал также в Русском Географическом (с 1898) и Археологическом (с 1900) обществах, Обществе любителей естествознания (с 1911), Таврической ученой архивной комиссии (с 1916). В 1912 г. стал одним из инициаторов создания и редактором журнала «Мир ислама». Долгие годы был одним из двух секретарей, созданного в 1903 г. Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА).

В. В. Бартольд совершил научные поездки в Среднюю Азию: от университета и Академии наук (1893–1895 гг., 1904 г.), часто бывал в научных командировках: в 1900 и 1908 г. — на Кавказ (Ани), в 1906, 1908–1909 и 1914 г. — в Австрию, страны Балканского полуострова, Турцию, Египет, Италию, в Скандинавию, Англию и др. При всем этом он преподавал и сотрудничал со многими научными обществами и журналами, хотя главным своим делом считал исследовательскую работу — история Ирана, стран Закавказья, арабских стран, тюркских народов, монголов, исламоведение. В Средней Азии он вел большую научно-общественную работу, участвовал в деятельности Туркестанского кружка любителей археологии (1895–1917), сотрудничал в местных печатных органах.

После Октябрьской революции деятельность В. В. Бартольда стала еще более насыщенной и разнообразной: он был постоянным председателем Коллегии востоковедов Академии наук, принимал участие в учреждении Среднеазиатского университета (САГУ) в Ташкенте, был руководителем кружка им. В. В. Радлова, объединявшего всех востоковедов (с 1918), а затем руководителем Тюркологического кабинета (1928–1930); товарищем председателя ГАИМК. В. В. Бартольд выполнял многие поручения Советского правительства по созданию кафедр истории Востока, научных библиотек, рукописных архивохранилищ и музеев в республиках Советского Востока. В 1920-х годах преподавал в Ленинградском институте живых восточных языков (ЛИЖВЯ) и других высших учебных заведениях. Совершил научные поездки в Среднюю Азию в 1920, 1925, 1927 и 1928 г. В 1926 г. участвовал в работе I Всесоюзного тюркологического съезда в Баку. Всего в период с 1892 по 1930 г. им было опубликовано более 400 научных работ, многие из которых переведены на иностранные языки.

В. В. Бартольд скончался в санатории близ Ленинграда и похоронен на Смоленском кладбище (Петрушевский, 1963. С. 14–21; Марр, 1931. С. 8–12; Ольденбург, 1931. С. 1–6; Тихонов, 2003. С. 92–93).

Бачинский Николай Михайлович (1896 – после 1950), архитектор. Доктор искусствоведения (1950). Основные работы его посвящены архитектуре Средней Азии.

Родился в Новозыбково Орловской губ. В 1914 г. окончил Реальное училище и был призван в армию. После ранения в 1915–1918 гг. находился в плену в Германии. В 1918–1924 гг. учился в Берлине, затем вернулся на родину. В 1927 г. устроился в Ленинградские реставрационные мастерские Главнауки (ЛГРМ). В 1927–1928 гг. занимался реставрацией Буранинской башни. Кроме того, в 1928 г. был командирован в г. Туркестан для ремонтных работ в мечети Хаджа Ахмада ал-Йасави. После закрытия ЛГРМ принят на работу в Бухарский комитет охраны памятников старины и искусства, где работал с 1929 по 1933 г. и осуществил значительное число реставрационных работ на разных историко-культурных памятниках Средней Азии. После возвращения в Ленинград в 1933–1934 гг. стал сверхштатным научным сотрудником в ГАИМК, а в 1934 г. — сотрудником Института археологической технологии (ИАТ). В 1936 г. по поручению ГАИМК совершил поездку в Ашхабад. В экспедициях в Среднюю Азию участвовал ежегодно с 1928 г. В ноябре 1937 г. уволился из ГАИМК и уехал в Москву, где в 1950 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Искусство старых зодчих Туркмении. (Материалы и приемы старых туркменских зодчих IX–XIII вв.)» (РА. Ф. 2, оп. 3, д. 43).

Беленицкий Александр Маркович (1904–1993), археолог, востоковед, историк. Доктор исторических наук (1967). Заслуженный деятель науки Таджикистана (1975), лауреат премии им. А. Рудаки. Родился в д. Лобино Усвятского района Смоленской обл., в семье крестьянина. Жил там до 1920 г., работая в своем хозяйстве, унаследованном от отца, умершего в 1910 г. В 1920 г. вся семья переселилась в г. Смоленск. Здесь он работал чернорабочим на лесопильном заводе и начал учиться на вечернем рабфаке при Смоленском гос. университете. После окончания рабфака с 1923 г. работал сельским учителем в разных областях СССР.

В 1927 г. А. М. Беленицкий поступил на восточный факультет САГУ в г. Ташкенте, окончил его в 1930 г. по специальности преподавателя таджикско-персидского языка. В 1930–1934 гг. преподавал в учебных заведениях Сталинабада и Ленинабада (Таджикистан). В 1934–1937 гг. продолжил обучение в аспирантуре исторического факультета ЛГУ и сразу же защитил кандидатскую диссертацию «Сербадары в Иране». Уже в 1936 г. А. М. был принят на работу в ИИМК АН СССР, где и проработал всю свою жизнь. С 1938 по 1941 г. преподавал на филологическом факультете ЛГУ, читая курсы по истории Ирана и Средней Азии.

Первую блокадную зиму А. М. Беленицкий пережил в Ленинграде, участвовал в народном ополчении. С осени 1942 по июль 1943 г. находился в эвакуации в Ташкенте и работал в архиве, разбирая фонд документов бухарских

эмиров XIX в. Однако вскорости был мобилизован в армию и находился на фронте с июля 1943 по сентябрь 1945 г. За участие в ВОВ награжден орденами и медалями.

Вернувшись из армии, А.М. включился в научную работу и начал изучение археологических памятников Таджикистана, возглавив Вахшский отряд Согдийско-Таджикской экспедиции и участвуя в раскопках древнего Пенджикента. С 1954 по 1979 г. А. М. Беленицкий был начальником знаменитой Пенджикентской археологической экспедиции. Он является автором более 170 научных работ, посвященных различным проблемам археологии, истории и культуры Среднего Востока. В 1967 г. А. М. Беленицкому была присвоена ученая степень доктора исторических наук по опубликованным работам, посвященным древнему Пенджикенту. Он неоднократно награждался почетными грамотами Президиума Верховного Совета и Президиума АН Таджикской ССР (Абдуллоев, 2004. С. 11–12; Беленицкая, 2004. С. 13–15).

Белослюдовы Н. Н. и Алексей Николаевич — В 1906 г. братья организовали в Семипалатинске частный археолого-этнографический музей, в котором насчитывалось более 4000 предметов и были сформированы отделы палеонтологии, антропологии, доисторической археологии. В 1915 г. Н. Н. Белослюдов, топограф, член Общества изучения Сибири, получил Открытый лист на раскопки в пределах Каинского у. Томской губ. Раскопок не производил, но прислал в ИАК рукопись «Памятники древности Семипалатинской губ.» (Белова, 2009. С. 133).

Бернштам Александр Натанович (1910–1956), археолог, этнограф и востоковед. Родился в Керчи, в семье служащего. В 1931 г. окончил ЛИФЛИ. Доктор исторических наук (1943), заслуженный деятель науки КиргССР (1947), научный сотрудник Государственного Эрмитажа (1932–1935), ГАИМК–ИИМК АН СССР (1930–1956). Преподаватель ЛГУ, профессор (1947). Организатор одной из первых крупных комплексных экспедиций — Семиреченской (1936), начальник Тянь-Шанской, Чуйской и Памиро-Ферганской экспедиций (1936–1956), исследовавших археологические памятники на территории Южного Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана. Основные научные исследования посвящены археологии и истории Центральной Азии, истории кочевых народов, вопросам происхождения и культурного развития тюркских народов, исследования в области тюркской письменности, эпиграфики и нумизматики (Александр Натанович Бернштам. Некролог. 1957. С. 289–290; Толстов, 1957. С. 178–183; Заднепровский, 1960. С. 5–16; Длужневская, 1995. С. 231–239; Алёшкин, 2010. С. 9–22).

В Рукописном отделе НА ИИМК РАН образован фонд № 56 (684 дела, 1930–1950 гг.).

Боголюбский Иннокентий Семенович (1841–1897), геолог, горный инженер, окружной горный ревизор Ачинского, Минусинского округов, археолог. Сын нерчинского архиерея. Окончил горный институт и служил по горному департаменту. Как окружной горный инженер в 1881–1883 гг. обследовал Ачинский, Канский и Минусинский округ. Увлекался археологией, со-

бирал археологическую коллекцию, осматривал пещеры и курганы, в частности, пещеры близ р. Бирюсы, на горе у рч. Узунжул, описал находки в золотоносных песках на Узунжуле; суммарно — курганы по р. Коксе. По его поручению художник Станкевич снимала надписи с камней, хранящихся в Минусинском музее. Поездки, как их тогда называли «экскурсии», И. С. Боголюбского охватывали, главным образом, левые притоки Абакана и притоки верховьев Енисея. В 1881 г. раскопал курган на прииске по рч. Узунжул. Средства выделил золотопромышленник П. О. Барташев, Открытый лист был выдан на музей для Н. М. Мартьянова. Раскопки не были завершены, очевидно, это был курган тесинского этапа тагарской культуры (Вадецкая, 1973. С. 134–135).

Болтенко Константин Григорьевич (1911 – ум. ?), археолог, исследователь скифской культуры. Родился в м. Еленовка Екатеринбургской губ. В 1930–1931 гг. учился в Ленинградском институте истории и литературы. Аспирант ГАИМК (1932–1935), по совместительству работал научным сотрудником Государственного Эрмитажа. В 1933 г. был начальником Амурской экспедиции ГАИМК, работавшей на трассе Байкало-Амурской магистрали. С 1935 г. — сотрудник ГАИМК. Арестован 15 февраля 1935 г. 3 октября того же года осужден за контрреволюционную троцкистскую деятельность на 3 года ИТЛ, повторно 16 мая 1938 г. приговорен к 5 годам лагерей. 24 февраля 1944 г. освобожден из мест лишения свободы в Коми АССР по отбытии срока. О дальнейшей судьбе сведений не имеется (Болтенко, 1935. С. 80–90; Люди и судьбы, 2003. С. 70).

Боровка (Боровко) Григорий Иосифович (1894–1941), археолог, исследователь скифо-сарматских культур Евразии. Родился в Санкт-Петербурге, в семье музыканта. Окончил классическое отделение историко-филологического факультета Петербургского университета. После обучения был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию (до ноября 1919). После Октябрьского переворота вся семья, кроме него, эмигрировала в Германию. С 1918 г. работал в Эрмитаже — помощник хранителя по классическим древностям, хранитель Отделения Эллино-Скифских древностей (с 1920), с 1921 — хранитель скифской секции Эллино-Скифского отдела, одновременно являлся сотрудником РАИМК и преподавал историю искусства и доисторическую археологию в университете — профессор ЛГУ (1924–1929), Института истории искусств (1920–1923).

В 1924–1926 гг. принял участие в Монголо-Тибетской экспедиции (нач. П. К. Козлов) и экспедиции Монгольской комиссии. В 1926–1929 гг. неоднократно ездил в заграничные командировки, в 1927 г. избран членом-корреспондентом Германского археологического института.

Арестован в сентябре 1930 г., 7 октября 1931 г. осужден на 10 лет по обвинению «в шпионаже в пользу Германии». С начала 1932 г. в Ухтинско-Печерском лагере заведовал геологическим музеем, читал лекции на геологических курсах, занимался палеонтологией и собрал в районе Ухты большую археологическую коллекцию. В январе 1939–сентябре 1940 г., в основном, на-

ходился в лагерной больнице. По окончании срока 21 сентября 1940 г. освобожден, но не отпущен с территории Коми АССР. 6 ноября 1941 г. снова арестован как «социально опасный элемент (немец)» и в конце года, по свидетельствам очевидцев, расстрелян. Реабилитирован в 1989 г. (Боровка, 1925. С. 23–40; Боровка, 1927. С. 43–88; Зуев, 1995. С. 152–153; Люди и судьбы, 2003. С. 73–74).

Бортвин Николай Николаевич (1892–1943), студент Санкт-Петербургского университета, с 1920-х гг. уральский археолог, краевед, ученый секретарь Уральского Областного Государственного музея. В 1913–1915 гг. получал от ИАК небольшое финансирование и Открытые листы на производство раскопок в пределах Омской области и Тарского уезда Тобольской губ. (Белова, 2009. С. 123, 129).

Вайнштейн Севьян Израилевич (1926–2008), этнограф, археолог, востоковед-тюрколог. Доктор исторических наук (1969), профессор, специалист по проблемам истории, этнографии и археологии Тувы и истории и культуры кочевников Евразии. Им опубликовано 7 монографий и более 300 научных статей.

Родился в Москве, в семье ученого-философа И. Я. Вайнштейна, расстрелянного в 1938 г. В 1950 г. окончил исторический факультет МГУ по кафедре этнографии и, по собственному желанию, поехал в Туву. В 1950–1955 гг. работал в Тувинском краеведческом музее в Кызыле, с 1954 по 1959 г. — сотрудник Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ). В 1959 г. был приглашен на работу в Москву в Институт этнографии (ныне Институт этнологии и антропологии РАН). Кандидатскую диссертацию на тему «Тувинцы Тоджи» защитил в 1956 г.; степень доктора наук он получил в 1969 г. за исследование «Происхождение и историческая этнография тувинского народа». Заслуженный деятель науки РФ и Тувы.

Еще в студенческие годы, в 1948 г. в составе экспедиции ИЭ АН СССР под руководством Б. О. Долгих вел исследования на среднем Енисее — у кетов Подкаменной Тунгуски, в 1949 г. — снова поехал к кетам. В 1950-е гг. возглавлял археологическую экспедицию ТНИИЯЛИ: в 1951 г. обследовал археологические памятники в Северо-Восточной Туве (Тоджа), в 1952 — в Юго-Восточной Туве (Тере-Холь). Летом 1953 г. провел раскопки погребения в могильнике на р. Уюк в Пий-Хемском районе и 14 курганов в долине р. Хендерге в Улуг-Хемском районе; в 1954 г. — раскопки курганов скифской эпохи в Западной Туве, в горах Сут-Хольского района, в местности у горы Казылган. В 1959–1962 гг. участвовал в Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции под руководством Л. П. Потапова. Исследовал разновременные курганы на могильнике Кокэль в Западной Туве. Его интересы не ограничивались только раскопками погребальных объектов — С. И. Вайнштейн с 1957 по 1963 г. с перерывами изучал городище Пор-Бажын и обследовал «Дорогу Чингисхана», а также наскальные изображения и древнетюркские рунические памятники. Он создал первую периодизацию археологических культур Тувы, в которой культуры получили наименование по

раскопанным им памятникам. В целом, благодаря трудам первых послевоенных археологов и этнографов было создано особое направление в науке — тувиноведение (Тува: словарь культуры. М., 2006. С. 109–113).

Валиханов Чокан Чингисович (1835–1865), сын казахского султана, ученый-путешественник, историк, этнограф, фольклорист, востоковед, поручик русской армии, служивший в Западносибирском генерал-губернаторстве; в составе экспедиций побывал в Киргизии и Джунгарии. 29 мая 1858 г. под видом восточного купца отправился в Кульджу (Восточный Туркестан) с целью ознакомления с географией, историей и этнографией западной окраины Китая. Истинная цель носила, скорее, политический характер: изучение наиболее удобных путей сообщения с Кашгаром и сбор сведений о стране, имевшей для России важное политическое значение. Во время путешествия, помимо сведений о Кашгаре и прилегающих к нему городов провинции Нан-лу (Малой Бухарии) с точки зрения их политического и экономического положения, состояния военных сил и возможностей установления связей с Россией, приобрел ценные восточные рукописи и редкие монеты. По возвращении из путешествия и до своего отъезда на родину, в 1860–1861 гг. Валиханов жил в Петербурге, служил в Военно-учетном комитете, участвовал в подготовке к изданию карты Азии, позже был причислен к Азиатскому департаменту МИД. Кроме того, он принимал активное участие в деятельности РГО, действительным членом которого являлся с 1857 г. (Сулейменов, Моисеев, 1985. С. 62–70; История востоковедения, 1997. С. 118–119, 307–308).

Веселовский Николай Иванович (1848–1918), востоковед, археолог; профессор Санкт-Петербургского университета (с 1884); член-корреспондент РАО (с 1881), возглавлял Восточное отделение РАО (с 1908); член Русского Географического общества (с 1887 по 1910), Военно-исторического общества, Императорской Археологической комиссии (с 1892 г. — сверхштатный сотрудник, с 1895 — старший член), Одесского общества истории и древностей и ряда других; член-корреспондент Петербургской АН (с 1914).

Родился в Москве, в мещанской семье, юношеские годы провел в Вологде, где закончил гимназию. В 1869 г. поступил в Санкт-Петербургский университет на факультет восточных языков по арабско-турецкому разряду и практически сразу же определил для себя главное направление исследований — история среднеазиатских народов, главным образом кочевников, и их взаимоотношения с Русью. За студенческую работу «О податях и повинностях, налагавшихся монголами на побежденные народы» удостоен золотой медали. Окончил курс в 1873 г. и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. Магистерскую диссертацию следовало написать за 2,5 года, но Веселовский не уложился в указанные сроки, так как значительное время было потрачено им на работу над совершенно новым для него направлением деятельности: в связи с намеченным на август 1876 г. III Международным конгрессом ориенталистов в Петербурге ему поручили составить исследование-обзор по истории востоковедения. Тема диссертации касалась истории Хивинского ханства, и после ее защиты в течение 19 лет (1878–1896)

он оставался единственным преподавателем кафедры истории Востока. С 1884 г. — профессор Санкт-Петербургского университета. Помимо университета с 1892 г. Веселовский читал лекции в Археологическом институте, который он возглавлял в последние годы своей жизни.

В 1881 г. Веселовский избран членом-корреспондентом РАО и активно включился в работу археологов, хотя интерес к этнографии проявился у него раньше. Он принимал участие в подготовке VI съезда, проходившего в Одессе, а затем участвовал во всех последующих археологических съездах. В 1884–1885 гг. от ИАК и Петербургского университета он впервые был командирован в Туркестанский край с целью обследования региона в археологическом, этнографическом и культурном отношении. Результаты поездки опубликованы в изданиях Императорского Русского археологического общества, Восточное отделение которого он возглавлял с 1908 г. Н. И. Веселовский также был членом Русского Географического общества (с 1887 по 1910 г. — помощник председательствующего в отделении этнографии), Военно-исторического общества, Императорской Археологической комиссии, Одесского общества истории и древностей и других.

Археологические раскопки в Северном Причерноморье Н. И. Веселовский начал с 1889 г.: первые работы были проведены по поручению ИАК в Таврической губернии, в 1896 г. они были перенесены в Кубанскую область. Предметом раскопок являлись скифские курганы. Н. И. отстаивал значение археологии как самостоятельной науки, а не «служанки других наук». Всего Н. И. Веселовским было проведено 29 полевых сезонов, раскопан ряд памятников на юге России, на Кубани и в Крыму, но особой любовью всегда оставалась Средняя Азия. В 1895 г. он возглавил экспедицию по фиксации и научному описанию памятников древности Самарканда. Экспедиция работала в течение нескольких лет. Работы, проведенные экспедицией, справедливо считаются началом систематического изучения историко-культурных памятников Русского Туркестана. Среди результатов наиболее важными являются вещественные доказательства торговых отношений домусульманской Средней Азии с Китаем и странами Средиземноморья, а также догадка о назначении оссуариев-глиняных «гробов», позволившие поставить вопросы о домусульманских верованиях и широком распространении здесь зоорастризма и буддизма.

В первые годы XX столетия Н. И. Веселовский включился и в работу по охране памятников, в особенности, сохранившихся на поверхности земли средневековых архитектурных памятников Русского Туркестана: мечетей, мазаров и т. д. В разработанный им план работы экспедиции входили бесчисленные обмеры, исполнение чертежей, рисунков, изготовление эстампажей и фотографий. В связи с русско-японской войной 1904–1905 гг. финансирование экспедиций было уменьшено, и в 1905 г. вышел в свет, оставшийся единственным, альбом «Мечети Самарканда» (Вып. I. Гур-Эмир), хотя аналогичные фиксационные работы были проведены также для зданий Биби-Ханым и отчасти для медресе Улугбека. В 1908 г. объектом исследований стал мазар Рухабад.

До конца своей жизни Н. И. Веселовский не совершил ни одной поездки в Западную Европу и не имел сколько-нибудь оживленных сношений с западным научным миром. Тем не менее, Н. И. Веселовский — совершенно исключительное явление в российской науке — соединял в одном лице ориенталиста и археолога, этнографа и профессора двух высших учебных заведений, крупного общественного деятеля и историка науки, причем не только востоковедения, но и археологии (Бартольд, 1977. С. 648–664; Латышев, 1921. С. 387–398; Печенкин, 1921. С. 356–358; Фармаковский Б. В., 1921. С. 359–386; Тихонов, 2003. С. 88–92; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 169; Длужневская, Кирчо, 2009. С. 783–812).

В Рукописном отделе Научного архива ИИМК РАН — фонд № 18, в который включено 517 дел (1845–1919 гг.).

Владимирцов Борис Яковлевич (1884–1931), востоковед-филолог и историк, монголовед, тибетолог. Родился в Калуге, в семье инженера-технолога. В 1905–1906 гг. учился в Школе живых восточных языков в Сорбонне и Коллеж де Франс. В 1909 г. окончил факультет восточных языков Петербургского университета и был оставлен при монгольской кафедре для подготовки к профессорскому званию. В 1913–1915 гг. находился в командировке в Англии и Франции, где слушал лекции крупнейших лингвистов. Член-корреспондент АН СССР (1923), действительный член АН СССР (1929). Преподаватель Петроградского-Ленинградского университета (с 1915; с 1921 — профессор), один из основателей ЛИЖВЯ. Научный сотрудник Азиатского музея — Института востоковедения АН СССР (1915–1931), заведовал Монгольским кабинетом ИВ АН СССР (с 1930). Действительный член Монгольского ученого комитета (1924), член Монгольской комиссии АН СССР (с 1926). Неоднократно бывал в Монголии (1908, 1911, 1913–1915, 1925, 1926). В 1925 г. руководил работой Кэнтэйской экспедиции Академии наук (Милибанд, 1995; Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева, 2006. С. 37, прим.).

Воеводский Михаил Вацлавович (1903–1948), археолог. Родился в Смоленске, в семье врача. В 1923 г. приехал в Москву из Средней Азии, где прошли его детство и юность, и поступил на работу в Музей при Институте антропологии МГУ, в котором трудился до конца жизни, пройдя путь от препаратора до заместителя директора по научной работе. Параллельно с 1923 г. слушал лекции на кафедре антропологии естественного отделения физико-математического факультета МГУ.

С 1933 г. — старший научный сотрудник, зав. лабораторией камеральной обработки ГАИМК–ИИМК; преподаватель МГУ, с 1939 — доцент кафедры археологии. Активный полевой исследователь: возглавлял Среднеазиатскую (1928–1929), Окскую (1936), Самаркандскую (1939) экспедиции, организовал и с 1936 по 1948 г. бесценно руководил комплексной Деснинской экспедицией. Член Ученого совета Комиссии по изучению четвертичного периода.

Круг научных интересов М. В. Воеводского был необычайно широк — от палеолита Русской равнины до мусульманского средневековья Средней

Азии. Он внес большой вклад в разработку методики полевых исследований памятников, особенно раскопок поселений большими площадями. Автор 51 научной статьи (Александрова, 2000. С. 70–73).

Воронец Максимилиан Эммануилович (1883–1954), историк, археолог, музейный работник Узбекской ССР.

В 1910 г. окончил историко-филологическое отделение Харьковского университета. В 1916 г. призван в армию. В конце 1918 г. вступил добровольцем в ряды Красной Армии, был сотрудником органов ВЧК. В 1937 г. работал в Узкомстарисе, с 1941 — в Институте языка, литературы и истории УзФАН, с 1944 г. и до последних дней жизни — в Музее истории народов УзССР. В 1938–1942 гг. читал курс основ археологии в САГУ. Участвовал в археологических раскопках, начиная с 1930-х гг. В 1950–1952 возглавлял Узбекистанский отряд Памиро-Ферганской археологической экспедиции. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Очерки культуры первобытно-общинного строя Средней Азии». Первооткрыватель ряда памятников эпохи бронзы в пределах Ташкентского оазиса и Ферганы, в том числе Чустской стоянки. Умер в Ташкенте (Бернштам, 1956. С. 153).

Вяткин Василий Лаврентьевич (1869–1932), самаркандский историк, источниковед, археолог и востоковед, коллекционер. Комментатор и издатель восточных рукописей; профессор, почетный член Туркестанского народного университета (с 1918), Восточного института в Ташкенте; член-корреспондент Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1903). С 1903 г. — смотритель памятников Самарканда. Основатель (1896) и директор Самаркандского музея.

Родился в г. Верном в Семиречье, в семье казака-переселенца; окончил станичную школу. Затем учился в Ташкентской учительской семинарии, после окончания ее в 1894 г. был направлен в Самарканд на педагогическую работу. В старом городе, в одной из русско-туземных школ преподавал математику и другие предметы. Вскоре был приглашен на работу в поземельно-податный отдел Самаркандского областного управления, где исполнял обязанности переводчика и делопроизводителя и начал заниматься краеведением.

Им в ходе раскопок 1908–1909 и 1914 г. были обнаружены и исследованы остатки самаркандской обсерватории Улугбека, за эти работы он был награжден РАО медалью В. Р. Розена. В 1917 г. — советник Самаркандского областного управления. После революции работал в Народном губернском областном управлении, в 1918–1919 гг. — помощником областного комиссара. Член Самаркандского комитета Турккомстариса. В 1920 г. провел учет памятников в Бухаре, в 1925 г. обследовал мавзолей Исмаила Самани, в 1927 г. принимал участие в раскопках древнего Термеза, а в 1929 — в археологических разведках Арбиджана и Хорезма. В 1927 г. Главнаука НКП УзССР выпустила его книгу «Афрасиаб — городище былого Самарканда». Всего им опубликовано более 70 работ.

Умер В. Л. Вяткин в 1932 г. и был похоронен на Регистане, однако в 1934 г. его перезахоронили на холме близ обсерватории Улугбека (Лунин, 1969; Лунин, 1979 а).

Гаврилова Антонина Антоновна (1910–1999), археолог, этнограф, кандидат исторических наук (1952). Родилась в Гдовском уезде Санкт-Петербургской губ., в с. Супор, в крестьянской семье. В 1927 г. окончила в Ленинграде школу девятилетку, поступила в институт, и с 1927 по 1931 г. училась в Ленинградском историко-лингвистическом институте (быв. геофак университета) на этнографическом отделении по направлению Бурято-Монголистики. Изучила бурятский и монгольский языки. Получила специальность этнограф-антирелигиозник и была направлена работать в Верхнеудинск, в Центральный музей Бурято-Монгольской АССР, где заведовала антирелигиозным отделом (1931–1933). Вернулась в Ленинград и в 1933–1935 гг. являлась научным сотрудником Ленинградского отделения Центрального исторического архива. В ГАИМК работала с 1935 г. научно-техническим сотрудником ИИФО. С 1936 по 1939 г. принимала участие в экспедициях под руководством М. И. Артамонова. С 1939 г. А. А. Гаврилова занималась археологией Сибири сначала под руководством Г. П. Сосновского, затем М. П. Грязнова. В 1943–1947 гг. аспирант ИИМК АН СССР (Елабуга-Ленинград), с 1947 г. — мл. науч. сотрудник ЛОИИМК. В 1948 г. продолжила раскопки могильника Кудыргэ, в 1949 г. — впускных погребений в курганы мог. Пазырык. В декабре 1952 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Кудыргэ. (Исследование могильника в связи с историей Алтая VI–XIV вв.)». В 1952 г. работала начальником отряда в Бухтарминской археологической экспедиции, 1954 г. — на могильнике Катанда II, в 1955 г. возглавляла Правобережный отряд Красноярской экспедиции. Ушла на пенсию в 1970-х гг. и умерла в Ленинграде 10 марта 1999 г. (НА, РА, ф. 35, оп. 5, д. 351 — Личное дело).

Гайдукевич Виктор Францевич (1904–1966), выдающийся российский археолог, видный специалист по истории и культуре античного мира, исследователь античных древностей Северного Причерноморья. Доктор исторических наук. Археологическое отделение факультета языкознания и материальной культуры ЛГУ закончил в 1928 г., затем работал в Керченском археологическом музее, в 1930 г. был зачислен в аспирантуру Ленинградского историко-лингвистического института. В 1938 г. ему присвоено звание доцента ЛГУ и степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. Профессор кафедры археологии (с 1953). Руководитель Керченской экспедиции ГАИМК – ИИМК АН СССР (1933–1938), которая в 1939–1940 гг. была переименована в Боспорскую экспедицию. Работы ее были возобновлены в 1946 г. и непрерывно продолжались до 1966 г.

Во время войны В. Ф. Гайдукевич был эвакуирован в Среднюю Азию, где в 1943–1944 гг. провел полевые исследования в зоне строительства Фархадской ГЭС (Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья, 2005).

Гейкель Аксель Олай (1851–1924), финский археолог, член Финского археологического общества, профессор Гельсингфорского университета, этнограф, участник экспедиции И. Р. Аспелина в 1887–1889 гг. в Южной Сибири и Монголии; в 1890 г. в Монголии изготавливал эстампажи и фотографировал орхонские рунические памятники. В 1893 г. провел небольшие раскопочные работы у Ялутуровска и Кургана, фотографировал памятники в Тобольской губернии (Матющенко, 2001. Т. 1. С. 57; История востоковедения, 1997. С. 383; Белова, 2009. С. 28).

Гейкель Йоганн (1865–1937) — работал в 1898 г. в долине Таласа, а затем руководил экспедицией в Восточном Туркестане (История востоковедения, 1997. С. 384; Белова, 2009. С. 61).

Герасимов Михаил Михайлович (1907–1970), антрополог, создатель метода реконструкции лица по черепу, археолог. Доктор исторических наук (1956).

Родился в Петербурге, в семье врача; среднее и высшее образование получил в Иркутске, активно работал в кружке Б. Э. Петри. С 11 лет принимал участие в археологических раскопках. С 13 лет работал в анатомическом музее при медицинском факультете Иркутского института. В 18 лет опубликовал свою первую научную статью о раскопках палеолитического местонахождения у Переселенческого пункта в Иркутске. С 1932 г. аспирант и затем сотрудник ГАИМК–ИИМК АН СССР: в 1932–1941 гг. — в Ленинграде, в 1944–1950 гг. — в Москве. В 1930-е гг. исследовал памятники каменного века в Сибири, в частности в 1928 г. открыл палеолитическую стоянку Мальта. С 1950 г. до кончины в 1970 г. заведовал лабораторией пластических реконструкций в Институте этнографии АН СССР, занимался разработкой методики пластической реконструкции лица по черепу и воссоздал скульптурные портреты многих исторических деятелей России. Одна из его работ «Портрет Тамерлана» (Герасимов, 1935. С. 78–124; Герасимов, 1947. С. 14–21; Институт археологии, 2000. С. 80; Матющенко, 2001. Т. 1. С. 72–73).

Глухов А. Н. (псевдоним Л. Н. Глушкова), научный сотрудник Этнографического отдела Государственного Русского музея. В 1924–1929 гг. принимал участие в работах Алтайской экспедиции. В 1925 г. руководил отдельным отрядом, продолжая исследования на могильнике Кудыргэ в низовьях Чулышмана (Руденко, Глухов, 1927. С. 37–52).

Гохман Илья Иосифович (1928–2008), антрополог и археолог. Доцент ЛГУ–СПбГУ. В 1948–1952 гг. обучался на кафедре археологии исторического факультета ЛГУ, в 1955–1958 — в аспирантуре Института этнографии и антропологии АН СССР. В 1963 г. защитил кандидатскую диссертацию «Население Украины в эпоху мезолита и неолита (Антропологический очерк)». В 1968–2002 гг. — заведующий Отделом антропологии МАЭ РАН (Кунсткамера). Основными проблемами, разрабатывавшимися И. И. Гохманом, являлись этническая антропология народов мира, генеалогия рас человека, методы антропологических исследований. Практически все антропологические материалы, поступавшие из Тувы, исследованы И. И. Гохманом. Автор более 100 научных работ (Козинцев, 2003. С. 155–157).

Граков Борис Николаевич (1899–1970), археолог, выдающийся специалист в области греческой эпиграфики и скифо-сарматской археологии, профессор. По его инициативе и под его руководством был создан в 1946 г. в Институте археологии скифо-сарматский сектор. Создатель особой школы в науке, Б. Н. Граков более 30 лет преподавал в Московском институте истории, философии и литературы, где он вместе с В. А. Городцовым в 1938 г. создал кафедру археологии. Позже и почти до конца своей жизни он преподавал в Московском университете. В 1931 г. руководил Кустанайской экспедицией (Б. Н. Граков. Некролог, 1971. С. 309).

Гранё Юханнес Габриэль (1882–1956), финский географ. Родился в Западной Финляндии, в семье пастора. Детские годы (1885–1891) вместе с семьей провел в Омске, с 1892 по 1900 г. учился в школе в Сев. Финляндии. В 1900–1905 гг. обучался в Хельсинки, уезжая на летние каникулы в Омск. Являлся ассистентом Гельсингфорского университета (1902–1912). В 1906, 1907 и 1909 г. совершил экспедиции на Алтай, в Урянхайский край и Северо-Западную Монголию, в 1911 г. был на Дальнем Востоке и в Японии, в 1913 г. ездил на Кавказ и на Тянь-Шань с целью сбора сравнительного материала для исследований на Алтае. В экспедиции 1906 г. он участвовал как стипендиат Финно-угорского общества, перед которым была поставлена задача поиска наскальных изображений и путем фотографирования и копирования зафиксировать как можно более точно известные надписи. В эти годы ему удалось открыть несколько новых енисейских памятников и обследовать рунические надписи на скале Тайхир-чулу, близ р. Хойто-Тамир. Его географические исследования сыграли позже решающую роль в развитии нового научного направления — ландшафтоведения.

В 1913–1916 гг. жил с женой и дочерью в Омске в собственном доме, выстроенном из кедра. В это время он являлся стипендиатом Гельсингфорского университета, в 1914 г. избран членом ИРГО. После возвращения в Финляндию работал редактором краеведческого издания «Страна Финляндия» и над монографией «Алтай. Увиденное и пережитое в годы странствий», вышедшей в 1919–1921 гг. В 1919–1923 гг. — профессор Тартуского университета, в эти же годы организовывал краеведческие исследования в Эстонии. Профессор Хельсинкского университета в 1923–1926 и 1945–1950 гг., профессор университета в Турку (1926–1945). Умер в Хельсинки.

В сибирский период своей деятельности серьезно занимался фотографией, имевшей для него большее значение, чем просто вспомогательное средство при визуальных и фотограмметрических измерениях. Он занимался пейзажными съемками, фотодокументированием различных событий, съемкой археологических материалов, опубликованных в 1909–1910 гг. Его фотографическое наследие включает свыше тысячи негативов (размером 13 × 18 см) и такое же количество позитивов по сибирско-монгольской тематике. Часть материалов хранится в Хельсинки в Обществе финской литературы, но, в основном, — в его семье (Синий Алтай, 2002).

Грач Александр Данилович (1928–1981), археолог, создатель и руководитель самой крупной в 1960-х–1970-х гг. новостроечной Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР. Кандидат исторических наук (1962). Заслуженный деятель науки и культуры Тувинской АССР (1967).

Родился в Ленинграде, в семье администратора театральных учреждений Д. Я. Грача и преподавателя Вагановского училища Л. М. Тюнтиной. Отец в 1937 г. был репрессирован. Годы войны (август 1941–июль 1944) прошли в Молотове (Пермь), куда был эвакуирован Мариинский (тогда Кировский) театр. Обучение в школе было завершено в 1946 г., в том же году Грач поступил на кафедру археологии исторического факультета ЛГУ. В университетские годы занимался проблемами античного мира, в 1948–1950 гг. участвовал в работах Илуратского отряда Боспорской экспедиции ИИМК АН СССР, начальником которого был его постоянный руководитель В. Ф. Гайдукевич. После окончания университета Грач был принят на работу в МАЭ (Кунсткамеру).

В 1952 г. по поручению ИЭ АН СССР А. Д. Грач провел археологические раскопки на территории, прилегающей к зданию Кунсткамеры. Результаты работ были опубликованы отдельной книгой «Археологические раскопки в Ленинграде. К характеристике культуры и быта населения Петербурга XVIII в.», вышедшей в 1957 г. Позже были проведены раскопки захоронения С. П. Крашенинникова на Васильевском острове (1963 г.) и исследования на Комендантском кладбище в Петропавловской крепости (1968–1969 гг.). Собственно говоря, А. Д. Грач стал основоположником научного направления, которое в настоящее время определяется как «Археология Петербурга» и с конца прошлого столетия охватывает все новые объекты и все большее количество специалистов.

С февраля 1955 по январь 1958 г. научный сотрудник А. Д. Грач исполнял обязанности Ученого секретаря МАЭ и был освобожден от должности по собственному желанию — в связи с подготовкой к защите кандидатской диссертации и занятостью делами Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР, в которой А. Д. в 1957–1958 гг. исполнял обязанности зам. начальника экспедиции Л. П. Потапова, в 1959–1961 гг. был начальником I археологического отряда. Однако первые разведывательные маршруты по труднодоступным районам Западной Тувы были совершены в 1953 и 1955 г., составлены археологические карты для будущих изысканий, впервые открыты многочисленные скопления петроглифов и большая серия древнетюркских каменных изваяний. Монография «Древнетюркские изваяния Тувы» была защищена в 1962 г. в качестве кандидатской диссертации. Огромное значение имели открытие и раскопки в высокогорной долине р. Саглы в 1961–1962 гг. первых неграбленных комплексов скифского времени с мерзлотой, давших сопоставимый с пазырыкским вещественный материал и позволивших уточнить хронологию Пазырыка. Тогда же в 1962 г. в Центральной Туве была проведена разведка памятников будущей зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС и составлена карта археологических объектов.

В 1963–1964 гг., уже будучи сотрудником ЛОИА, А. Д. Грач руководил Туранским отрядом Красноярской экспедиции ЛОИА (нач. экспедиции М. П. Грязнов). В феврале 1965 г. организована Саяно-Тувинская экспедиция ЛОИА АН СССР, фактическим создателем и начальником которой с 1965 по 1973 г. был А. Д. Грач. В декабре 1973 г. его уволили из ЛОИА как не прошедшего по конкурсу при переизбрании в должности старшего научного сотрудника.

В 1974–1978 гг. А. Д. работал в ТНИИЯЛИ и возглавлял археологическую экспедицию института, продолжая исследовать памятники скифского времени в разных районах Тувы. В 1980 г. вышла монография «Древние кочевники в центре Азии», которую Грач предполагал защищать в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук.

С 1978 г. Александр Данилович, как и сразу после университета, работал в МАЭ. 7 марта 1981 г. его не стало (Савинов, Длужневская, 1998. С. 7–9).

Григорьев Георгий Васильевич (1898–1941), историк, археолог, этнограф, специалист по Средней Азии. Родился в Самарканде. В 1917 г. окончил Самаркандскую мужскую гимназию. Учился в Туркестанском Восточном институте (1922–1923) и Среднеазиатском университете (1927–1928), окончил Ленинградский государственный университет в 1930 г. по специальности археолог-музеевед. С 1929 г. являлся научным сотрудником ГАИМК; с марта 1931 г. работал также в этнографическом отделе Русского музея. Перед Великой Отечественной войной вернулся на работу в ИИМК АН СССР. С 1934 г. вел археологические исследования в районе Самарканда, где обнаружил ряд интересных домусульманских памятников (городища Каунчи-тепе и Талибарзу). Кандидатскую диссертацию защитил в день начала блокады Ленинграда — 8 сентября 1941 г. Осенью 1941 вместе с некоторыми другими археологами-«белобилетниками» отправлен на рытье окопов. 7 ноября 1941 г. по доносу коллеги арестован; обвинен по статье «антисоветская агитация». 27 декабря 1941 г. умер во внутренней тюрьме НКВД от голода («паралич сердца на почве истощения»). За смертью обвиняемого следственное дело было прекращено. После войны официально числился среди жертв блокады (Люди и судьбы, 2003. С. 126–127).

Громов Валериан Иннокентьевич (1896–1978), уроженец г. Троицко-савска. Доктор геолого-минералогических наук (1940), заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии и премии АН СССР им. А. П. Карпинского (1948); после Великой отечественной войны преподавал в Московском университете, других ВУЗ'ах и сотрудничал с ИИМК АН СССР. В ГАИМК работал в 1925–1937 гг., позднее переехал в Москву.

Создал картину развития сибирского палеолита, основанную на обширных и разносторонних геологических наблюдениях над системами речных террас и фаунистическим материалом. К концу 1930-х гг. был уже хорошо известным ученым, сделавшим ряд крупнейших открытий в области четвертичной геологии. Проводил геологические исследования в Сибири, Монголии, Европейской части СССР, Закавказье. Он создал схему хронологического под-

разделения сибирского палеолита и выделил в его истории несколько этапов. В 1949 г. провел геологические исследования на р. Юган, одновременно собирал этнографический материал (Матющенко, 2001. С. 76, 134).

Грязнов Михаил Петрович (1902–1984), археолог. Доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, член-корреспондент Германского археологического института. Научное наследие М. П. Грязнова насчитывает свыше 140 печатных работ.

М. П. Грязнов родился 13 марта 1902 г. в г. Березове Тобольской губ., в семье инспектора городского училища. После учебы в местной начальной школе обучался во Втором Томском реальном училище (1912–1919), по окончании которого в 17 лет поступил в Томский государственный университет на математическое отделение физико-математического факультета. Через год, весной 1920 г. М. П. перевелся на естественное отделение того же факультета. Важным событием, во многом определившим дальнейшее направление его жизненного пути, стало его участие в работах географической экспедиции ТГУ под руководством С. И. Руденко, работавшей на Енисее. Неожиданно он попал в археологический отряд экспедиции, которым руководил С. А. Теплоухов. Позже М. П. Грязнов писал: «В свои юные годы я увлекался математикой и любил науки о природе. Никогда не думал об истории, а тем более об археологии как о своих возможных профессиональных занятиях. ... В 1920 году, студентом первого курса, естественником, я попал в географическую экспедицию в предгорья Саян, и отряд, в котором я работал, однажды встретился на реке Енисей с археологическим отрядом, только что приступившим к раскопкам. Наш отряд задержался здесь на две недели, и я принял участие в раскопках. Так я неожиданно познакомился с археологией, полюбил ее раз и навсегда» (РА. Ф. 91 — личный архив М. П. Грязнова). Его первым учителем в области полевой археологии стал С. А. Теплоухов.

В мае 1922 г. С. А. Теплоухов и С. И. Руденко переехали в Петроград и начали работать в Государственном университете, этнографическом отделе Государственного Русского музея и РАИМК. При поддержке С. А. Теплоухова в том же году М. П. перевелся в Петроградский университет на естественное отделение физико-математического факультета, где в течение трех лет (1922–1925) проходил курс по циклу антропологии и палеознологии. С 1922 по 1929 г. С. А. Теплоухов, замещая должность доцента по кафедре антропологии, читал курс по первобытной археологии и различные спецкурсы, а М. П., одновременно с учебными занятиями, поступил работать научным регистратором в РАИМК (1922–1925). По окончании третьего курса университета он перешел на постоянную работу в качестве научного сотрудника в этнографический отдел Государственного Русского музея. Здесь М. П. проработал с 1925 по 1933 г., совмещая службу в музее с работой в ГАИМК в должности старшего научного сотрудника.

В 1924 г. состоялись самостоятельные раскопки Грязнова «Тоянова городка» близ Томска, в 1925 г. — раскопки на р. Урал в пределах Казахской ССР могил андроновской культуры и обследование берегов р. Оби от Бийска

до Барнаула. Тогда же были опубликованы первые научные работы. В 1925 г. совместно с С. И. Руденко вышла «Инструкция для измерения черепа и костей человека», долгие годы остававшаяся основным руководством для исследователей в этой области. В конце 1920-х гг. Грязнов концентрирует свое внимание на исследованиях памятников эпохи бронзы и раннего железа юга Сибири, Алтая, Казахстана и Киргизии. В этот период им были исследованы два княжеских кургана на Алтае — Шибе (1927) и 1-ый Пазырыкский (1929), явившиеся важнейшими открытиями в археологии данного региона. В ходе этих раскопок была разработана новая методика изучения памятников с мерзлотой и в деталях воссоздан погребальный обряд.

В те же годы в ГАИМК образовалась группа исследователей, работавшая над темой «Возникновение кочевого скотоводства», и Грязнов принял в ее разработке самое активное участие. В 1939 г. им впервые было сформулировано определение эпохи ранних кочевников как особого периода в истории Евразии. За десять лет до этого в соавторстве с Е. Р. Шнейдером вышла работа «Древние изваяния Минусинских степей», в которой, на основании детального анализа изображений, выделена группа памятников бронзового века.

В конце ноября 1933 г. группу ученых А. А. Миллера, Д. А. Золотарева, Ф. А. Фиельструпа, С. А. Теплоухова, Г. А. Бонч-Осмоловского и М. П. Грязнова арестовали по делу «Российской национальной партии» («Делу славистов»), обвинив их в участии в фашистской контрреволюционной организации украинских и русских националистов, якобы созданной при этнографическом отделе Государственного Русского музея, где все они в то время работали. Некоторые «признали свою вину», и трагически погибли. С. А. Теплоухов повесился во время следствия (не позднее 15 марта 1934 г.), Ф. А. Фиельstrup погиб при невыясненных обстоятельствах в Доме предварительного заключения 7 декабря 1933 г. Оба были посмертно реабилитированы в 1958 г. из-за отсутствия состава преступления. М. П. решительно отказался признать себя виновным, выдержав 12 допросов. Грязнову грозили 10 годами заключения, расстрелом, ссылкой на Колывань и т. п. (РА. Ф. 91 — личный архив М. П. Грязнова). При отсутствии фактических свидетельств и отказе от признания вины, органы ограничились высылкой М. П. Грязнова по этапу в г. Киров (ныне Вятка) сроком на три года. 25 декабря 1936 г. он был освобожден, но обвинение, из-за отсутствия состава преступления, было снято только через 20 лет (Справка Военного Трибунала ЛВО № 1179-Н-56/819 от 8.12.1956). В Кирове Михаил Петрович работал в местном краеведческом музее.

С августа 1941 по 1945 г. М. П. Грязнов вместе с коллекциями Государственного Эрмитажа находился в Свердловске. В это время он разрабатывал методику трасологии и проблемы искусства ранних кочевников Сибири, проводил раскопки памятников палеолита и ранней бронзы на р. Чусовой. В январе 1945 г. защитил кандидатскую диссертацию по проблемам бронзового века Западного Казахстана, а через полгода, в июне 1945 г. — докторскую по Первому Пазырыкскому кургану. Все последующие годы М. П. работал в ИИМК — ЛОИА АН СССР, более пятнадцати лет заведовал Сектором Средней Азии

и Кавказа (1951–1968), читал лекции на кафедре археологии ЛГУ, руководил крупнейшими археологическими экспедициями: Северо-Алтайской, Новосибирской, Иркутской и Красноярской; в 1971–1974 гг. — раскопками кургана Аржан в Туве. Скончался М. П. Грязнов на даче в Петергофе после тяжелой болезни.

В рукописном отделе и в фотоархиве Научного архива образованы фонды, научно-техническая обработка которых осуществляется в настоящее время (Пшеницына, Боковенко, 2002. Ч. 1. С. 19–23; Люди и судьбы, 2003. С. 130–132).

Гуляев С. И. (1806–1888) и **Гуляев Н. С.** (1851–1918), краеведы, коллекционеры на Алтае. Гуляев Н. С. — зав. архивом Главного управления Алтайского округа.

Гуляев Степан Иванович — видный исследователь Алтая, историк, этнограф, фольклорист, изобретатель. Родился в с. Алейском Кольвановоскресенского горного округа, в семье унтер-шихтмейстера. В 1819 г. поступил в Барнаульское Горное училище. По завершении учебы был принят старшим писцом в Горное отделение Кабинета Его Императорского Величества. В 1827 г. выехал к месту службы в Санкт-Петербург, где занялся изучением истории, этнографии, языкознания, посещал занятия в Академии Художеств, а также собирал и записывал песни, сказки, предания и другие материалы по истории Сибири. В 1839 – 1850-х гг. опубликовал ряд статей, но наиболее значительной работой стали «Этнографические очерки Южной Сибири» (1848 г.). Всего в период с 1839 по 1859 г. С. И. Гуляевым было опубликовано 28 работ. В эти же годы он заинтересовался изучением археологических памятников, о результатах которых сообщил в ИРГО, был отмечен благодарностью за свой труд, а в январе 1853 г. становится членом-сотрудником ИРГО. В 1859 г. С. И. Гуляев назначен советником отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления. Семья Гуляевых переезжает в Барнаул, и начинается наиболее плодотворный сибирский период в его деятельности, длившийся до самой кончины в 1888 г. Он стал управляющим отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления и статским советником (1878), получил потомственное дворянство (1880). Со временем стал сотрудником 11-ти научных организаций, в том числе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете (ИОЛЕАЭ), Берлинского географического общества и др. От своих корреспондентов, которыми являлись священники, крестьяне, купцы, проживавшие на территории Алтайского горного округа, регулярно получал сообщения о случайных археологических находках. Самые ценные находки собиратель сразу же отправлял в научные общества, но и свою коллекцию стремился сделать достоянием науки. В 1875 г. он получил особое задание от ИОЛЕАЭ при Московском университете — собирать разнообразные антропологические, археологические и этнографические материалы с возможно более полными сведениями об их нахождении. На основании собственных наблюдений составил «Заметки о чудских буграх», выделив на территории Алтайского округа три района, и описал памятники в пределах этих районов. Внес свой вклад

С. И. Гуляев и в накопление петроглифов, а также сообщил о городищах на территории Алтайского горного округа и о древних горных выработках.

В 1880-е гг. проявил интерес к раскопкам; занимался вопросами проведения археологических разведок и введения в научный оборот древностей. С. И. Гуляевым были собраны уникальный архив и библиотека, разнообразные коллекции, которые после его смерти в мае 1888 г. перешли к Николаю Степановичу — продолжателю многих начинаний отца (Тишкина, 2010. С. 15–41).

Гуляев Николай Степанович (1851–1918), археолог-любитель. Родился в Петербурге. В 1859 г. в связи с новым назначением отца семья переехала в Барнаул. Первоначально обучался дома, посещая уроки немецкого и французского языков в Барнаульском Горном училище, где преподавал В. В. Радлов. В 1865 г. поступил в 3-й класс Томской губернской классической гимназии. После окончания ее в 1871 г. был зачислен на юридический факультет Петербургского университета, но в 1873 г. отчислен, так как не успел сдать переводные экзамены. В 1874 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета, но через год снова отчислен «за невзнос платы за слушание лекций». Некоторое время жил у своей сестры в Омске, где познакомился с И. Я. Словцовым и через него с Г. Н. Потаниным, Н. М. Ядринцевым. Летом 1877 и 1878 г. совершил экспедиции, во время которых большое внимание было уделено археологическим памятникам и предприняты раскопки одного кургана. В Омск были доставлены три каменных изваяния. Через несколько лет он уехал в Барнаул и приступил к руководству «Типографией наследников А. С. Гуляева».

В 1891 г. при активном участии Н. С. Гуляева создано Общество любителей исследования Алтая (ОЛИА), имевшего своей целью всестороннее изучение Алтая и сопредельных территорий. Вскоре в ОЛИА разработали «Краткую программу...», которая была разослана священникам, учителям и другим лицам. Поступавшие ответы хранились в библиотеке Общества и были доступны любому желающему для исследования. Тогда же начал создаваться и музей организации. В 1895 г. Н. С. Гуляев был принят на службу в архив Главного управления Алтайского округа. Отныне все свое свободное время он посвящал археологии: в 1896 или 1897 г. обследовал гряду дюн у д. Большая Речка, в 1898 г. подал прошение о предоставлении отпуска для сбора материалов по истории округа в столичных архивах. Привезенные с собой археологические находки Н. С. Гуляев предложил ИАК приобрести с тем, чтобы полученные деньги использовать для получения подобных же древностей. ИАК приняла решение о выдаче ему 100 рублей и Открытого листа на право осуществления раскопок. В 1900 г. коллекция Гуляева была передана в Исторический музей в Москве.

В 1903 г. Н. С. Гуляев решил предпринять исследование пещер по Чарышу. На выдувах близ д. Большая Речка было изучено погребение человека с конем с сопроводительным инвентарем из железа (меч, стрелы и т. п.). Это и второе подобное погребение отнесены ныне к сротскинской культуре конца I тыс. н. э. По возвращении в Барнаул он представил отчет, сделал доклад на

заседании Алтайского подотдела ЗСО ИРГО, а коллекция предметов была передана в музей. В следующий раз Гуляев осуществил раскопки Большереченского городища в 1912 г. Средства были получены от РКИСВА. Отчет представлен в МАЭ, туда же были отправлены и находки.

Будучи в тяжелом финансовом положении археолог-любитель принял решение о продаже своих коллекций, однако в разгар подготовительных работ он скончался. Материалы передавала его дочь Антонина Ветринская. Только в 1927 г. в Улале (ныне г. Горно-Алтайск) был открыт Ойротский музей, куда поместили материалы Н. С. Гуляева. Крупные коллекции, собранные им, находятся также в ГИМ (Москва), МАЭ (СПб.), в музеях Барнаула и Горно-Алтайска (Тишкина, 2010. С. 77–136).

Давыдова Антонина Владимировна (1920–2000), археолог, видный специалист по изучению памятников сюнну в Забайкалье, кандидат исторических наук (1965), доцент кафедры археологии исторического факультета ЛГУ. Окончила ЛГУ будучи в эвакуации в Саратове в 1942 г. Затем около года работала учительницей в сельской школе.

В 1949–1950 гг. по инициативе А. П. Окладникова в составе Бурят-Монгольской археологической экспедиции Бурят-Монгольского Научно-исследовательского института культуры (НИИК) и ИИМК АН СССР был организован Иволгинский отряд под руководством В. П. Шилова, который в течение двух лет предпринял большие раскопки Иволгинского городища на восемнадцати раскопах. В 1955–1956 гг. Бурят-Монгольская археологическая экспедиция Бурят-Монгольского НИИК под руководством А. В. Давыдовой возобновила раскопки, которые были продолжены затем в 1958–1959 и 1961–1962 гг. Предполагалось длительное и полное исследование Иволгинского городища, однако работы удалось продолжить только в 1974 г. В 1987–1988 гг. в связи с задуманной музеефикацией памятника экспедицией Научно-Производственного Бюро охраны памятников Министерства культуры Бурятии и ЛОИА АН СССР под руководством С. С. Миняева были проведены исследования участка оборонительных сооружений городища. Коллекции, полученные на городище, пополнили фонды Улан-Удэнского краеведческого музея и Гос. Эрмитажа (Давыдова, 1995).

В 1956 г. в полукилометре от городища был открыт могильник, получивший наименование Иволгинского, в течение семи полевых сезонов до 1970 г. он исследовался экспедицией кафедры археологии ЛГУ (нач. экспедиции А. В. Давыдова) — было вскрыто сплошной площадью 8000 кв. м, на которых находилось 216 могил (Давыдова, 1996).

В 1954 г. А. В. Давыдова руководила отрядом Восточноказахстанской экспедиции (нач. С. С. Черников). Были произведены раскопки курганов у пос. Пчела, Славянка и др. (Археологические экспедиции, 1962. С. 162).

Дебец Георгий Францевич (1905–1969), выдающийся антрополог, археолог. Родился в Томске, в семье учителя. В 1925 г. окончил исторический факультет Иркутского университета, ученик Б. Э. Петри. С 1927 г. — аспирант Института антропологии Московского университета и до войны работал в

этом институте. В 1920-е гг. вел работы по археологическому обследованию Забайкалья. С 1941 г. — доктор биологических наук, защитил диссертацию по проблемам палеоантропологии на территории СССР. С 1944 г. — профессор МГУ. Изданная в 1948 г. книга «Палеоантропология СССР» подвела итог исследованиям автора. Ему принадлежит выдающаяся роль в разработке принципов использования антропологического материала как исторического источника, в особенности для освещения комплексных проблем этногенеза и ранней этнической истории (Матюшенко, 2001. С. 96, 159–161; Антология советской археологии. Т. I. 1995. С. 159).

Денике Борис Петрович (1885–1940), востоковед. Родился в Казани, в семье служащего. В 1911 г. окончил историко-филологический факультет Казанского университета и был оставлен для подготовки к профессорскому званию. Совершенствовал знания в Германии (1913–1914). Магистр (1915), приват-доцент, профессор Казанского университета (1915–1918), Томского университета (с 1919) и Омского политехнического института (1918–1920). В 1921 г. Денике переехал из Казани в Москву — преподавал в МГУ (1921–1930), работал в Научной ассоциации востоковедения, Институте археологии и искусствоведения РАНИОН (с 1921). В 1921 г. совершил научную поездку в Казахстан. Научный сотрудник отдела искусств Востока Казанского музея, Государственного Музея восточных культур (1925–1929 — директор, 1933–1940) и Государственном Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (1931–1940). В 1926–1928 гг. возглавил работы на городище Старый Термез, где была открыта и изучена резная штукатурная облицовка дворца термезских правителей XI–XII вв. Не только эта, но и другие научные экспедиции Музея работали в Средней Азии под его руководством. В 1939 г. исследования архитектурного декора Средней Азии были завершены трудом «Архитектурный орнамент Средней Азии». Кроме того, Б. П. Денике занимался изучением художественной миниатюры и изучением искусства стран Дальнего Востока. Автор более 50 научных работ (Милибанд, 1995; Профессора Томского Университета. Т. 2. 1998. С. 127–129; «Он никогда никому не сделал зла...», 2006).

Диль Эрих-Вильгельм (Вильгельмович, Васильевич) (1890 – не ранее 1930), филолог-классик, действительный член РАО; в 1918–1922 гг. — профессор Томского университета. Родился в Петербурге. Окончил училище при Реформатской школе и историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1913). Был оставлен для приготовления к профессорскому званию. В 1916 г. после сдачи магистерского экзамена зачислен в состав приват-доцентов Петроградского университета. Осенью 1917 г. переводится в Томский университет и занимает кафедру классической филологии. Активно занимался общественной деятельностью, в частности, с конца августа до 13 сентября 1918 г. участвовал в работе следственной комиссии, учрежденной по делу об убийстве Николая II и для принятия мер по охране документов, относящихся к этому делу. После закрытия историко-филологического факультета в Томске переехал в Ригу и работал профессором университета.

В 1916 г. получил Открытый лист на раскопки в пределах Верненского и Пишпекского уездов Семиреченской обл. и Аулиеатинского и Чимкентского у. Сырдарьинской обл. В ИАК представил отчеты о поездке с археологической целью в Семиречье и ряд карт. Летом 1919 г. проводил историко-археологические изыскания в окрестностях Бийска, где изучал неолитические и другие памятники старины (Профессора Томского университета. Т. 1. 1996. С. 89–90; Белова, 2009. С. 136).

Дмитриев Кавказский Лев Евграфович (1849–1916), художник, гравер по меди. Родился в 1849 г., общее образование получил в Ставропольской гимназии, в 1869 г. поступил в ученики Императорской Академии художеств по разряду гравирования. За успехи в занятиях получил две серебряные медали, в 1878 — звание художника 1-ой степени, а в 1882 — титул академика. В 1883–1884 гг. редактировал журнал «Ласточка», в котором помещались снимки с рисунков русских художников, затем в течение трех лет заведовал художественной частью в журнале «Всемирная Иллюстрация». Неоднократно предпринимал поездки на Кавказ с художественной целью, а летом 1887 г. совершил путешествие в Закаспийскую область и Среднюю Азию. К 1893 г. число выполненных им гравюр достигало 65-ти. По большей части, это народные типы Кавказа и Закавказья, гравированные с собственных рисунков художника, либо портреты различных лиц, в том числе генерала М. Скобелева, графа Безбородко, А. С. Пушкина и др. (Брокгауз и Ефрон. Т. X^a. 1893. С. 781).

Долбежев Василий Иванович (1842–1911), археолог-кавказовед, преподаватель Владикавказского реального училища. Основатель национального музея Республики Северная Осетия-Алания. В 1907 г. получил Открытый лист на раскопки в пределах Алтайского округа. В ИАК представил рукопись «Археологические изыскания в Бийском у. Томской губ. по поручению ИАК» (Белова, 2009. С. 97).

Дубенецкий Владимир Осипович (1888–1932), архитектор-художник, выпускник Петербургской Академии художеств, после окончания ее жил и работал в Литве. В 1911 г., еще будучи учеником Высшего художественного училища, получил от ИАК свидетельство о поручении ему измерений, фотографирования и описания древних и замечательных по архитектуре зданий г. Барнаула (Белова, 2009. С. 115).

Дяконов Михаил Михайлович (1901–1954), известный востоковед, археолог. Доктор исторических наук (1946), профессор (1949), заслуженный деятель науки Таджикской ССР. Основные труды по истории Ирана, искусству и культуре стран Ближнего и Среднего Востока. Поэт-переводчик с персидского и других языков. В 1953 г. являлся начальником Согдийско-Таджикской экспедиции (Толстов, 1954. С. 122–124; Беленицкий, 1954. С. 155–162).

Евтюхова Лидия Алексеевна (1903–1974), археолог, кандидат исторических наук, исследователь средневековых памятников Центральной Азии.

Родилась в Санкт-Петербурге, в семье инженера. В 1925 г. закончила факультет общественных наук МГУ по отделению археологии и искусствоведения. С 1925 по 1950 г. работала в Государственном Историческом музее, с

1946 г. совмещала работу в ГИМ и ИИМК АН СССР в должности старшего научного сотрудника. В 1946 г. защитила кандидатскую диссертацию, опубликованную затем отдельной книгой «Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов)» (Абакан, 1948).

С 1924 г. вела самостоятельные раскопки славянских курганов и ряда городищ в Московской и Горьковской области, ею разработана ставшая впоследствии общепринятой периодизация дьяковской культуры. С 1930 г. Л. А. Евтюхова работала в Южной Сибири в составе Саяно-Алтайской экспедиции, являясь бессменным заместителем и помощником начальника экспедиции С. В. Киселева. Ею, в частности, исследованы курганы кыргызской знати Копенского чаатаса и поселение у с. Малые Копены. Во время Великой Отечественной войны, зимой 1942 г., была руководителем Комиссии по обследованию разрушений, причиненных немецкими войсками в г. Истре и Ново-Иерусалимском монастыре, Яхроме, Дмитрове и Звенигороде. С 1948 г. Л. А. Евтюхова являлась начальником отряда и заместителем начальника Монгольской экспедиции ИИМК АН СССР и Комитета Наук МНР, проводившей исследования древнемонгольских городов XIII–XIV вв. в Центральной Азии. Во время экспедиционных исследований на Алтае, в Хакасии, Туве и Монголии ею был собран огромный материал по монументальной скульптуре древних тюрков и разработана методика историко-археологического анализа каменных изваяний (Каменные изваяния, 1952).

С 1951 г. Л. А. являлась членом Научного совета по выставкам при Президиуме АН СССР, председателем Выставочной комиссии ИИМК — ИА АН СССР; с 1953 — Ученый секретарь Института, с 1966 г. заведовала Отделом полевых исследований. С 1957 по 1971 г. была членом редколлегии журнала «Советская археология». Автор ряда монографий и более 50 научных статей (Аксенова, 2000. С. 101–103; Матющенко, 2001. С. 88).

Ермолаев Александр Петрович (конец XIX в. – 1920), сотрудник музея Приенисейского края. Собрал богатые коллекции разных эпох, некоторые из них опубликовал, в частности Ишимскую коллекцию из Ачинского уезда. Обследовал дюнные стоянки в окрестностях Красноярска (Ладейская, Базаиха и др.) (Матющенко, 2001. С. 31).

Жамцарано Цыбен Жамцаранович (1881–1942), востоковед, монголовед-филолог, фольклорист, общественный и политический деятель.

Родился в улусе Судунту Агинского аймака Бурятии, в семье старосты Хойто-Агинского родового управления Жамцарана Гендунова. Сначала учился в Читинском трехклассном училище, затем в Иркутской учительской семинарии. С августа 1901 г. преподавал в Агинском приходском училище. По решению собрания бурят Агинской степной думы его вместе с Б. Барадийном направили на учебу в Петербургский университет, где они стали слушателями, а позднее и преподавателями монгольского языка (1902–1906). Совершил ряд поездок по собиранию фольклорного материала в Бурятии и Монголии. Преподаватель факультета восточных языков Петербургского университета и Практической восточной академии (1902–1908, 1911). Сотрудник этнографи-

ческого отдела Русского музея (1902–1911). Просветитель во Внутренней Монголии (1908–1918), преподаватель Иркутского университета (1918–1921). Ученый секретарь Ученого комитета МНР (1921–1931). Научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1932–1937). Награжден серебряной медалью ИРГО (1906), с 1907 г. — его член-сотрудник. В 1917 г. награжден премией ИРГО им. Н. М. Пржевальского. Доктор литературоведения (1935). Жил в доме Тибето-монгольской миссии при Буддийском храме. Арестован 11 августа 1937 г. После долгого следствия 19 февраля 1940 г. приговорен к 5 годам лагерей. Скончался 4 мая 1942 г. в Соль-Елецкой тюрьме г. Орла. Реабилитирован в 1956 г. (Милибанд, 1995; История востоковедения, 1997. С. 365–369; Люди и судьбы, 2003. С. 161–163).

Жуковский Валентин Алексеевич (1858–1918), востоковед, иранист, профессор университета, член-корреспондент Петербургской АН (с 1899). Работал, главным образом, в области персидского языка, литературы, фольклора, этнографии и истории Ирана. Закончил факультет восточных языков Санкт-Петербургского университета в 1880 г. Студенческое сочинение по турецкой словесности было удостоено золотой медали. Первая печатная работа — магистерская диссертация вышла в 1883 г. Докторская работа относится к 1888 г. и написана на основании материалов первой командировки в Персию. В 1892–1902 гг. был секретарем факультета иностранных языков, в 1902–1911 — деканом. Член-сотрудник РАО (с 1886).

Во время командировок в Персию в 1883–1886 и 1889 г. работал по овладению разговорной персидской речью и сбору языковых, литературных, этнографических и фольклорных материалов. Вместе с русским переводом и словарем редких слов они составили фундаментальное издание, отмеченное большой золотой медалью РГО. Жуковского следует считать первым русским специалистом по изучению мусульманской Персии.

В. А. Жуковский не был археологом и не считал себя таковым. Направленный Археологической комиссией в 1890 г. для исследования древнего Мерва в Закаспийскую область, Жуковский не ставил себе целью производство раскопок, полагая, что «прежде следует позаботиться о том, что уцелело еще на поверхности, — уберечь и сохранить для науки развалины городов и памятников путем снятия рисунков, фотографий, бумажных оттисков с надписями на камнях, планов, сопровождая их простым, но добросовестным описанием и пояснениями» (Жуковский, 1894. С. 199). Ему принадлежит археологическое исследование о развалинах древнего Мерва — «Древности Закаспийского края» (1894). Археологическое общество удостоило его за эту работу большой Золотой медали (1896). После Мерва летом того же 1890 года он совершил поездку в Хорасан, для осмотра Мешхеда и Туса. Второй раз он побывал в Закаспийской области с археологической целью в 1896 г., снова на средства Археологической комиссии. И та, и другая поездки нашли свое отражение в серии фотографических снимков, сохранившихся в фотоархиве. После 1902 г. происходит продолжительный перерыв в деятельности В. А. Жуковского — с 1903 до 1916 г. он не выпустил в свет ни одной статьи, а

с 1909 по 1912 г. не читал и научных докладов. Многие из его работ так и остались ненапечатанными, сделавшись достоянием архивохранилища (Бартольд, 1977. С. 989–703; Тихонов, 2003. С. 93–94; Длужневская, 2003. С. 15; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 192; Длужневская, Кирчо, 2009. С. 783–813; Белова, 2009. С. 32, 52).

Заднепровский Юрий Александрович (1924–1999), археолог, доктор исторических наук (1978). Родился в г. Гатчина. В возрасте 17 лет в рядах Советской Армии участвовал в обороне Ленинграда, а затем и в боях на других фронтах Великой Отечественной войны. Несколько раз был тяжело ранен и по инвалидности демобилизован. В 1945 г. поступил на исторический факультет ЛГУ, который закончил в 1950 г. В 1951 г. принят в аспирантуру ИИМК АН СССР (науч. руководитель А. Н. Бернштам, затем член-корр. АН СССР К. В. Тревер). В студенческие и аспирантские годы участвовал в восьми экспедициях своего учителя А. Н. Бернштама в Киргизии, Фергане, на Памире и в Южном Казахстане, который и определил основную научную тематику деятельности Ю. А. Заднепровского: археология (и история) Ферганы. В кандидатской диссертации на тему «Древняя Фергана» (1954) были обобщены все известные к тому времени материалы по культуре земледельцев и кочевников и представлена новая периодизация истории культуры Ферганы древнего периода.

С 1954 по 1987 г. Ю. А. Заднепровский провел более 30 экспедиций в Киргизии и Узбекистане. На протяжении 16 сезонов он исследовал Дальверзин, ставший эталонным памятником чустской культуры. С начала 60-х гг. возглавил Ферганский отряд, а позднее и Ферганскую экспедицию. В 70-е годы проведены большие исследования чустских поселений в разных районах Ферганы и начато систематическое изучение Ошского поселения, на горе Тахти-Сулейман в центре современного г. Оша. Все добытые материалы были проанализированы в докторской диссертации «Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии» (1978). Он является автором свыше 350 печатных работ; в том числе им написаны разделы в нескольких фундаментальных коллективных обобщающих монографиях (Ширинов, Матбабаев, 1994. С. 3–6; Массон, 2000. С. 375–376; Ставиский, 2001. С. 180–182).

Замятнин Сергей Николаевич (1889–1958), археолог, специалист по палеолиту, в частности Кавказа, доктор исторических наук. Родился в г. Павловск Воронежской губ. Окончил Московский археологический институт (1922). В 1920–1924 гг. являлся научным сотрудником, хранителем археологического отдела Воронежского губернского историко-культурного музея. С 1925 г. — мл. научный сотрудник, затем аспирант и ст. научный сотрудник ГАИМК. В 1930-е гг. принимал участие в Мальтинской экспедиции в Сибири. В 1933–1938 гг. работал ст. научным сотрудником МАЭ, но в 1938 г. вернулся в ГАИМК. Во время войны в 1943 г. совершил поездку в Таджикистан. В 1950 г. полностью перешел на работу в ИЭ АН СССР (Длужневская, 1999а. С. 27–32; Люди и судьбы, 2003. С. 453–454).

Засыпкин Борис Николаевич (1891–1955), архитектор-реставратор, историк архитектуры; сотрудник ЦГРМ (с 1924), профессор, научный консультант отдела Советского Востока МВК (1926–1930), участник экспедиций МВК в Термезе и Узгенте. Основатель реставрационного дела в Узбекистане (с 1937). После 1953 г. назначен начальником охраны памятников в Узбекистане. Подвергался репрессиям — в 1934 г. был арестован и сослан (Прибытова, 1957. С. 189; «Он никогда никому не сделал зла...», 2006. С. 42).

Зимин Лев Александрович (? – 1920) — член Туркестанского кружка любителей археологии, работал в МИД одного из белогвардейских правительств. Работал в Ташкенте, Карши, Варахше и др. В 1913 г. получил Открытый лист на раскопки в пределах развалин г. Пейкенда Сырдарьинской обл. Отчет был опубликован в протоколах РКИСВА. В целом, имеет ряд публикаций по археологии Туркестана (Белова, 2009. С. 126).

Знаменский Михаил Степанович (1833–1892), художник-карикатурист, публицист, сибирский краевед, археологическая деятельность которого была тесно связана с Тобольским музеем. Родился в 1833 г. в г. Курган Тобольской губ., первоначальное образование получил в школе в Ялутуровске, открытой по инициативе декабриста Якушкина. Далее обучался в Тобольской духовной семинарии. В 1851 г. стараниями М. А. Фонвизина был отправлен в Петербургскую образцовую духовную семинарию, в которой были открыты классы рисования. После окончания учебы в 1853 г. вернулся в Тобольск и стал постоянным автором сатирического журнала «Искра». Преподавал в учительской семинарии и женской гимназии. В 1860-е–1880-е гг. занимался краеведением и этнографией. В 1880-е гг. предпринял раскопки в Западной Сибири: на городище Искер и на курганном могильнике на Чувашском мысу в окрестностях Тобольска. Методический уровень раскопок был крайне низок, документация не велась. Однако сохранились рисунки из Атласа М. С. Знаменского: виды и планы городков в Сибири и сибирские древности, в том числе из его раскопок с А. И. Дмитриевым-Мамоновым у мыса Чуваш (Матющенко, 2001. С. 32–33; Белова, 2009. С. 31).

Золотарев Александр Михайлович (1907–1943), этнограф, историк первобытного общества; работал в Сибири (Амурская экспедиция 1931 и 1934 г.), с материалами по Индии и другим регионам мира. Родился в Харькове, с 1924 г. учился в Москве в Институте народного хозяйства, но увлекся историей первобытной культуры и ушел из Института. С 1930 г. — аспирант ГАИМК, по совместительству — преподаватель ЛИФЛИ. После окончания аспирантуры, в 1932 г. вернулся в Москву, являлся сотрудником Московского отделения ГАИМК и Института антропологии при МГУ, преподавал в Коммунистическом университете. С 1934 г. — доцент МИФЛИ, с 1937 — доцент Московского областного педагогического института. В 1927 г. активно занимался комсомольской работой, однако «имел троцкистские колебания», что неоднократно припоминалось ему впоследствии. В 1937 г. удален из Москвы, читал курсы истории первобытного общества, этнографии и истории Древнего Востока в Воронежском педагогическом институте. Его докторская

диссертация «Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний» фрагментарно и под другим названием была опубликована в 1964 г.

В начале войны ушел в ополчение, попал в плен, бежал и вернулся в Москву. Арестован 26 января 1942 г., обвинен в «шпионской деятельности», то есть в том, что в плену «переводил военнопленным содержание немецких газет, способствуя, таким образом, обработке военнопленных в антисоветском духе». 2 сентября 1942 г. приговорен к 10 годам лагерей. Умер в заключении 6 апреля 1943 г. Реабилитирован в 1957 г. (Люди и судьбы, 2003. С. 174–175).

Зяблин Леонид Павлович (1914–1982), археолог. Родился в пос. Котельниково Донской области. В 1935–1941 гг. учился на кафедре археологии исторического факультета МГУ, в 1948–1951 гг. — в аспирантуре при оконченной им до войны кафедре. Кандидатскую диссертацию по теме «Археологические памятники кочевников X–XIV веков Восточной Европы» защитил в 1952 г. С 1953 до 1974 г. работал в Институте археологии в должности младшего научного сотрудника. Участвовал в Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции 1953–1955 гг. под руководством А. П. Окладникова, в 1955 г. руководил Ак-Бешимским отрядом и произвел раскопки городища Ак-Бешим; в 1954–1955 гг. возглавлял Иссыкульский отряд, занимавшийся раскопками курганов усуней и тюрков; в 1956 г. Ак-Бешимским отрядом Киргизской экспедиции (нач. П. Н. Кожемяко; нач. отряда Л. П. Зяблин) были завершены раскопки второго буддийского храма. В 1959 г. работал в Иркутской экспедиции на Байкале; в 1972 г. — руководил Абаканским отрядом в Южной Сибири. Автор свыше 20 печатных работ (Археологические экспедиции, 1962. С. 197–198, 215; Институт археологии, 2000. С. 113).

Игнатъев Николай Павлович (1832–1908), граф, генерал-адъютант, дипломат. Член Государственного Совета, посланник (затем посол) в Турции (1864–1877). Главный уполномоченный России при заключении Сан-Стефанского мирного договора. Министр внутренних дел (1881–1882). С мая по декабрь 1858 г. возглавлял миссию в Хиву и Бухару. Фотографии, сделанные во время этого похода, сохранились в фотоархиве ИИМК РАН (ФА, альбом Q 211; Девель, 1994. С. 259–271; Длужневская, 2006а).

Иссен Александр Александрович (1896–1964), археолог. Родился в Петербурге. Семья отца происходит из Дании, в России — с 1823 г. Отец — агроном, до 1917 г. работал на частной службе, управлял именьями и конторами. Мать — домохозяйка. В марте 1935 г. родителям было предложено выехать из Ленинграда; они переехали в Уфу, отец умер в 1937, а мать — в 1938 г.

С 1907 по 1915 г. учился в гимназии Реформатского училища в Петербурге и, окончив ее с золотой медалью, поступил на исторический факультет Петроградского университета и одновременно — на ускоренный курс Михайловского Артиллерийского училища, который окончил прапорщиком в мае 1916 г. В армии служил до 1918 г., был на Северном и Юго-Западном фронтах. После демобилизации вернулся в Университет на историко-филологический факультет. С апреля 1919 по июль 1922 г. служил в РККА в должностях сред-

него командного состава, преподавал в военно-учебных заведениях в Петрограде. В июле 1922 г. демобилизован и снова вернулся в Петроградский университет, в 1925 г. окончил его по археологическому отделению Факультета общественных наук. С 1924 г. участвовал в экспедициях ГАИМК. Первые полевые исследования осуществлялись в рамках Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК под руководством А. А. Миллера.

В 1926 г. принят в аспирантуру ГАИМК и окончил ее в конце 1929, специализировался по археологии Кавказа. С 1 декабря 1929 г. зачислен научным сотрудником по сектору истории доклассового общества ГАИМК. С 1929 г. являлся начальником экспедиций или отдельных отрядов, работая на Северном Кавказе, в Азербайджане, Грузии и в Восточном Казахстане. С октября 1927 г. по совместительству работал в Эрмитаже помощником хранителя Эллино-Скифского отделения, затем — ст. научным сотрудником отдела доклассового общества; в апреле 1934 г. оставил работу в Эрмитаже, но в июле 1935 г. вернулся на работу по совместительству в Эрмитаж. В 1935 г. возглавлял Казахстанскую экспедицию, проводившую исследование древних выработок на олово, золото и медь (Археологические экспедиции, 1962. С. 99).

В ноябре 1936 г. назначен заведующим отделом истории первобытной культуры. В 1938 г. ему присуждена ученая степень кандидата исторических наук без защиты диссертации.

1 июля 1941 г. выехал из Ленинграда с первым эшелонem Эрмитажа в Свердловск, где работал в составе филиала Эрмитажа весь период ВОВ. Во второй половине 1941 г. мобилизован в РККА и находился в частях Уральского военного округа, после демобилизации вернулся на работу в филиал Эрмитажа. В 1944–1945 гг. состоял профессором Уральского Гос. университета (Свердловск). С июня 1945 г. восстановлен ст. научным сотрудником ИИМК, в октябре вместе с филиалом Эрмитажа вернулся в Ленинград, далее работал ст. научным сотрудником ИИМК и заведовал Отделом Эрмитажа до 21 августа 1955 г., оставаясь затем до 1964 г. ст. научным сотрудником Отдела (Между Азией и Европой, 1996).

В НА ИИМК РАН, РА — фонд 76: 200 дел, 1904–1964 гг.

Каллаур В. А. (? – 1918) — уездный начальник Перовского уезда, полковник (в 1905 г. — генерал-майор в отставке), краевед и натуралист, активный член ТКЛА. Более 25 лет изучал древности Таласской долины. В 1880-е годы открыл ряд эпитафических памятников в Казахстане и Киргизии. В 1897 г. сделал доклад «Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду» на заседании общего собрания Туркестанского кружка (Белова, 2009. С. 56).

Каль Евгений Федорович (1863–1891), востоковед, туркестановед, чиновник по особым поручениям при Туркестанском генерал-губернаторе. Родился в Санкт-Петербурге, в семье провизора. По окончании реформатского училища поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, но, сдав экзамены за I курс, перешел на факультет восточных языков по арабско-персидско-турецко-татарскому разряду. В 1885 г., завершив обучение, получил кандидатскую степень. Служил в Туркестанском крае чи-

новником при генерал-губернаторе. Заведовал этнографическим и археологическим отделом Ташкентского музея. Летом 1887 г. состоялась служебная поездка на Янгоб, где он провел лингвистические, статистические и топографические исследования. Главный труд — описание персидских, арабских и тюркских рукописей Туркестанской публичной библиотеки. В 1888 г. передал в дар РАО 370 монет из Туркестана. Во время экспедиции в район Термеза приобрел около 50 монет, которые поступили в Эрмитаж.

В 1889–1890 гг. получал Открытые листы на раскопки в пределах Туркестанского генерал-губернаторства, р. Амударьи и на русско-афганской границе, а также на собирание археологических материалов в этих районах. Обследовал 24 кургана в Ташкентском уезде, произвел небольшие раскопки у Термеза, изучил памятники в окрестностях Аулие-Ата. В ИАК прислал рисунки строений, местностей, копии надписей. В 1891 г. отправился в поездку по бекствам Бухарского ханства, заболел амударьинской лихорадкой и вскоре умер (Длужневская, Кирчо, 2009. С. 796; Биобиблиографический словарь, 1989).

Карасев Александр Николаевич (1902–1972), археолог, исследователь по истории и культуре античных памятников Северного Причерноморья. В ГАИМК–ЛЮИА в 1928–1937 и 1940–1971 гг. Будучи в эвакуации в Ташкенте, участвовал в 1943–1944 гг. в Фархадской экспедиции под руководством В. Ф. Гайдукевича (Археологические экспедиции, 1962. С. 128).

Карцов Владимир Геннадьевич (1904–1975), археолог. Родился в дворянской семье, окончил 1-й Московский университет, ученик В. А. Городцова, по рекомендации которого в 1927 г. уехал в Красноярск. С 1928 г. работал археологом Красноярского музея и исследовал памятники в лесостепной полосе Красноярского края (раскопки Ладейского и Ермаковского городищ, Усть-Собакинской и Есаульской стоянок, курганов у Военного городка, озера Учум, села Ужур). В музее он обрабатывал коллекции, создавал экспозиции, вел экскурсии. В 1929–1934 гг. — научный сотрудник музея Приенисейского края, директор школы и доцент Абаканского педагогического института. Его публикация 1929 г. явилась первой сводкой всех археологических материалов от эпохи неолита до средневековья, при этом материалы были классифицированы с учетом стратиграфических наблюдений раскопанных памятников с обоснованием датировки выделенных культур (Матющенко, 2001. С. 92).

Кастальский Борис Николаевич (1868–1943), военный инженер, офицер русской армии, служивший в Средней Азии. Выпускник Псковского кадетского корпуса, окончил Николаевскую инженерную академию со званием инженерного академика. Служил в Узбекистане с 1905 г. в качестве начальника военно-инженерной дистанции, во время I мировой войны — начальник инженеров Особой Армии. После Октябрьской революции работал в Самарканде в Узводстрое, Облводхозе и др., знаток ирригационных систем. Археолог-любитель, коллекционер. С 1899 г. — действительный член Туркестанского отделения РГО и действительный член Русского Технического общества; с 1907 г. — член ТКЛА. Участник 1-й Туркестанской фотовыставки в Ташкенте в 1899 г. В июле 1902 г. посетил с целью фотофиксации Мешед-и-

Мисриан. Он сделал различные расчеты по обсерватории Улуг-Бека. Весной 1908 г. в кишлаке Бия-Найман Каттакурганского уезда нашел до 700 фрагментов оссуариев и выступил со статьей о них. Сделал ценные наблюдения в отношении орошения. Был связан с Самаркандским музеем. Древности, собранные им, находятся в Самарканде, Гос. Эрмитаже, МВК в Москве. В 1932 г. участвовал в выпрямлении минарета Улуг-Бека. Дружил с В. Л. Вяткиным. Его архив хранится в Самаркандском областном гос. архиве — ф. 787. 27 ед. хр. (Бартольд, 1963. С. 339).

Кастанье Иосиф Антонович (Жозеф-Антуан) (1875–1958), известный российский археолог и историк-востоковед, туркестанский краевед, ученый секретарь Оренбургской Ученой Архивной комиссии, преподаватель французского языка в средних учебных заведениях. Родился во французском городке Гайяк. Юношеские годы провел в Тулузе, где закончил лицей, затем 7 лет изучал французский язык на высших курсах и получил диплом, дававший право преподавать французский язык в средних учебных заведениях. Приехал в Россию весной 1899 года. Сначала поселился на Северном Кавказе. В 1901 г. переехал в Оренбург, преподавал язык в реальном училище, мужской гимназии и Неплюевском кадетском корпусе. Еще на Кавказе занялся этнографическими исследованиями, которые продолжил в Оренбурге, собирая центральноазиатские древности. В 1902 г. избран действительным членом Оренбургской ученой архивной комиссии (ОУАК), а в сентябре 1909 г. — ее вице-председателем. В 1904 г. получил от ИАК право на проведение раскопок и с этого времени стал проводить рекогносцировочные поездки по Оренбургской губ., эпизодические раскопки, публиковал результаты исследований в печати. В 1904 г. совершил первое путешествие в Туркестан. В 1909 г. исполнял обязанности хранителя музея Оренбургской УАК. В 1911 г. исследовал курганы близ с. Прохоровка в Оренбургской губернии. В 1913 г. получил Открытый лист на раскопки в пределах развалин г. Шахрухи Сырдарьинской обл. (Белова, 2009. С. 126).

В сентябре 1912 г. переведен в Ташкент, где работал в Ташкентском реальном училище и активно занимался археологическими исследованиями края. В том же году стал членом ТКЛА, а спустя год — Туркестанского отдела ИРГО. В сентябре 1913 г. принял российское подданство.

Его научные интересы — археология, этнография, лингвистика и история Туркестана. Публиковался в французском журнале «Revue du Monde musulman». В. В. Бартольд отмечал строгий научный подход Кастанье в сборе археологического материала, столь редкого среди археологов-любителей. После революции в России решил вернуться с семьей во Францию, отказался от российского подданства, выполнял отдельные поручения МИД Франции. Одновременно продолжал работать над составлением археологической карты Средней Азии, состоял в археологической секции Комиссии по охране памятников старины и искусства Туркестанской республики. В 1918 г. ВЧК, подозревая Кастанье в участии в антисоветском заговоре, установила за ним слежку и хотела арестовать, но он сумел скрыться в горах Ферганы и жил там до фев-

раля 1919 г. В сентябре 1920 г. вместе с бывшими военнопленными уехал во Францию. После возвращения на родину работал в качестве переводчика МИД. Во Франции издал ряд книг по истории и новейшей истории Средней Азии. С 1921 г. работал корреспондентом Парижского антропологического общества. В 1925 г. был удостоен звания кавалера ордена Почетного легиона. Ранее в России был награжден орденами Св. Станислава и Св. Анны 3 ст. За свой известный труд «Древности Киргизской степи и Оренбургского края» удостоен благодарности Министерства народного просвещения. В 1908 г. получил чин коллежского асессора, в 1909 — надворного советника, в 1910 г. произведен в чин коллежского советника, что соответствовало воинскому званию полковника армии и давало право личного дворянства в Российской империи.

Вероятно, в 1930-е гг. вышел на пенсию, а в 1950-е гг. переехал жить в Монпелье, где скончался в 1958 г. (Горшенина, 1996. С. 147–159; Никольская, Матвеев, 1972. С. 76–115).

Кауфман Константин Петрович (1818–1882), первый российский генерал-губернатор Туркестана. Родился в д. Майданы близ Ивангорода. Его отец, генерал-лейтенант, принадлежавший к старинному немецкому роду, переселившемуся в Россию в XVIII в., начинал службу у А. В. Суворова. К. П. Кауфмана в возрасте 14 лет определили в Главное Николаевское инженерное училище. В 1838 г., после окончания курса старшего класса училища, его произвели в первый офицерский чин, через пять лет он стал адъютантом при штабе Отдельного Кавказского корпуса. На Кавказе прослужил до 1856 г., участвовал во многих военных операциях, дважды был тяжело ранен.

В 1857 г. произведен в звание генерал-майора свиты императора Александра II. Через несколько лет назначен директором канцелярии с присвоением звания генерал-адъютанта, в 1865 — генерал-губернатором северо-западных губерний и командующим войсками Виленского военного округа; в 1867 г. указом императора Александра II — Туркестанским генерал-губернатором, командующим войсками Туркестанского военного округа. К. П. Кауфман управлял краем более тринадцати лет, с 1867 по 1882 г. Длительное пребывание его на этом посту отмечено крупными достижениями, принесшими ему известность как «устроителя края». С 1873 г. — почетный член РАО.

Одним из первых его мероприятий стало привлечение на службу в Туркестанский край молодых людей, окончивших факультет восточных языков Петербургского университета. К. П. Кауфман всемерно содействовал изучению Туркестанского края, создал группу молодых ученых и руководил ими по устройству выставок и организации фотографирования. Было изготовлено нескольких альбомов, из которых самым известным и существенным является «Туркестанский альбом» (Прищепова, 2006. С. 174–225; ФА, отп. Q 279).

Кащенко Николай Феофанович (1855–1935), зоолог. Выпускник Харьковского университета. Профессор зоологии и сравнительной анатомии Томского университета (с 1889). Ректор Томского университета (1893–1895).

Основатель Зоологического музея ТГУ, его директор (1889–1912). Академик АН Украинской ССР (1919). Имел награды и чин – действительного статского советника (1902).

Родился и провел детство в имении родителей в с. Веселое Екатеринославской губ. Первоначальное образование получил в Екатеринославской гимназии. В 1875 г. поступил на медицинский факультет Московского университета. В 1876 г. по семейным обстоятельствам переводится в Харьковский университет, который закончил в 1880 г. со степенью лекаря и званием уездного врача. В 1882–1884 гг. — стипендиат для подготовки к профессорскому званию по эмбриологии и сравнительной анатомии. В 1884 г. защитил диссертацию на степень доктора медицины и преподавал в университете. В 1886–1888 гг. был в заграничной командировке, с 17 ноября 1888 г. — профессор Томского университета, где возглавлял кафедру зоологии до 1912 г. С 1909 г. — заслуженный профессор Томского университета. Провел ряд экспедиций по сбору зоологического материала. В 1900-е гг. занимался, в основном, растениеводством. Осенью 1912 г. вместе с семьей переехал в Киев, где плодотворно работал еще в течение 24 лет: профессором Киевского политехнического института, организовал Зоомузей АН СССР и работал его директором.

Весной 1896 г. Кащенко исследовал Томскую палеолитическую стоянку в Лагерном саду города. Он не являлся археологом-профессионалом, но использовал великолепную по качеству научную методику археологических раскопок — стоянка была исследована широкой площадью. По мнению А. А. Спицына, подобная методическая тщательность исследования стоянки, не изобиловавшей ни количеством находок, ни мощностью культурных отложений, явилась определенным достижением отечественной археологии. Кащенко сделал ряд выводов в дальнейшем не подвергавшихся сомнению: по залеганию в одном комплексе костей мамонта и каменных изделий доказал бесспорное сосуществование человека и мамонта в низовьях Томи, а также то, что стоянка была кратковременным лагерем охотников на мамонта. На X Археологическом съезде в Риге (1896) выступил с докладом «К вопросу об одновременном существовании мамонта и человека» (Профессора Томского университета. Т. 1. 1996. С. 109–114; Матющенко, 2001. С. 37–38; Древности, 2005. С. 47).

Кибиров Ахмет Кибирович (1919–1956), киргизский археолог. Кандидат исторических наук (1949). Заведующий сектором истории ИЯЛИ КирФАН СССР, затем Сектором археологии и этнографии Института истории АН КирССР. В 1941 г. блестяще окончил исторический факультет Киргизского педагогического института и до 1944 г. работал педагогом в средней школе. В 1944 г. поступил в аспирантуру и специализировался под руководством А. Н. Бернштама по археологии Киргизии. С 1950 г. самостоятельно руководит археологическими экспедициями, обследуя труднодоступную Чаткальскую долину, долину Сусамыра. Под его руководством были подробно обследованы памятники в Иссык-Кульской котловине и в самых отдаленных районах Центрального Тянь-Шаня. В результате этих работ собраны ценные археологиче-

ские данные — с VIII в. до н. э. и до XII в. н. э. В 1950–1952 гг. участвовал в Памиро-Ферганской комплексной археолого-этнографической экспедиции; в 1953–1955 — в Киргизской экспедиции, руководил Тянь-Шаньским отрядом и произвел раскопки памятников кочевников и разновременных курганов на Тянь-Шане (А. К. Кирилов, 1956; Археологические экспедиции, 1962. С. 198).

Киселев Сергей Владимирович (1905–1962), выдающийся археолог и историк древнего мира, профессор кафедры археологии МГУ (с 1939), организатор науки, член-корреспондент АН СССР (с 1953), Лауреат Государственной премии (1949). С 1945 по 1951 г. — заместитель директора ИИМК АН СССР, с 1951 по 1962 г. — заведующий сектором неолита и бронзового века ИИМК — ИА АН СССР. В 1950–1954 гг. — Ученый секретарь Президиума АН СССР, с 1952 по 1962 г. — член бюро Отделения истории АН СССР. С 1949 г. являлся главным редактором журнала «Вестник древней истории».

Родился в с. Мытищи, в семье дорожного мастера. С 1915 г. обучался во 2-й Московской гимназии. В 1923 г. поступил в Московский университет на историко-археологическое отделение Факультета общественных наук. После окончания его в 1926 г. был рекомендован в аспирантуру Института археологии и искусствознания РАНИОН и далее совмещал обучение в аспирантуре с работой в ГИМ'е. В 1928 г. состоялась его первая поездка в Сибирь с целью изучения коллекций Минусинского музея и проведения разведок археологических памятников в бассейнах рек Тубы и Амыла и раскопок могильников разных эпох. Полученные в 1928 и 1929 г. материалы послужили основой, защищенной в 1930 г. кандидатской диссертации «Минусинский неометалл». В этом же году его зачислили в штат сектора археологии Института археологии и искусствознания, а в 1932 — в штат московского отделения ГАИМК.

Его полевые исследования продолжались ежегодно до начала Великой Отечественной войны и после ее окончания, охватывая все новые территории Южной Сибири и Центральной Азии и все новые периоды (от раннего бронзового века до позднего средневековья). Созданная ГАИМК в 1930 г. Саяно-Алтайская экспедиция работала до 1956 г. Бессменным заместителем и помощником его была Л. А. Евтюхова.

Опираясь на огромный фонд археологических источников, практически сформировавшийся к 1940-м гг., С. В. Киселев создает обобщающий труд «Древняя история Южной Сибири». В качестве докторской диссертации монография была защищена им в 1946 г., в 1947 г. труд был отмечен Ломоносовской, а в 1949 — Государственной премией.

В 1930-е гг. Киселев исследовал памятники у сел Усть-Тесь, Тесь, Кочергино, Усть-Ерба, Сыда и др., на острове Тагарском и на р. Уйбат. Объектами изучения были также наскальные изображения. В 1940 г. начаты раскопки дворцового комплекса Ли Лина, продолжившиеся в 1945–1946 гг.

В конце лета 1946 г. С. В. Киселев был в Туве с целью ознакомления с архивными документами и музейными материалами, чтобы определить маршрут будущих разведок; в 1947 г. вместе с Л. А. Евтюховой и Л. Р. Кызласовым проводит обширную разведку. В течение двух месяцев было открыто

множество памятников — городищ, курганов, оленных камней, каменных изваяний VII–IX вв., пещер, писаниц, стел с руническими надписями (Кызласов, 1969. С. 13).

Особое внимание в послевоенные годы С. В. уделяет вопросу о кочевом характере монгольского феодализма, представляет программу систематических исследований памятников Монголии (от бронзового века до эпохи Чингис-хана), прежде всего изучения средневековых городов. В 1948–1949 гг. Монгольская историко-этнографическая экспедиция АН СССР и Комитета наук МНР осуществила ширококомасштабные раскопки столицы уйгурского ханства IX в. в Хара-Балгасе, уйгурского города XI в. Хадасана и знаменитой столицы Чингис-хана и чингизидов Каракорума. Были открыты фортификационные сооружения, городские ворота, жилые кварталы, комплексы ремесленных мастерских и дворец Угедея в Каракоруме. Город, долгое время известный только по нарративным источникам, был окончательно идентифицирован, удалось воссоздать ряд моментов его истории. В 1954–1955 гг. Киселев предпринял раскопки знаменитого Большого Салбыкского кургана в Хакасии, оказавшегося полностью ограбленным в древности.

С. В. Киселев — автор 128 опубликованных работ (Киселев, 1929. С. 1–162; Киселев, 1935. С. 282–284; Киселев, 1951; Мерперт, 2000. С. 117–121; Матюшенко, 2001. С. 86–88, 143–146).

Клеменц Дмитрий Александрович (1848–1914), этнограф, археолог, публицист, революционер-народник. Родился в д. Горлиновка Самарской губ., в семье управляющего имением. В 1866 г. окончил гимназию и в 1867–1871 гг. обучался на математическом факультете Казанского университета, затем на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета, но не успел сдать государственные экзамены, так как активно занялся политической деятельностью. Он — один из инициаторов «хождения в народ», член организации «Земля и воля». В 1874 г. уехал за границу, участвовал в сербском национально-освободительном движении. В 1878 г. вернулся в Россию, в 1879 г. был арестован и, после двухлетнего заключения, приговорен к ссылке в Восточную Сибирь. С 1881 г. жил в Минусинске, начал заниматься научно-исследовательской деятельностью. Из Минусинска в 1886 г. переехал в Томск, а в начале 1890 г. — в Иркутск, где занял должность правителя дел Восточно-Сибирского отдела ИРГО и консерватора музея. Одновременно производил археологические раскопки в Южной Сибири.

Практически ежегодно Д. А. Клеменц совершал экспедиции: в Кузнецкий Алатау в 1883 г. вместе с А. В. Адриановым, в 1884 г. по поручению и на средства ЗСОИРГО — в верховья Абакана. В 1885 г. и в 1887 г. был в Урянхайском крае и занимался сбором этнографических и геологических коллекций. В 1888 г. по поручению ВСОИРГО посетил Ачинский и Канский округа Енисейской губ. Наряду со сбором различных коллекций с 1888 по 1890 г. занимался раскопками курганов: им зафиксированы и исследованы памятники по Черному Июсу, у д. Чебаки, в окрестностях Минусинска, на Тагарском ост-

рове, у д. Назарово, на Уйбате. Раскопки — первые на Среднем Енисее — были проведены на высоком методическом уровне.

С 1883 г. Клеменц активно включился в работу Минусинского музея и уже в 1886 г. им была издана книга «Древности Минусинского музея», в которой помимо каталога вещей, он предложил свой вариант классификации курганов Минусинской котловины, исполненной с учетом конструкций наземных сооружений. Предложенная им в 1884 г. программа археологического исследования Сибири, основанная на сравнительном изучении памятников Западной Сибири, Алтая, Минусинско-Ачинских степей и Забайкалья, не могла быть осуществлена в силу разных причин, но значение ее весьма велико, также как и его вклад в изучение петроглифов и каменных изваяний.

В 1891 г. Д. А. Клеменц приглашен в состав экспедиции, организованной Академией наук под руководством В. В. Радлова, направлявшейся в Монголию с целью исследовать развалины Каракорума и памятники письменности, открытые Н. М. Ядринцевым в 1889 г. в бассейне р. Орхон. Участники экспедиции посетили развалины многих памятников в Хангае, произвели раскопки, занимались фотографированием и снятием эстампажей с надписей. Затем Клеменцу было поручено отправиться на запад, чтобы установить связь археологических памятников Хангая и Минусинского края. Оценив опыт, знания и организаторский талант исследователя Академия наук поручила ему систематическое изучение памятников по всей Монголии, которое продолжалось с 1892 по 1896 г.

В конце 1893 г. в Якутии он организовал экспедицию на средства сибирского золотопромышленника и мецената А. М. Сибирякова. В ней приняли участие многие ссыльные, в том числе Феликс Кон, Богораз и др., а изначальная цель — исследование условий развития золотых приисков по Витиму и Олекме — вскоре отошла на второй план, уступив место изучению экономики, быта, языка и верований населения Якутии. В 1897 г. Клеменц возвращается в Сибирь и участвует в Забайкальской статистико-экономической экспедиции, изучая население Бурятии. На следующий год состоялась экспедиция в Восточный Туркестан. В представленном отчете он описал историю Турфанского округа, его природу, а также изученные древности, поскольку главной задачей являлись археологические исследования — Клеменцем были открыты древнейшие памятники письменности. Его экспедиции внесли огромный вклад в изучение географии, геологии, этнографии и археологии Центральной Азии. Д. А. Клеменц был членом-корреспондентом МАО, действительным членом Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (с 1892), членом Восточно-Сибирского отделения ИРГО.

В 1897 г. он переехал в Петербург, работал старшим этнографом МАЭ (до 1900), организовал и с 1902 по 1910 г. заведовал этнографическим отделением Русского музея, в 1910 г. вышел в отставку, поселился в Москве, где и скончался в 1914 г. (Вадецкая, 1973. С. 111–115; История востоковедения, 1997. С. 381, 383, 384, 388–391; Пигмалион музейного дела, 1998; Матющенко, 2001. Т. 1. С. 48–52; Длужневская, Лазаревская, 2009. С. 594–636).

Книпович Татьяна Николаевна (1895–1975), старший научный сотрудник ГЭ, доктор исторических наук, профессор ЛГУ и Академии художеств. Дочь известного ученого-зоолога, почетного академика Н. М. Книповича, Т. Н. выросла в семье близкой большевистским кругам. В их семье неоднократно бывали В. И. Ленин и Н. К. Крупская. Являлась слушательницей Высших женских курсов, затем студенткой Петроградского университета и избрала своей специальностью историю и искусство античного мира. В 1920 г. окончила университет и поступила работать в РАИМК, где в РАИМК–ГАИМК–ИИМК АН СССР и ЛОИА АН СССР работала до 1972 г. Трудовой путь начался с должности регистратора. Т. Н. Книпович принимала участие в раскопках Березани, Ольвии, боспорских городов, городищ и поселений на нижнем Дону. В 1943–1944 гг., будучи в эвакуации, работала в составе Фархадской экспедиции на раскопках городища Мунчак-тепе на левом берегу р. Сырдарья в 10 км от г. Беговата (Археологические экспедиции, 1962. С. 128; Капошина, 1967. С. 189–190).

Кожемяко Петр Никитич (1918–1973), киргизский археолог, кандидат исторических наук. Родился в с. Архангельск Казахской ССР. Украинец, из рабочих. В 1938 г. окончил Калининскую среднюю школу (Фрунзенская обл., КирССР) и поступил в САГУ на историко-филологический факультет, после завершения обучения в 1942 г. призван в Советскую Армию. Служил до апреля 1946 г. За боевые заслуги имеет ордена и медали. С июля 1946 г. и до конца 1959 работал мл. науч. сотрудником Сектора археологии и этнографии Института истории АН КирССР. Защитил кандидатскую диссертацию на тему «Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины» (1959). В 1960-е гг. заведовал названным Сектором.

В 1953–1956 гг. являлся сотрудником Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции (нач. А. П. Окладников), руководил Чуйским отрядом; в 1956 г. был ее начальником. В 1953–1954 гг. произвел всесторонние обследования городища Бурана, в том числе знаменитой башни (РА, ф. 35, оп. 3, д. 48; Археологические экспедиции, 1962. С. 198, 215).

Козлов Петр Кузьмич (1863–1935), знаменитый путешественник, географ, исследователь Центральной Азии и Монголии.

Родился в г. Духовщина Смоленской губ. Окончил Духовщинское городское училище (1883), военное пехотное училище в Петербурге (1888). В целом его военная карьера была достаточно удачной: он прошел путь от подпоручика до генерал-майора (1916).

В 1883–1885 гг. участвовал в четвертом путешествии Н. М. Пржевальского по Центральной Азии, в 1888 г. — в пятой экспедиции. Однако в самом начале путешествия у г. Каракола, Н. М. заболел и вскоре умер. Похоронили его, как он и просил, на берегу оз. Иссык-Куль. Прерванная экспедиция возобновилась осенью 1889 г. под руководством полковника М. В. Певцова. П. К. Козлов обследовал районы Восточного Туркестана. В 1891 г. по результатам этой экспедиции П. К. был награжден ИРГО серебряной медалью. В 1893–1895 гг. экспедицией руководил бывший старший по-

мощник Пржевальского — В. И. Роборовский. Они исследовали район горного хребта Нань-Шань и северо-восточный угол Тибета. Вместо заболевшего Роборовского Козлов успешно завершил это путешествие.

В 1899–1901 гг. П. К. Козлов совершил свое первое самостоятельное путешествие во главе Монголо-Тибетской экспедиции — через Монгольский Алтай, Центральную часть Гоби, впадину Цайдам, северо- и юго-восточный Тибет и обратно через Монголию и Кяхту. Были добыты материалы по орграфии, геологии, растительному и животному миру Тибета и о малоизвестных восточно-тибетских племенах. За эту экспедицию путешественник был награжден Константиновской медалью (1902). В 1907–1909 гг. Козлов отправился в свое пятое путешествие в Центральную Азию (Монголо-Сычуанская экспедиция) — из Кяхты на Ургу (совр. Улан-Батор), далее в среднюю и южную части Монголии, область Кукунора и северо-западную часть Сычуаня. В песках Гоби был открыт мертвый город Хара-Хото (XIII–XIV вв.), раскопки которого дали ценнейший материал — документы (библиотеку в 2000 книг) на «неизвестном» языке государства Си-Ся, оказавшегося тангутским языком. Находки позволили раскрыть многие стороны культуры и быта тангутов. Были обнаружены статуи, статуэтки, всевозможные культовые фигурки и более 300 изображений Будды на дереве, шелке, полотне и бумаге, переданные на хранение в музей императора Александра III и Академии наук. Результаты обследований были опубликованы в 1923 г. в книге «Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото». В 1911 г. Козлов получил золотые медали от английского и итальянского географических обществ.

Во время Первой Мировой войны он находился в Иркутске и занимался заготовкой скота для действующей армии. В декабре 1917 г. почетный член Российской АН, РГО и Природоохранительной комиссии, генерал-майор П. К. Козлов командирован в имение Аскания-Нова Таврической губ. в целях принятия мер к охране зоопарка и заповедного участка степи.

В 1923–1926 гг. была организована ставшая последней для П. К. Козлова Монголо-Тибетская экспедиция — обследованию были подвергнуты небольшая территория Северной Монголии и бассейн верхнего течения Селенги. В горах Ноин-Ула экспедиция открыла могильники хуннских шаньюев, давшие многочисленные предметы древней культуры, по которым можно восстановить экономику и быт хунну со II в. до н. э. по I в. н. э. Фотографии некоторых из них сохранились в фотоархиве ИИМК РАН.

До своей кончины Козлов жил в Ленинграде, Киеве, но больше всего в д. Стречно в 50 км от Старой Руссы. Умер от склероза сердца в санатории в Петергофе. Похоронен на Смоленском лютеранском кладбище.

П. К. Козлов — почетный член многих зарубежных обществ, Голландского географического общества (с 1896). Награжден премией им. П. А. Чихачева Парижской АН (1913). Его именем назван ледник на хребте Табын-Богдо-Ола в Монгольском Алтае (Российский гуманитарный энциклопедический словарь, II, 3-П. М. – СПб., 2002. С. 215–216).

Козырев А. А. — горный инженер. В течение ряда лет (1904–1905, 1908 г.) проводил раскопки курганов в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда. Рукопись отчета была представлена в ИАК (Белова, 2009. С. 87, 91, 102).

Козырева (Чубарова) Римма Васильевна (1928–1983), археолог, кандидат исторических наук. В ЛОИИМК – ЛОИА с 1953 г., в Секторе палеолита с 1956 г. Специалист по древним культурам Дальнего Востока. В 1954–1956 гг. руководила Сахалинским отрядом Дальневосточной экспедиции (нач. А. П. Окладников). Произведены разведки в южных и северных районах Сахалинской области и на Курилах, а также раскопки неолитического поселения Стародубское II в Долинском районе и Сусуйской стоянки в Корсаковском районе (Археологические экспедиции, 1962. С. 198).

Комаров Александр Виссарионович (1830–1904), генерал-от-инфантерии. По окончании в 1855 г. Академии Генерального штаба служил на Кавказе, занимая должности военного начальника южного Дагестана и начальника Кавказского военнопольного управления. В 1883 г. назначен начальником Закаспийской области. Крупной заслугой А. В. Комарова является фактическое присоединение к России, без кровопролития и сверхсметных расходов со стороны казны, Мервского, Тедженского, Серахского и Иолатанского оазисов. Площадь присоединенной территории составляет около 197000 кв. км. С производством в 1890 г. в генералы-от-инфантерии отчислен в запас. Действительный член РАО (с 1888).

А. В. Комаров собирал материалы по археологии, этнографии и другим отраслям знаний и передал обширные палеонтологическую и археологическую коллекции в Кавказский музей, около 3000 редких восточных монет — в Императорский Эрмитаж. Из трудов А. В. Комарова известны: «Народонаселение Дагестанской области» (Записки Кавказского Отделения ИРГО, кн. VIII, с этнографической картой), «Адаты (обычное право) дагестанских горцев и судопроизводство по ним», «История кюринских и казикумыкских ханов» и др. На V археологическом съезде в Тифлисе в 1881 г. был избран председателем (Брокгауз и Ефрон. Том XV а. 1895. С. 815–816; Сафиуллина, 1987. С. 22–24).

Комарова Мария Николаевна (1900–1986), археолог, супруга и постоянная участница экспедиций М. П. Грязнова с конца 1920-х гг., когда ими были проведены антропологические и этнографические исследования на Алтае. В 1952 г. Комарова, проделав огромную предварительную работу, ввела в научный оборот материалы Томского могильника, исследованного еще в конце XIX в. (Матющенко, 2001. С. 128).

Кон Феликс Яковлевич (1864–1941), польский политический ссыльный, с 1897 по 1904 г. пребывавший на поселении в г. Минусинске. По поручению Распорядительного комитета ВСОРГО совершил в 1901–1903 гг. экспедицию в Урянхайский край (ныне Республика Тыва). В Иркутском музее сохранилась этнографическая коллекция из Тувы, по-видимому, из г. Турана, пос. Салдам и др. Имеется фотоколлекция №7561 «Виды и типы Урянхайского края» (Станевич, 1989. С. 28–29; Минович, 1989. С. 29–31).

Кон-Винер (Cohn-Wiener) Эрнст (1882–1941), немецкий искусствовед, доцент кафедры истории искусств Гумбольдтского университета (Берлин), крупнейший специалист по истории стилей, фотограф-любитель. В 1933 г. эмигрировал из Германии в Англию, в 1934 — в Индию, в 1939 — в США, где читал лекции в Американском институте иранского искусства и археологии. В 1924 и 1925 г. совершил поездки в Советский Союз и посетил Туркестан (Самарканд, Анау и Мерв, Бухара, Узгенд). Финансировали эти экспедиции немецкие фонды и Министерства. В СССР ему оказали поддержку АН в Ленинграде, Наркомпрос в Москве и Туркомстарис в Ташкенте (Гирлихс, 2004. С. 249).

Кондратьев Сергей Александрович (1896–1970), монголовед-фольклорист, этнограф, археолог, путешественник, композитор, исследователь Монголии, участник Монголо-Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. под руководством П. К. Козлова. Член Союза композиторов СССР. Родился в Санкт-Петербурге в семье старшего астронома Пулковской обсерватории А. А. Кондратьева и К. С. Кондратьевой (сестра композитора, пианиста А. С. Аренского); детские и юношеские годы провел в Пулково. В 1914 г. окончил 10-ю Царскосельскую гимназию; затем 3 курса естественного отделения физико-математического факультета Петроградского университета. В 1916–1917 гг. обучался в Иркутском командном пехотном училище; в 1919–1921 гг. принимал участие в Гражданской войне. В 1921 г. переехал в Москву и поступил на индийское отделение Института востоковедения, в 1922 г. перевелся на 3 курс Петроградского института живых восточных языков, но не закончил его. В 1923–1925 г. был сотрудником Монголо-Тибетской экспедиции. Являлся начальником отряда, проводившего раскопки Ноин-улинских курганов. В общей сложности провел в Монголии 6 лет, поскольку в 1925–1930 гг. самостоятельно совершил ряд научно-исследовательских экспедиций (Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева (1896–1970), 2006).

Кривцова-Гракова Ольга Александровна (1895–1970), археолог, кандидат исторических наук (1941). Родилась в Одессе. В 1915 г. поступила на Бестужевские курсы в Петрограде, в 1920–1922 гг. училась на факультете общественных наук МГУ. С 1922 г. — научный, затем старший научный сотрудник ГИМ. В 1942–1943 гг. в эвакуации работала и.о. доцента МГУ; с 1944 по 1959 — в ГИМ и ст. научным сотрудником ИИМК АН СССР. Основные интересы: эпоха бронзы Среднего Поволжья и Западного Казахстана, проблемы смены культур и культурной преемственности, научная музеефикация археологических материалов. В 1929 г. совершила научную командировку в Тургайскую область; в 1948 г. руководила Казахстанской экспедицией (Институт археологии, 2000. С. 132–133).

Кузнецов Алексей Кириллович (1845–1928), сибирский краевед, директор Читинского музея (на 1900 г.). Родился в г. Херсоне в богатой купеческой семье. После окончания Московского коммерческого училища обучался в Петровской сельскохозяйственной и лесной академии. За участие в беспорядках по делу «нечаевцев» в январе 1870 г. был арестован, заточен в Петропавловскую крепость, а в 1871 г. осужден и приговорен к ссылке в каторжные

работы на 10 лет и вечному поселению в Сибири. После каторги, которую он отбывал с 1873 г. на Каре, в Забайкалье, получил разрешение поселиться в Нерчинске. Сначала работал на золотопромышленника Бутина, но затем ушел от него и открыл собственную фотографию. Ездил с фотоаппаратом по всему Забайкалью, уделяя особое внимание изучению истории края. Открыл 23 стоянки эпохи камня, в основном неолитических, собрал значительные археологические и этнографические коллекции, которые послужили основой, созданного им в Нерчинске краеведческого музея (1886). С его именем также связано создание музеев в Чите и Якутске. За услуги, «оказываемые им народолюбцам», его снова заключили в тюрьму на два года.

В 1899 г. он переехал в Читу и открыл «фотографию-передвижку, с которой ездил по Забайкалью, снимая все достойное внимания. За несколько лет им было выпущено одиннадцать фотографических альбомов»: по археологии, этнографии, истории строительства Забайкальской железной дороги, видам Нерчинской каторги, Нерчинска, Читы, мест, связанных с пребыванием декабристов в Забайкалье. В 1905 г. снова включился в революционное движение и был приговорен к смертной казни, от которой его спасло вмешательство Академии наук и ИРГО. Смертную казнь заменили десятилетней каторгой, которую он отбывал в Акатуе, а затем на поселении в Якутской области. Там А. К. Кузнецов создал третий в своей жизни — Якутский краеведческий музей.

В 1913 г. он вернулся в Читу, чтобы восстановить музей. За заслуги в музейном деле правительство Дальневосточной республики присвоило Читинскому музею его имя. Осенью 1923 г. А. К. Кузнецов принял участие в устройстве в Москве Всероссийской сельскохозяйственной выставки и был награжден дипломом признательности за научное руководство и собранные им этнографические коллекции. В 1926 г. в связи с тридцатилетием местного отдела Географического общества получил несколько наград, в том числе большую Золотую медаль РГО. В 1928 г. он уехал в Москву, где скончался в ноябре того же года и был похоронен на Новодевичьем кладбище (Морозов, 1953. С. 35–37; Матющенко, 2001. С. 41).

Кузнецов-(Красноярский) Иннокентий Петрович (1851–1916), историк, археолог, краевед, член ИАК. Уроженец Минусинского округа, из семьи золотопромышленников. Историко-археологическая деятельность исследователя подразделяется на два периода: первый, продолжавшийся до 1880-х гг., характеризуется исследованием курганов; второй — до 1915 г. — преимущественно разведками. Так, в 1884 г. по разрешению ИАК он произвел раскопки у с. Аскызского и в верховьях р. Немиры, где исследовал 14 могил карасукской культуры, могилу байновского этапа тагарской культуры, позднего железного века и XVIII в. Раскопки, по мнению А. В. Адрианова, были весьма неквалифицированными, хотя автор их сделал чертежи; раскапывая могилы, производил обмеры оград, земля в могилах снималась послойно и затем просеивалась. С нашей точки зрения, «неквалифицированным» подходом являлось то, что Кузнецов раскапывал только могилы, оставляя нетронутой площадь оград.

В 1889 г. И. П. Кузнецов представил классификацию курганов, исключительно тех, которые были раскопаны им самим, учитывая при этом вид наземных сооружений и устройство могил. Инвентарь был поделен на четыре группы: предметы медно-бронзового периода, бронзово-железного, тюркомонгольско-китайские и древнерусские, без соотнесения с курганными объектами, а в 1908 г. он издал каталог «Минусинские древности», в котором опубликовал материалы своего частного собрания.

Петроглифы разделены им на две большие группы: 1) рисунки эпохи бронзы и раннего железного века; 2) рисунки «новейшего» времени, принадлежащие современным народам Сибири.

Начиная с 1876 г. И. П. Кузнецов неоднократно посылал в дар ИАК археологические коллекции, выделял средства для публикаций, в частности «Древностей Минусинского музея», с коллективом которого был дружен. Он одним из первых стал собирать материалы для археологической карты. Для этого осенью 1884 и весной 1885 г. обследовал левый берег Абакана и его притоков рр. Аскиза, Еси, Теи, чаатас на р. Бее. Результатом этих обследований явились 12 акварелей и 6 планов могильников, выполненных художницей Станкевич, с аннотациями, позволяющими определить к какой культуре относятся изображенные объекты. В дальнейшем до 1903 г. раскопок он не производил. В 1909 г. отправляется в разведку по маршруту р. Уйбат, с. Батени, оз. Бира, с. Чебаки, ст. Фарпос, далее к Ужуру и севернее его. Он описывает встречающиеся по пути курганы, их местонахождение, упоминает каменных баб и городище у Батанкова улуса. В этом году он раскопал два тагарских кургана. Отчеты и вещи были отправлены в ИАК (РА. Ф. 1, 1907 г., д. 24). В 1911–1915 гг. он обследовал левобережную степь Минусинской котловины (Вадецкая, 1973. С. 125–129; Матющенко, 2001. С. 46–47).

Кузнецов Степан (Стефан) Кирович (1854–1913), археолог, этнограф, профессор Томского университета, Московского археологического института (с 1907), член Восточного комитета МАО, член Вятской ученой архивной комиссии, действительный член Казанского общества археологии, истории и этнографии, член-сотрудник РГО, Финно-угорского общества в Гельсингфорсе, действительный член Парижского географического общества.

Родился в слободе Ильинской около г. Малмыжа Вятской губ. После окончания Казанского университета (1877) начал преподавательскую и научную деятельность в должности приват-доцента древних языков. С 1876 г. — член Русского Географического общества, в 1885–1902 гг. — библиотекарь Томского университета. В 1880-е гг. производил раскопки в Вятской губ. в урочище «Атамановы кости»; вместе с А. В. Адриановым и самостоятельно исследовал Томский могильник, могилы которого датируются от эпохи неолита до позднего средневековья. В 1891 г. Кузнецов работал на Лысой горе, при слиянии рек Яи и Золотого Катата. Здесь он раскопал «жертвенные места», обнаружив многочисленные предметы из железа, бронзы, золота и серебра с зооморфными сюжетами (ОАК за 1891 г. С. 108). В 1896 г. произвел раскопки могильника I тыс. н. э. Архиерейская заимка в окрестностях Томска. Несомненно, что он был одним из крупнейших археологов и этнографов своего времени.

вершенство методики полевых исследований привело к утрате привязки материалов к могильным комплексам (ОАК за 1896 г.). Он изучал также курганы у с. Вороново, Казанские юрты и Чернильщиково. В целом, методика его раскопок была невысокой. В 1903 г. вышел в отставку и поселился в Москве, с 1907 г. — профессор Московского археологического института. Умер в г. Малмыже (Выдающиеся исследователи Кировской области, 1973. С. 8–10; Матющенко, 2001. С. 58–59).

Кун Александр Людвигович (1840–1888), востоковед-иранист, тюрколог, историк и этнограф Средней Азии. Его отец был уроженцем Пруссии, по профессии учитель, а мать — тавризмская армянка. В 14 лет он осиротел и после окончания в 1860 г. Ставропольской гимназии «по милосердию добрых людей» поступил на факультет восточных языков Петербургского университета. В 1865 г. окончил курс по арабско-персидско-турецкому разряду со степенью кандидата и по настоянию профессора В. В. Григорьева поступил на службу в канцелярию Оренбургского генерал-губернатора, позже перешел на службу в Туркестан чиновником особых поручений при генерал-губернаторе для этнографических и статистических исследований и составления проекта устройства учебного дела в крае. В 1869 г. по заданию генерал-губернатора К. П. Кауфмана исследовал развалины древних памятников между г. Казалинском и Ташкентом. В ИАК им представлены рукописи «Объяснение к оттискам с попитра для корана, находящегося в медресе Биби-ханым в Самарканде» и «Опись изразцам, взятым с развалин древних зданий г. Самарканда».

А. Л. Кун, в основном, занимался сбором различных памятников, документов и книг, которые затем отсылал в музеи, библиотеки и научные общества России. Он участвовал в военных походах: Искандер-кульском, Хивинском 1873 г. и Кокандском 1876 г. Кроме того, Кун считался большим любителем и знатоком редких восточных книг и ковров. В 1874 г. командирован делегатом на Международный съезд ориенталистов в Лондоне и избран членом-корреспондентом Института живых восточных языков в Париже.

С 1876 по 1882 г. А. Л. Кун занимал должность главного и первого в истории Туркестанского края инспектора училищ. Действительный член РАО (с 1876). Проработав в Туркестане 13 лет, в 1882 г. переехал в Вильно и служил помощником попечителя учебного округа до самой своей кончины, последовавшей в 1888 г. в возрасте 48 лет. А. Л. Кун своей многогранной деятельностью положил начало полевому историко-этнографическому обследованию Средней Азии, привлек внимание многих исследователей к этому краю, собрал ценнейшие материалы, а также сохранил для науки материалы архивов хивинских и кокандских ханов (Маслова, 1962; Белова, 2009. С. 16).

Кызласов Леонид Романович (1924–2007), археолог, востоковед, специализировавшийся по истории и этнографии Сибири, Средней и Центральной Азии. Заслуженный профессор МГУ.

Родился в Синявино республики Хакасия. Отец был репрессирован. В 1940 г. школьником принимал участие в раскопках В. П. Левашовой, слушал лекции С. В. Киселева. В июне 1941 г. окончил среднюю школу и поступил на

историко-филологический факультет Томского университета. В 1942 г. — курсант танкового училища — механик-водитель Т-34, в 1943–1945 гг. сражался на Украинских фронтах. Имеет ордена и медали ВОВ.

В 1945 г. вернулся в университет и в 1949 г. защитил диплом с отличием «Алтай в V–X вв.»; в 1953 г. — кандидатскую диссертацию «Таштыкская эпоха (I в. до н.э. — V в. н.э.) в истории Хакасско-Минусинской котловины». Докторскую диссертацию «История Тувы в средние века» Л. Р. Кызласов защитил в 1966 г.

В 1953–1955 г. работал в Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции. В 1947 г. в составе экспедиции С. В. Киселева и Л. А. Евтюховой участвовал в разведке в Тувинской АО. В 1950 г. была организована Хакасско-Тувинская экспедиция МГУ, которой Л. Р. Кызласов руководил до 1991 г.

Л. Р. Кызласов — лауреат Государственной премии (1985), Гос. премии республики Хакасия им. Н. Ф. Катанова. Заслуженный деятель науки Тувинской АССР (1991) и республики Хакасия (1994).

Л. Р. Кызласов — член различных советов и редколлегий, участник многих Международных конгрессов, археологических, региональных и т. п. конференций. Список научных трудов включает более 300 работ. Он член Финно-Угорского общества (Хельсинки, 1983), член-корреспондент Германского Археологического института (Берлин, 1984). Хакасский национальный краеведческий музей теперь носит имя Л. Р. Кызласова.

Кытманов Александр Игнатьевич (1858–1910), краевед, историк, почвовед, ботаник, общественный деятель, заведующий Енисейским музеем, а также — купец 1-й гильдии. Окончил Санкт-Петербургский университет, в 1881 г. получил степень кандидата естественных наук. В 1888 г. включился в организацию Енисейского краеведческого музея. В течение 20 лет был распорядителем, а затем зав. музеем. Долгие годы интенсивно изучал Енисейскую губернию по многим научным направлениям. В 1898 г. получил Открытый лист на раскопки в Енисейском округе и представил в ИАК отчет о раскопках в с. Чадобском (Белова, 2009. С. 59).

Латынин Борис Александрович (1899–1967), археолог и этнограф; исследователь культур народов Кавказа, Средней Азии, Поволжья. Родился в Ташкенте, в семье потомственного дворянина. Окончил реальное училище (1917). В 1918–1920 гг. участвовал в Гражданской войне. В 1923 г. закончил Петроградский университет по Археологическому отделению факультета общественных наук. С 1926 г. обучался в аспирантуре, специализируясь по истории материальной культуры и яфетидологии. В 1929 г. защитил работу на тему «Родовое общество эпохи бронзы степной и лесостепной полосы Восточной Европы». Он участвовал в археологических экспедициях: в 1926–1927 гг. в Нагорный Карабах и Нахичеванскую АССР (нач. И. И. Мещанинов и А. А. Миллер); в 1930, 1933–1934 гг. была организована Ферганская экспедиция, начальником которой стал Б. А. Латынин. С 1929 г. работал ст. научным сотрудником в ГАИМК; с 1932 — являлся ученым секретарем Комитета

по работам ГАИМК на новостройках, в 1934 — зам. зав. сектором полевых исследований, с 1935 — зав. Бюро экспедиционных исследований ГАИМК. С 1930 по 1935 г. параллельно работал ст. научным сотрудником сектора докласового общества в Гос. Эрмитаже.

Арестован 10 марта 1935 г., уволен из ГАИМК «как чуждый и антиобщественный элемент». По решению Особого совещания Б. А. Латынин был выслан на три года в г. Куйбышев (Самару), где работал в Краевой комиссии по охране исторических памятников. В 1935 г. провел раскопки Барбашинского могильника на территории Самары. Им было вскрыто 62 погребения с богатым сопроводительным инвентарем, оставленным мордовским населением и датированным второй половиной XIII – XIV вв. н. э.

В 1936 г. вновь арестован и сослан на Колыму, где пробыл до 1946 г. После ему было разрешено поселиться в Сызрани и устроиться на работу в краеведческий музей. В 1948 г. Б. А. Латынин защитил кандидатскую диссертацию. В 1953 г. он вернулся в Ленинград, в 1962 — защитил докторскую диссертацию и до конца жизни работал в Государственном Эрмитаже (Люди и судьбы, 2003. С. 234–234; Археологические памятники на территории города Самары, 2005. С. 25; Судьба ученого, 2000).

Левашова Варвара Павловна (1901–1974), археолог. Родилась и воспитывалась в семье протоиерея в Вятке. В 1920-е гг. обучалась на археологическом отделении 1-го МГУ. В 1926–1929 гг. проводила исследования в Омском Прииртышье. Работая в Омском краеведческом музее, Левашова организовала планомерный учет и изучение археологических памятников региона: составление картотеки памятников и раскопки некоторых из них, в частности, могильников Коконовка, Саргатка, Надеждино, Изылбаш и городищ Битые горки, Калмаковское, Вознесенское, а также небольшие раскопки Омской стоянки — с мощным культурным слоем и материалами от эпохи неолита до средневековья.

В 1930 г. она начинает работать в Минусинском музее и ведет раскопки и обследование памятников близ улуса Красный Яр, Подкунинский, у д. Быстрой, Капчальского рудника, у с. Копены, Перевозное, на Думной горе и в других местах (курганы и склепы андроновского, карасукского, тагарского, таштыкского и кыргызского периодов). Однако материалы оставались неопубликованными, за исключением популярной брошюры по археологии Минусинской котловины (Матющенко, 2001. Т. 1. С. 90–92).

Лерх Петр Иванович (1828–1884), курдолог, историк, филолог, исследователь каменного века, протоколист-переводчик при Канцелярии Комитета правления Академии наук. В 1850 г. окончил восточный разряд историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета. Участник миссии полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару в 1858 г. В 1860 г. был избран членом-корреспондентом Русского археологического общества, с 1862 — действительный член РАО; в 1861 — исполнял обязанности библиотекаря общества, с 1862 г. — секретарь отделения западной и классической археологии. В 1865 г. ИАК командировала Лерха в северные губернии с целью

сбора каменных орудий, а также исследования следов переселений, различных периодов быта древних народов и определения топографического распределения памятников (РА. Ф. 1, оп. 1, 1865 г., д. 15. Л. 4об.). Во время поездки он осмотрел также «чуждые» городища, произвел небольшие раскопки на одном из них и в окрестностях Елабуги исследовал часть Ананьинского могильника. В 1867 г., также по заданию ИАК, совершил археологическую поездку в Туркестанский край с целью раскопок в Джанкенте. Параллельно РАО поручило П. И. Лерху осмотреть низовья р. Сырдарьи на предмет выявления археологических памятников. Результатом поездки стало обнаружение развалин крепостей, древних кладбищ и восточных монет. В 1869 г. он принимал участие в IV конгрессе доисторической археологии в Копенгагене. П. И. Лерх работал протоколистом в Академии наук, помощником библиотекаря и библиотекарем Петербургского университета, с 1873 — секретарем Археологической комиссии. Тяжело заболев в 1877 г., Лерх не смог более продолжать научные занятия. Последние годы он жил в Германии, где и скончался в начале сентября 1884 г.

Являясь одним из первых в русской науке специалистом-курдологом, в 1856–1858 гг. П. И. Лерх опубликовал три тома «Исследований об иранских курдах и их предках северных халдеях» (СПб.) и в 1873 г. монографию «Хива или Хорезм» на нем. языке (SPb.) (Лерх, 1870; История востоковедения, 1997. С. 217–222 и др; Тизенгаузен и Веселовский, 1898. С. 57–66; Тихонов, 2003. С. 34–37; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 51; Длужневская, Кирчо, 2009. С. 786; Белова, 2009. С. 15).

Липский Альберт Николаевич (Липпский; он же — Куренков Георгий Дмитриевич) (1890–1973), этнограф и археолог. Специалист по этнографии народов Дальнего Востока и археологии Южной Сибири. Родился в г. Тертедь Могилевской губ., в дворянской семье. В 1912–1914 гг. учился на естественном факультете Петербургского психо-неврологического института; в 1914–1915 гг. — студент Московского археологического института. В конце 1915 г. призван в армию и направлен в военное училище. Участник Первой Мировой войны.

В 1914–1916 гг. принимал участие в этнографических экспедициях на Алтае и в Монголии, в 1917–1918 гг. — в Олгон-Горинской экспедиции В. К. Арсеньева к эвенкам.

Участник Гражданской войны — в составе партизанских отрядов Павлова, Шевчука и Тропинина в 1918–1919 гг. воевал с «белыми» на Амуре. В 1920–1921 гг. возглавлял Хабаровский краеведческий музей. С октября 1921 г. назначен представителем Министерства национальных дел ДВР по делам туземных народностей Амура и Приморья. До 1924 г. читал курс истории Амурского края на кафедре народоведения в Читинском институте народного образования и Дальневосточном университете. С 1930 г. — сотрудник аппарата ОГПУ по Дальневосточному краю. В 1935 г. отчислен из органов с последующим трудоустройством — работал в Лен. части Института этнографии, возглавлял экспедиции в Приамурье. Арестован 21 августа 1938 г. в Хабаровске и в декабре 1939 г. осужден на 5 лет ИТЛ. Срок отбывал в Суражевском лагере Амурской области. После освобождения в 1943 г. уехал в Абакан и ра-

ботал директором Хакасского краеведческого музея, затем — его сотрудником-археологом. Постановлением Дальневосточного военного трибунала от 24 октября 1955 г. полностью реабилитирован.

В 1955 г. в Красноярской экспедиции руководил Абаканским отрядом, проводившим разведки по левому берегу Енисея от д. Усть-Ерба до г. Абакана (Археологические экспедиции, 1962. С. 211; Люди и судьбы, 2003. С. 237–238; Матющенко, 2001. С. 118).

Литвинский Борис Анатольевич (1923–2010), археолог, историк, востоковед. Доктор исторических наук (1970), академик АН ТаджССР (1985), академик РАЕН. Профессор (1972). Окончил в Ташкенте кафедру археологии Среднеазиатского университета. Участвовал в ВОВ — дошел до Берлина. Орденосец.

В 1950 г. защитил кандидатскую диссертацию, читал лекции в университете и участвовал в экспедициях в Узбекистане и Туркменистане, в частности, в 1946–1956 гг. в Согдийско-Таджикской экспедиции. В 1951 г. переехал в Душанбе, где в Институте истории АН Таджикистана организовал Сектор археологии, который возглавлял до 1971 г. Являлся начальником Южно-Таджикской археологической экспедиции и проводил раскопки во многих районах Таджикистана. Наиболее значительные раскопки с 1960 по 1975 г. в Аджина-тепе — исследования буддийского монастыря.

С 1971 г. работал в Москве, в Институте востоковедения. Автор около 500 научных работ — монографий, сборников, статей и заметок на различных языках. Читал лекции в университетах и музеях США, Англии, Франции, Германии и Италии. Иностраный член-корреспондент Германского археологического института и итальянского Института Африки и Азии. В 2002 г. ему присуждена премия Р. Гиршмана, в 2006 г. Президиумом РАН — премия им. С. Ф. Ольденбурга (Давидович и Литвинский, 1955; Археологические экспедиции, 1962. С. 153).

Лопатин Иннокентий Александрович (1839–1909), горный инженер, золотопромышленник, коллекционер. Родился в Красноярске, в семье бывшего губернского секретаря, вышедшего к этому времени в отставку и имевшего несколько золотых приисков, что позволило ему дать образование сыновьям. И. А. Лопатин обучался в Петербургском Институте корпуса горных инженеров. Через два года после завершения обучения был назначен чиновником особых поручений при горном отделении Главного управления Восточной Сибири. Он проводил исследования на Дальнем Востоке, в Приморье, на Сахалине, в Забайкалье, низовьях Енисея, открыл многие месторождения и неоднократно удостоивался правительственных наград. В 28 лет по здоровью ушел в отставку.

Археологией геолог Лопатин увлекся еще будучи в экспедиции на Дальнем Востоке: ему принадлежит первое описание археологических памятников этого края. В Туруханской экспедиции собрал коллекцию древних окаменелостей. Лопатин получал от ИАК Открытые листы и, начиная с 1871 г., на свои средства производил раскопки в долине р. Абакана и в окрестностях Мину-

синска. Принимал деятельное участие в организации и пополнении коллекций Минусинского музея, с директором которого Н. М. Мартьяновым состоял в дружеских отношениях.

Во время поездки по Ангаре открыл неолитическую стоянку у с. Чадобец. Ряд археологических находок он собрал при строительстве Обь-Енисейского канала и в 1890-е гг. передал их в Музей Томского университета. В Эрмитаже хранится богатейшая коллекция, собранная им как из купленных вещей, так и в результате небольших собственных раскопок в устье Абакана, у с. Кавказского на р. Тубе. Эту коллекцию он не хотел продавать, а предлагал выставить ее на несколько лет в Историческом музее; проценты с суммы, получаемой за ее демонстрацию, отправлять на раскопки курганов близ Минусинска.

По совету врачей в 1885 г. уехал на родину матери — в Пензу, но каждое лето возвращался в Красноярск и часто бывал в Минусинске. В 1909 г. снова сильно простудился и скончался в Красноярске. После его кончины сестра Анна передала коллекцию в Археологическую комиссию, которая и направила ее на хранение в Эрмитаж (Вадецкая, 1973. С. 133–134; Матющенко, 2001. С. 40, 59; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 187; Белова, 2009. С. 16, 17).

Лукин Борис Владимирович (1906–2001), историк, археолог. Родился в Женеве, в семье юриста. В 1922 г. окончил в Ростове-на-Дону Археологический институт. Кандидат исторических наук (1956), тема диссертации «Из истории русского востоковедения и археологии (Туркестанский кружок любителей археологии 1895–1917)»; доктор исторических наук (1967). Ст. научный сотрудник (1961), профессор (1970). Сотрудник Донского общества археологии, истории, Северо-Кавказского краевого общества археологии и этнографии (1925–1941). Научный сотрудник Института истории и археологии АН УзССР (с 1953). Служил в Советской Армии (1941–1953), участник Великой Отечественной войны (1941–1942) (Милибанд, 1995).

Максимова Анна Георгиевна (1923–2002), казахстанский археолог. Родилась в г. Сталинске (ныне Новокузнецк) Кемеровской области. В 1942–1946 гг. обучалась в МГУ на отделении археологии исторического факультета. В годы ВОВ, будучи студенткой, работала в команде противовоздушной обороны Москвы. В 1946 г. успешно защитила диплом на тему «Томский могильник». После окончания университета была приглашена Президентом АН КазССР на работу в ИИАЭ АН КазССР и 10 августа 1946 г. зачислена на должность зав. Отделом палеолита. Впервые разработала периодизацию истории и хронологическую классификацию памятников культуры племен эпохи бронзы Восточного Казахстана. Эту работу она защитила в качестве кандидатской диссертации. Она один из основных составителей и ведущих авторов двух основополагающих трудов — «Археологическая карта Казахстана» и I тома «Истории Казахской ССР». Начиная с 1947 г., А. Г. Максимова руководила отрядами во многих экспедициях, работавших в Казахстане — Восточно-казахстанской, Центрально-Казахстанской, Павлодарской, Южноказахстанской и была начальником Чардаринской экспедиции (1960–1961 гг.) и

Шульбинской археологической экспедиции АН КазССР (1977, 1980, 1982 г.). В 1957 г. ею были открыты петроглифы Тамгалы (Байпаков, Самашев, Ермолова. 2003. С. 286–288).

Мамеев Степан Николаевич (1859–1939), штабс-капитан, краевед, библиограф, зав. библиотекой и архивом Тобольского губернского музея. В 1890 г. провел раскопки в пределах Тобольской губ. и представил в ИАК краткое описание обследованных памятников (Белова, 2009. С. 33).

Мандельштам Анатолий Максимилианович (1920–1983), археолог и востоковед, исследователь Средней и Центральной Азии, доктор исторических наук (1973).

Родился в Воронеже, в семье медиков. В 1941 г. окончил исторический факультет ЛГУ и затем работал в Республиканском музее Таджикистана. В 1942–1946 гг. служил в Советской Армии. После демобилизации, в 1948–1951 гг., обучался в аспирантуре ЛОИИМК АН СССР под руководством А. Ю. Якубовского. А. М. Мандельштам защитил кандидатскую диссертацию на тему «Сложение таджикской народности в Среднеазиатском междуречье». В 1951–1956 гг. работал в Институте истории АН ТаджССР, с 1956 г. — в ЛОИИМК – ЛОИА АН СССР.

В 1955–1962 гг. он провел систематические исследования крупных могильников скотоводов эпохи бронзы и кочевых племен античного времени на юге Таджикистана и в Туркмении. Эти памятники вскоре были опубликованы в виде отдельных монографий (1966, 1968 и 1975 г.). К 1973 г. А. М. Мандельштам осуществил исследования культуры кочевых племен в Северной Бактрии во II–I вв. до н. э. в дальнейшем сыгравших определяющую роль в создании Кушанского государства. На основе интерпретации результатов собственных исследований и привлечения данных письменных источников им была защищена докторская диссертация на тему «История скотоводческих племен и ранних кочевников на юге Средней Азии» (1973). А. М. Мандельштам проводил полевые исследования в Поволжье, Северном Прикаспии и с 1965 г. — в Туве. Им были исследованы памятники эпохи бронзы, скифского и гунно-сарматского времени на могильнике Аймырлыг. На могильнике Бай-Даг были получены важные данные для характеристики культуры населения гунно-сарматского периода. К сожалению, большая часть их осталась неопубликованной.

Научная деятельность А. М. Мандельштама продолжалась немногим более 30 лет. Им опубликовано более 100 печатных работ по разным вопросам археологии и древней истории Средней и Центральной Азии. Скончался скоропостижно в Ленинграде 8 сентября 1983 г. (Беленицкий, Заднепровский, 1984. С. 315; Семенов, Алекшин, Горбунова, 2001. С. 319–322).

Маргулан Алькей Хаканович (1904–1985), крупный советский ученый — археолог, востоковед, историк, литературовед, искусствовед. Доктор филологических наук (1945), академик АН КазССР (1958), профессор (1960), заслуженный деятель науки КазССР (1961), основоположник казахстанской школы археологии и этнографии. Орденоносец.

Родился в ауле на территории Баянаульского района Павлодарской области. В 1936–1938 гг. работал научным сотрудником Института истории материальной культуры АН СССР в Ленинграде; в 1939–1946 гг. — ст. науч. сотрудник, зав. сектором Института истории КазФАН СССР; 1946–1985 гг. — зав. сектором, зав. отделом, ст. науч. сотрудник Института истории, археологии и этнографии АН Казахстана. Организатор Центрально-Казахстанской археологической экспедиции, работавшей с 1946 по 1974 г. А. Х. Маргулан изучал памятники древней архитектуры, открыл уникальные археологические памятники эпохи бронзы и раннего железа.

Мартьянов Николай Михайлович (1844–1904), натуралист, ботаник, краевед, создатель Минусинского местного публичного музея (ныне Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова), почетный гражданин Минусинска. Систематического образования не получил и, сдав в Петербурге экзамен на звание провизора при медико-хирургической академии (1865), а также закончив курсы провизоров при Московском университете (1872), уехал в Минусинск, где некоторое время служил аптекарем. В 1877 г. открыл краеведческий музей, в котором археология и этнография были представлены в антропологическом отделе и вскоре получили широкую известность, как в России, так и за рубежом. Как директор музея (с 1877 по 1904 г.) получал от Археологической комиссии право на производство раскопок, но сам раскопок не производил. Член-сотрудник РАО (с 1881). Совершил ряд ботанических экспедиций: четыре в 1883 г. (по правому берегу Енисея), в 1900 г. (по Кузнецкому Алатау и на оз. Шира), в 1906 г. (на Саянские горы, в верховья р. Аскыз). Отмечал встречавшиеся ему археологические памятники, особенно много их было обнаружено в 1883 г., в т. ч. по левому берегу Енисея — от с. Знаменки до с. Новоселова. Являлся членом Общества естествоиспытателей при Казанском университете, ИРГО, ИРАО, Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Финского археологического общества (Вадецкая, 1973. С. 110–111; Матющенко, 2001. С. 30–31).

Массон Вадим Михайлович (1929–2010), крупнейший исследователь древних культур и цивилизаций Центральной Азии. Доктор исторических наук. Заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки и техники Туркменской ССР, академик РАЕН, АН Туркменистана и НАН Кыргызстана, академик Датской Королевской академии наук и литературы. Профессор. Член-корреспондент Германского археологического института и Института Среднего и Дальнего Востока (ныне Институт Африки и Востока, Рим, Италия), почетный член Королевского Общества древностей (Лондон, Великобритания) и Института фракологии (Румыния). Лауреат Государственной премии Туркменской ССР; премии Махтумкули; был награжден орденами Таджикистана и Кыргызстана.

Родился в Самарканде, в семье М. Е. Массона. В 1946–1950 гг. обучался на отделении археологии исторического факультета Среднеазиатского университета (Ташкент) и проходил полевую практику в составе Южно-

Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Продолжил обучение в аспирантуре ЛОИИМК АН СССР под руководством известного востоковеда М. М. Дьяконова. В 1954 г. В. М. Массон стал сотрудником Сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИИМК и руководителем Каракумского отряда, позднее преобразованного в экспедицию. В 1954–1956 гг. исследовал памятники эпохи поздней бронзы — раннего железа в древней Маргиане. В 1955–1963 гг. исследования были продолжены на Джейтуне, в Геоксюрском оазисе и Кара-депе. В начале 1960-х гг. В. М. Массоном были выявлены основные этапы развития памятников и культур южной части Центральной Азии, которые являются основой периодизации древностей до настоящего времени.

Масштабные многолетние исследования (1965–1986) протогородского центра Алтын-депе увенчались открытием цивилизации эпохи бронзы Туркмении. Второй проект, разрабатывавшийся в 1972–1986 гг., — изучение Зар-Тепе и других памятников на юге Узбекистана — был связан с проблемой кушанской цивилизации.

Бурное развитие археологических работ в Средней Азии в 1960–1980-х г. во многом было обусловлено деятельностью В. М. Массона — его методическим и научно-организационным руководством, организацией серии научных изданий и конференций, а также изданием ряда сводных публикаций по археологии древней Средней Азии. Список научных трудов исследователя насчитывает более 600 работ.

В 1981 г. В. М. Массон возглавил ЛОИА АН СССР и с новой интенсивностью продолжил изыскания на Алтын-депе, Джейтуне и Ингынлы-депе. В 1991 г., благодаря, в основном, усилиям В. М. Массона, ЛОИА АН СССР было преобразовано в самостоятельный Институт истории материальной культуры РАН, во главе которого он работал до 1998 г. Долгие годы В. М. преподавал во многих университетах СССР, России и зарубежных стран, им подготовлены сотни специалистов (Кирчо, 2010. С. 234–236).

Массон Михаил Евгеньевич (1897–1986), выдающийся археолог, доктор археологии, историк-востоковед, действительный член АН ТуркмССР, Заслуженный деятель науки УзССР и ТуркмССР.

Родился в Петербурге, в семье топографа-землемера. Учился в самаркандской мужской гимназии, где проявился его интерес к историческому прошлому Самарканда. По окончании гимназии с золотой медалью в 1916 г. М. Е. Массон стал студентом Санкт-Петербургского политехнического института. Первая мировая война прервала обучение, и, пройдя ускоренный курс Михайловского артиллерийского училища, он был направлен на фронт и вернулся в Самарканд в 1918 г. В 1918–1923 гг. начинает свою полевую деятельность, обследует городище Афрасиаб. С 1919 г. М. Е. Массон заведовал Самаркандским областным музеем, а в 1923 г. переехал в Ташкент и начал работать в Главном Среднеазиатском музее, где возглавлял археологический и нумизматический отделы. В 1924 г. по представлению академика С. Ф. Ольденбурга избран членом-корреспондентом Центрального бюро крае-

ведения (Москва). Все это время сотрудничал с Туркестанским Комитетом по делам музеев и охране памятников старины (Туркомстарис, Средазкомстарис, Узкомстарис).

В 1936–1939 гг. возглавлял созданную по его инициативе Термезскую археологическую экспедицию, а затем Кешскую археолого-топографическую экспедицию для изучения Карши, Китаба, Шахрисябза и ряда других населенных пунктов.

В 1936 г. по представлению академиков И. Ю. Крачковского, И. А. Орбели и проф. А. Ю. Якубовского ему была присуждена ученая степень доктора археологии без защиты диссертации, в 1940 г. — звание профессора. Впоследствии он был избран действительным членом АН Туркменской ССР (1951) и удостоен почетных званий Заслуженного деятеля науки УзССР (1949) и ТуркмССР (1950), награжден орденами Знак Почета и Трудового Красного Знамени.

Сотрудник и руководитель различных научных учреждений Самарканда и Ташкента (1918–1936). Зав. археологическим сектором Узкомстариса и УзФАН СССР (1932–1942). Научный сотрудник ИИМК АН СССР (1942–1945). Бессменный руководитель ЮТАКЭ (с 1946) и других экспедиций. Зав. кафедрой археологии Исторического факультета САГУ (с 1936), которую он возглавлял почти 30 лет. Научный редактор серии «Трудов ЮТАКЭ», «Трудов» САГУ и ТашГУ. В общей сложности М. Е. Массон принимал участие более чем в 80 полевых маршрутах и стационарных исследованиях на территории Средней Азии. Автор 400 научных публикаций (Милибанд, 1995; «Он никогда никому не сделал зла...», 2006. С. 46; Лунин, 1999. С. 207–210).

Мерперт Николай Яковлевич (1922 г. рожд.), археолог, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (1996), член-корр. Германского археологического института, лауреат Гос. премии РФ (1999), ветеран Великой Отечественной войны, главный научный сотрудник ИА РАН. Родился в Москве, в семье служащих. Сразу после окончания школы был призван в армию и с началом войны оказался на фронте. В 1941 г. он был четырежды ранен и в марте 1942 г. уволен из армии. Увлечение историей, археологией, искусством привело его в 1943 г. на исторический факультет МГУ. Студенческие годы в военной Москве, лекции и занятия на квартире проф. В. А. Городцова. В студенческие годы Н. Я. увлекался античностью, классической археологией. В декабре 1945 г. он окончил с отличием университет и поступил в аспирантуру ИИМК АН СССР. В 1949 г. был принят на работу в ИИМК и с тех пор трудится в стенах института. Кандидатская диссертация написана на тему «Верхнее Салтово» и успешно защищена в 1950 г. Предметом его докторской темы стало исследование памятников древнейшей культурно-исторической общности (1968).

Многообразна полевая деятельность Н. Я. Мерперта. Первое «археологическое крещение» он получил в 1936 г. как школьник-кружковец при ГИМ'е в экспедиции Б. А. Рыбакова. В годы учебы был на раскопках славянских курганов в Подмоскowie и скифских памятников в Никополе; участвовал в советско-болгарской экспедиции (1961–1974 гг.), советской экспедиции в Ираке

(1969–1980 гг.), Нубийской (1961–1963 гг.) и Монгольской (1948–1949 гг.). В результате опубликован ряд монографий по этим проблемам. В целом, им опубликовано более 350 научных трудов.

Много времени и сил исследователь уделял и уделяет подготовке молодых специалистов, читал курс лекций в МГУ (1966–1971 гг.). Н. Я. Мерперт является видным организатором науки, с 1956 по 1961 г. был ученым секретарем, в 1973–1989 гг. — заведующим сектором неолита и бронзы ИА АН СССР. Заслуги Н. Я. Мерперта отмечены правительственными наградами и почетными званиями: в Болгарии он награжден Орденом Кирилла и Мефодия I-ой степени, член-корреспондент Института всеобщей и сравнительной истории в ФРГ, в Англии — редактор-консультант журнала «Antiquity» (Качалова, Васильев, 1983. С. 3–6; Мунчаев, 2002. С. 176–181).

Минко Николай Кириллович (1880–1918), чиновник особых поручений при Переселенческом управлении, археолог, нумизмат. Действительный член УОЛЕ. Родился в семье болгарина, принимавшего участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Гимназическое образование получил в Феодосии и Одессе. В 1899 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, одновременно слушал лекции в Археологическом институте. В 1903 г. после окончания университета приехал в Челябинск и был определен на службу в Переселенческий пункт. Занимал должности чиновника по особым поручениям и заведующего движением переселенцев по европейской России и Западной Сибири. В 1906–1910 гг. произвел раскопки в окрестностях Челябинска. Из найденных 800 курганов примерно 110 было раскопано им на собственные средства. Наиболее интересные результаты дали раскопки Синеглазовских курганов (в районе пос. Исаково) и курганного могильника на 11-й версте Миасского тракта. Публикация результатов раскопок привлекла внимание ИАК, которая предложила Н. К. Минко продолжить работы. Он исследовал памятники в 1906–1909 гг., присылал в ИАК отчеты, описание и фотографии вещей. В связи с болезнью (тиф, а затем туберкулез) в 1913 г. он прервал исследования для лечения в Давосе (Швейцария). В 1914 г. вернулся в Челябинск, но уже в начале августа в качестве уполномоченного Красного Креста уехал на фронт. Последнее письмо с известием, что он возвращается в Челябинск, пришло из Румынии, однако в Челябинск он так и не вернулся (Игнатъева, Крыласова, Белавин, 2009. С. 656; Белова, 2009. С. 95, 98, 106).

Минцлов Сергей Рудольфович (1870–1933), русский писатель, автор ряда исторических романов, библиограф, участник нескольких археологических экспедиций. Окончил Александровское военное училище и Нижегородский археологический институт. В 1914 г. как чиновник Главного управления земледелия и землеустройства был направлен в Урянхайский край для ревизии деятельности заведующего устройством русского населения В. К. Габаева под видом археолога. Габаев поощрял раскопки русских переселенцев в Туве и приобретал добытые ими древности, якобы для будущего местного музея. Всю собранную таким образом коллекцию он «в знак искренней признательности, презентовал г. ревизору». С. Р. Минцлов во время своих поездок по Ту-

ве произвел «аналогичные исследования», то есть грабительские раскопки курганов. Курганы раскапывались шурфами, без какой-либо графической фиксации и дневниковых записей. А. В. Адрианов назвал раскопочную деятельность С. Р. Минцлова «ученым хулиганством» (Дэвлет, 2004. С. 53). С 1916 г. жил за границей (Сербия, Латвия).

В фотоархиве сохранились снимки из его поездки (ФА, отп. Q 635) (Минцлов, б/г; Минцлов, 1916. С. 293–301; Кызласов Л. Р., 1969. С. 11, 178; Длужневская, Семенов Вл. А., 1989. С. 43–45).

Мостиц Александр Павлович (1857–1896), кяхтинский краевед, учитель. В семинарские годы прошел полевую школу у И. Т. Савенкова на Афонтовой горе; работал также с А. С. Еленевым — преподавателем Красноярской учительской семинарии, начавшим в 1885 г. обследование енисейских пещер. С 1886 г. участвовал в работах в забайкальском Тарбагатае; в 1889 г. занимался сбором древних вещей, коллекция которых была передана в Археологический институт в Петербурге. С 1895 г. работал в Кяхте. Годом раньше опубликовал первую научную работу, посвященную археологическим находкам в окрестностях Усть-Кяхты. А. П. Мостиц участвовал в работе научного кружка, на базе которого в 1894 г. было создано Троицко-Савско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела ИРГО (ТКОРГО), а затем и краеведческий музей. Руководство ТКОРГО поручило Мостицу организовать к первому заседанию (23 ноября 1894 г.) выставку находок и сделать доклад, которые имели немалый успех и общественный резонанс в Кяхте. В дальнейшем он проводит поиски памятников каменного века — по Селенге и Чикою: было открыто более 20 стоянок и множество могильников и составлены первые в истории забайкальской археологии карты. В 1895 г. обнаружил писаницу Усть-Темник. В 1887–1896 гг. впервые сделал вывод о наличии в Забайкалье «трех различных культур – каменной, бронзовой и железной» и предложил первую классификацию. В 1896 г. через Троицко-Кяхтинское отделение Приамурского отд. ИРГО он получил Открытый лист и прислал в ИАК отчет «Археологические исследования каменного века в долине р. Чикоя» (Белова, 2009. С. 54).

Митусова Раиса Павловна (1894–?), сотрудник РАИМК. Поступила в Петроградский университет в 1913 г., специализировалась по антропологии и этнографии. Работала научным сотрудником в Центральном Географическом музее, где в 1921 г. обрабатывала материалы С. И. Руденко, привезенные из Киргизии. В 1921 же году являлась научным сотрудником РАИМК, занимаясь этнографией башкир и антропологией киргизов. В 1925 г. совершила поездку в Обско-Газовский район (РА. Ф. 2, оп. 3, д. 437).

Наливкина Мария Арсеньевна (1904 – после 1983), археолог-античник, мл. науч. сотрудник. В ГАИМК – ИИМК – ЛОИА с 1935 по 1966 (?) г. В 1943–1944 гг., во время эвакуации, работала в Фархадской экспедиции на раскопках городища Мунчак-тепе на левом берегу р. Сырдарья в 10 км от г. Беговата (Археологические экспедиции, 1962. С. 128).

Негматов Нуман Негматович (1927–2011), таджикский историк, археолог. Окончил Душанбинский университет в 1948 г. В 1948–1953 гг. учился в аспирантуре в ЛОИИМК АН СССР у проф. А. Ю. Якубовского. Кандидатскую диссертацию «Уструшана в VII–X веках» защитил в 1953 г., докторскую — в 1969 г. Профессор (с 1972). Член-корреспондент АН ТаджССР (1978), академик АН Таджикистана (1994). Работал в Институте истории, археологии и этнографии им. Ахмади Дониша АН ТаджССР (с 1953 по 1999 г.), был директором Гиссарского историко-культурного заповедника Минкультуры Таджикистана (1990–1993). В 1954–1956 гг. руководил работой Ходжентского отряда Согдийско-Таджикской экспедиции, провел разведки в Ленинабаде и прилегающих районах, обследовал Ленинабадскую крепость. При раскопках на городище Шахристан в 1965–1975 гг. обнаружил дворцово-культовые комплексы с богатыми росписями и более 200-ми фрагментами обугленного резного дерева (Археологические экспедиции, 1962. С. 153).

Никитин В. П. — и.о. делами секретаря Семипалатинского статкомитета. В 1894 и 1898 г. получал Открытые листы на раскопки в Семипалатинской обл. и присылал в Комиссию дневник, опись и фотографии находок, а также рукопись «Краткое описание памятников древности Семипалатинской области» (Белова, 2009. С. 46, 60).

Оболдуева Татьяна Григорьевна (1908–1995), археолог, кандидат исторических наук. Старейший исследователь древностей Средней Азии, в частности, памятников Ферганской долины.

Родилась в Тюмени, в семье политического ссыльного, врача-бактериолога. В 1927 г. поступила на этнологический факультет 1-го МГУ. С 1928 по 1931 г. училась на восточном факультете САГУ. В 1931 г. переехала в Ленинград, работала временным сотрудником ГАИМК, библиотекарем ЛГУ, с февраля 1932 — научным сотрудником 2-го разряда в Секторе доклассового общества Отделения раннего феодализма Эрмитажа. В 1933 и 1934 г. принимала участие в работах археологической экспедиции, созданной Б. А. Латыниным (разведки и раскопки городища Эйлатан, тепе Кугай, могильника Исфара). В 1935 г., после ареста Б. А. Латынина, ее уволили из Эрмитажа, и она в течение двух лет работала ст. научным сотрудником в Ходжентском краеведческом музее, с 1937 — научным сотрудником Узбекистанского комитета по охране памятников материальной культуры, с 1940 по 1942 — в Институте языка, истории и литературы УзФАН СССР.

В 1937 г. Т. Г. Оболдуева участвовала в раскопках могильника Джун у г. Янгиюль в Ташкентской области, в 1939 и 1940 г. — в работах на строительстве Большого и Северного Ферганского канала, являвшихся, по существу, первым опытом археологического надзора при больших строительных работах. Ею открыта культура ферганских земледельцев эпохи бронзы, названная впоследствии чустской.

С 1944 г. работала в Институте археологии в Киеве, в 1950–1952 гг. — в Керченском государственном краеведческом музее. В 1952 г. Т. Г. переехала в Москву и работала в редакционно-издательском отделе ИИМК АН СССР,

с 1955 — ответственным секретарем редколлегии КСИИМК – КСИА. Одновременно как сотрудник сектора скифо-сарматской археологии возглавляла раскопки на городище Эйлатан. В 1963 г. Т. Г. Оболдуева ушла на пенсию, но продолжала участвовать как в работах ИА АН СССР, так и в экспедиционных исследованиях Ферганской археологической экспедиции Эрмитажа и Ферганского областного краеведческого музея.

Умерла Т. Г. Оболдуева в 1995 г. в Москве (Брыкина, 2000. С. 181–183).

Окладников Алексей Павлович (1908–1981), выдающийся археолог, историк и этнограф, академик АН СССР (1968), Герой Социалистического Труда (1978). Лауреат Сталинской и Государственной премий (1950, 1973). Заслуженный деятель науки Якутской АССР (1956), РСФСР (1957), Бурятской АССР (1968). Иностраннный член Монгольской АН (1974) и Венгерской АН (1976), член-корреспондент Британской Академии (1973). Руководитель многочисленных археологических экспедиций на Дальнем Востоке, в Прибайкалье, Забайкалье (с 1932), Монголии (1949, 1960–1968). Автор большого количества работ по истории первобытной культуры, палеолитическому и неолитическому изобразительному искусству, истории Сибири, Дальнего Востока, Монголии, Средней Азии.

В 1938–1961 гг. работал в Ленинграде, в ИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР. С 1961 г. — зав. Отделом гуманитарных исследований Института экономики СО АН СССР. С 1962 г. — профессор и заведующий кафедрой истории Новосибирского гос. университета. Директор института истории, филологии и философии СО АН СССР (с 1966).

В 1930-е гг. А. П. Окладников разработал культурно-хронологическую шкалу истории Прибайкалья эпохи неолита и бронзового века; открыл стоянку Буреть — комплекс раннего этапа позднего палеолита Сибири. В 1938 г. в Узбекистане открыл и исследовал стоянку в гроте Тешик-Таш с уникальным погребением неандертальца (Окладников, 1937; 1938; 1939; 1940; 1941; 1950; Алексеев, Гурвич, 1982. С. 168–172; Борисковский, 1982. С. 291–296; Матющенко, 2001. Т. 1. С. 77–78).

Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934), член АИМК, востоковед, индолог, академик Петербургской АН (с 1901), академик АН СССР. Непременный секретарь Императорской АН–АН СССР (1904–1929), директор Института востоковедения АН СССР (1930–1934). В РАИМК заведовал разрядом археологии и искусства Индии и Дальнего Востока. Участник научных экспедиций в Синьцзян (1909–1910, 1914–1915). Принимал активное участие в либерально-демократическом движении, с мая 1917 г. — член ЦК КДП; с 24 июля по 1 сентября 1917 г. — Министр просвещения, затем член Временного совета республики и Товарищ председателя комиссии по национальным делам (Академик С. Ф. Ольденбург, 1934).

Оразбаев Абдулманан Ледеуович (1922–1997), первый профессиональный археолог Казахстана, исследователь памятников эпохи бронзы Северного, Восточного и Центрального Казахстана. Кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Казахского Гос. университета. В 1956 г. был на-

чальником раннекочевнического отряда в составе Восточноказахстанской экспедиции (нач. экспедиции С. С. Черников) (Археологические экспедиции, 1962. С. 162).

Оссовский Готфрид Осипович (1835–1897), русско-польский геолог и археолог, член антропологической комиссии Краковской академии наук, член Томского общества естествоиспытателей и врачей. Первоначально обучался в житомирской гимназии, дальнейшим образованием обязан лично себе. С 1860 г. начал исследования на Волыни, где им открыты местонахождения высококачественной глины и новая горная порода «вольнит». В Трудах III Археологического съезда в Киеве опубликованы его статьи «О каменном материале, из которого построены древнейшие памятники Киева» и «О каменном веке в Овручском и Дубенском уездах». В 1879 г. был вызван антропологической комиссией Краковской академии наук для изучения пещер близ Кракова. В Трудах Академии поместил ряд статей по антропологии и археологии края. В I томе IV Археологического съезда напечатана его работа «Опыт хронологической классификации находок каменного века в Центральной и Восточной Европе». С 1892 г. Г. О. Оссовский занимался исследованиями по геологии и археологии Сибири. При финансовой поддержке ИАК по Открытому листу, полученному в 1894 г., изучал Михайловские курганы в Томской губ., в 1895 г. — исследовал курганы в Мариинском окр. Томской губ., в 1896 г. — провел раскопки в Мариинском и Кузнецком округах Томской губ. В ИАК поступали отчеты, описи, рисунки и фотографии находок (Длужневская, Лазаревская, 2009. С. 621–622; Белова, 2009. С. 46, 50).

Остроумов Николай Петрович (1846–1930), востоковед, исламовед, писатель.

Родился в Тамбовской губернии в дворянской семье. Окончил Тамбовскую семинарию и в 1870 г. — Казанскую духовную академию, где занимался под руководством проф. Н. И. Ильминского. Наряду с восточными языками (персидский, арабский, татарский, узбекский и др.) изучал французский и немецкий, знал греческий и латынь. Сразу по окончании академии занял кафедру противомусульманских предметов и преподавал татарский язык, в 1871 г. утвержден в степени магистра. В 1876 г. от Казанской Духовной академии был назначен делегатом на IV Археологический съезд, в подготовке которого принимал активное участие, но присутствию на съезде помешало его назначение на должность инспектора народных училищ Туркестанского края (1877); с 1879 — директор Туркестанской учительской семинарии, с 1883 — директор Ташкентской мужской гимназии. Состоял вице-президентом Туркестанского кружка любителей археологии (ТКЛА) и с 1893 — редактором «Туркестанской туземной газеты». Действительный член РАО (с 1886), с 1903 г. являлся почетным членом Русского археологического института в Константинополе. Главнейшими из его многочисленных сочинений являются труды по тюркским языкам, исламу, этнографии населения Туркестанского края, всего его перу принадлежит более 300 работ по различным проблемам изучения Востока. В 1885–1886 гг. при помощи местного жителя Саттара-ана Остроумов перевел

Евангелие на язык сартов (узбеков), перевод опубликован в Лейпциге в 1891 г. В 1910–1914 гг. вышли основные работы по исламоведению: «Аравия, колыбель ислама», «Коран», «Догматы Корана», «Шариат», «Введение в курс исламоведения».

Представитель «казанской школы» востоковедения, Остроумов на протяжении 50 лет (с 1877 г.) занимался изучением Туркестанского края. В 1887 г. при финансировании ИАК он провел обследование местности и памятников по дороге от Ташкента к Чимкенту и в их окрестностях, представил отчет с планами погребений, фотографиями и рисунками находок. В 1893 г. Остроумов обследовал древнюю крепость по р. Арысь, в ИАК помимо описания раскопок и рисунков находок, поступил список найденных монет. В 1898 г. начал раскопки в с. Троицком в 20 верстах от Ташкента, но вскоре вынужден был их приостановить (Брокгауз и Ефрон. Т. XXII. 1897. С. 358; История востоковедения, 1995. С. 39–40; Белова, 2009. С. 24, 43, 60).

Пампелли Рафаэль (1837–1923), американский геолог, географ, путешественник и писатель, профессор Института Карнеги в Вашингтоне. В 1904 г. на основе Открытого листа, выданного ИАК В. В. Бартольд, Р. Пампелли провел раскопки в пределах Закаспийской и Самаркандской обл. — на Гяур-Кала (цитадели древнего Мерва) и в Анау, а также получил разрешение отправить в Цюрих для исследования антропологические материалы и кости животных, а обнаруженную керамику в Америку для издания. В Комиссию представлены отчет о раскопках курганов близ Анау и Байрам-Али (Туркмения), опись и фотографии находок. Вместе с ним работал Губерт Шмидт, до того участвовавший в раскопках Г. Шлимана. Открытый лист был получен Пампелли и в 1905 г., но иных сведений об этом не имеется. В 1905 г. был избран президентом Геологического Общества Америки (Длужневская, Кирчо, 2009. С. 806–807; Белова, 2009. С. 88, 91).

Паничкина Мария Захаровна (1904–1977), археолог, кандидат исторических наук (1950). В 1937–1946 гг. работала в Секторе палеолита и неолита ЛОИИМК, позже перешла на работу в Гос. Эрмитаж, где с 1955 по 1960 г. возглавляла Отдел истории первобытной культуры. Во время эвакуации в Ташкент, в 1943–1944 гг. работала в Фархадской экспедиции под руководством В. Ф. Гайдукевича. В 1943 г. вместе с С. Н. Замятниным осуществила поездку в Таджикистан (Борисковский, Любин, 1979. С. 318–319).

Пантусов Николай Николаевич (1849–1909), востоковед. В 1871–1872 гг. работал на кафедре истории Востока ФВЯ. В 1872 г. был направлен в Туркестан, где впоследствии служил чиновником особых поручений при военном губернаторе Семиреченской области. С 1884 по 1903 г. Н. Н. Пантусов осуществил ряд поездок и археологических раскопок, собирал и отсылал древности в музей Петербурга. С 1886 г. — член-сотрудник РАО. С 1903 г. — член-корреспондент РКИСВА.

В 1885–1892 гг. Н. Н. Пантусов осуществил многочисленные археологические исследования в Семиреченской обл.: несторианских кладбищ близ Пишпека и Токмака, курганов в Чуйской долине, близ г. Верного и по

р. Большой Алматинке, близ г. Копала, башни Бурана, а в 1892 г. вместе с А. М. Фетисовым — обследования в Верненском уезде Семиреченской области. В ИАК присылал отчеты, планы изученных памятников, фотографии, рисунки раскопок и находок, эстампажи надписей и наскальных рисунков. Почти каждый год ИАК оказывала исследователю финансовую поддержку.

В 1898–1899 гг. Н. Н. Пантусов совершил поездку по Семиреченской области и прислал в ИАК свои фотографии мавзолеев в Кульдже, снимки могил Чокана Валиханова близ Кунякузской станции Копальского уезда и Танека Дюсетова близ г. Копала, ряда других сооружений и наскальных изображений. В г. Сергиополе Пантусов сфотографировал каменных «баб». Он проводил работы и в 1901 г.: в Пржевальском уезде, близ Нарынского укрепления, и позже — до 1907 г. (Длужневская, Кирчо, 2009. С. 783–813; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 191; Белова, 2009. С. 21, 26, 30, 33 и др.).

Патканов Серафим Керопович — крупный этнограф, великолепный знаток и собиратель обско-угорского фольклора. По поручению ИАК во время служебных разъездов по Тобольскому округу занимался исследованием памятников древности на казенных и общественных землях. В 1888 г. провел раскопки и представил в ИАК необходимую документацию (Белова, 2009. С. 26).

Пелль Александр Николаевич (1874 – ?) — капитан 1-го ранга крейсера Сибирской флотилии «Орел». В 1894 г. окончил Морской корпус. Осенью 1915 г. и весной 1916 г. обследовал древности Уссурийска вместе с А. З. Федоровым и В. К. Арсеньевым. В 1916 г. получил через Приамурский отдел ИРГО Открытый лист на раскопки в пределах Приамурского края (Белова, 2009. С. 137).

Петри Бернгард Эдуардович (1884–1937), профессор этнологии Иркутского университета, член-корреспондент Английского антропологического общества, действительный член Американского антропологического общества, сотрудник ГАИМК.

Родился в Берне (Швейцария), в 1887 г. семья вернулась в Россию, но мальчик до 12 лет оставался в Италии. По возвращении в Петербург учился в частной гимназии К. Мая. После смерти отца в 1899 г. опекуном Б. Э. Петри стал В. В. Радлов, академик, директор МАЭ. Мать — Е. Л. Петри, вдова Э. Ю. Петри, поступила на службу в МАЭ и впоследствии заняла должность заведующей Отделом Океании. В 1910 г. Б. Э. Петри окончил отделение географии естественного факультета Петербургского университета и поступил на службу в МАЭ, где работал с 1910 по 1917 г., сначала в качестве нештатного, а затем мл. этнографа и заведующего Отделом Австралии и Океании. За годы работы в МАЭ исследователь предпринял три долговременные экспедиции в Прибайкалье — в 1912, 1913 и 1916 г. — все они финансировались Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии (РКИСВА). Экспедиции являлись комплексными: производились антропологические измерения, были собраны этнографические материалы, записаны легенды, предания, родословные бурят, для музея закуплены этнографические экспонаты. Кроме того, Б. Э. Петри провел ряд археологических разведок и раскопок. Так, в 1912 г. на

оз. Байкал он открыл неолитическую стоянку Улан-Хада. С 1918 г. жизнь и научная деятельность ученого связаны с Иркутском. В 1918 г. там открылся первый в Восточной Сибири университет. Б. Э. Петри с женой, уроженкой Иркутска, выехал в далекий сибирский город, где на историко-филологическом факультете была основана кафедра истории первобытной культуры. Здесь Б. Э. Петри работал приват-доцентом, затем был избран профессором, читал лекции и вел семинары по этнографии коренных народов Сибири. При кафедре он основал кабинет археологии и этнографии с библиотекой и музеем и кружок, председателями и участниками которого в свое время являлись студенты-ученики Петри П. П. Хороших и А. П. Окладников, а также Г. Ф. Дебец и М. М. Герасимов. Статьи и заметки студентов публиковались в журналах «Краеведение», выпусках «Этнографического бюллетеня ВСОРГО», сборниках «Сибирская живая старина», причем публикации были основаны на собственных полевых исследованиях авторов.

Еще в 1923 г. при университете был создан Биолого-географический научно-исследовательский институт с этнологической подсекцией, где велись исследования по археологии и этнографии региона. Сам Б. Э. Петри в 1923 г. провел длительные четырехмесячные полевые исследования. Годом раньше возродилась деятельность Восточно-Сибирского отдела РГО, и созданной этнологической секцией был поставлен руководить профессор Б. Э. Петри. Через год в ней насчитывалось 225 человек, в том числе Г. П. Сосновский, М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец. В 1924 г. ее преобразовали в палеоэтнологическую: были продолжены комплексные исследования по археологии, антропологии и этнографии, а при Президиуме ВЦИК был образован Комитет содействия народностям северных окраин Сибири (Комитет Севера); работа этнографов-сибиреведов приобрела более практический характер. Теперь поездки были связаны с оказанием помощи народам, получившим статус «малых», с организацией культбаз, охотничьих хозяйств и др. Это потребовало разработки новых программ, включавших, в том числе, медицинско-санитарное обследование населения, изучение экономического состояния хозяйств и методики полевых этнографических исследований.

В 1925 г. Б. Э. Петри провел экспедицию к тофаларам, в 1926 — к окинским сойотам, в 1928 и 1929 — работал у тутуро-очеульских эвенков в верховьях Лены и ее притоков, в 1930 — у витимо-олекминских эвенков. Во всех экспедициях он чувствовал свою личную ответственность за дальнейшую судьбу исследуемых народов, стараясь своими рекомендациями не нанести вред, не изменить насильно привычный образ жизни, а, в конечном счете, их культуру. В 1934 и 1936 г. Б. Э. Петри провел археологическое обследование р. Ангары на участке от истока до Иркутска и разведочные раскопки на р. Кудя (приток Ангары, в 70 км от Иркутска).

К 1930 г. Иркутский университет был закрыт, многие исследователи уехали работать в иные ВУЗ'ы. Б. Э. Петри остался в Иркутске и к моменту ареста в мае 1937 г. работал научным сотрудником Восточносибирского облисполкома. Он проходил одновременно по двум делам — «немецких спе-

циалистов» в Иркутске и «панмонголистов» в Улан-Удэ. Петри был обвинен как агент германской и английской разведок, участник немецко-японской, фашистской, диверсионно-разведывательной и противотроцкистской организации и еще по ряду столь же абсурдных обвинений. Согласно Постановлению НКВД СССР от 14 ноября 1937 г. он был расстрелян 25 ноября. В 1959 г. посмертно реабилитирован (Константинов, 1992. С. 31–34; Матюшенко, 2001. Т. 1. С. 71–72; Сирина, 2002. С. 57–80; Люди и судьбы, 2003. С. 297–299; Белова, 2009. С. 126).

Петровский Н. П., заведующей ирригацией Самаркандской области, фотограф-любитель в Самарканде в 1890-х–1904 гг. По мнению современников, в искусстве фотографии превзошел всех других. Некоторые его работы — материалы по среднеазиатской ирригации и хлопководству, снимки горных проходов к истокам Зеравшана — имеют научное значение. Им были исполнены значительные серии стереоскопических снимков (на стекле и на бумаге) и диапозитивов (Якубовский Ю., 1904).

Пигнатти Василий Николаевич (1877–1920), адвокат по профессии, консерватор Тобольского губернского музея, библиотекарь и краевед; губернский комиссар в 1918–1919 гг. Как сотрудник музея организовал несколько научных экспедиций и провел раскопки Кучумова городища на месте исчезнувшего города Искера. Получал Открытые листы от ИАК, но раскопки кургана в окрестностях д. Беркульской Кугаевской вол. произвел только в 1916 г. Представил в ИАК опись и фотографии находок (Белова, 2009. С. 138).

Плахов А. П. — чиновник особых поручений при степном губернаторе, член Западно-Сибирского отдела ИРГО. В 1893 г. получил Открытый лист на раскопки в пределах Омского округа. По завершении их представил в ИАК рисунки находок и раскопок, план и рисунок местности, текст доклада, опубликованного в «Записках» ИРГО. В 1894 г. организовал при Отделе «Археологическую комиссию» (Белова, 2009. С. 43).

Попов Иван Васильевич (1874–1945), художник. Положил начало якутской живописи в традициях русской реалистической школы. В 1910 г. раскопки в Якутском округе не проводил, но прислал в ИАК сведения о древних вещах, открытки с видами вещей, фотографию и опись находок (Белова, 2009. С. 111).

Потанин Григорий Николаевич (1835–1920), знаменитый путешественник, географ, этнограф, исследователь Сибири и Монголии. В 1863–1899 гг. (с перерывами) совершил ряд экспедиций: на оз. Зайсан, в горы Тарбагатай, Монголию, Урянхайский край, Северный Китай, Тибет, на Большой Хинган; совместно с М. В. Певцовым открыл котловину Больших Озер.

Родился в станице Ямышевской Акмолинской обл., в семье хорунжего Сибирского казачьего полка. Закончил Омский кадетский корпус, получил назначение в Семипалатинск, в казачий полк. В 1853 г. из Семипалатинска отправился в Копал, далее прошел к р. Или и достиг подножий Алтая. Весной того же года перешел на р. Алма-Ату, принял участие в постройке первых зданий будущего г. Верного, совершил поход на р. Чу. В конце года совершил поездку в Кульджу. Вернувшись из Тянь-Шаня отправился на Ал-

тай, в станицы Бийской линии. После знакомства с П. П. Семеновым, убедившего молодого казачьего офицера в необходимости университетского обучения, вышел в отставку и направился в Петербург, устроившись охранником каравана, везшего золото.

В университет поступил в 24 года и за три года прослушал весь университетский курс: из-за студенческих волнений университет закрыли. Семенов рекомендовал его в астрономическую экспедицию К. В. Струве, которая отправлялась на оз. Зайсан и в Тарбагатайские горы. В экспедиции он собирал гербарий, записывал киргизские песни, легенды, пословицы. В 1865 г. был назначен секретарем губернского статистического комитета, жил в Томске, работал преподавателем естественной истории в гимназии. Здесь он занялся политикой, был арестован, через три года был приговорен к пяти годам каторги, которую отбывал в арестантских ротах в крепости Свеаборг. Помилован в 1874 г.

В 1876 г. Потанин руководил экспедицией РГО из пограничного Зайсана через Монгольский Алтай в Кобдо — в северо-западную Монголию. Были открыты новые хребты, нанесены на карту горы, озера и т. д. В 1877 г. через пустыню Гоби отправился к г. Баркулю, посетили Хами, озеро Косогол и из Кобдо вернулись на Русский Алтай — в Кош-Агач. В 1879 г. началась вторая экспедиция, имевшая целью изучение центральной части Монголии. В 1883 г. результаты поездок были опубликованы ИРГО в «Очерках северо-западной Монголии». В 1884 г. следующая экспедиция — в Ганьсу; 1885 г. был посвящен изучению Тибета; возвращались в Россию в 1886 г. через Нань-Шань и Центральную Монголию. Богатство собранных результатов побудило ИРГО организовать еще одну экспедицию — для продолжения изучения восточной окраины Тибета.

После возвращения супруги поселились в Иркутске, затем переехали в Петербург. Экспедиция в восточные окраины Тибета и провинцию Сычуань началась в Кяхте осенью 1892 г. Во время этой экспедиции скончалась жена Потанина, постоянный участник всех путешествий. Последняя экспедиция состоялась в 1899 г.: была исследована область хребта Большой Хинган между Маньчжурией и Монголией. Умер Г. Н. Потанин в Томске, в возрасте 85 лет (Обручев, 1947; Сибирская старина, 1995; Тишкина, 2010. С. 72–74).

Потанов А. А. — археолог. В 1929–1930 гг. начальник Пскентской экспедиции, организованной Ташкентским музеем при участии М. В. Воеводского и в 1934 г. — сотрудник Хорезмской экспедиции (нач. М. В. Воеводский) (Археологические экспедиции, 1962. С. 63, 90).

Потанов Леонид Павлович (1905–2000), этнограф, доктор исторических наук, профессор. Один из виднейших специалистов по этнографии и истории культуры народов Сибири. Родился в Барнауле, в семье служащего. В детстве выучил алтайский язык. Закончил курсы лекарственных растений, решив стать ботаником, получил удостоверение инструктора по сбору растений и отправился в экспедицию по Алтаю. В 1922 г. А. В. Анохин, который работал тогда школьным учителем краеведения, зачислил Потапова в экспедицию Академии

наук. Здесь и началась его исследовательская работа в качестве этнографа. В 1924 г. поступил на этнографическое отделение Географического института, а в 1928 г. — в ЛГУ, где учился под руководством Л. Я. Штернберга, В. Г. Богораз-Тана и тюрколога А. Н. Самойловича. После окончания университета был направлен в Узбекскую ССР. В 1930 г. поступил в аспирантуру Академии наук и после ее завершения работал в Этнографическом отделе Русского музея (ныне РЭМ); с 1933 по 1943 г. — зав. Отделом Сибири, позже зам. директора музея по научной части. Кандидатскую диссертацию по теме «Пережитки первобытнообщинного строя у народов Алтая» защитил в 1939 г. С 1943 г. работал в ЛО ИЭ АН СССР. В 1946 г. за монографию «Алтайцы» ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук и звание профессора. Заслуженный деятель науки РСФСР (1965) и Тувинской АССР. Лауреат Государственной премии за книгу «Очерки истории алтайцев» (1951). Зам. директора ЛО ИЭ (1948–1967), затем директор института. В этой должности он проработал более 20 лет. Начальник Саяно-Алтайской – Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии (1952–1966), исследования которой завершились изданием трех томов «Трудов ТКАЭЭ». Награжден орденами и медалями СССР (Леонид Павлович Потапов, 1995; Милибанд, 1995).

Поярко́в Фео́дор Влади́мирович (1851–1910), врач Пишпекского лазарета, антрополог, археолог-любитель, этнограф. Выпускник Медицинского факультета Московского университета начал военную службу врачом в Семиречье. Во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. сражался за освобождение Болгарии. После Кульджи и Токмака переехал в Пишпек и жил там до 1900 г., где сошелся с ботаником А. М. Фетисовым и фельдшером В. М. Фрунзе, отцом полководца М. В. Фрунзе.

Ф. В. Поярко́в был поражен количеством археологических памятников в Чуйской долине и Прииссыккулье. Под Токмаком он обнаружил несторианское кладбище с надгробными эпитафиями, открыл ряд каменных изваяний и собрал антропологическую коллекцию из древних курганов в окрестностях Иссык-Куля. Одна из первых поездок была совершена им в 1887 г. по берегам оз. Иссык-Куль и Токмакскому у., где он нашел более 100 каменных изваяний. В 1889 г. получил Открытый лист на раскопки в Токмакском у. Семиреченской обл.; в 1897 г. ИАК выделила ему на раскопки в окрестностях с. Лебединки Токмакского у. Семиреченской обл. 400 руб. В 1899 г. он продолжил раскопки в Семиреченской обл. и прислал отчет о поездках и раскопках (Белова, 2009. С. 24, 30, 56, 64).

Проскуряко́в Па́вел Степа́нович (1857–1919), наставник Красноярской учительской семинарии (на 1895 г.), археолог, краевед, первый консерватор (директор) Красноярского краевого музея. Выпускник Санкт-Петербургского университета. В 1880–1890-е гг., получая финансирование от ИАК, обследовал пещеры по Белому и Черному Июсу, Торгашинские у Красноярска, провел раскопки Айдашинской пещеры у Ачинска и курганов у д. Карымская, Татарская и с. Ладейское Енисейской губ. Обширные археологические коллекции,

собранные им, легли в основу археологической коллекции музея (Матющенко, 2001. Т. 1. С. 31; Древности, 2005. С. 47; Белова, 2009. С. 50, 53, 56).

Пугаченкова Галина Анатольевна (1915–2007), архитектор, историк искусства, востоковед, археолог. Родилась в г. Верном (Алма-Ата), в семье областного архитектора. В 1937 г. окончила архитектурное отделение Среднеазиатского индустриального института. Кандидат искусствоведения (1941), доктор искусствоведения (1959). Доцент (1942), профессор (1962), член-корр. АН УзССР (1968). Заслуженный деятель науки УзССР (1964). Преподаватель кафедры археологии САГУ (с 1945). Научный сотрудник Института восточных рукописей (1946–1948), Института искусствознания (1958–1961), зав. сектором искусства и архитектуры АН УзССР (с 1961). Лауреат Республиканской премии им. Хамзы (1960). Член Советского комитета по охране памятников и достопримечательных мест при ЮНЕСКО. Издано около 200 работ. Участник многих востоковедческих конференций и конгрессов. За свой плодотворный труд на научном поприще Галина Анатольевна удостоена многих высших наград и званий: Орден «Буюк хизматлари учун» («За выдающиеся заслуги» — 2002), «Офицер Ордена «Пальмовой ветви» (Франция) и др. Заслуженный деятель науки Узбекистана (1964), лауреат Республиканской премии (1969), доктор Гонорис кауза Страсбургского университета (1978), член-корр. Немецкого археологического института (1985), член-корр. итальянского института Среднего и Дальнего Востока (1987), лауреат Госпремии им. Бируни (1992), почетный академик Международной Академии архитектуры стран Востока (1993) (РА. Ф. 35, оп. 4, д. 34; СЭС, 1980. С. 1093).

Радлов Василий Васильевич (1837–1918), выдающийся востоковед-тюрколог, этнограф; ординарный академик (1884), директор Петербургского академического Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) (1894–1918). Родился в Берлине, в семье комиссара полиции. Осенью 1854 г. поступил, а в 1858 г. окончил философский факультет Берлинского университета, в том же году защитил докторскую диссертацию на тему «О влиянии религии на народы Азии» и прибыл в Петербург для занятий при Азиатском музее.

Научная деятельность В. В. Радлова делится на три периода: алтайский (1859–1871), когда он служил учителем в Барнауле; занимался собиранием и накоплением лингвистического, фольклорного, этнографического материала, объездив Алтай, восточные киргизские степи, часть Енисейской и Тобольской губерний, Монголию, города Русского Туркестана. В этот период он начал публиковать результаты своих лингвистических исследований. Первый том «Образцов народной литературы тюркских племен» вышел в 1866 г., второй — в 1868 г., третий — в 1870 г. В 1863–1869 гг. Радлов начал сотрудничать с ИАК и раскопал 150 курганов, в том числе Большой Катандинский курган пазырыкского типа. Находки из кургана были переданы в Комиссию, которая определила им местом хранения Исторический музей в Москве. Раскопки проводились достаточно профессионально и, по мнению современников, считались образцовыми. Он также разрабатывал новые приемы изучения древних

памятников и стремился к совершенствованию уже существующих. Особое внимание Радлов уделял накоплению вещевого материала, иногда в ущерб тщательности и полноте проведения работ. Ему принадлежит археологическая периодизация памятников данного региона, исполненная по типам наземных сооружений.

В Казанский период (1871–1884) он занимал должность инспектора магометанских школ Казанского учебного округа, изучал приволжские и башкирские тюркские говоры, чувашский и черемисский языки. Здесь он создал учительскую семинарию, открыл женскую школу и принимал активное участие в деятельности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) при Казанском университете. В 1884 г. Радлов был избран ординарным академиком Императорской Академии наук по части истории и древностей азиатских народов.

Петербургско-Петроградский период (1884–1918). В 1885–1890 гг. являлся директором Азиатского музея. В. В. Радлов участвовал в реконструкции Кунсткамеры Петра I, из которой был выделен этнографический отдел и создан Музей антропологии и этнографии: в 1894–1918 гг. был его директором. По его почину организован Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии (РКИСВА) и начато изучение древностей китайского (Западного) Туркестана; председателем Комитета он был с 1903 по 1918 г., а также являлся председателем правления Общества изучения Сибири и улучшения быта ее народов. Действительный член РАО (с 1887). Руководитель многих научных археологических, этнографических и лингвистических экспедиций и поездок. В 1891 г. организовал и провел снаряженную Императорской Академией наук для исследования древних памятников долины р. Орхона в Монголии, в 1898 — Турфанскую (Центральная Азия) во главе с Д. А. Клеменцем. Одновременно с В. Томсеном занимался расшифровкой древнейшего памятника тюркских языков — орхонских надписей (Древнетюркские надписи в Монголии, 3 вып., 1894–1895).

В. В. Радлов был почетным членом многих зарубежных научных ассоциаций, обществ, университетов, а также удостоен многочисленных отечественных и зарубежных наград. Умер в Петербурге и похоронен на Смоленском лютеранском кладбище (Изв. ИАК, 1909. С. 114–115; Ольденбург, 1918. С. 1233–1236; БСЭ, т. 35, 1955. С. 582; Решетов, 2002. С. 95–101; Длужневская, Лазаревская, 2009. С. 594–636; Медведева, Всевиов, Мусин, Тихонов, 2009. С. 186; Белова, 2009. С. 13, 15, 16; Артюх, 2010).

Романов Константин Константинович (1882–1942), архитектор, историк русской архитектуры, один из организаторов охраны памятников в России.

Родился в Петербурге, в семье врача. В 1904–1907 гг. студент Высшего художественного училища при Академии художеств был приглашен П. П. Покрышкиным к исследованиям архитектуры Ферапонтова (1905) и Успенского в Тихвине (1907) монастырей, участвовал в раскопках в Ольвии (1907–1909). В 1908 г. Комитет по изучению Средней и Восточной Азии поручил ему производство обмеров мечети Рух-Абад и медресе Улуг-Бека в Са-

марканде. В 1909 г. окончил Училище, одновременно слушал курсы по истории искусств в Архитектурном институте Петербургского университета. В том же году избран действительным членом Русского Военно-исторического общества, а в 1910 — действительным членом РАО и утвержден членом-корреспондентом ИАК.

Дальнейшие его работы были связаны с территорией Европейской России. В 1919 г. принял участие в организации РАИМК и был избран ее членом-основателем.

Умер Константин Константинович в 1942 г. в блокадном Ленинграде (ФА. «Кол. № 1379. Фотоархив К. К. Романова. Том I. Биографические данные»; Длужневская, 2000. С. 48–55; Медведева, 2005).

Руденко Сергей Иванович (1885–1969), археолог, этнограф, антрополог, доктор технических наук, доктор исторических наук, профессор, ст. научный сотрудник ЛО ИИМК – ЛОИА АН СССР. В 1904 г. окончил Пермскую гимназию и поступил на естественное отделение физико-математического факультета СПбУ. В студенческие годы начал работать по этнографии башкир и чувашей и в 1917 г. защитил магистерскую диссертацию по теме «Башкиры. Опыт этнологической монографии». В 1906–1912 гг. совершил несколько экспедиций к башкирам Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний, а также хантам, манси и ненцам Тобольской губ., в 1920-е гг. — к бурятам, монголам, теленгитам и алтайцам. С 1921 по 1928 г. занимал должность зав. этнографическим отделом и хранителя отделения этнографии Сибири и Дальнего Востока. Будучи приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, исследовал в 1915–1916 гг. — сарматские курганы близ с. Прохоровка Оренбургской губ. В 1919–1921 гг. работал в Томском университете (с 1920 — декан физико-математического факультета); с 1921 г. в Петрограде — зам. директора, зав. этнографическим отделом Русского музея, одновременно работал в ГАИМК, заведовал кафедрой антропологии и этнографии, преподавал в университете (1921–1954 гг.).

В 1913–1914 гг. С. И. Руденко посетил Турцию, Сирию, Палестину, Египет и Италию, в течение года слушал лекции по антропологии в Париже. Позднее занимался антропологическими и этнографическими исследованиями среди хантов, манси и ненцев Нижнего Приобья, произвел раскопки остяцкого могильника близ Обдорска. С начала 1920-х гг. изучал древние культуры Сибири и Алтая, руководил комплексной Алтайской экспедицией, которая исследовала знаменитые скифские Пазырыкские курганы с мерзлотой (1929), вместе с А. Н. Глуховым в 1924 г. — раннесредневековый могильник Кудыргэ.

В 1929 г. при «чистке» уволен из Академии наук. 5 августа 1930 г. арестован и подключен к сфабрикованному «делу Академии наук». Постановлением Тройки ОГПУ в ЛВО приговорен в феврале 1931 г. к 10 годам лагерей. Отбывал наказание в Беломоро-Балтийском лагере и работал инженером-гидрологом. Досрочно освобожденный в 1934 г., он остался работать вольнонаемным. За исследование, посвященное испарению с водной поверхности, в 1942 г. ему присуждена степень доктора технических наук. С того же

года стал работать ст. научным сотрудником ИА АН СССР: с 1945 г. вел раскопки на Чукотке, с 1947 г. возобновил исследования скифской культуры на Горном Алтае (1947–1954). В 1965 г. был удостоен золотой медали им. П. П. Семенова-Тян-Шанского Всесоюзного Географического общества. Реабилитирован в 1957 г.

Кроме того, С. И. Руденко занимался проблемами культуры хунну и средневековых кочевников, в ЛОИА АН СССР разрабатывал методы радиоуглеродного и дендрохронологического датирования археологических памятников (Профессора Томского университета. Т. 2. 1998. С. 377–381; Матющенко, 2001. С. 89–90; Люди и судьбы, 2003. С. 331–332; Обитатели. Образы Югры в ранней русской фотографии, 2004).

Рыдылон Эрдэмто Ринчинович (1906–1957), историк, востоковед. Родился в Верхнеудинском окр. Забайкальской обл., в семье сельского учителя. В 1928–1929 гг. принимал участие в археологической экспедиции Г. П. Сосновского. В 1929 г. начал работать учителем базовой начальной школы, но в 1930 г. направлен в Ленинградский Восточный институт. В 1934 г. окончил общественно-политический факультет этого института. В 1934–1938 гг. работал в ГАИМК – ЛОИИМК АН СССР, в апреле 1938 г. арестован и приговорен к 3-м годам ИТЛ. В декабре 1941 г. мобилизован на фронт, в ноябре 1943 г. тяжело ранен и в течение года лечился под Москвой в эвакуогоспитале. Кандидат исторических наук (1946). Доцент (1947). Научный сотрудник Минусинского музея (1946–1949). Преподаватель Красноярского педагогического института (1944–1946), Иркутского государственного университета (1949–1954). Издано около 30 работ (Милицанд, 1995; Матющенко, 2001. Т. I. С. 118).

Савенков Иван Тимофеевич (1846–1914), педагог, историк, краевед-археолог, музейный работник, геолог, артист и режиссер Народного театра.

Родился в Мариуполе, в купеческой семье. Вместе с родителями переехал в Сибирь в 1850-х гг. После окончания Иркутской гимназии учился по естественно-историческому отделению физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1871 г. и вернулся в Красноярск. В 1873–1893 гг. — директор Красноярской учительской семинарии. В 1894 г. переведен инспектором народных училищ в Варшаву, но вскоре вернулся в Сибирь (1901). Им проведены археологические раскопки в окрестностях Красноярска и в Хакасии, раскопки палеолитической стоянки на Афонтовой горе (1884–1889, 1892–1893); открыт ряд неолитических стоянок, в том числе Базаиха, в пещере на р. Бирюсе. Высоко оценены его научные труды: за исследование «Изобразительное искусство на Енисее» (М., 1910). Савенков получил диплом члена-корр. Академии наук. После смерти в 1904 г. своего близкого друга Н. М. Мартынова уехал в Минусинск и с 1907 по 1911 г. заведовал Минусинским музеем. Савенков умер в Красноярске осенью 1914 г. (Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартынова, 1929. С. 165–185; История Красноярского края, 1981. С. 122–124; Белова, 2009. С. 44, 103, 130).

Севастьянов Д. П. — чиновник Переселенческого управления — в 1910 г. получил Открытый лист на раскопки в Акмолинской обл. В ИАК пред-

ставил рукопись «Некоторые сведения о курганах и других памятниках старины в Атбасарском уезде Акмолинской губ.» (Белова, 2009. С. 112).

Селиванов А. В. — исследователь среднеазиатских древностей, коллекционер. В 1894 г. получил Открытый лист на раскопки в Акмолинской и Семипалатинской обл. и финансирование от ИАК – 300 руб. Прислал в комиссию отчет «Курганы Акмолинской обл.» (Белова, 2009. С. 47).

Сергеев Сергей Михайлович (1879–1947), археолог, выпускник Московского университета, член Иркутской ученой архивной комиссии; в разные годы возглавлял Бийский (с 1934 г.) и Ойротский краеведческие музеи. В 1920–1930-е гг. выявил и исследовал многие памятники на территории Алтая. Автор ряда работ по археологии Горного Алтая. В 1930-е–1940-е годы принимал участие в работах Саяно-Алтайской экспедиции.

В 1913 г. получил Открытый лист на раскопки в пределах горы Туран и ее подножия в Минусинском уезде Енисейской губ. В ИАК он представил дневник раскопок курганов близ д. Биря Абаканской вол., фотографии и рисунки раскопок и находок, опись находок и план местности (Белова, 2009. С. 127).

Смирнова Ольга Ивановна (1910–1982), иранист, лингвист, историк, нумизмат, сотрудник Отдела нумизматики Гос. Эрмитажа, ЛЮ ИВАН (с 1935 г.), автор работ по согдийской нумизматике, истории Средней Азии. В Согдийско-Таджикской экспедиции в 1947–1948 гг. являлась начальником Зеравшанского отряда; в 1949–1950 гг. — Усрушанского отряда (Археологические экспедиции, 1962. С. 153).

Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937), крупный военный деятель и педагог, выдающийся востоковед, исследователь Индии, Средней Азии, Афганистана. Родился в слободе Старая Калитва Воронежской губ., в семье священника. Учился в приходской школе, затем в гимназии в Новочеркасске. Окончил математический факультет Московского университета (1888), Московское пехотное училище (1889). В 1896–1899 гг. учился в Академии Генштаба. Назначен на должность обер-офицера для поручений при Туркестанском военном округе, занимался изучением и военно-географическим описанием Среднего Востока. Совершил поездки по Индии, Афганистану, Тибету и Кашгарию. В конце 1900 г. четыре месяца работал в библиотеке Британского музея в Лондоне, изучая литературу по вопросам востоковедения. С 1904 г. служил в Генштабе, одновременно преподавал военную географию в военных училищах. С 1910 г. — начальник штаба Второй Казачьей Сводной дивизии. В Первую Мировую войну командовал полком, бригадой, дивизиями, корпусом; произведен в генерал-лейтенанты, удостоен высших боевых наград. С 1918 г. доброволец Красной Армии, назначен военруком Северо-Кавказского округа. Участвовал в обороне Царицына, где у него возник конфликт с И. В. Сталиным и К. Е. Ворошиловым. В 1919–1921 гг. — начальник Академии Генштаба, затем руководитель кафедр военной географии и статистики и Восточного отдела новооткрытой Военной Академии РККА. Участвовал в создании Института востоковедения, в 1921–1930 гг. — его ректор и профессор. Одновременно профессор Военно-воздушной и Воен-

но-политической академий (1924–1926). В 1928 г. ему первому из военачальников присвоено звание Героя Труда. В 1930 г. арестован — обвинялся в принадлежности к московскому монархическому «Ренессансу». Дважды приговорен к расстрелу. По указанию И. В. Сталина расстрел заменен на 10 лет ИТЛ. С 1930 находился в Соловецком лагере Особого назначения. Досрочно освобожден в 1934 г. как тяжело больной. Жил в Москве, умер в декабре 1937 г. Полностью реабилитирован в 1958 г. (Люди и судьбы, 2003. С. 357–359).

Сорокин Всеволод Сергеевич (1911–1979), археолог, кандидат исторических наук. Родился в Орле. Родители — дворяне: отец — офицер, служил в Орловском кадетском корпусе, после Октября 1917 г. — белогвардеец и белоэмигрант, эмигрировал в 1918 или 1919 г. Мать — учительница, умерла в 1934 г. В 1928 г. окончил среднюю школу в г. Вязьме и начал работать: до 1930 г. в Вязьме на спичечной фабрике «Зарница» чернорабочим, с 1930 по 1933 г. — в Ленинграде на судостроительном заводе им. Марти, сначала чернорабочим, затем токарем по металлу. В 1933 г. был зачислен на вневойсковое обучение в РККА. На заводе начал сотрудничать в заводской газете и с 1933 по 1937 г. работал ответственным секретарем, штатным сотрудником различных газет в Ленинградской области, в Казахстане и в г. Кировске Мурманской обл. Осенью 1937 г. поступил на курсы подготовки в ВУЗ и по окончании их — на исторический факультет Ленинградского Педагогического института им. А. И. Герцена, прослушал 3 курса, но летом 1941 г. был мобилизован и отправлен в военное училище. В июне 1942 г. выпущен в офицерском звании. До конца ВОВ служил в тылу и на фронте. В мае 1946 г. уволен в запас. Награжден орденом «Красная Звезда» и медалью «За победу над Германией». В 1946 г. поступил на 3-й курс археологического отделения исторического факультета ЛГУ, которое окончил в 1949 г. и был рекомендован для обучения в аспирантуре. В штате ИИМК АН СССР — с апреля 1950 г.

В 1955–1956 гг. В. С. Сорокин руководил экспедицией на целинные земли; в 1959 г. являлся начальником отряда Иркутской археологической экспедиции ЛОИИМК и начальником Западно-Казахстанского отряда, работавшего в Актюбинской области Казахской ССР. С 1963 по 1976 г. был Ученым секретарем ЛОИА АН СССР (РА. Ф. 35, оп. 5, д. 380).

Сорокин Сергей Сергеевич (1913–1984), археолог. Родился в Орле. Участвовал в ВОВ. В 1949 г. с отличием окончил исторический факультет ЛГУ по кафедре археологии и поступил в аспирантуру в ЛОИИМК АН СССР. Со студенческих лет принимал участие в археологических экспедициях (1947–1948 гг., Памиро-Алайская экспедиция; 1950–1952 гг., Памиро-Ферганская комплексная археолого-этнографическая эксп., руководитель группы по изучению могильников Боркарбаз). С 1953 г. работал научным сотрудником Гос. Эрмитажа, изучал историю кочевников Средней Азии. Кандидат исторических наук (1959). В том же году по его инициативе была организована Южно-Алтайская экспедиция ГЭ. Его научное наследие составляет более 60 работ. В 1965–1967 гг. — Ученый секретарь Эрмитажа. Читал лекции в ЛГУ на кафедре археологии. С 1959 г. — действительный член Географического обще-

ства (С. С. Сорокин: 1913–1984 [Некролог]. 1987. С. 96; Археологические экспедиции, 1962. С. 162, 179).

Сосновский Георгий Петрович (1899–1941), археолог, кандидат исторических наук (1938). Родился в г. Бежица около Брянска, в семье конторского служащего. В 1909–1918 гг. учился в Петроградском коммерческом училище и еще до окончания училища стал добровольным сотрудником археологического отдела МАЭ, руководимого тогда Б. Э. Петри. По окончании училища был направлен в Сибирь. В 1918–1919 гг. работал конторским служащим на Ивановском золотом руднике Ачинского округа и был избран в Совет рабочих депутатов. При приближении белых карательных отрядов вынужден был скрываться. В 1919–1920 гг. работал научно-техническим сотрудником в Музее Приенисейского края. Вместе с Н. К. Ауэрбахом и В. И. Громовым обследовал окрестности Красноярска, летом 1920 г. совершил вместе с Г. К. Мергартом разведочный маршрут по Енисею — от Минусинска до Красноярска. Затем переехал в Иркутск и в 1920 г. становится студентом исторического отделения Педагогического факультета Иркутского гос. университета, активно участвовал в кружке Б. Э. Петри. Одновременно работал хранителем отдела археологии Иркутского Научного Музея и продолжал полевые работы на Ангаре и Енисее, исследовал Афонтову гору, в 1925 г. им были открыты стоянки Кокорево I–IV на Енисее. Кроме того, в 1920-е гг. изучены неолитические и палеолитические стоянки Бузуново, Борки, Батени и др., в 1926 и 1927 г. проведены раскопки Бирюсинской стоянки; в 1928–1929 гг. по поручению Монгольской комиссии АН обследовал памятники Бурято-Монгольской АССР; в 1929 раскопал на Енисее 10 позднеочевнических погребений. В 1934 г. был начальником отряда исследовавшего стоянку Мальта, а в 1935 г. нашел новые памятники на Алтае. С 1919 по 1939 г. в целом Сосновский провел 15 археологических экспедиций.

По окончании Иркутского университета Г. П. Сосновский был откомандирован в аспирантуру при НИИ антропологии МГУ, где учился один год под руководством В. В. Бунака и Б. С. Жукова. В 1927 г. был принят на работу в ГАИМК и одновременно стал слушателем специальных курсов по археологии в ЛГУ. С тех пор и до конца жизни Сосновский работал ст. научным сотрудником в Секторе палеолита – неолита ГАИМК–ИИМК АН СССР и по совместительству с 1934 г. — в Гос. Эрмитаже и Государственном этнографическом Музее. В 1938 г. Ученый совет ЛГУ присудил Г. П. Сосновскому ученую степень кандидата исторических наук без защиты диссертации. Еще в 1935 г. П. П. Ефименко отметил в научном отзыве о работе Сосновского, что «в настоящее время он заслуженно считается одним из наиболее авторитетных специалистов по археологии Сибири». Умер Георгий Петрович в осажденном Ленинграде (Сосновский, 1928; 1932; 1933; 1934; 1935; 1940; Сосновский, Герасимов, 1937; Абрамова, 1981. С. 109–110; Матющенко, 2001. С. 74–75; РА. Ф. 2, оп. 5, д. 299; Ф. 42).

Тальгрэн Арно Михайль (1885–1945), финский археолог, доктор наук. Родился в шведоязычной семье пастора, учился в финском классическом лицее

Турку, затем в университете в Хельсинки (1903–1907). Был ассистентом в Историческом музее (1906–1909), учителем в средних учебных заведениях (1909–1924), доцентом урало-алтайской археологии (с 1919) в университете Хельсинки, ассистентом Комиссии древностей (1920); профессор археологии университета Тарту (1920–1923), финской и скандинавской археологии университета Хельсинки (с 1923); председатель Финского археологического общества (1930–1942) и редактор его печатного органа «Eurasia Septentrionalis Antiqua» (ESA, 1926–1933). Неоднократно бывал в России и СССР (с 1908 по 1935 г.).

В 1915 г. он предпринял раскопки в Минусинском округе Енисейской губ. В ИАК поступили отчет о работах у с. Усть-Абакан, планы раскопок и погребений, опись и фотографии находок (Кузьминых, Мельникова, Ванюшева, 2008. С. 171–200; Белова, 2009. С. 135).

Талько-Грынцевич Юлиан Доминикович (1850–1936), врач, антрополог, археолог и краевед; один из основателей польской антропологии. Профессор кафедры физической антропологии Ягеллонского университета. Учился в российской гимназии в Ковно, однако ушел из нее в 6-м классе. В 1869 г. покинул Ковно и уехал к дяде в Петербург, где окончил частную гимназию и поступил в Петербургскую Медико-Хирургическую Академию. В 1872 г. из-за болезни перевелся на врачебный факультет Киевского университета, в 1876 г. окончил его. Работал сначала врачом в Звенигороде на Украине, но затем решил продолжить образование за границей. Побывал во многих городах Европы и посещал лекции в Парижской антропологической школе. Проработав 14 лет врачом на родине, в 1892 г. уехал в Сибирь. С 1899 по 1908 г. работал окружным врачом в Троицко-Савске (ныне Кяхта). Был одним из инициаторов создания Кяхтинского краеведческого музея, возглавлял Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела РГО, открытое в 1894 г., являлся правителем Кяхтинского музея. В 1908 г. был избран профессором Ягеллонского университета в Кракове и вернулся в Польшу, где с 1911 г. до начала Первой Мировой войны работал на факультете антропологии. Начало войны застало его в Петрограде. С 1915 г. и почти до революции 1917 г. Талько-Грынцевич руководил устроенным общественностью бурятским лазаретом. На родину он вернулся в 1918 г., где в возрасте 70 лет в создававшемся университете Стефана Батория в Вильно организовал факультет антропологии и предыстории.

В течение 16 лет (до 1908 г.) Талько-Грынцевич активно занимался археологией, этнографией и антропологией в Забайкалье и Северной Монголии. Обнаружил многочисленные могильники в долине р. Селенги и ее притоков, часть которых определил как памятники азиатских гуннов. В 1897 г. исследовал Суджинский могильник, в 1899–1900 гг. — памятники в Верхнеудинском, Новоселенгинском и Троицкосавском округах. В целом он изучил около 500 древних могил и иных памятников Забайкалья. На основе этих материалов разработал первую обобщенную классификацию курганов Забайкалья. Это подразделение, как показали исследования более позднего времени, было несовершенным, но это была первая попытка представить картину развития па-

мятников Забайкалья. Значительно более успешными были антропологические разработки, в которых Талько-Грынцевич пытался использовать антропологический материал в качестве исторического источника, рассматривая его на широком историческом фоне, с привлечением материалов по археологии, этнографии, фольклористике и письменных источников (Талько-Грынцевич, 1928; 1999; Матющенко, 2001. Т. 1. С. 41, 62; Белова, 2009. С. 54, 57, 61 и др.).

Теплоухов Сергей Александрович (1888–1934), археолог, антрополог, этнограф-сибиревед. Родился в с. Ильинское Пермской губ., в семье известных на Урале археологов-краеведов. В 1907 г. закончил Пермское реальное училище, в 1912 — естественное отделение физико-математического факультета Казанского университета и был оставлен по кафедре географии для подготовки к профессорскому званию под руководством Б. Ф. Адлера. С целью проверки гипотезы о саяно-алтайской прародине финнов в 1913 г. во главе антропологической экспедиции командирован в Урянхайский край (ныне Республика Тыва). В 1914–1917 гг. продолжил образование в Петрограде, ученик Ф. К. Волкова. В 1917 г. вернулся в Казань. В 1918–1922 гг. работал в Пермском и Томском университетах, познакомился с С. И. Руденко, который направил его изучать археологические древности Минусинской котловины. С 1920 г. руководил археологическим отрядом в Минусинской котловине. В 1922 г. переехал в Петроград и до 1933 г. работал сотрудником ГАИМК, доцентом ЛГУ (до 1929), заведующим Сибирским отделением Этнографического отдела Русского музея. В 1925 г. участвовал в экспедиции П. К. Козлова в Монголию в раскопках курганов Ноин-Ула, в 1926–1929 гг. работал в Туве и Киргизии. Автор первой научной классификации памятников Минусинской котловины — от неолита до средневековья, частично уточненная и дополненная, она сохраняет свою актуальность и поныне. Открыл в Минусинской котловине андроновскую культуру бронзового века.

Арестован 26 ноября 1933 г. и обвинен в том, что «входил в контрреволюционную фашистскую организацию». 15 марта 1934 г. дело было прекращено за смертью С. А. Теплоухова. По официальным данным, покончил с собой около 10 марта 1934 г. Реабилитирован в 1958 г. (Теплоухов, 1927; 1929; Антология советской археологии. Т. I. 1995. С. 159–160; Люди и судьбы, 2003. С. 372–373).

Тереножкин Алексей Иванович (1907–1981), выдающийся советский археолог, доктор исторических наук (1959), профессор (1967), Заслуженный деятель науки УССР (1977), Лауреат Государственной премии УССР (1977). Родился в г. Пугачеве Саратовской области. В 1926 г. окончил среднюю школу и поступил на археологическое отделение Высших курсов краеведения в г. Самаре, а затем перешел на историко-археологическое отделение Этнологического факультета Московского университета (1928–1930). В студенческие годы провел самостоятельные раскопки срубных поселений в Поволжье. В 1929 г. принимал участие в археологической экспедиции Московского антропологического института, которая работала в бассейне р. Чу. По поручению Киргизского научно-исследовательского института провел разведку по

предгорьям Александрийского хребта, главным результатом которой стало нанесение на археологическую карту 655 объектов. Во время разведки он произвел небольшие археологические раскопки усуньских памятников и открыл поселение Аламедин. В 1930 г. провел еще одну разведку по р. Талас. В 1934 г. вместе с М. В. Воеводским обследовал левобережье р. Амударья на землях Древнего Хорезма. К археологии Киргизии А. И. Тереножкин возвращается в середине 1930-х гг. В 1936 г. принял участие в Казахской экспедиции под руководством А. Н. Бернштама. В 1937 г. в пустынных местностях Правобережья Амударья открыл ряд выдающихся памятников домусульманского Хорезма, в том числе замки раннесредневекового оазиса Беркут-Калы и комплекс античной крепости Аяз-Калы. С 1938 по 1948 г. А. И. Тереножкин работал в Институте истории и археологии АН УзССР, в Ташкенте и Самарканде. В 1945–1948 гг. руководил раскопками городища Афрасиаб. В апреле 1948 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Согд и Чач», в которой им были разработаны основы археологической периодизации городища — домонгольского Самарканда. В дни празднования 2500-летнего юбилея Самарканда за большие заслуги в развитии среднеазиатской археологии А. И. Тереножкин был удостоен Почетной грамоты Президиума Верховного Совета УзССР.

В конце 1948 г. А. И. Тереножкин переехал в Киев и вскоре возглавил отдел археологии раннего железного века ИА АН УССР. На Украине он провел ряд важных полевых исследований, уделяя основное внимание различным вопросам скифоведения. В 1959 г. за фундаментальный труд «Предскифский период в днепровском лесостепном Правобережье» А. И. Тереножкину была присуждена ученая степень доктора исторических наук. В 1977 году он был удостоен звания Заслуженного деятеля науки и стал Лауреатом Государственной премии УССР.

Во время Великой Отечественной войны гвардии старший лейтенант Тереножкин прошел в войсках Советской армии путь от Сталинграда до Вены. Награжден орденами и медалями ВОВ (Гречишкина, 2010. С. 322–324; Лесков, 1967. С. 190–193; Алексей Иванович Тереножкин. Некролог. 1982. С. 297–299).

Токарев Сергей Александрович (1899–1985), известный советский этнограф, историк, религиовед, доктор исторических наук (1940), Заслуженный деятель науки Якутской АССР (1956) и РСФСР (1971). Профессор МГУ (1932–1973). Орденоседец. Лауреат Государственной премии (1987 г., посмертно).

Родился в Туле, в семье директора гимназии. Пережив революции и войны, он окончил в 1925 г. МГУ по кафедре антропологии. Был в числе первых выпускников кафедры. Учился в аспирантуре Института истории РАНИИОН (позже Коммунистическая академия). Преподавал в Коммунистическом институте трудящихся Китая им. Сунь Ят-Сена. В 1928 г. стал научным сотрудником Центрального музея народоведения, в 1932 г. возглавил там сектор Севера. Параллельно работал в ГАИМК и Центральном антирелигиозном музее. В 1935 г. без защиты С. А. Токареву была присвоена степень кандидата исторических наук. В 1939 г. он стал профессором, а в 1940 — защитил докторскую диссертацию на тему «Общественный строй якутов в XVII–XVIII вв.».

В начале ВОВ был эвакуирован в Абакан, где заведовал кафедрой истории в Педагогическом институте. В 1943 г. вернулся в Москву и стал главой сектора этнографии народов Америки, Австралии и Океании в МО ИЭ АН СССР, там же в 1961 г. возглавил сектор этнографии народов зарубежной Европы. Одновременно с 1956 по 1973 г. заведовал кафедрой этнографии на историческом факультете МГУ и вел многочисленные лекционные курсы по этнографии народов мира. Научное наследие составляют более 250 работ по различным направлениям религиоведения и этнографии (Алексеев, 1985. С. 168–172; Сергей Александрович Токарев: Некролог. 1985 С. 189).

Толстов Сергей Павлович (1907–1976), известный историк, археолог, этнограф. Родился в Петербурге, в семье казачьего офицера. Сначала был определен в Петербургский кадетский корпус, а после событий 1917 г. учился в Оренбургском кадетском корпусе. После Оренбурга воспитывался в детском доме в Москве. В 1923 г. поступил, а в 1930 г. окончил историко-этнологический факультет МГУ (по специальности «антропология»).

Доктор исторических наук и профессор (1943). Член-корреспондент АН СССР (1953), академик АН УзбССР (1956). Почетный член-корреспондент АН ГДР (1956). Заслуженный деятель науки ТаджССР (1951) и Кара-Калпакской АССР (1957). Лауреат Государственной премии СССР за научный труд «Древний Хорезм» (1949). Преподаватель (1939–1951), зав. кафедрой, декан исторического факультета МГУ (1943–1945). Научный сотрудник Московского областного музея (1926–1929), Музея народов СССР (1929–1936), ГАИМК – ИИМК АН СССР (1934–1942), Института востоковедения (1950–1951, директор), Института этнографии (1942–1966, директор). Начальник Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции (1945–1970). Ученый секретарь Президиума АН СССР (1949–1954). Председатель Российского Палестинского общества (1951–1970). Участник Великой Отечественной войны (1941–1942). Награжден орденами и медалями СССР. Издано более 100 работ — исследования по истории народов Средней Азии; истории, этногенезу, культуре каракалпакского народа; открыватель древнехорезмийской цивилизации. Участник многих Международных конгрессов востоковедов, археологов и этнографов (Толстов, 1948; 1948а; Жданко, Итина, 1977. С. 3–14; Сергей Павлович Толстов: Некролог, 1977. С. 219–220).

Удаленков Александр Петрович (1887 – ум. после 1937), архитектор-художник, действительный член АИМК (с 1919). Родился в д. Веперь Кашинского уезда Тверской губ. Окончив начальную школу, был определен в 1899 г. рабочим печатного дела в Экспедицию заготовления государственных бумаг в Петербурге. Проработав 10 лет (до 1909), отправился в Одессу, где поступил на Архитектурный отдел Художественного училища, который окончил вместе с находившимся при нем реальным училищем в 1912 г., получив золотую медаль и стипендию для продолжения образования. В тот же год поступил на Архитектурный отдел Академии художеств, окончил его весной 1917 г. и получил заграничную командировку. Во время обучения — с 1913 по 1917 г. — работал в Археологической комиссии, выполняя отдельные поручения по на-

учной охране и реставрации архитектурных памятников. В 1917 г. зачислен в действительные члены ИАК. В 1919–1929 и с 1932 г. — действительный член РАИМК – ГАИМК.

С 1918 по 1929 г. был председателем Комитета по охране памятников старины и зав. реставрационной мастерской, работал на Северо-Западе России; в 1920-е гг. занимался преимущественно архитектурными памятниками Туркестана: в 1921 г. руководил Туркестанской экспедицией, организованной с целью обследования Шах-и Зинде в Самарканде и Баян-Кули-Хан в Бухаре, в 1926 — член Комиссии по обследованию мечети Анау. Кроме того, в 1916–1917 гг. был в Закавказье, в Ани, и несколько раз совершил командировки в Среднюю Азию (1922, 1927, 1932–1933). С 1922 г. участвовал в архитектурных конкурсах и неоднократно был премирован, в 1929–1934 гг. руководил работами по строительству по его проектам Горного и Ветеринарного институтов. С июля 1935 г. — профессор Ленинградского института инженеров железнодорожного транспорта. В сентябре 1935 г. участвовал в Международном Иранском конгрессе в качестве его действительного члена. В Личном деле А. П. Удаленкова имеются отзывы о его работе И. Грабаря, И. Орбели, А. Якубовского, которые единогласно отзываются о нем как об образованном архитекторе, археологе-теоретике и практике и считают, что его работа даст вдумчивому историку Средне-Азиатской архитектуры — целый ряд вопросов в области строительной техники, конструкций и изразцового убранства (РА. Ф. 2, оп. 3, д. 675).

Федоров Александр Зиновьевич — преподаватель Женской учительской семинарии в г. Никольск-Уссурийский, действительный член Приамурского отдела ИРГО. В 1915 г. получил Открытый лист на раскопки в пределах окрестностей г. Никольск Приморской обл. Представил в ИАК краткий отчет, археологическую карту г. Никольск-Уссурийска и список памятников. Обследовал Уссурийские памятники и открыл Новоникольское, Борисовское, Корсаковское и др. городища. В 1916 г. ему выдали лист на раскопки в пределах Иманского, Никольск-Уссурийского и Ольгинского уезда Приморской обл. В ИАК поступили отчет обследования и раскопок памятников в окрестностях г. Никольска и Благовещенска (Белова, 2009. С. 135, 137).

В 1916 г. он опубликовал книгу «Памятники старины в г. Никольске-Уссурийском и его окрестностях». По его инициативе создано Южно-Уссурийское отделение Географического общества.

Фетисов Алексей Михайлович (1842–1894?), ботаник, ученый-садовод, краевед, энтузиаст геоботанического и археолого-этнографического изучения Семиречья. В 37 лет отправился в экспедицию в Туркестан по заданию Санкт-Петербургского географического общества и с 1879 г. стал жителем Пишпека. В 1889 г. открыл киргизскую школу садоводства, на базе которой в 1933 г. был создан Сельскохозяйственный институт.

В 1891 г. ИАК выделила ему на производство археологических раскопок 20 руб., по окончании которых он послал в Комиссию рукопись «Раскопки древних могил в Иссык-Кульском, Токмакском, Верненском уезде Семиреченской обл.» с планами, рисунками и описью находок (Белова, 2009. С. 37).

Фиельструп (Фьельструп) Федор (Теодор) Артурович (1889–1933), этнограф широкого профиля, тюрколог. Родился в Санкт-Петербурге, в семье инженера датского происхождения. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В студенческие годы участвовал в экспедиции в Южную Америку (1914–1915). С 1916 г. — сотрудник МАЭ. С 1918 г. работал с С. И. Руденко по составлению карты этнического состава населения Приуралья и Томской области (1920), преподавал в Томском университете, служил переводчиком в армии А. В. Колчака, что в последующем сыграло отрицательную роль. С ноября 1921 г. — сотрудник этнографического отдела Русского музея и КИПС. На средства Средазкомстариса в 1924–1925 гг. совершил экспедицию в Киргизию, обследовав ряд районов Тянь-Шаня и Ферганской долины, собрал обширный этнографический материал.

Арестован 26 ноября 1933 г. по обвинению «в принадлежности к контрреволюционной фашистской организации». Следствие использовало то, что он работал в Сибири переводчиком в армии Колчака. Скончался 7 декабря 1933 г. во время следствия: по официальной версии — выпил крутой кипяток, обжег ротовую полость и гортань и в шоковом состоянии задохнулся. Дело было прекращено. Реабилитирован в 1958 г. (Репрессированные этнографы, 2002. С. 152–163; Люди и судьбы, 2003. С. 388–389).

Флоринский Василий Маркович (1834–1899), акушер-гинеколог, доктор медицины, ученый-энциклопедист, коллекционер, археолог-любитель, крупный государственный чиновник, основатель и строитель Томского университета, в котором в 1882 г. организовал археологический музей, ныне носящий его имя.

Родился во Владимирской губернии, в семье священника. По окончании Пермской духовной семинарии поступил в Медико-Хирургическую академию в Санкт-Петербурге, которую закончил в 1858 г. и затем состоял адъюнкт-профессором по кафедре акушерства. В 1861 г. защитил диссертацию и стал доктором медицинских наук. После этого два года продолжал образование в лучших университетах Европы. В 1873 г. он был приглашен в состав Ученого комитета при Министерстве Просвещения по пересмотру уставов российских университетов. Некоторое время являлся домашним врачом семьи генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича. С 1877 г. возглавлял кафедру акушерства и гинекологии в Казанском университете, а также занимался археологическим изучением края. В 1878 г. принимал активное участие в организации первого сибирского университета в Томске и в 1880 г. переехал из Казани в Томск. С 1885 по 1898 год служил попечителем Западно-Сибирского учебного округа. Благодаря его усилиям была собрана библиотека, заложен ботанический сад, сформирована археологическая коллекция. В 1898 г. городская дума г. Томска присвоила ему звание Почетного гражданина города за заслуги в открытии университета. Под конец жизни занимался археологическими исследованиями курганов в Западной Сибири и Семиречье. Скончался в Санкт-Петербурге (Труды Музея археологии и этнографии Сибири, 2002. С. 388; Белова, 2009. С. 34).

Чернецов Валерий Николаевич (1905–1970), крупнейший отечественный угровед, археолог, историк, этнограф, фольклорист и лингвист; кандидат исторических наук (1942). Родился в Москве, в семье архитектора. После Октября 1917 г. некоторое время учился на естественном факультете Пречистенского института, позже в Московском электротехническом институте. В 1923 г. в составе геодезической экспедиции попал на Урал. Именно в этой поездке определился круг его интересов: история, этнография и археология народов Северного и Среднего Урала. Исследователь выучил язык манси и стал одним из авторов азбуки и учебников мансийского языка. С 1925 по 1930 год учился на этнографическом отделении географического факультета ЛГУ. В 1930-х гг. преподавал в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена, был научным сотрудником сначала Института народов Севера, затем отдела Сибири МАЭ. В 1940 г. переехал в Москву и до конца жизни работал научным сотрудником ИИМК — ИА АН СССР.

Собрал колоссальный этнографический материал, с 1925 по 1960 г. вел активные археологические исследования: им в 30-е годы раскопан богатейший археологический памятник — Усть-Полуйское городище и жертвенное место, расположенное в низовьях Оби. Особое место в его научной деятельности занимали наскальные рисунки — уральские писаницы. Материал по писаницам был обобщен в двух томах труда «Наскальные изображения Урала» (1964, 1970). Первые экспедиции (1927, 1938) он проводил в одиночку, в 1945 г. руководил Северобарабинской экспедицией, в 1946–1947 гг. — Мангазейской. В 1948–1956 гг. (с перерывами) возглавлял Западно-Сибирскую экспедицию ИИМК АН СССР, работавшую в Тобольском Прииртышьи и южнее — в районе Омска и на Андреевском озере под Тюменью.

В 1941–1944 гг. — зам. заведующего Московским отделением Института; 1963–1970 гг. — руководитель группы Урало-Сибирской археологии. В 1970 г. подготовил автореферат докторской диссертации, который вышел в свет через несколько дней после его кончины. Автор около 70 печатных работ (Смирнов А. П., 1971. С. 309–310; Институт археологии, 2000. С. 259–262).

Черников Сергей Сергеевич (1909–1976), археолог, доктор исторических наук (1970). Родился в г. Белгороде Курской обл. Отец — капитан 6-го Финляндского стрелкового полка, умер в 1911 г. Мать — преподавательница начальной и средней школы (с 1906). С 1910 г. вместе с матерью проживал в Санкт-Петербурге. В 1918–1919 гг. был в интернате. Окончил 101-ю среднюю школу в 1926 г. В том же году поступил в ЛГУ на факультет языкознания и материальной культуры по египтологическому уклону. В 1930 г. перевелся на музейно-краеведческое отделение Лен. Историко-Лингвистического Института, который окончил в 1932 г., получив специальность музейного работника по истории доклассового общества. В 1925–1926 гг. работал на Ленинградской кинофабрике; в 1927–1930 — стрелковым инструктором; в 1930–1931 — коллектором в Центральном геолого-разведочном институте. В 1932 г. по окончании ВУЗ'а был направлен на работу в Новосибирск, где был инспектором научных учреждений в Зап.-Сиб. Крайно. В 1932 г. уехал в Ленинград и рабо-

тал мл. науч. сотрудником в Гос. Русском музее, но был уволен по сокращению штатов, в июне 1933 г. поехал коллектором в экспедицию Геолого-разведочного института на Кольский полуостров. По возвращении из экспедиции поступил преподавателем истории и обществоведения в 35-ую школу Октябрьского района, где проработал до 1935 г. После увольнения работал преподавателем истории в Доме Красной Армии. В июне 1935 г. уехал в экспедицию ГАИМК на Калбинский хребет Восточно-Казахстанской области, где был зачислен начальником археологического отряда. С декабря 1935 г. — мл. науч. сотрудник Института археологической технологии ГАИМК. В августе 1940 г. уволен по сокращению штатов. В течение 10 лет — с 1928 г. по 1938 г. — работал в Бюк-Сюрени, Ольвии, Херсонесе, Старой Ладогге, экспедиции в верховья Иртыша для исследования древних горных выработок, экспедиции в Орск.

В июле 1941 г. пошел добровольцем в народное ополчение. В годы войны — командир химвзвода, командир хим. роты, начальник хим. службы 65-й Легкой Артиллерийской Бригады, 18-й Артиллерийской Дивизии. Имел семь правительственных наград, в том числе медали «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы» и «За взятие Берлина». С 1946 г. — мл. науч. сотрудник ИИМК АН СССР. В феврале 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Древняя металлургия и горное дело западного Алтая». С декабря 1947 по февраль 1950 г. по совместительству заведовал Сектором археологии Института истории АН КазССР. В 1947–1950, 1952–1956 гг. руководил Восточноказахстанской экспедицией (Бухтарминская – 1952 г.) (РА. Ф. 35, оп. 5, д. 382; Археологические экспедиции, 1962. С. 161–162; Кадырбаев, 1976. С. 88–89).

Чугунов Сергей Михайлович (1854–1920), доктор медицины, прозектор Томского университета, археолог, антрополог. В 1895–1899 гг. произвел раскопки в Томской губернии (с. Спасское, Тоянов городок, Усть-Тартасский могильник и др.). В эти годы ИАК субсидировала его работы, а он присылал отчеты, описи и фотографии находок. В 1888–1905 гг. провел большие палео-антропологические работы по материалам средневековых памятников, исследованных в бассейнах рек Томь и Обь (Матющенко, 2001. Т. I. С. 62; Древности, 2005. С. 46–49; Белова, 2009. С. 51, 54, 57).

Широкогоров Сергей Михайлович (1887–1939), сибиревед, этнолог и этнограф, антрополог, член Русского комитета по изучению Средней и Восточной Азии. Родился в г. Суздале Владимирской губ. Первоначально обучался в Париже, закончил филологический факультет Сорбонны, одновременно посещал Высшую школу политической экономии и Антропологическую школу. В 1910 г. вернулся в Россию и в 1911 г. поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, а также занимался в Археологическом институте. Будучи еще студентом, в 1910 г. начал работать в МАЭ над составлением карточного каталога и регистрацией коллекций. В октябре 1912 г. был избран на должность сверхштатного сотрудника (младшего антрополога) и вскоре стал

заведующим Отдела антропологии. В 1912 г. уехал в экспедицию в Сибирь. В 1917 г. приезжал в Петроград, но в МАЭ так и не вернулся, хотя должность сохранялась за ним до 1923 г.

В 1912, 1913, а также в 1915–1917 гг. Русский комитет по изучению Средней и Восточной Азии направлял его в Сибирь и на Дальний Восток. Маньчжурская экспедиция, начальником которой он был, финансировалась Императорской Академией наук. В 1917 г. он посетил Китай, Монголию и прилегающие к ним районы Сибири. Из-за революционных событий 1917 г. Широкогоров остался в Китае. С 1918–1922 гг. работал в должности профессора в Дальневосточном университете во Владивостоке, а с 1926 г. — в различных университетах Китая. Начиная с 1910 г. постоянно ездил в экспедиции, в 1912–1913 гг. совершил две поездки к тунгусам Забайкалья с целью изучения антропологии, этнографии и языка. С 1918 г. Широкогоров вел стационарные полевые исследования в Китае, Корее, Японии, Индостане и Океании. В 1916 г. получил Открытый лист на раскопки в пределах Амурской обл., но дальнейших сведений о них не имеется (Ревуненкова, Решетов, 2003. С. 100–119; Белова, 2009. С. 138).

Шишкин Василий Афанасьевич (1894–1966), археолог и востоковед. Доктор исторических наук (1961). Член-корреспондент АН УзССР (1966). Зав. сектором археологии Института истории и археологии АН УзССР (1943–1966). Преподаватель Ташкентского Женского института просвещения (1923–1925) и других учебных заведений Самарканда и Бухары.

Родился в с. Скоплено, ныне Кировской обл. В 1926 г. окончил восточный факультет САГУ. В 1927 г. занимался выявлением и предварительным изучением памятников западной части Ферганской долины, в 1928–1936 — памятников Бухары, Бухарской и Кашкадарьинской области. С 1934 г. участвовал в крупных научных экспедициях: в Зарафшанской экспедиции Узкомстариса и ГЭ (нач. А. Ю. Якубовский, 1934 г.), Термезской археологической комплексной (нач. М. Е. Массон, 1936–1938 гг.), экспедиции ГЭ по изучению городища Пайкенд (нач. А. Ю. Якубовский, 1939 г.), государственной экспедиции по изучению погребений Тимура и тимуридов в мавзолее Гур-Эмир в Самарканде (1941 г.). С 1937 г. проводил и самостоятельные работы в Бухарской области, в том числе на городище Варахша. В 1938 и 1939 г. на городище были обнаружены остатки дворца бухар-худатов с замечательными памятниками алебастровой скульптуры и живописи. Возглавлял археологическую экспедицию на городище Афрасиаб (Самарканд), Узбекскую археологическую экспедицию АН УзССР (1956–1959 гг.).

В. А. Шишкин преподавал на историческом факультете САГУ (1933–1945); в 1944–1955 — доцент Ташкентского педагогического института им. Низами.

Автор более 100 научных трудов. Награжден орденом Ленина, медалью «За доблестный труд в ВОВ 1941–1945 гг.» и другими (ИМКУз, 1965. С. 5–16; Лунин, 1967. С. 301).

Шнейдер Евгений Робертович (1897–1938), сибиревед, этнограф и лингвист, первый исследователь удэгейского языка. Родился в Красноярске, где в 1916 г. окончил гимназию. Летом 1921 г. работал в экспедиции Томского уни-

верситета под руководством С. А. Теплоухова в Минусинском крае; здесь он познакомился с М. П. Грязновым, с которым продолжал дружить и перебравшись по приглашению С. А. Теплоухова в Петроград. В экспедиции собирал этнографические и антропологические коллекции, зимой в Томске занимался их обработкой. В 1923 г. принимал участие в подготовке отчетной выставки в Русском музее. В 1924 г. окончил археологическое отделение факультета общественных наук ЛГУ. Являлся сотрудником этнографического отдела Русского музея, занимался археологией и этнографией Южной Сибири. Два года работал в экспедициях в Минусинском крае (1924–1925), в 1926 г. в Казахстане изучал орнаментальное искусство казахов. В 1927 г. в составе Амурско-Уссурийской экспедиции Русского музея был у самагиров и негидальцев, руководил отрядом по изучению народности удэ. С 1932 г. работал научным сотрудником лингвистической секции Научно-исследовательской ассоциации Института народов Севера и трудился над созданием удэгейской письменности, одновременно преподавал на географическом факультете ЛГУ.

Арестован 2 ноября 1937 г., так как якобы «являлся участником военно-офицерской организации “Российский Общевоинский Союз” и проводил шпионскую работу в пользу Германии». Постановлением Особого совещания от 4 января 1938 г. приговорен к высшей мере наказания и расстрелян 8 января 1938 г. Реабилитирован в 1957 г. (Люди и судьбы, 2003. С. 424).

Щербина-Крамаренко Николай Николаевич (1863–1913), художник-архитектор. В 1885–1889 гг. учился в Академии Художеств. В 1893 г. получил звание классного художника 1-й степени. В 1895 г. прервал работу в Императорском Человеколюбивом обществе, поскольку по постановлению Общего собрания АХ был командирован в Русский Туркестан для изучения древних памятников архитектуры. Речь идет об экспедиции, возглавлявшейся Н. И. Веселовским. В 1896–1897 гг. архитектор Н. Н. Щербина-Крамаренко принимал участие в выполнении живописных изображений с мечетей Самарканда.

Щусев Алексей Викторович (1873–1949), архитектор, академик АН СССР (1943). Участвовал в экспедиции Н. И. Веселовского в Самарканд и Шахрисабз в 1897 г. По его проектам построены Казанский вокзал в Москве (1914–1926, 1941), мавзолей В. И. Ленина (1924–1930), гостиница «Москва» (1932–1938) (Балдин, 1976. С. 285–303).

Ядринцев Николай Михайлович (1842–1894), русский исследователь Центральной Азии, этнограф и публицист, член-сотрудник РАО (с 1881). Родился в Омске, сын купца, выходца из крестьян Томской губ. Учился в Томской гимназии, затем поступил вольнослушателем в Санкт-Петербургский университет. В 1863 г. вернулся в Омск и до весны 1865 г. работал по устройству публичных лекций. В мае 1865 г. Ядринцев вместе с Г. Н. Потаниным, С. С. Шашковым и др. был арестован по делу о «сибирском сепаратизме», названному администрацией «делом об отделении Сибири от России и образовании республики, подобно Соединенным Штатам». На три года был посажен в Омский острог, а затем отправлен на жительство в Шенкурск, где занялся разработкой вопроса о сибирской тюрьме и ссылке. В декабре 1873 г. восстановлен в правах,

приехал в Петербург и поступил секретарем к председателю комиссии по устройству тюрем графу В. А. Соллогубу. В 1876 г. был приглашен на службу в управление западносибирского генерал-губернатора Казнакова и работал по крестьянскому, инородческому и другим вопросам. В 1878 г. совершил экспедицию на Алтай для изучения колонизационного движения, этнографических и экономических исследований (как член Западно-Сибирского отдела ИРГО). За время путешествий по Алтаю в 1878–1880 гг. провел исследования по экономике и географии, археологии и этнографии, антропологии, лингвистике и т. п. Он собрал множество данных о курганах, городищах и других археологических памятниках, записал предания крестьян о некоторых из них, сделал зарисовки многих археологических находок. Эти материалы были опубликованы в трудах МАО, а их автор награжден Золотой медалью ИРГО. После экспедиции 1880 г. к инородцам Томской губернии навсегда оставил государственную службу, и в 1881 г. переселился в Петербург, где прожил до 1887 г. С 1886 г. активно работал в обществе содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам и совершил поездку в Минусинский край и Северную Монголию. ИАК поручила ему собрать сведения об археологических открытиях в Западной и Восточной Сибири за последние 25 лет. После поездки он привез в ИАК отчет о поездке в Восточную Сибирь и фотографии находок. По заданию ИРГО в 1889 г., во время путешествия к верховьям р. Орхон, в урочище Кошо-Цайдам Н. М. открыл памятники древнетюркской письменности, послужившие основой для расшифровки рунического алфавита, развалины средневекового Хара-Балгаса и установил место столицы монгольской империи — Каракорума. В 1891 г. выпустил книгу «Сибирские инородцы, их быт и современное положение» и принял участие в Орхонской экспедиции под руководством В. В. Радлова. В 1894 г. принял место зав. статистическим бюро при управлении Алтайским горным округом, вернулся в Барнаул, где и скончался (Матюшенко, 2001. С. 46; Белова, 2009. С. 23, 30).

Якубовский Александр Юрьевич (1886–1953), историк-востоковед, археолог. Родился в Санкт-Петербурге. В 1913 г. окончил историко-филологический, а в 1924 — восточный факультет Петроградского-Ленинградского университета. В 1920–1924 гг. работал преподавателем истории.

Доктор исторических наук (1935), профессор (1949), сотрудник Эрмитажа (1928–1953): зав. Отделением феодализма (с 1930), зав. Сектором Востока (1933–1936), зав. Отделением Средней Азии Отдела Востока (1946–1948). Член-корреспондент АН СССР (1943). Академик АН ТаджССР (1951). Заслуженный деятель науки Узбекистана (1943) и Таджикистана (1946). Работал в ГАИМК (с 1925), в ИИМК АН СССР заведовал сектором Средней Азии и Кавказа. Автор многочисленных трудов по истории Средней Азии, Кавказа, Золотой Орды, стран Переднего Востока. С 1945 г. возглавлял Согдийско-Таджикскую археологическую экспедицию, основные работы которой производились на городище древнего Пенджикента. Лауреат Государственной Премии СССР (1952) (РА. Ф. 53; А. Ю. Якубовский, 1953. С. 293–307; Беленицкий и Дьяконов, 1953. С. 166–172; Балашова и Банк, 1954. С. 44–45; Дьяконов, 1956. С. 5–7; Негматов, 1980. С. 97–114; Негматов, 1981. С. 48–59).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная книга преследовала цель изучения археологического (в широком смысле понимания археологии) наследия народов двух обширных регионов — Центральной Азии и Сибири, выраженного посредством фотодокументов. Ее исполнение неразрывно связано с выявлением и анализом документов из фотоархива Научного архива ИИМК РАН, отложившихся в период с середины XIX до середины XX в. Таким образом, основным источником и предметом изучения являлись фотодокументы.

Особое значение фотодокумента заключается в его аутентичности, то есть абсолютном соответствии моменту съемки, уникальности, поскольку каждый снимок неповторим, документальности, то есть точности передачи, и практически неограниченного срока хранения снятых изображений. Фотографическое документирование различных событий из жизни человеческого общества, его истории, материальной и духовной культуры позволило распространять полученную информацию и делать ее доступной посредством архивного хранения и публикаций.

Страницы истории фотографии позволяют сделать вывод о том, что фотоархив ИИМК РАН, основы которого были заложены в период деятельности Императорской Археологической комиссии (1859–1917), можно считать одним из старейших в России.

Исходя из материалов фотоархива НА ИИМК РАН, установлено, что фотофиксацию археологических и архитектурных объектов, этнографических сюжетов начали осуществлять в 1870-е гг., и именно с этого времени формируется фотографическая часть историко-культурного наследия народов Азиатской России, включающей, в том числе, огромные пространства Сибири, Дальнего Востока и «страны тюрков» — Туркестана.

Впервые осуществлено целенаправленное выявление и анализ фотодокументов по истории и культуре народов, населяющих пространства Сибири и Центральной Азии, отложившихся в фондах архива. Необходимость введения в научный оборот этого вида источников связана, прежде всего, с поступательным процессом развития человеческого общества, его культурной унификацией и, как следствие, исчезновением характерных черт традиционной культуры. Исторические фотодокументы в целом ряде случаев становятся единственными свидетельствами ее особенностей.

Предметом исследования явились фотодокументы, исполненные в рамках деятельности Императорской Археологической комиссии (1859–1917), Российской-Государственной Академии истории материальной культуры (1919–1937) и Института истории материальной культуры АН СССР (с 1937 г.). Названные учреждения и ряд других, существовавших в тот же период, выступают в качестве фондообразователей. Всего в предлагаемом издании использованы материалы 13 фондов (учрежденческих и личных), документы которых датируются указанным промежутком времени.

Фонд Императорской Археологической комиссии формировался в течение всего периода ее деятельности, но, наиболее активно, в 1880-е–1890-е гг. Это доказывают фотодокументы археологических и археолого-архитектурных исследований в Средней Азии и Сибири. Выявлены особенности изучения памятников на этих территориях и общие явления, среди которых на первое место следует поставить отсутствие специальной подготовки археологов.

Исследования в Центральной Азии носили археолого-архитектурный характер и производили их, главным образом, хорошо подготовленные востоковеды, обладавшие знанием языков и средневековых исторических источников, с успехом применявшие их при археологических исследованиях и приобретении случайных находок. Особая роль в изучении туркестанских памятников принадлежит Н. И. Веселовскому, В. А. Жуковскому, В. В. Бартольду и художнику, этнографу-фотографу С. М. Дудину. Вопрос о необходимости подробной фотофиксации историко-культурных памятников в конце XIX в. был поставлен академиками В. В. Радловым и В. В. Бартольдом, осуществлением этой задачи, в наибольшей степени, занимался С. М. Дудин.

В обширном Сибирском регионе ИАК также сотрудничала с местными краеведами, корректируя их работу и выдавая разрешения на раскопки. Некоторые из них впоследствии стали сотрудниками ИАК. Разновременные и ранее неизвестные памятники были изучены в Западной и Южной Сибири, Забайкалье, Урянхайском крае (Тува). Основным итогом явилось создание первых периодизаций, классификаций, каталогов музеев и сбора материала для издания карты Минусинских котловин, значительное пополнение фондов музеев, в том числе Минусинского и археолого-этнографического музея Томского университета (МАЭС).

Выявлено значительное число фотодокументов съемки случайных находок, обнаруженных или приобретенных в этих регионах и переданных впоследствии на хранение в российские музеи. Наиболее ценные находки оставались в столичных музеях, при размещении остальных предпочтение отдавалось университетским музеям и «владельцам» коллекций, присылавших их для фотографирования в ИАК. В документах ИАК оговорены многие важные положения, например, принцип неделимости коллекции, хотя бы путем ее фотографирования. Случайные находки большей частью не опубликованы и остаются неизвестными для исследователей. Высказано предположение, что находки ценны не только сами по себе — их концентрация может подсказать местонахождение некоего археологического памятника. Большая часть обна-

руженных в этих регионах изделий «восточного серебра» опубликована Я. И. Смирновым. Материалы к созданному им Атласу, являющемуся плодом многолетних работ, отложились в его фонде в фотоархиве ИИМК РАН.

Фотодокументы являются ценнейшим источником для музейных работников, позволяя проследить судьбу вещи от момента ее регистрации в фонде музея до происшедших со временем утрат и изменений. Обязательной считалась съемка предмета перед его реставрацией и после ее завершения.

В книге отмечены изменения, происшедшие в деятельности Российской и Государственной академии истории материальной культуры и ИИМК АН СССР по сравнению с ИАК, что, несомненно, было связано с задачами, определенными новым научным учреждениям их Уставами: всестороннее исследование памятников древности, искусства, старины и народного быта, распространение знаний об этих памятниках, организация их изучения, разработка научных основ охраны; производство археологических раскопок и сбор предметов древностей, искусства, старины и народного быта с целью их охраны и изучения; организация экспедиций в этих целях и теоретическая разработка всех вопросов, относящихся к области археологии, истории искусства и этнологии. Так широко, например, понимал «науку о древности или археологию» профессор Петербургского университета И. И. Срезневский, который еще в 1878 г. высказал точку зрения, что среди памятников археологии следует рассматривать «все памятники с приметами человеческого труда, оставшиеся от прошлых веков», то есть, помимо археологических, памятники письменности и языка, искусства, народных обычаев и, несомненно, архитектурные сооружения, как имеющие ярко выраженные «приметы человеческого труда» (Тихонов, 2003. С. 30).

Включение в круг источников, помимо памятников древности и искусства, предметов старины и народного быта, фольклора и лингвистики отразилось в организационной структуре РАИМК и ГАИМК, появились отделы, занимавшиеся проблемами ориенталистики. Сотрудниками Академии истории материальной культуры до 1930 г. являлись многие ведущие востоковеды. Пути востоковедов и археологов, историков материальной культуры разошлись в 1930 г. в связи с образованием самостоятельного Института востоковедения в структуре Академии наук, хотя сотрудники ГАИМК, а затем и ИИМК АН СССР продолжали заниматься древней и средневековой историей Кавказа, Передней и Центральной Азии, Казахстана и Сибири.

Археологические исследования РАИМК–ГАИМК рассмотрены нами по регионально-хронологическому принципу. Впервые показано наличие фотодокументации по определенным памятникам. Основную роль начинают играть археологи «нового поколения», получившие в 1920-е гг. подготовку на археологическом отделении Ленинградского университета. Отмечено расширение ареала исследований, как в географическом, так и научном отношении. В этом плане очень показательной представляется таблица исследований, проведенных в 1859–1959 гг., помещенная в Приложении к работе (*Приложение*).

Основу творчества фотографов, так или иначе, составляли научные исследования, накопленная визуальная информация, личные наблюдения. С одной стороны, можно расценивать их работы только как иллюстрации или документы, с другой, сопоставив их с произведениями художественной литературы или научными трудами, приходишь к выводу об их самостоятельной ценности.

В работе мы рассматривали, в основном, использование фотографии в науке, практически не останавливаясь на художественных достоинствах снимков, хотя многие из них являются настоящими произведениями изобразительного искусства, выраженного языком фотографии. Фотография, как памятник искусства определенной эпохи и метода исследования, является частью человеческой культуры.

Как правило, программа съемок включала фотофиксацию ландшафтов, памятников старины, быта, традиций и представителей местного населения — так составлялась фотолетопись об укладе жизни и культуре народов того или иного края. Фотографические коллекции представляют, таким образом, огромную историческую ценность и служат непревзойденным источником для изучения прошлого народов.

Отдельная глава в книге посвящена достаточно кратким биобиблиографическим сведениям об исследователях, работавших в Центральной Азии и Сибири в течение ста лет (1859–1959 гг.). Нам удалось собрать данные почти о 160 ученых, археологах-любителях и профессионалах, музейных работниках, военных, художниках и представителях других профессий. К сожалению, объем издания не позволяет представить их портреты, также как и большое количество фотографий раскопок, находок, архитектурных сооружений.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллоев Д.* Основные вехи жизненного пути А. М. Беленицкого // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Александра Марковича Беленицкого. СПб., 2–5 ноября 2004 года. СПб., 2004. С. 11–12.
- Абрамова З. А., Окладников А. П., Седякина Е. Ф.* Археологические исследования в долине р. Ангары в 1956 г. // КСИИМК. Вып. 76. М., 1959. С. 33–41.
- Абрамова З. А. Г. П.* Сосновский (1899–1941) и проблемы палеолита Северной Азии // СА. 1981. № 1. С. 109 и сл.
- Адрианов А. А.* Материалы по археологии Усть-Каменогорского района // Труды Семипалатинского окружного музея. Вып. 2. Семипалатинск, 1929. С. 43–56.
- Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершённое в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым // Зап. ИРГО по общей географии. Т. II. СПб., 1888. С. 147–444.
- Адрианов А. В.* Путешествие на Алтай и за Саяны, совершённое летом 1883 по поручению Императорского Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А. В. Адриановым // Зап. Зап.-Сиб. отдела ИРГО. Кн. 8, вып. 2. Омск, 1888. С. 1–144, I–IX, 1–6.
- Адрианов А. В.* Томская старина // Город Томск. Томск, 1912. С. 101–183.
- Адрианов А. В.* К биографии Г. Н. Потанина // Сб. к 80-летию со дня рожд. Григория Николаевича Потанина. Томск, 1915. С. I–XXXI.
- Адрианов А. В.* К археологии Западного Алтая (Из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.) // Изв. ИАК. Вып. 62. Пгр., 1916. 86 с.
- Адрианов А. В.* Памяти супругов Клеменц. Иркутск, 1917. 22 с.
- Адрианов А. В.* Дневник археологических исследований 1915–1916 гг. в Урянхайском крае (Тува). Томск: ТГУ, 2008. 145 с.
- Академик С. Ф. Ольденбург. К пятидесятилетию научно-общественной деятельности. 1882–1932. Л., 1934.
- Аксенова О. Н. Л. А. Евтюхова (1903–1974)* // Институт археологии: история и современность. М.: Наука, 2000. С. 101–103.
- Александр Андреевич Спицын (1858–1931) // СА. Т. X. 1948. С. 7–8.

- Александр Натанович Бернштам (1910–1956). [Некролог] // СА. 1957. № 1. С. 289–290.
- Александрова М. В.* М. В. Воеводский // Институт археологии: история и современность. М.: Наука, 2000. С. 70–73.
- Алексеев В. П., Гурвич И. С.* Алексей Павлович Окладников (1908–1981). [Некролог] // СЭ. 1982. № 2. С. 168–172.
- Алексеев В. П.* Памяти Сергея Александровича Токарева: [1899–1985] // СЭ. 1985. № 4. С. 168–172.
- Алексей Иванович Тереножкин. [Некролог] // СА. 1982. № 3. С. 297–299.
- Алёкишин В. А.* Сектор/Отдел археологии Средней/Центральной Азии и Кавказа ЛОИИМК АН СССР – ЛОИА АН СССР – ИИМК РАН и его предшественники в ИАК – РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР (Основные вехи истории) // Записки ИИМК РАН. № 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 10–92.
- Алёкишин В. А.* Александр Натанович Бернштам. Биографический очерк // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама. СПб.: «Инфо-ол», 2010. С. 9–22.
- Андреев Г. И.* Поселение Зайсановка в Приморье // СА. 1957. № 2. С. 121–145.
- Андреев Г. И.* Поселение на мысе Седловидном в Уссурийском заливе // КСИИМК. Вып. 74. 1959. С. 124–130.
- Антология советской археологии (1917–1933). Т. I. М.: Наука, 1995. 167 с.
- Артюх Е. А.* Деятельность В. В. Радлова на Алтае (1858–1871) // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. Материалы Всерос. (с междунар. участием) 43-й археолого-этнограф. конф. молодых ученых. Томск, 1–3 апреля 2003 г. Томск: ТГУ, 2003. С. 20–21.
- Артюх Е. А.* Алтайский период в научной деятельности В. В. Радлова. Барнаул: изд. Алтайского гос. университета, 2010. 293 с.
- Археологические памятники на территории города Самары. Самара, 2005. 56 с.
- Археологические экспедиции Государственной академии истории материальной культуры и Института археологии Академии наук СССР 1919–1956 гг. Указатель. М.: АН СССР, 1962. 264 с.
- Ауэрбах Н. К. и Громов В. И.* Материалы к изучению Бирюсинских стоянок Красноярского округа // ИГАИМК. Вып. 118. 1935. С. 219–244.
- Ауэрбах Н. К. и Сосновский Г. П.* Остатки древнейшей культуры человека в Сибири. (Предварительные сообщения о раскопках палеолитической стоянки у Афонтовой горы близ г. Красноярска, произведенных в 1923 г. по поручению Красноярского и Восточно-Сибирского Отдела РГО для Музея Приенисейского края // Жизнь Сибири. 1924. Вып. 5–6. С. 199–219.
- Ауэрбах Н. К. и Сосновский Г. П.* Материалы к изучению палеолитической индустрии и условий ее нахождения на стоянке Афонтова гора // ТКИЧП. 1932. Т. I. С. 45–114.
- Ахмет Кибирович Кибиров [1919–1956. Некролог] // Труды Института истории АН КирССР. Вып. 2. 1956. С. 153–154.

- Ашинин Ф. Д., Алпатов В. М.* Дело славистов в 30-е годы. М.: Наследие, 1994. 284 с.
- А. Ю. Якубовский* [Некролог. 1886–1953] // ВИ. 1953. № 5. С. 139–142.
- Байтаков К. М., Самашев З. С., Ермолова А. С.* Анна Георгиевна Максимова [Некролог] // Изв. НАН Казахстана. Серия обществ. наук. 2003. № 1. С. 286–288.
- Балашова Г. Н., Банк А. В.* А. Ю. Якубовский (1886–1953) // СГЭ. 1954. Вып. 6. С. 44–45.
- Балдин В. И.* А. В. Щусев и вопросы сохранения архитектурного наследия // ТНИИК. 1976. Т. 35. С. 285–303.
- Барановская М. Ю.* И. Ф. Барщевский (1851–1948). (Некролог) // КСИИМК. Вып. XXIV. 1948. С. 121–122.
- Баркова Л. Л., Завитухина М. П.* В. Н. Полторацкая (1899–1980). [Некролог] // СГЭ. 1983. Вып. 48. С. 72.
- Бартольд В. В.* Отчет о командировке в Туркестан // ИРАИМК. 1922. Т. 2. С. 1–22.
- Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью 1893–1894 гг. // Бартольд В. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Наука, 1966. Т. IV. С. 21–91.
- Бартольд В. В.* Отчет о поездке в Самарканд летом 1904 года командированного Русским Комитетом проф. В. В. Бартольда // Бартольд В. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Наука, 1966. Т. IV. С. 130–133.
- Бартольд В. В.* Поездка в Самарканд с археологической целью // Бартольд В. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Наука, 1966. Т. IV. С. 139–140.
- Бартольд В. В.* Археологические работы в Самарканде летом 1924 г. // Бартольд В. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Наука, 1966. Т. IV. С. 269–279.
- Бартольд В. В.* По поводу археологических работ в Туркестане в 1924 г. // Бартольд В. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Наука, 1966. Т. IV. С. 282–289.
- Бартольд В. В.* Ближайшие задачи изучения Туркестана // Бартольд В. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Наука, 1977. Т. IX. С. 546–555.
- Бартольд В. В.* Н. И. Веселовский как исследователь Востока и историк русской науки // Бартольд В. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Наука, 1977. Т. IX. С. 648–664.
- Бартольд В. В.* Памяти В. А. Жуковского // Бартольд В. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Наука, 1977. Т. IX. С. 989–703.
- Бартольд В. В.* Воспоминание о С. М. Дудине // Бартольд В. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Наука, 1977. Т. IX. С. 773–778.
- Беленицкая Г. А.* Материалы к биографии А. М. Беленицкого (из семейного архива) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов. Археология, история, этнология, культура. Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Александра Марковича Беленицкого. СПб., 2–5 ноября 2004 года. СПб., 2004. С. 13–15.
- Беленицкий А. М.* Памяти Михаила Михайловича Дьяконова [1907–1954. Некролог] // КСИИМК. Вып. 55. 1954. С. 155–162.

- Беленицкий А. М. и Дьяконов М. М.* Памяти Александра Юрьевича Якубовского // КСИИМК. Вып. 51. 1953. С. 166–172.
- Беленицкий А. М., Заднепровский Ю. А.* Памяти Анатолия Максимилиановича Мандельштама // СА. 1984. № 4. С. 315.
- Беленицкий А. М.* Древний Пенджикент (основные итоги раскопок 1954–1957 гг.) // СА. 1959. № 1. С. 195–217.
- Белова Н. А.* Перечень материалов экспедиций и раскопок в фонде Императорской Археологической комиссии рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН // Приложение. Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 12–140.
- Берестецкая Т. В. В. Г. Дружинин:* новые материалы к биографии // Исследования по русской истории: Старообрядчество в России (XVII–XVIII вв.). Вып. 2. Сб. науч. трудов. М.: Археографический центр, 1994. С. 214–227.
- Бернштам А. Н.* Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941. 112 с.
- Бернштам А. Н.* Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943. 67 с.
- Бернштам А. Н.* Археологические контуры Тянь-Шаня и Алая // Изв. КирФАН. Вып. 2–3. 1945. С. 59–70.
- Бернштам А. Н.* К истории фергано-тяньшанских культурных отношений // Изв. КирФАН. Вып. 4–5. 1947. С. 111–120.
- Бернштам А. Н.* Из истории Восточной Ферганы и Алая // Изв. КирФАН. Вып. 6. 1947. С. 115–119.
- Бернштам А. Н.* Из итогов изучения древней истории Киргизстана // Изв. КирФАН. Вып. VII. 1947. С. 49–54.
- Бернштам А. Н.* Археологические работы в Южном Казахстане // КСИИМК. Вып. 26. 1949. С. 131–133.
- Бернштам А. Н.* Древний Отрар // ИАН КазССР. № 108. Серия археолог. Вып. 3. 1951. С. 81–97.
- Бернштам А. Н.* Древний Тянь-Шань // КСИИМК. Вып. 38. 1951. С. 140–144.
- Бернштам А. Н.* Наскальные изображения Саймалы-Таш // СЭ. 1952. № 2. С. 50–68.
- Бернштам А. Н.* Историко-археологические очерки Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. № 26. М.; Л., 1952. 347 с.
- Бернштам А. Н.* Саки Памира // ВДИ. 1956. № 1. С. 189–206.
- Бернштам А. Н.* Максимилиан Эммануилович Воронец [1883–1954. Некролог] // СЭ. 1956. № 3. С. 153–154.
- Бернштам А. Н. и А. С. Морозова.* Отчет о командировке в Среднюю Азию // ПИДО. 1934. № 6. С. 100–101.
- Библиографический словарь отечественных тюркологов. Дооктябрьский период. М., 1989.
- Бич О. И.* Архив А. А. Спицына (Крайние даты архивных материалов 1880–1931 гг.) // СА. Т. X. 1948. С. 21–52.

- Б. Н. Граков. Некролог // СА. 1971. № 2. С. 309.
- Бобринский А. А.* Доклад о действиях ИАК за 1885 г. // ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. LXI–XCVI.
- Бобринский А. А.* Доклад о действиях ИАК за 1887 г. // ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1891. С. СХСIII–СХСIХ, CLXXX–ССI.
- Болтенко К. Г.* Работы на Байкало-Амурской магистрали. Отчет о работах // ИГАИМК. Вып. 110. 1935. С. 80–90.
- Большая советская энциклопедия. 2 изд. Т. 3: Аризона – Аяччо. С. 117–118.
- Борисковский П. И.* Первые 30 лет Института археологии АН СССР // КСИА. Вып. 163. 1980. С. 5–7.
- Борисковский П. И.* Алексей Павлович Окладников. [некролог] // СА. 1982. № 3. С. 291–296.
- Борисковский П. И., Любин В. П.* Мария Захаровна Паничкина. Некролог // СА. 1979. № 1. С. 318–319.
- Боровка Г. О.* Культурно-историческое значение археологических находок экспедиции // Сб. трудов: Краткие отчеты экспедиции по исследованию Северной Монголии. Л., 1925. С. 23–40.
- Боровка Г. О.* Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Сб. трудов: Северная Монголия. Т. II. Л., 1927. С. 43–88.
- Брыкина Г. А.* Оболдуева Татьяна Григорьевна (1908–1995) // Институт археологии: история и современность. М.: Наука, 2000. С. 181–183.
- Василий Афанасьевич Шишкин как ученый-археолог и общественный деятель. (К 70-летию со дня рождения) // ИМКУз. Вып. 6. Ташкент, 1965. С. 5–16.
- Вайнштейн С. И., Кляшторный С. Г.* В. В. Радлов и историко-этнографическое изучение тюркских народов // Тюркологический сборник 1971. М.: Наука, 1972. С. 20–31.
- Вадецкая Э. Б.* К истории археологического изучения Минусинских котловин // ИЛАИ. Вып. VI. Кемерово: КемГУ, 1973. С. 91–160.
- Вадецкая Э. Б.* Сказы о древних курганах. Новосибирск: Наука, 1981. 113 с.
- Васильева Р. В.* Главное археологическое учреждение царской России: Императорская Археологическая комиссия. 1859–1917 гг. Заметки архивиста // Культурное наследие Российского государства. Вып. II. СПб.: ИПК «Вести», 2000. С. 177–187.
- Веселовский Н. И.* О находке глиняных гробов в Самарканде // ЗВОРАО. 1901. Т. XIII. С. III.
- Вшиневецкая В. А.* Из жизни и деятельности С. М. Дудина — художника, собирателя, исследователя // Из истории формирования этнографических коллекций в музеях России (XIX–XX вв.). СПб., 1992. С. 84–106.
- Выдающиеся исследователи Кировской области. Киров, 1973. 48 с.
- Вяткин В.* Отчет о раскопках на Афрасиабе в 1905 году // ИРСКЛА. 1908. № 8. С. 22–36.
- Вяткин В.* Афрасиаб — городище былого Самарканда. Археологический очерк. Ташкент, 1927. 65 с.
- Вяткин В. Л.* Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1927. 32 с.

- Гаврилова А. А. Кудыргэ (исследование могильника в связи с историей Алтая VI–XIV вв.). // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.; Л. 1951. 16 с.
- Гаврилова А. А. Раскопки второго Катандинского могильника // СА. Т. XXVII. 1956. С. 250–268.
- Гайдукевич В. Ф. Работы Фархадской археологической экспедиции в Узбекистане в 1943–1944 гг. // КСИИМК. Вып. 14. 1946. С. 92–109.
- Гайдукевич В. Ф. Керамическая обжигательная печь Мунчак-тепе // КСИИМК. Вып. 28. 1949. С. 77–82.
- Гайдукевич В. Ф. Могильник близ Ширин-Сая в Узбекистане // СА. Т. XVI. 1952. С. 331–359.
- Герасимов М. М. Раскопки палеолитической стоянки в селе Мальте. Предварительный отчет о работах 1928–1932 гг. // ИГАИМК. 1935. Вып. 118. С. 78–124.
- Герасимов М. М. Портрет Тамерлана. (Опыт скульптурного воспроизведения на краниологической основе) // КСИИМК. Вып. XVII. 1947. С. 14–21.
- Герсамя Т. Г. О фотографической коллекции Д. И. Ермакова // ТД 4-го МСАИ. Ереван, 1985. С. 81–83.
- Гирлихс Й. Фридрих Зарре и Эрнст Кон-Винер в Средней Азии // Культурные ценности, 2002–2003. СПб., 2004. С. 249 и сл.
- Глазенап С. Раскопки обсерватории Улуг-бека в Самарканде // Изв. ИАК. Приб. к вып. 31. СПб., 1909. С. 33–35.
- Голендер Б. А. Окно в прошлое. Туркестан на старинных почтовых открытках (1898–1917). Ташкент: Psychodely ART, 2002. 243 с.
- Горшенина С. М. Станный археолог Кастанье // Звезда востока. 1996. № 3. С. 147–159.
- Грач А. Д. Археологические исследования в Западной Туве // КСИЭ. Вып. XXIII. 1955. С. 19–33.
- Гречишкина М. Археологические исследования Алексея Ивановича Тереножкина в Киргизии и Казахстане (1929–1936 гг.) // Древние культуры Евразии: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. А. Н. Бернштама. СПб.: «Инфо-ол», 2010. С. 322–324.
- Григорьев Г. В. Краткий обзор о работах Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г. Ташкент, 1940. 40 с.
- Григорьев Г. В. Городище Тали-Барзу // ТОВЭ. Т. II. 1940б. С. 87–104.
- Гришин Ю. С., Марковин В. И. Г. И. Андреев. Некролог // СА. 1970. № 4. С. 326.
- Громов В. И. Николай Константинович Ауэрбах (1892–1930) // СГАИМК. 1931. Вып. 2. С. 31–32.
- Громов В. И. Фаунистический состав и геологические данные о палеолитической стоянке Мальта под г. Иркутском // ТССАИЧП. 1937. Вып. 1. С. 296–301.
- Грязнов М. П. Раскопки княжеской могилы на Алтае // Человек. 1928. № 2–4. С. 217–219.
- Грязнов М. П. Древние культуры Алтая // Материалы по изучению Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1930. 11 с.

- Грязнов М. П. Раскопки на Алтае // СГЭ. Вып. 1. 1940. С. 17–21.
- Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л.: изд-во ГЭ, 1950. 92 с.
- Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. // МИА. № 48. М.; Л., 1956. 161 с.
- Грязнов М. П. К вопросу о культурах эпохи поздней бронзы в Сибири // КСИИМК. Вып. 64. 1956. С. 27–42.
- Давидович Е. А. и Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955. 231 с.
- Давыдова А. В. Иволгинское городище. (К вопросу о гуннских поселениях в Забайкалье) // СА. Т. XXV. 1956. С. 261–300.
- Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Том I: Иволгинское городище. СПб.: фонд «АзиатИКА», 1995. 92 с., 188 табл.
- Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Том 2: Иволгинский могильник. СПб.: фонд «АзиатИКА», 1996. 176 с.
- Давыдова А. В. и Шилов В. П. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. // Зап. Бурят.-Монг. НИИ. Вып. 13 и вып. 14. Улан-Удэ. 1951 и 1952. С. 71–100 и 94–116.
- Давыдова А. В. и Шилов В. П. К вопросу о земледелии у гуннов // ВДИ. 1953. № 2. С. 193–201.
- [Девель Т. М.] Поступления в фотоотдел // СГАИМК. 1931, июль. № 7. С. 40.
- Девель Т. Фототека (в разделе «Хроника») // СГАИМК. 1932. № 3–4. С. 42.
- Девель Т. М. Выставка результатов работ Академии за 1919–1927 гг. // СГАИМК. Т. II. 1929. С. 217–239.
- Девель Т. М. Обзорение коллекций собрания фотоархива Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра АН СССР // СА. Т. XII. 1950. С. 289–336.
- Девель Т. М. Альбом фотографий миссии полковника Н. П. Игнатъева в Хиву и Бухару 1858 года // Страны и народы Востока (география, этнография, история, культура). Вып. XXVIII. СПб.: Восточная литература, 1994. С. 259–271.
- Декреты Советской власти. Т. V. М., 1975. С. 443.
- Демин М. А. Первооткрыватели древностей. Барнаул, 1989. 120 с.
- Длужневская Г. В. Неопубликованные материалы археологического наследия В. В. Бартольда // Бартольдовские чтения. 1987. Ч. 8. М., 1987. С. 111–112.
- Длужневская Г. В. Деятельность РАИМК–ГАИМК: 1919–1937 гг. // Археология и социальный прогресс: Материалы конф. М.: Наука, 1991. Вып. 1. С. 31–44.
- Длужневская Г. В. Из истории формирования фонда фотоархива Института истории материальной культуры РАН // АВ. № 3. СПб., 1995. С. 298–302.
- Длужневская Г. В. Материалы А. Н. Бернштама в собрании фотоархива Ленинградского отделения Института археологии // Из истории и археологии древнего Тянь-Шаня: Материалы конф. к 80-летию А. Н. Бернштама. Бишкек, 1995а. С. 231–239.

- Длужневская Г. В. Фотография — память народов. Материалы фотоархива ИИМК РАН // Культурное наследие Российского государства. 1998а. СПб.: ИПК «Вести». С. 99–118.
- Длужневская Г. В. Фотографии из Мраморного дворца: собрание великих князей генерал-адмирала Константина Николаевича и августейшего президента Константина константиновича // Петербургская Академия наук в истории Академий мира. К 275-летию Академии наук: Материалы международного конф. Т. II. СПб.: Борель, 1999. С. 286–308.
- Длужневская Г. В. Материалы Сергея Николаевича Замятнина в фотоархиве ИИМК РАН // Локальные различия в каменном веке. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Сергея Николаевича Замятнина. ТД. СПб., 1999а. С. 27–32.
- Длужневская Г. В. Жуковский В. А. // Выдающиеся ученые Санкт-Петербурга и изучение древних культур и цивилизаций Центральной Азии и Кавказа. СПб. – ИИМК РАН, 2003. С. 15.
- Длужневская Г. В. Первые заведующие фотоархивом Института истории материальной культуры РАН // АВ. № 10. СПб., 2003а. С. 349–360.
- Длужневская Г. В. Фонд «Библиотека Мраморного дворца» в Научном архиве ИИМК РАН // АВ. 2005. № 12. С. 274–290.
- Длужневская Г. В. Императорская Археологическая комиссия на службе российской истории и культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. Декабрь 2006. Вып. 4. С. 270–283.
- Длужневская Г. В. Императорская Археологическая комиссия — главное археологическое учреждение Российской империи (1859–1917 гг.) // Зап. ИИМК РАН. № 1. 2006а. С. 112–118.
- Длужневская Г. В. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях. По материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Лики России, 2006б. 304 с.
- Длужневская Г. В. Фотографы Императорской Археологической комиссии // АВ. № 14. СПб., 2007. С. 245–258.
- Длужневская Г. В. Узбекистан второй половины XIX века (в материалах фотоархива ИИМК РАН) // Бюллетень. № 1. Материалы конф. «Россия и Центральная Азия в контексте исторического взаимодействия». Екатеринбург 21–22 мая 2010 г. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011. С. 165–177, рис. 1–25.
- Длужневская Г. В., Березовская Л. Ю. Материалы новостроечных экспедиций в фотоархиве ЛОИА АН СССР // Южная Сибирь в древности. Археологические изыскания, вып. 24. 1995. С. 180–190.
- Длужневская Г. В., Семенов Вл. А. С. Р. Минцлов и его поездки по Урянхайскому краю (из истории исследования Тувы) // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. ТД науч.-практич. конф. Красноярск, 1989. С. 43–45.
- Длужневская Г. В., Лазаревская Н. А., Медведева М. В. Научное наследие Михаила Петровича Грязнова в фотоархиве ИИМК РАН // Степи Евразии в

- древности и средневековье. Материалы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. Книга I. СПб.: изд. ГЭ, 2002. С. 35–41.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007. 197 с.
- Длужневская Г. В., Кирчо Л. Б.* Глава X. Императорская Археологическая комиссия и изучение древностей Средней Азии // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 783–812.
- Длужневская Г. В., Лазаревская Н. А.* Глава VII. Археологические памятники Сибири в исследованиях Императорской Археологической комиссии // Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 594–636.
- Дмитриев С. В.* Штрихи к собирательской деятельности С. М. Дудина // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа: Сб. МАЭ. ЛП. СПб.: Наука, 2006. С. 96–106.
- Документы по истории Академии наук СССР. 1926–1934 гг. Л.: Наука, 1988. 287 с.
- Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург // Материалы Всерос. науч. конф., посвящ. 70-летию со дня рожд. Александра Даниловича Грача. Декабрь 1998 года. СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. 304 с.
- Древности Байкала. Иркутск: изд. Иркутского ГУ, 1992. 252 с.
- Древности восточной части Евразии в материалах Научного архива Института истории материальной культуры РАН. СПб.: Элексис Принт, 2005. 140 с.
- Дудин С. М.* Фотография в этнографических поездках // Казанский музейный сборник. № 1, 2. Казань, 1921.
- Дудин С. М.* Фотография в научных поездках // Краеведение. Т. 1. № 1–4. М.; Л., 1924.
- Дьяконов М. М.* Памяти Александра Юрьевича Якубовского (1886–1953) // КСИИМК. Вып. 61. 1956. С. 5–7.
- Дэвлет М. А.* Петроглифы Енисея. М., 1996. С. 102–235.
- Дэвлет М. А.* А. В. Адрианов как этнограф // Репрессированные этнографы. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. С. 9–56.
- Дэвлет М. А.* Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.
- Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Северного Алтая // ТГИМ. Вып. XVI. 1941. С. 119–134.
- Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан: Сов. Хакассия, 1948. 111 с.
- Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24. 1952. С. 72–100.
- Евтюхова Л. А.* О племенах Центральной Монголии в IX в. // СА. 1957. № 2. С. 205–227.

- Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Чаатас у с. Копены // ТГИМ. Вып. XI. 1940. С. 21–54.
- Евтюхова Л. А. и Киселев С. В. Саяно-Алтайская экспедиция // КСИИМК. Вып. 26. 1949. С. 120–127.
- Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартыанова. Минусинск, 1929. С. 165–185.
- Ермаков Д. Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Европейской и Азиатской Турции, фотографии Д. И. Ермакова. Тифлис, 1896; Продолжение «Каталога». Тифлис, 1901.
- Жданко Т. А., Итина М. А. Сергей Павлович Толстов: [Некролог]. // СЭ. 1977. № 2. С. 3–14.
- Жебелев С. А. Введение в археологию. Ч. I: История археологического знания. Пг., 1923. 199 с.
- Жебелев С. А. Памяти Александра Андреевича Спицына // ИАН. ООИ. 1931. № 9. С. 1001–1002.
- Жизнь и научная деятельность С. А. Кондратьева (1896–1970): в Монголии и в России. СПб.: Петербургский Востоковед, 2006. 400 с.
- Жуковский В. А. Древности Закаспийского края. Развалины Старого Мерва // МАР. № 16. СПб., 1894. 222 с.
- Заднепровский Ю. А. Городище Шурабашат // КСИИМК. Вып. 71. 1958. С. 99–108.
- Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1956 г. // КСИИМК. Вып. 76. 1959. С. 63–72.
- Заднепровский Ю. А. Александр Натанович Бернштам (1910–1956) // КСИИМК. Вып. 80. 1960. С. 5–16.
- Замятин С. Н. Разведки пещер в Таджикистане осенью 1943 года // Тр. ТаджФАН СССР. Т. XXIX. Сталинабад, 1951. С. 37–51.
- Зеленин Д. К. С. М. Дудин (1863–1929). (К годовщине смерти) // Советская Азия. 1930. № 5–6. С. 334–335.
- Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск: Дальгиз, 1939. 207 с.
- Изв. ИАК. Приб. к вып. 10-му. СПб., 1904. С. 22–23.
- Изв. ИАК. Приб. к вып. 14-му. СПб., 1905. С. 29–30, 35–36.
- Изв. ИАК. Приб. к вып. 16-му. СПб., 1905. С. 18–19, 40–41, 44–46.
- Изв. ИАК. Приб. к вып. 18-му. СПб., 1906. С. 4, 60–61.
- Изв. ИАК. Приб. к вып. 31-му. СПб., 1909. С. 33–36.
- Изв. ИАК. Приб. к вып. 32-му. СПб., 1909. С. I–II, 9, 95–96, 114–115.
- Изв. ИАК. Приб. к вып. 52-му. СПб., 1914. С. 91, 93, 94, 136–139, 183–184.
- Изв. ИАК. Приб. к вып. 57-му. Пгр., 1915. С. 33, 38, 39, 54, 55, 57, 58.
- Изв. ИАК. Приб. к вып. 63-му. Пгр., 1916.
- Институт археологии: история и современность. М.: Наука, 2000.
- История Императорского Русского Археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1846–1896. Составитель Н. В. Веселовский. СПб., 1900.
- История Красноярского края. Красноярское книжное издательство. 1981. 141 с.

- История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М.: «Восточная литература» РАН, 1997. 535 с.
- Кадырбаев М. К.* Сергей Сергеевич Черников: [1909–1976. Некролог] // ИА АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1976. № 6. С. 88–89.
- Калинин А. И.* Российские моряки в Средней Азии в XIX веке // Российскому государственному архиву Военно-Морского флота 275 лет. Исторические чтения. ТД. Дом Ученых. 26–27 января 1999 г. 1999. С. 7–8.
- Калинин А. И.* О некоторых аспектах среднеазиатской политики России в 40–80-х годах XIX в. // Восточный Архив. 2000. № 4–5. С. 49–54.
- Капошина С. И.* К семидесятилетию Т. Н. Книпович // СА. 1967. № 4. С. 189–190.
- Каррутерс Д.* Неведомая Монголия. Том I. Урянхайский край. Пг., 1914. 676 с.
- Каталог фотографических снимков с предметов старины, архитектуры, утвари и прочаго, снятых фотографом Императорской академии художеств и Императорского археологического общества И. Ф. Барщевским, произведенных в 1882, 83 и 84 годах. Ростов, 1884.
- Каталог фотографических снимков с предметов старины, архитектуры, утвари и прочаго, снятых фотографом Императорской академии художеств, Императорского московского археологического общества И. Ф. Барщевским, негативы которых приобретены в собственность Императорского Строгановского училища. М.: Императорское Строгановское Центральное художественно-промышленное училище, 1912.
- Каталог фотографических снимков с мавзолеев Шах-Зинда. Снимки исполнены художником С. М. Дудиным в течение лета 1905 года по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. СПб., 1906.
- Качалова Н. К., Васильев И. Б.* Предисловие // Культуры бронзового века Восточной Европы. Межвузовский сб. науч. трудов. Куйбышев, 1983. С. 3–6.
- Кирчо Л. Б.* Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010) // Зап. ИИМК РАН. № 5. СПб., 2010. С. 234–236.
- Киселев С. В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник Гос. музея им. Н.М. Мартянова. Т. VI, вып. 2. Минусинск, 1929. С. 1–162.
- Киселев С. В.* Андроновские памятники близ с. усть-Ерба // СЭ. 1935. № 4–5. С. 206–210.
- Киселев С. В.* Саяно-Алтайская археологическая экспедиция 1935 г. // СА. 1936. Т. I. С. 282–284.
- Киселев С. В.* «Афанасьевские» курганы у сел. Сыды и Теси // СА. 1937. Т. II. С. 71–94.
- Киселев С. В.* Карасукские могилы по раскопкам 1929, 1931 и 1932 гг. // СА. 1937а. Т. III. С. 137–166.
- Киселев С. В.* Древняя история Южной Сибири. М.: Наука, 1951. 643 с.
- Киселев С. В.* Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. // ТД на сессии Отделения исторических наук и Пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М.; Л., 1956. С. 56–58.
- Киселев С. В.* Древние города Монголии // СА. 1957. № 2. С. 91–101.

- Клеменц Д. А. Древности Минусинского музея. Памятники металлических эпох. Атлас. Томск, 1886. 185 с.
- Клеопов И. Л. И. А. Лопатин. Очерк жизни и научной деятельности. Иркутск, 1964. 198 с.
- Козинцев А. Г. Илья Иосифович Гохман // АЭАЕ. № 3. Новосибирск, 2003. С. 155–157.
- Козлов П. К. Краткий отчет о Монголо-Тибетской экспедиции Государственного Русского географического общества 1923–1926 годов. Л.: изд. АН СССР. 1928. 47 с.
- Козырев А. Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Изв. ИАК. Вып. 16. 1905. С. 27–36.
- Комарова М. Н. Неолит Верхнего Приобья // КСИИМК. Вып. 64. 1956. С. 93–103.
- Константинов М. В. Исследователи древнего Забайкалья. Чита, 1992. 56 с.
- Краткий справочник по научно-отраслевым и мемориальным архивам АН СССР. М.: Наука, 1979. С. 34–38.
- Кривцова-Гракова О. А. Садчиковское поселение. (Раскопки 1948 г.) // МИА. № 21. 1951. С. 152–181.
- Кузнецов-Красноярский И. П. Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889. 36 с.
- Кузнецов-Красноярский И. П. Минусинские древности. Медно-бронзовый и переходный период. Вып. 1. Томск, 1908. 25 с., 13 л., ил. 215.
- Кузьминых С. В., Мельникова О. М., Ванюшева К. В. «Надо торопиться жить, торопиться работать»: письма А. С. Лебедева А. М. Тальгрену // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2008. Вып. 2. С. 171–200.
- Кызласов Л. Р. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим // СА. 1958. № 3. С. 152–161.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М.: изд. МГУ, 1969. 211 с.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: изд. МГУ, 1979. 208 с.
- Кызласова И. Л. Из истории исследований византийского и древнерусского искусства: Николай Петрович Сычев (1883–1964) // Ис христианского мира. М., 2002. Вып. VI. С. 354–379.
- Кызласова И. Л. Николай Петрович Сычев (1883–1964) // Отечественная реставрация: personalia. Вып. 1. М.: Сканрус, 2006. 326 с.
- Лазарев В. Н. Николай Петрович Сычев. [1883–1964. Некролог] // ВВ. Т. 26. 1965. С. 191–192, с. портр.
- Латынин Б. А. Работы в районе проектируемой электростанции на р. Нарыне в Фергане. Отчет о работах // ИГАИМК. 1935. Вып. 110. С. 120–157.
- Латынин Б. А. и Оболюева Т. Г. Исфаринские курганы. (К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы) // КСИИМК. Вып. 76. 1959. С. 17–27.
- Латышев В. В. Список трудов Н. И. Веселовского // ЗВОРАО. 1921. Т. 25 (1917–1920). С. 387–398.
- Лебедев Г. С. История отечественной археологии. СПб.: СПбГУ, 1992. 464 с.
- Леонид Павлович Потапов: К 90-летию со дня рождения. СПб.: МАЭ РАН, 1995. 24 с.

- Лерх П.* Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб.: Тип. ИАН, 1870. 39 с.
- Лерх П. И.* Некролог В. Г. Тизенгаузена и Н. В. Веселовского // ЖМНП, 1884, ноябрь, отд. 4. СПб., 1898. С. 57–66.
- Лесков А. М.* К 60-летию А. И. Тереножкина // СА. 1967. № 4. С. 190–193.
- Литвинский Б. А., Акрамов Н. М.* Александр Александрович Семенов. (Научно-биографический очерк). М.: Наука, 1971. 180 с.
- Лунин Б. В.* А. А. Семенов (1873–1958). [Некролог] // СА. 1959. № 2. С. 299–300.
- Лунин Б. В.* В. А. Шишкин (1894–1966). [Некролог] // СА. 1967. № 2. С. 301.
- Лунин Б. В.* К столетию со дня рождения В. Л. Вяткина // СА. 1969. № 3. С. 3–10.
- Лунин Б. В.* Средняя Азия в научном наследии отечественного востоковедения: Историограф. очерк. Ташкент: «ФАН» Узбекской ССР, 1979. 182 с.
- Лунин Б. В.* Михаил Евгеньевич Массон (1897–1986) // РА. 1999. № 2. С. 207–210.
- Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Составители Я. В. Васильков и М. Ю. Сорокина. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003. 496 с.
- Макаров Н. П., Чистяков Н. С.* Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 28.
- Малицкий Н. В.* Институт исторической технологии // СГАИМК. 1932. № 3–4. С. 75–76; № 7–8. С. 73–74.
- Март Н. Я.* Василий Владимирович Бартольд (Вступительное слово к заседанию АН СССР 13.XII.1930, посвящ. памяти В. В. Бартольда) // СГАИМК. 1931. № 1. С. 8–12.
- Маслова О. В.* Обзор русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию. 1715–1899 гг. Ч. 1–4. Ташкент, 1955–1972.
- Массон В. М.* Изучение древней культуры Дахистана в 1951 г. // ИАН ТуркмССР. 1953. № 1. С. 54–61.
- Массон В. М.* Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа // ИАН ТуркмССР. 1954. № 2. С. 3–9.
- Массон В. М.* Древнемаргианское поселение Яз-депе // ИАН ТуркмССР. 1955. № 3. С. 3–9.
- Массон В. М.* Памятники культуры архаического Дахистана в юго-западной Туркмении // Труды ЮТАКЭ, т. VII. Ашхабад, 1956. С. 385–458.
- Массон В. М.* Археологические работы на Мисрианской равнине в 1953 г. // КСИИМК. Вып. 69. 1957. С. 66–71.
- Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргианы. МИА. № 73. М.; Л., 1959. 216 с.
- Массон В. М.* Памяти Ю. А. Заднепровского // АВ. Вып. 7. 2000. С. 375–376.
- Матющенко В. И.* 300 лет истории сибирской археологии. Т. I. Омск: ОмГУ, 2001. 178 с.
- Медведева М. В.* Петр Петрович Покрышкин и проблемы охраны памятников (по материалам архивов ИИМК РАН) // АВ. № 11. СПб.: Дм. Буланин, 2004. С. 379–387.

- Медведева М. В.* Деятельность архитектора К. К. Романова в области изучения и охраны памятников монументального зодчества по документам из собрания Научного архива ИИМК РАН // АВ. № 12. СПб.: Дм. Буланин, 2005. С. 291–301.
- Медведева М. В., Всевиов Л. М., Мусин А. Е., Тихонов И. Л.* Глава I. Очерк истории деятельности Императорской Археологической комиссии в 1859–1917 гг. // Императорская Археологическая комиссия. (1859–1917): К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. С. 109–247.
- Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н. э. // Материалы конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Александра Александровича Иессена. СПб., 1996: Автобиография А. А. Иессена. — С. 7–9 (16 ноября 1940 г.); Автобиография А. А. Иессена. — С. 9–11 (18 июля 1951 г.); Кушнарева К. Х. А. А. Иессен. Вехи жизни и творчества. — С. 11–21; Список научных трудов А. А. Иессена. — С. 22–27; Лазаревская Н. А. Материалы А. А. Иессена в фотоархиве ИИМК РАН. — С. 27–30.
- Мерперт Н. Я.* Киселев Сергей Владимирович (1905–1962) // Институт археологии: история и современность. М.: Наука, 2000. С. 117–121.
- Мечети Самарканда. Альбом архитектурных рисунков и чертежей. Вып. I. Мечеть Гур-Эмир. СПб.: ИАК, 1905.
- Милицанд С. Д.* Библиографический словарь советских востоковедов. Т. I–II. М., 1995.
- Минцлов С. Р.* Секретное поручение (Путешествие в Урянхай). Рига, б/г. 196 с.
- Минцлов С. Р.* Памятники древности в Урянхайском крае // ЗВОРАО. Т. XXIII. Пгр., 1916. С. 293–301.
- Мирович В. М.* Фотографическая коллекция Ф. Я. Кона из экспедиции в Урянхайский край в 1902–1903 гг. в фондах ИГОМ // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: ТД научно-практической конференции. Красноярск: изд. Красноярского ГУ, 1989. С. 29–31.
- Морозов С.* Русские путешественники-фотографы. М.: Географгиз, 1953. 296 с.
- Морозов С.* Русская художественная фотография. 1839—1917. М.: Искусство, 1955. 182 с.
- Морозов Сергей.* Творческая фотография. М.: Планета, 1986. 415 с.
- Мошинская В. И.* Городище и курганы Потчеваш // МИА. № 35. 1953. С. 189–220.
- Мошинская В. И.* Керамика Усть-Полуйской культуры // МИА. № 35. 1953. С. 107–120.
- Мошинская В. И.* Сузгун II — памятник эпохи бронзы лесной полосы Западной Сибири // МИА. № 58. 1957. С. 114–135.
- Мошинская В. И. и Чернецов В. Н.* Городище Большой Лог // КСИИМК. Вып. 37. 1951. С. 78–87.
- Мошинская В. И. и Чернецов В. Н.* Городище Андрюшин городок // КСИИМК. Вып. 51. 1953. С. 93–98.
- Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. История, коллекции, исследования. СПб.: ЦВЕТПРИНТ, 2004. 352 с.

- Мунчаев Р. М.* К 80-летию Николая Яковлевича Мерперта // РА, 2002, № 4. С. 176–189.
- Назирова Н. Н.* Экспедиции С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан и Западный Китай (обзор архивных материалов) // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.: Наука, 1986. С. 24–34.
- Негматов Н. Н.* А. Ю. Якубовский и его вклад в развитие науки в Таджикистане // Памяти Александра Александровича Семенова. Душанбе, 1980. С. 97–114.
- Негматов Н. Н.* История и археология Хорезма в трудах А. Ю. Якубовского // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 48–59.
- Немцева Н. Б., Шваб Ю. З.* Ансамбль Шах-и Зинда. Историко-архитектурный очерк. Ташкент: изд. литературы и искусства им. Гафура Гуляма, 1979. Основная литература, посвященная данному памятнику: С. 162–167.
- Никитин В. А.* Рассказы о фотографиях и фотографях. Л.: Искусство, 1991. С. 33–46.
- Никольская Г. Б., Матвеев А. М.* К истории азиатских и европейских выходцев в Средней Азии в начале XX века // Научные труды ТашГУ. 1972. Вып. 423. С. 76–115.
- ОАК за 1862 г. СПб., 1863. С. XIX–XXII.
- ОАК за 1865 г. СПб., 1866. С. XIII–XIX.
- ОАК за 1866 г. СПб., 1868. С. XVI–XXV.
- ОАК за 1867 г. СПб., 1868. С. XXII–XXXI.
- ОАК за 1882–1888 гг. СПб., 1890. С. CCCII–CCCXIV, CCLXXVII–CCLXXVIII.
- ОАК за 1889 г. СПб., 1892. С. 80–87.
- ОАК за 1890 г. СПб., 1893. С. 70–72, 79–86, 131.
- ОАК за 1891 г. СПб., 1893. С. 108.
- ОАК за 1892 г. СПб., 1894. С. 71–73, 93.
- ОАК за 1894 г. СПб., 1896. С. 104–138.
- ОАК за 1895 г. СПб., 1897. С. 41–44, 47–49, 75–76, 138–157.
- ОАК за 1896 г. СПб., 1898. С. 98–104, 219–225.
- ОАК за 1897 г. СПб., 1900. С. 51–57, 71–72, 84, 180–181.
- ОАК за 1898 г. СПб., 1901. С. 60–62, 76, 78, 93.
- ОАК за 1899 г. СПб., 1902. С. 103–106, 138–139, 141, 143.
- ОАК за 1900 г. СПб., 1902. С. 118, 124–125.
- ОАК за 1902 г. СПб., 1904. С. 117, 147, 157.
- ОАК за 1903 г. СПб., 1906. С. 128–132, 177.
- ОАК за 1904 г. СПб., 1907. С. 110, 139–142, 150–151.
- ОАК за 1908 г. СПб., 1912. С. 189.
- ОАК за 1909 и 1910 годы. СПб., 1913. С. 235–237.
- ОАК за 1912 г. СПб., 1916. С. 95, 106.
- Обитатели. Образы Югры в ранней русской фотографии. СПб., Сургут, 2004. 72 с.
- Обручев В. А.* Григорий Николаевич Потанин: Жизнь и деятельность. М.; Л., 1947. 288 с.

- Окладников А. П. Археологические исследования на Ангаре (1936 г.) // СА. Т. IV. 1937. С. 319–322.
- Окладников А. П. Археологические данные о древнейшей истории Прибайкалья // ВДИ. 1938. № 1 (2). С. 244–260.
- Окладников А. П. Неолитические находки в низовьях р. Ангары. К итогам работ 1937 г. // ВДИ. 1939. № 4. С. 181–186.
- Окладников А. П. Буреть — новая палеолитическая стоянка на р. Ангаре // СА. Т. V. 1940. С. 290–293.
- Окладников А. П. Неолитические памятники как источники по этногонии Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК. Вып. 9. 1941. С. 5–14.
- Окладников А. П. Палеолитические жилища в Бурети (по раскопкам 1936–1940 гг.) // КСИИМК. Вып. 10. 1941. С. 16–31.
- Окладников А. П. Колымская экспедиция 1946 г. // КСИИМК. Вып. 21. 1947. С. 76.
- Окладников А. П. Изучение древнейших археологических памятников Туркмении // КСИИМК. Вып. 28. 1949. С. 67–71.
- Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монгольской АССР // КСИИМК. Вып. 26. 1949. С. 7–11.
- Окладников А. П. Археологические исследования в низовьях р. Селенги // КСИИМК. Вып. 35. 1950. С. 85–90.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I и II // МИА. 1950. № 18. 412 с.
- Окладников А. П. Древнейшие археологические памятники Краснодарского полуострова (отчет о полевых исследованиях в 1947 г.) // Труды ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад, 1951. С. 73–104.
- Окладников А. П. Эпоха первобытно-общинного строя на территории Бурят-Монголии // История Бурят-Монгольской АССР, т. 1. 1951.
- Окладников А. П. Изучение памятников каменного века в Туркмении // ИАН Туркм ССР. № 2. 1953. С. 28–32.
- Окладников А. П. Работы Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953 г. // СЭ. 1954. № 2. С. 153–155.
- Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. Ч. III (Глазковское время) // МИА. № 43. 1955. 374 с.
- Окладников А. П. Древнейшее прошлое Туркменистана // Труды ИИАЭ АН Туркм. ССР. Т. I. 1956. С. 181–221.
- Окладников А. П. Остатки бохайской столицы у г. Дунцзинчен на р. Муданцзяне // СА. 1957. № 3. С. 198–214.
- Окладников А. П. Археологические исследования в 1955 г. на Дальнем Востоке // КСИИМК. Вып. 71. 1958. С. 109–118.
- Окладников А. П. Работы на Дальнем Востоке в 1956 г. // КСИИМК. Вып. 73. 1959. С. 107–114.
- Ольденбург С. Ф. Василий Васильевич Радлов. 5 января 1837 — 1918 29 апреля/12 мая. Некролог // Азиатский сборник. Из «Известий Российской Академии Наук». Новая серия. Пг., 1918. С. 1233–1236.

- Ольденбург С. Ф.* Василий Владимирович Бартольд (15.XI.1869–19.VIII.1930) // ИАН. ООИ. 1931. № 1. С. 1–6.
- «Он никогда никому не сделал зла...» (Памяти Б. П. Денике. Автобиографический дневник и воспоминания друзей). М.: ГМВ, 2006. 176 с.
- Отчет о деятельности Бурят-Монгольского общества им. Доржи Банзарова с 1 октября 1926 г. по 1 января 1929 г. Верхнеудинск, 1929. 55 с.
- Отчет о деятельности ГАИМК с 1 октября 1926 г. по 1 октября 1927 г. (извлечение) // Сообщения. Т. II. Л., 1929. С. 339–371.
- Охрана памятников истории и культуры в России. XVIII – начало XX в. Сборник документов. М.: Наука, 1978. С. 63–66.
- Памяти С. М. Дудина // СМАЭ. 1930. Т. 9. С. 341–358.
- Памяти А. Ю. Якубовского (1886–1953) // СА. Т. 19. 1954. С. 293–307.
- Пэрлээ Х.* К истории древних городов и поселений в Монголии // СА. 1957. № 3. С. 43–53.
- Пескарева К. М.* К истории создания Российской академии истории материальной культуры // КСИА. Вып. 163. 1980. С. 26–32.
- Петрушевский И. П.* Академик В. В. Бартольд (биографическая справка) // Бартольд В. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Наука, 1963. Т. I. С. 14–21.
- Печенкин Н.* Памяти Н. И. Веселовского // ЗВОРАО. 1921. Т. 25 (1917–1920). С. 356–358.
- Пигмалион музейного дела в России. (К 150-летию со дня рожд. Д. А. Клеменца). СПб.: Лань, 1998. 208 с.
- ПИДО. 1935. № 7–8. С. 196–203.
- ПИМК. 1933. № 3–4, № 9–10.
- Платонова Н. И.* Российская Академия истории материальной культуры. Этапы становления (1918–1919 гг.) // СА. 1989. № 4. С. 5–16.
- Платонова Н. И.* Сергей Александрович Теплоухов. 1888–1934 // Антология советской археологии. Т. 1. 1917–1933. М.: Наука, 1995. С. 159–160.
- Подгаецкий Г. В.* Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // МИА. № 1. 1940. С. 69–82.
- Полное собрание законов Российской империи (второе собрание). Т. 34, отд. 1. СПб., 1861. № 34109.
- Прибыткова А. М.* Б. Н. Засыпкин (Некролог) // Архитектурное наследство. М., 1957. Вып. 8. С. 189.
- Прищепова В. А.* Иллюстративные коллекции по народам Центральной Азии конца XIX – начала XX века (из собраний МАЭ РАН) // Культурное наследие народов Центральной Азии, Казахстана и Кавказа. Сб. МАЭ. ЛП. СПб.: Наука, 2006. С. 174–225.
- Проблемы изучения античной археологии Северного Причерноморья. Материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рожд. В. Ф. Гайдукевича. СПб., 7–8 апреля 2005 г. СПб., 2005. 106 с.
- Профессора Томского университета. Биографический словарь. Вып. 1–3. Томск: изд. ТГУ. 1996, 1998, 2001.

- Пишеницына М. Н., Боковенко Н. А.* Основные этапы жизни и творчества Михаила Петровича Грязнова (1902–1984) // Степи Евразии в древности и средневековье. К 100-летию со дня рожд. М. П. Грязнова. СПб.: ГЭ, 2002. С. 19–28.
- Равдоникас В. И.* Памяти А. А. Спицына (1858–1931) // СГАИМК. 1931. № 9–10. С. 54–62.
- Радлов В. В.* Сибирские древности. Вып. I–III. СПб., 1888–1894. // МАР, № 15.
- Ревуненкова Е. В., Решетов А. М.* Сергей Михайлович Широкогоров // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 100–119.
- Решетов А. М.* Академик В. В. Радлов — востоковед и музеевед (основные этапы деятельности) // Радловские чтения-2002: Материалы годичной научной сессии. СПб., 2002. С. 95–101.
- Рогозина М.* Выставка И. Ф. Барщевского: (К 100-летию начала создания коллекции фотографий памятников русской архитектуры и 130-летию со дня рождения фотографа) // Архитектура СССР. 1983. № 6. С. 64.
- Рогозина М. Г.* Москва в фотографиях XIX века (из коллекции Государственного Музея Архитектуры им. А. В. Щусева) // Столичный город. Вып. 2. М.: УРСС, 1998. С. 304–305.
- Родевич Вс.* Урянхайский край и его обитатели // ИИРГО. 1912. Т. XLVIII. Вып. I–IV (вып. I). С. 129–188.
- Российский гуманитарный энциклопедический словарь. Т. I, II. М., СПб., 2002.
- Руденко С. И.* Погребение человека каменного века в восточном Алтае // Природа. № 5–6. 1926. С. 108–109.
- Руденко С. И.* Второй Пазырыкский курган. Результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г. Л., 1948. 64 с.
- Руденко С. И.* Культура Алтая времени сооружения Пазырыкских курганов // КСИИМК. Вып. 26. 1949. С. 97–109.
- Руденко С. И.* Башадарские курганы // КСИИМК. Вып. 45. 1952. С. 30–39.
- Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953. 404 с.
- Руденко С. И., Глухов А. Н.* Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. Вып. III, 2. Л., 1927. С. 37–52.
- Савенков И. Т.* К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея // ИВСОРГО. 1886–1887. Т. XVII, вып. 3–4. С. 26–105.
- Савенков И. Т.* О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее // Труды XIV АС в Чернигове в 1908 г. Т. 1. М., 1910. 553 с.
- Сарианиди В. И.* Керамические печи древней Маргианы // КСИИМК. Вып. 69. 1957. С. 72–77.
- Сарианиди В. И.* Раскопки жилых комплексов на энеолитическом поселении Геоксюр // КСИИМК. Вып. 76. 1959. С. 50–55.
- Сафиуллини А. А.* А. В. Комаров — исследователь археологии Туркменистана // Памятники Туркменистана. 1987. № 1. С. 22–24. СГАИМК. Т. 1. Л., 1926. С. 11. СГАИМК. 1931. № 2, № 3.

- СГАИМК. 1932. № 3–4, № 9–10.
- Семенов Вл. А., Алексин В. А., Горбунова Н. Г. К восьмидесятилетию А. М. Мандельштама (11.VIII.1920 – 8.IX.1983) // АВ. № 8. 2001. С. 319–322.
- Сорокин В. С. Археологические памятники сев.-зап. части Актюбинской области. (Экспедиция 1955 г. в районы освоения целинных земель) // КСИИМК. Вып. 71. 1958. С. 78–85.
- Ставиский Б. Я. Памяти Юрия Александровича Заднепровского (1924–1999) // РА. 2001. № 1. С. 180–182.
- Сергей Александрович Токарев: [Некролог]. // ВИ. 1985. № 11. С. 189.
- Сергей Павлович Толстов: Некролог. // ВИ. 1977. № 2. С. 219–220.
- Сирина А. А. Забытые страницы сибирской этнографии: Б. Э. Петри // Репрессированные этнографы. Вып. 1. М.: Вост. литература, 2002. С. 57–80.
- Смирнов А. П. В. Н. Чернецов // СА. 1971. № 1. С. 309–310.
- Смирнов Я. И. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. СПб.: изд. ИАК, 1908. 18 с., 300 табл.
- Смирнова О. И. Монеты городища Пянджикента. (Краткая общая характеристика) // КСИИМК. Вып. 66. 1956. С. 93–99.
- С. С. Сорокин: 1913–1984 [Некролог] // СГЭ. 1987. № 52. С. 96.
- Сосновский Г. П. Палеоэтнологические раскопки в Северной Хакасии // Северная Азия. 1928. № 1. С. 96.
- Сосновский Г. П. О находках древней каменной индустрии и остатков страуса в Селенгинской Даурии // СГАИМК. 1932. № 11–12. С. 19–24.
- Сосновский Г. П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье // ТКИЧП. 1933. Т. III, вып. 1. С. 23–40.
- Сосновский Г. П. Древнейшие шерстяные ткани Сибири // ПИДО. 1934. № 2. С. 92–96.
- Сосновский Г. П. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины // ИГАИМК. Вып. 118. 1935. С. 152–218.
- Сосновский Г. П. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда АН СССР в 1928–1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. Т. II. М.; Л., 1936. С. 318–321.
- Сосновский Г. П. Итоги изучения палеолита Алтая (1935–1936) // БКИЧП. М.; Л., 1940. Вып. 6–7. С. 114–119.
- Сосновский Г. П. Палеолитическая стоянка у с. Сростки на р. Катунь // МИА. № 2. 1941. С. 109–125.
- Сосновский Г. П. и Герасимов М. М. Новые находки на палеолитической стоянке в с. Мальта // ССМАИЧПЕ. 1937. Вып. 1. С. 278–295.
- Сотрудники Императорского Эрмитажа. 1852–1917 // Биобиблиографический справочник. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2004. 173 с.
- Станевич В. М. Этнографическая коллекция Ф. Я. Кона в фондах Иркутского государственного объединенного музея // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев: ТД научно-практической конференции. Красноярск: Красноярский ГУ, 1989. С. 28–29.

- Степи Евразии в древности и средневековье: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. Михаила Петровича Грязнова. СПб.: Гос. Эрмитаж, 2002. Кн. I. 284 с.
- Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Латынина. СПб.: изд. Гос. Эрмитажа, 2000. 280 с.
- Сулейменов Р. Б., Моисеев В. А. Чокан Валиханов как исследователь Центральной Азии // НАА. 1985. № 6. С. 62–70.
- Талько-Гринцевич Ю. Д. Население могил и кладбищ забайкальских // Бурятскоеведение. Верхнеудинск, 1928. № 1–3. 1928. С. 91–103.
- Талько-Гринцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья. Археологические памятники сунну. Вып. 4. СПб.: фонд «АзиатИКА», 1999.
- Теплоухов С. А. Палеоэтнологические исследования в Минусинском крае // Этнографическая экспедиция Гос. Русского музея 1926 г. Л., 1927. С. 88–94.
- Теплоухов С. А. Археологический отряд Монгольской экспедиции // Освед. бюлл. Комиссии экспед. исследований АН СССР, 24 (85), 1929. С. 194.
- Тереножкин А. И. Археологические разведки в Чуйской долине в 1929 г. // ПИДО. 1935. № 5–6. С. 138–150.
- Тереножкин А. И. К историко-археологическому изучению Казахстана и Киргизии // ВДИ. 1938. № 1. С. 204–215.
- Тиханова М. А. Из прошлого Института археологии АН СССР (РАИМК–ГАИМК) // КСИА. Вып. 163. 1980. С. 34–36.
- Тихонов И. Л. К вопросу об объеме и содержании термина «археология» в русской дореволюционной науке // Традиции российской археологии. Материалы методологического семинара ИИМК РАН. Археологические изыскания. Вып. 33. СПб., 1996. С. 17–21.
- Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете. Историкографические очерки. СПб.: С.-Петербургский университет, 2003. 328 с.
- Тихонов И. Л. Последний председатель Императорской археологической комиссии граф А.А. Бобринской // Невский археолого-историкографический сборник: к 75-летию кандидата исторических наук А. А. Формозова. СПб., 2004. С. 95–117.
- Тишкина Т. В. Деятельность краеведческих организаций Алтая в 1918–1931 гг. Барнаул, 2004. 312 с.
- Тишкина Т. В. Археологические исследования на Алтае (1860 – 1930-е гг.). Барнаул: изд. «Азбука», 2010. С. 59–64, 77–136.
- Толстов С. П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. 352 с.
- Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л. 1948а. 328 с.
- Толстов С. П. Михаил Михайлович Дьяконов. [Некролог]. // СЭ. 1954. № 3. С. 122–124.
- Толстов С. П. Александр Натанович Бернштам. [1910–1956. Некролог]. // СА. 1957. № 1. С. 178–183.
- Труды Дальневосточной археологической экспедиции. Т. I. Древние культуры Дальнего Востока // МИА. № 86. М.; Л., 1960. 243 с.

- Труды музея археологии и этнографии Сибири. Т. I. Томск: изд. ТГУ, 2002. 398 с.
- Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина» // МИА. № 14. М.; Л., 1950. 251 с.
- Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. II (1948–1950 гг.) // МИА. № 37. М.; Л., 1953. 340 с.
- Труды Таджикской археологической экспедиции. Т. III (1951–1953 гг.) // МИА. № 66. М.; Л., 1958. 388 с.
- Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I. М., 1952. 652 с.
- Тува: словарь культуры. Сост. Сергей Маркус. М.: «Академический Проект Трикста». 2006. 832 с.
- Урянхай Тыва адептер. Антология научной и просветительской мысли о древней Тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае — Танну-Туве, урянхайцах — тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н. э. — первая половина XX в.) в семи томах. М.: Слово/Slovo, 2007.
- Устав Государственной Академии истории материальной культуры. Л., 1926.
- Фармаковский Б. В.* Н. И. Веселовский–археолог // ЗВОРАО. 1921. Т. 25 (1917–1920). С. 359–386.
- Фармаковский Б. В.* К истории учреждения Российской академии истории материальной культуры. Пг., 1921. 11 с.
- Фармаковский Б. В.* Отчет о деятельности ГАИМК с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г. // Сообщения. 1926. Т. I. С. 1–32.
- Фармаковский Б. В.* Отчет о деятельности ГАИМК с 1 октября 1925 г. по 1 октября 1926 г. // Сообщения. 1929. Т. II. С. 1–26.
- Чернецов В. Н.* О работах Мангазейской экспедиции 1946 г. // КСИИМК. Вып. 21. 1947. С. 159–162.
- Чернецов В. Н.* Зеленая горка близ Салехарда // КСИИМК. Вып. 25. 1949. С. 67–74.
- Чернецов В. Н.* Древняя история Нижнего Приобья // МИА. № 35. 1953. С. 7–71.
- Чернецов В. Н.* Бронза Усть-Полуйского времени // МИА. № 35. 1953. С. 121–178.
- Чернецов В. Н.* Нижнее Приобье в I тыс. н. э. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири // МИА. № 58. 1957. С. 136–245.
- Черников С. С.* Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алмата, 1949. 112 с.
- Черников С. С.* Восточный Казахстан в эпоху бронзы // МИА. № 88. М.; Л., 1960. 272 с.
- Чубарова Р. В.* Работы Сахалинского отряда Дальневосточной экспедиции в 1955 г. // КСИИМК. Вып. 71. 1958. С. 119–128.
- Чубарова Р. В.* Неолитические стоянки на озере Итуруп (Курильские острова) // СА. 1960. № 2. С. 128–138.
- Шангина И. И.* Д. А. Золотарев: к столетию со дня рождения // СЭ. 1985. № 6. С. 76–84.
- Ширинов Т. Ш., Матбабаев Б. Х.* Юрий Александрович Заднепровский (К 70-летию со дня рожд.) // Фергана в древности и средневековье (Сб. статей,

- подготовленных в честь 70-летия со дня рожд. академика Российской Народной Академии Наук Ю. А. Заднепровского). Самарканд, 1994. С. 3–6.
- Щербак А. М. В. В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник 1971. М.: Наука, 1972. С. 54–63.*
- Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона. СПб., Т. II. 1891. С. 244–247; Т. XVI. 1895. С. 73–74.
- Юсупова Т. И. История Ноин-Улинских археологических раскопок: сенсации и амбиции // Наука и техника: вопросы истории и теории: Тезисы XX годичной конф. Санкт-Петербургского отделения Российского Национального комитета по истории и философии науки и техники (22–25 ноября 1999 г.). СПб., 1999. Вып. XV. С. 46–47.*
- Юсупова Т. И. Монгольская экспедиция Академии наук. История создания и деятельности. 1925–1953. СПб., 2006. 279 с.*
- Якубовский А. Ю. Развалины г. Сыгнака (Сугнака) // СГАИМК. Т. II. 1929. С. 123–159.*
- Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча // ИГАИМК. 1930. Т. VI, вып. II. 68 с.*
- Якубовский А. Ю. Городище Миздахкан // Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Т. V. Л., 1930а. С. 551–581.*
- Якубовский А. Ю. Из истории археологического изучения Самарканда // ТОВЭ. Т. II. 1940а. С. 285–337.*
- Якубовский А. Ю. Археологическая экспедиция в Заравшанскую долину 1934 г. (Из дневника начальника экспедиции) // ТОВЭ. Т. II. 1940б. С. 113–163.*
- Якубовский А. Ю. Две надписи на северном мавзолее 1152 г. в Узгенде // ЭВ. № 1. 1947. С. 27–32.*
- Якубовский А. Ю. (1886–1953). [Некролог] // ВИ. 1953. № 3. С. 139–142.*
- Якубовский Ю. «Незаменимые люди» // Туркестанские ведомости. 1904. № 140.*
- Appelgren-Kivalo H. Alt-altaische Kunstdenkmaler, Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931.*
- Voyevodsky M. A summary Report of a Khwarizm Expedition // Bulletin of the American institute for Iranian Art and Archaeology. New York, 1938. Vol. V, No 3.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВ	—	Археологические вести
АН СССР	—	Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АССР	—	Автономная Советская Социалистическая Республика
АХ	—	Академия художеств
АЭАЕ	—	Археология, этнография и антропология Евразии
БКИЧП	—	Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода (Академия наук СССР). М.
БРЭ	—	Большая Российская энциклопедия. М.
ВОВ	—	Великая Отечественная война 1941–1945 гг.
ВСОРГО	—	Восточно-Сибирский отдел Русского Географического общества
ВУЗ	—	Высшее учебное заведение
ГАИМК	—	Государственная академия истории материальной культуры
ГАИС	—	Государственная Академия искусствознания
ГИМ	—	Государственный Исторический музей
Главнаука	—	Главное управление научными, научно-художественными, музейными и по охране природы учреждениями Наркомпроса
ГЭ	—	Государственный Эрмитаж
ДВР	—	Дальневосточная республика
ед. хр.	—	единица хранения
ЗВОРАО	—	Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ИА АН СССР	—	Институт археологии АН СССР
ИАК	—	Императорская Археологическая комиссия
ИАТ	—	Институт археологической технологии
ИВ АН СССР	—	Институт востоковедения Академии наук СССР
ИГАИМК	—	Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИГОМ	—	Иркутский Государственный областной музей
Изв.	—	Известия
ИИМК АН СССР	—	Институт истории материальной культуры АН СССР

ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской Академии Наук
ИЛАИ	—	Известия лаборатории археологических исследований
ИМКУз	—	История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
ИРАИМК	—	Известия Российской Академии истории материальной культуры
ИРГО	—	Известия Русского географического общества
ИТЛ	—	Исправительно-трудовой лагерь
ИЭ АН СССР	—	Институт этнографии АН СССР
КИПС	—	Комиссия по изучению племенного состава населения СССР (при АН СССР)
Конф.	—	конференция
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛВО	—	Ленинградский Военный Округ
ЛГУ	—	Ленинградский государственный университет
ЛИЖВЯ	—	Ленинградский институт живых восточных языков им. А.С. Енукидзе
ЛИФЛИ	—	Ленинградский Институт философии, литературы и истории
ЛОИА АН СССР	—	Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАИ	—	Московский археологический институт
МАО	—	Московское Археологическое общество
МАР	—	Материалы по археологии России
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого
МВД	—	Министерство внутренних дел
МВК	—	Музей Восточных культур (1925, с 1933 г. — ГМВК)
МГУ	—	Московский Государственный университет
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МИД	—	Министерство Иностранных Дел
МИФЛИ	—	Московский Институт философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского
МНР	—	Монгольская Народная Республика
НА	—	Научный архив
НАА	—	Народы Азии и Африки
нег.	—	негатив
НИИ	—	научно-исследовательский институт
НИИЯЛИ	—	Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НКВД	—	Народный комиссариат внутренних дел
НКП	—	Народный комиссариат просвещения РСФСР

ОАК	—	Отчеты Императорской Археологической Комиссии
ОГПУ	—	Объединённое государственное политическое управление при Совете Народных Комиссаров СССР
ОИАЭ	—	Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете
откр.	—	открытка
отп.	—	отпечаток
ПИДО	—	Проблемы истории докапиталистического общества
ПИМК	—	Проблемы истории материальной культуры
Приб.	—	Прибавление
ПФА РАН	—	Петербургский филиал архива Российской Академии наук
РА	—	Российская археология
РА.	—	Рукописный архив
РАИМК	—	Российская Академия истории материальной культуры
РАН	—	Российская Академия наук
РАНИОН	—	Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук. М. (1925–1931)
РАО	—	Русское археологическое общество
РГАК	—	Российская государственная археологическая комиссия
РГО	—	Русское географическое общество
РКИСВА	—	Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях
РКА	—	Рабоче-крестьянская Красная армия
РПР	—	репродукция
РЭМ	—	Российский Этнографический музей
СА	—	Советская археология
САГУ	—	Среднеазиатский Государственный университет (1923–1960, с 1960 г. — ТашГУ)
Сб.	—	Сборник
СГАИМК	—	Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СГЭ	—	Сообщения Государственного Эрмитажа
СМАЭ	—	Сборник Музея антропологии и этнографии
СНК	—	Совет Народных Комиссаров (1917–1946)
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет
Средазкомстарис	—	Среднеазиатский комитет охраны памятников старины и искусства. Ташкент
Средазмузей	—	Среднеазиатский музей. Ташкент
СЭ	—	Советская этнография.
ТГИМ	—	Труды Государственного исторического музея. М.
ТГЭ	—	Труды Государственного Эрмитажа

ТД	— Тезисы докладов
ТКИЧП	— Труды Комиссии по изучению четвертичного периода (Академия наук СССР). М.
ТКЛА	— Туркестанский кружок любителей археологии. Ташкент
ТССАИЧП	— Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода (INQUA). Л.; М.
УОЛЕ	— Уральское Общество любителей естествознания
ФА	— Фотоархив
ФАН СССР	— Филиал Академии наук СССР
ЦГРМ	— Центральные государственные реставрационные мастерские Наркомпроса
ЦИК	— Центральный исполнительный комитет
ЦХАФАК	— Центр хранения архивного фонда Алтайского края
ЧК	— Чрезвычайная комиссия
ЭВ	— Эпиграфика Востока. М.–Л.
ЮТАКЭ	— Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

Приложение

ИССЛЕДОВАНИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ

В 1859–1959 ГОДАХ

**Полевые исследования ИАК в 1859–1917 гг.
в Центральной Азии и Сибири**

1 — № по порядку; 2 — наименование экспедиции, поездки или командировки; 3 — начальник экспедиции, участники; 4 — наличие материалов в Рукописном отделе НА ИИМК РАН; 5 — наличие материалов в фотоархиве НА ИИМК РАН; 6 — наличие публикаций по результатам работ; 7 — год проведения исследований; 8 — организаторы работ; данные о раскопках и обследованиях в делах Рукописного архива.

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
I	ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ						
1	Поездка на развалины древнего г. Джаркента в устье р. Сырдарьи	Лерх П. И.	+		+	1867	ИАК
2	Поездка в Туркестанскую обл. для обследования памятников	Радлов В. В.	+		+	1868	РА. 1868 г., д. 22
3	Изучение памятников между г. Казалинском и Ташкентом	Кун А. Л.	+		+	1869	По заданию ген.-губ. К. П. Кауфмана; РА. 1868 г., д. 25. Л. 9–42

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
4	Командировка в Туркестан, раскопки	Веселовский Н. И.	+	+		1884–1885	РА. 1883 г., д. 20
5	Раскопки близ г. Пишпек и Токмак Семиреченской обл.	Пантусов Н. Н.	+	+		1885–1886	РА. 1884 г., д. 40, 40 а–б, 56–63
6	Обследования и раскопки в окрестностях Ташкента	Остроумов Н. П.	+	+	+	1887	ИАК — 100 руб. РА. 1886 г., д. 34
7	Археологические поездки по берегам оз. Иссык-Куль и Токмакскому уезду	Поярков Ф. В.	+		+	1887	РА. 1889 г., д. 67. Л. 3–19
8	«Закаспийская область в археологическом отношении», статья	Комаров А. В.	+	+	+	1888	РА. 1888 г., д. 62. Л. 12–13
9	Раскопки курганов в Семиреченской обл.	Пантусов Н. Н.	+	+	+	1888, 1889	РА. 1889 г., д. 12. Л. 8–16, 25–45; д. 67. Л. 33–34
10	Раскопки и обследование памятников в Туркестанском ген.-губ.	Каль Е. Ф.	+			1889	РА. 1889 г., д. 86
11	Раскопки в Оренбургской губ. и Тургайской обл.	Петри Э. Ю.	+		+	1889	РА. 1889 г., д. 47
12	Раскопки в пределах Токмакского уезда Семиреченской обл.	Поярков Ф. В.	+		+	1889	РА. 1889 г., д. 67
13	Раскопки и обследования в Закаспийской обл.	Жуковский В. А.	+	+	+	1890	ИАК — 1500 руб.; РА. 1890 г., д. 47; 1894 г., д. 1. Л. 163–166; д. 18
14	Раскопки в пределах Туркестанского края, р. Аму-дарья и в Сырдарьинской обл.	Каль Е. Ф.	+			1890	ИАК — 400 руб.; ИАК — 150 руб.

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
15	«Закаспийская область в археологическом отношении». Статья	Комаров А. В.	+	+	+	1890	РА. 1890 г., д. 47. Л. 7–18
16	Раскопки близ Ташкента	Краузе И. И.	+		+	1890	РА. 1889 г., д. 86
17	Раскопки в пределах Семиреченской обл.	Пантусов Н. Н.	+	+	+	1890	РА. 1890 г., д. 108
18	Раскопки древних могил в Иссык-Кульском, Токмакском, Верненском у. Семиреченской области	Фетисов А. М.	+	+	+	1891	ИАК — 20 руб. РА. 1891 г., д. 76, 188
19	Раскопки Пишпекского и Токмакского несторианских кладбищ	Пантусов Н. Н.	+	+		1892	ИАК — 200 руб. РА. 1892 г., д. 70, 218–220
20	Самовольные раскопки киргизов в Семиреченской обл.		+			1892	Материалы присланы в ИАК; РА. 1892 г., д. 15
21	Раскопки в Чимкентском у. Сыр-дарьинской обл.	Остроумов Н. П.	+			1893	ИАК — 200 руб. РА. 1893 г., д. 92
22	Раскопки городища близ с. Шахристан Ходжентского у. Самаркандской обл.	Степанов А. А.	+		+	1893	РА. 1893 г., д. 75
23	Раскопки в Семипалатинском у.	Никитин В. П.	+			1894	РА. 1894 г., д. 30
24	Раскопки в Семиреченской обл.	Пантусов Н. Н.	+	+	+	1894	ИАК — 200 руб. РА. 1894 г., д. 53
25	Раскопки курганов в Акмолинской и Семипалатинской обл.	Селиванов А. В.	+		+	1894	ИАК — 300 руб. РА. 1894 г., д. 64

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
26	Экспедиция в Самарканд для описания памятников древнего зодчества и издания их	Бобринской А. А.; Веселовский Н. И., Дудин С. М., Покрышкин П. П.	+	+	+	1895	РА. 1895 г., д. 69, 69 а
27	Раскопки в Акмолинской и Семипалатинской обл.	Оссовский Г. О.	+	+	+	1895	ИАК — 250 руб. РА. 1895 г., д. 89
28	Раскопки в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской обл. Поездка к оз. Иссык-Куль	Селиванов А. В.	+		+	1895	ИАК — 150 руб. РА. 1895 г., д. 81
29	Раскопки в Устькаменогорском, Зайсанском, Каркаралинском у. — сведения о курганах	Никитин В. П. Миролубов К. Н.	+		+	1895	РА. 1895 г., д. 34
30	Раскопки в Закаспийской обл.	Жуковский В. А.	+	+	+	1896	ИАК — 400 руб. РА. 1896 г., д. 24
31	Раскопки в Мерв-Иолатане Закаспийской обл.	Карпов	+		+	1896	РА. 1896 г., д. 17
32	«Урочище Кайсара». Доклад в Туркестанском кружке	Дьячков П.	+			1897	РА. 1895 г., д. 69, ч. 1. Л. 104об. — 106
33	«Археологическая поездка по Аулиеатинскому уезду». Доклад в Туркестанском кружке	Каллаур В.	+			1897	РА. 1895 г., д. 69, ч. 1. Л. 101 — 104, 107 — 111
34	Раскопки в Копальском у. Семиреченской обл.	Пантусов Н. Н.	+		+	1897	РА. 1896 г., д. 230
35	Раскопки близ Оренбурга и в Актюбинском у. Тургайской обл.	Попов А.	+			1897	РА. 1897 г., д. 44

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
36	Раскопки близ г. Пишпека и в окрестностях с. Лебединки Токмакского у. Семиреченской обл.	Поярко в Ф. В.	+			1897	ИАК — 400 руб.
37	Раскопки в Орском у. Оренбургской губ. и в Актюбинском у. Тургайской обл.	Назаров П. С.	+			1898	РА. 1898 г., д. 94
38	Раскопки в Заречной слободке г. Семипалатинска. Рукопись «Краткое описание памятников древности Семипалатинской области»	Никитин В. П.	+			1898	ИАК — 50 руб. РА. 1896 г., д. 235
39	Раскопки в с. Троицком в 20 в. от Ташкента в Сырдарьинской обл.	Остроумов Н. П.	+	+	+	1898	РА. 1898 г., д. 132
40	Раскопки в пределах Туркестанского края	Гейкель Г. И.	+	+		1898	РА. 1898 г., д. 47
41	Раскопки в пределах р. Талас Аулиятинского у. Сырдарьинской обл.	Гейкель Г. К.	+	+		1899	РА. 1899 г., д. 57
42	Раскопки в Семиреченской обл. по берегам р. Или, Пишпекского у. Рукописи «Могила Чокана Валиханова», «Могила Танеке Дюсетова», «Ущелье Теректы и р. Коксу близ выселки Джангызгагача Копальского у.»	Пантусов Н. Н.	+	+	+	1899	РА. 1899 г., д. 56
43	Сведения об открытии глиняных гробов в туземной части г. Самарканда		+			1899	РА. 1899 г., д. 243
44	Раскопки в Туркестанском крае	Дудин С. М.	+	+		1901	РА. 1901 г., д. 82

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
45	Раскопки в с. Уркача Тусумской вол. Тургайского у. и обл, в окрестностях г. Тургая	Назаров И. С.	+		+	1901	РА. 1900 г., д. 257
46	Статья «Закаспийский край и его прошлое»	Сидорович К. В.	+		+	1901	РА. 1901 г., д. 252
47	Раскопки в пределах Самаркандской обл. Отчет о раскопках курганов близ Анау (ок. Ашхабада) и Байрам-Али (развалин старого Мерва) американской экспедицией	Бартольд В. В.	+	+	+	1904	РА. 1904 г., д. 19, 24
48	Раскопки в окрестностях Самарканда	Вяткин В. Л.	+		+	1904	РА. 1904 г., д. 24
49	Раскопки кургана в урочище Кара-Агач и др. в Акмолинском у.	Козырев А. А.	+	+	+	1904	РА. 1905 г., д. 39, д. 46, 197
50	Раскопки в пределах развалин древнего Отрара Сырдарьинской обл.		+			1904	РА. 1904 г., д. 45
51	Раскопки в пределах окрестностей Анау Закаспийской обл.	Пампелли Рафаэль	+	+	+	1904	РА. 1904 г., д. 24
52	Раскопки в пределах Акмолинской области	Петровский Н. М.	+			1905	РА. 1905 г., д. 46
53	Раскопки в пределах Оренбургской губ. и Тургайской обл.	Подьяконов С. А.	+			1905	РА. 1905 г., д. 87
54	Открытый лист для производства фотографических снимков в г. Самарканде, Самаркандской и Закаспийской обл.	Прокудин-Горский С. М.	+	+		1905	РА. 1895 г., д. 69а. Л. 285
55	Раскопки в пределах Тургайской обл. и Оренбургской губ.	Шкунов М. В.	+			1906	РА. 1906 г., д. 49

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
56	Раскопки в пределах Тургайской обл. и Оренбургской губ.	Кастанье И. А.	+		+	1906	РА. 1906 г., д. 49
57	«Христианское кладбище у устья Зауке». Статья	Пантусов Н. Н.	+		+	1907	РА. 1901 г., д. 49. Л. 285–287, 291
58	Раскопки в пределах Самаркандской обл.	Вяткин В. Л.	+	+	+		РА. 1908 г., д. 25
59	Раскопки курганов в Акмолинской обл.	Козырев А. А.	+	+	+	1904	РА. 1905 г., д. 46
60	Раскопки в Чиликтинской долине Зайсанского у. Семипалатинской обл.	Бокия Г. И.	+			1909	РА. 1904 г., д. 58
61	«Некоторые сведения о курганах и других памятниках старины в Атбасарском у. Акмолинской губ.». Рукопись	Севастьянов Д. П.	+		+	1910	РА. 1910 г., д. 143
62	Раскопки в пределах Кустанайского у. Тургайской губ.	Куборский Н. П.	+			1911	РА. 1911 г., д. 80
63	Раскопки в Карабулакской вол. Кустанайского у. Тургайской обл.	Петров В.	+			1911	1911 г., д. 80. Л. 14–16
64	Раскопки в пределах Зайсанского и Устькаменогорского у. Семипалатинской обл.		+			1912	РА. 1912 г., д. 170
65	Раскопки в пределах Иргизской степи Тургайской обл. «Раскопки курганов в урочище Тибисор Иргизского у.». Рукопись	Петровский Н. М.	+		+	1913	РА. 1913 г., д. 357
66	Раскопки в пределах развалин г. Пейкенда Сырдарьинской обл.	Зимин Л. А.	+			1913	РА. 1913 г., д. 278
67	Раскопки в пределах развалин г. Шахрухи Сырдарьинской обл.	Кастанье И. А.	+		+	1913	РА. 1913 г., д. 278

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
68	Раскопки в пределах Сырдарьинской обл.	Рубинов Я. Ф.	+			1914	РА. 1914 г., д. 337
69	Раскопки в пределах Верненского и Пишпекского у. Семиреченской обл. и Аулиеатинского и Чимкентского у. Сырдарьинской обл.	Диль Э. В.	+			1916	РА. 1916 г., д. 80
II	СИБИРЬ						
1	Раскопки 4-х курганов близ Барнаула	Радлов В. В.	+	+	+	1862	РА. 1862 г., д. 4
2	Раскопки около 100 курганов на Усть-Есе, на левом берегу Абакана	Радлов В. В.	+	+	+	1863	РА. 1863 г., д. 8
3	Раскопки курганов в Чуйской и Берельской степи	Радлов В. В., чертежи П. Ивачева	+	+	+	1865	РА. 1862 г., д. 8. Л. 10–13; 1865 г., д. 8
4	Раскопки на Алтае, в Барабинской степи, в Чуйской и Берельской степи, на берегу р. Омь и р. Иртыш	Радлов В. В.	+	+	+	1866	РА. 1862 г., д. 8. Л. 14–17; 1865 г., д. 8
5	Раскопки курганов близ Красноярска Енисейской губ.	Александров И. В.	+	+		1867	РА. 1866 г., д. 36
6	«Некоторые сведения о 49 древних урочищах в Амурской стране». Рукопись	Лопатин И. А.	+		+	1868, 1869	РА. 1869 г., д. 34
7	Раскопки 2 курганов в Минусинском окр. около устья р. Абакан	Лопатин И. А.	+		+	1871	РА. 1869 г., д. 34
8	Раскопки в Тобольской губ.	Голодников	+			1882	РА. 1889 г., д. 93. Л. 6–8
9	Раскопки курганов близ с. Асанского в дол. р. Абакан	Кузнецов И. П.	+			1884	РА. 1890 г., д. 37

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
10	Поездка в Восточную Сибирь для сбора сведений об археологических открытиях за последние 25 лет	Ядринцев Н. М.	+	+		1886	РА. 1886 г., д. 28
11	Раскопки Томского могильника	Адрианов А. В.	+	+		1887	ИАК — 175 руб. РА. 1887 г., д. 26
12	Обследование памятников в верховьях Енисея. Раскопки отдельных курганов	Аспелин И.Р.	+		+	1887	РА. 1887 г., д. 10
13	Раскопки Томского могильника	Кузнецов С. К.	+			1887	ИАК — 200 руб. РА. 1887 г., д. 25
14	Исследование могильных курганов и городищ в Туринском и Тюменском окр. Тобольской губ.	Подгаецкий Л. И.	+			1887	РА. 1887 г., д. 25
15	Раскопки курганов в Ачинском и Канском окр. Енисейской губ.	Клеменц Д. А.	+	+		1888–1889	РА. 1888 г., д. 23
16	Раскопки курганов в Тобольской губ.	Патканов С. А.	+			1888	РА. 1888 г., д. 67
17	Раскопки в г. Якутске и его окрестностях	Сарычев Н. Г.	+			1888	РА. 1888 г., д. 63
18	«Томский могильник», «Залагерное городище близ г. Томска». Рукописи	Адрианов А. В.	+		+	1889	РА. 1887 г., д. 26
19	Археологические исследования в Томской и Енисейской губ.	Аспелин И.Р.	+			1889	РА. 1889 г., д. 39
20	Археологические исследования в Томской и Енисейской губ.	Гейкель А.О.	+	+		1889	РА. 1889 г., д. 39
21	Раскопки курганов в Енисейской губ.	Клеменц Д. А.	+			1889	РА. 1888 г., д. 23
22	Раскопки в пределах г. Томска	Кузнецов С. К.	+			1889, 1890	РА. 1889 г., д. 62

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
23	«Археологические открытия русской экспедиции в Монголии». Статья	Ядринцев Н. М.	+	+	+	1889	РА. 1889 г., д. 37
24	Раскопки Кучумова городища на Лысой горе и курганов в Томиловской волости Тобольской губ.	Знаменский М. С.	+			1889	РА. 1889 г., д. 93
25	Раскопки курганов близ с. Новоселово Енисейской губ.	Адрианов А. В.	+		+	1890	РА. 1890 г., д. 68
26	Раскопки курганов в Енисейской губ.	Клеменц Д. А.	+	+	+	1890	РА. 1888 г., д. 23
27	Раскопки в пределах Тобольской губ.	Лыткин Н. А.	+			1890	РА. 1890 г., д. 122, 123
28	Обследование памятников в Тобольской губ.	Мамеев С. Н.	+		+	1890	РА. 1890 г., д. 123
29	Раскопки в пределах Томской и Тобольской губ.	Кузнецов С. К.	+		+	1891	РА. 1889 г., д. 62
30	Раскопки курганного могильника на р. Яе	Кузнецов С. К.	+	+		1892	ИАК — 200 руб. РА. 1892 г., д. 132
31	Раскопки в окрестностях Тобольска и Тюмени Тобольской губ.	Гейкель А. К.	+		+	1893	РА. 1893 г., д. 60
32	Раскопки в пределах Омского округа	Плахов А. П.	+		+	1893	РА. 1893 г., д. 83
33	Раскопки в Минусинском и Красноярском округах Енисейской губ.	Савенков И. Т.	+			1893	РА. 1893 г., д. 96
34	Раскопки по берегам р. Тубы, Абакана в Минусинском округе	Адрианов А. В.	+		+	1894	ИАК — 200 руб. РА. 1892 г., д. 191; 1894 г., д. 34

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
35	Раскопки в Томской губ. «Михайловские курганы Западной Сибири», статья	Оссовский Г. О.	+		+	1894	ИАК — 300 руб. РА. 1894 г., д. 41
36	Раскопки курганов на о. Тагарском, Думной горе в Минусинском окр. Енисейской губ.	Адрианов А. В.	+	+		1895	ИАК — 300 руб. РА. 1895 г., д. 72; 1897 г., д. 43. Л. 25, 29
37	Исследование курганов Мариинского округа Томской губ.	Оссовский Г. О.	+		+	1895	ИАК — 250 руб. РА. 1895 г., д. 89
38	Раскопки близ д. Карымской, Татарской и с. Ладейского в Красноярском окр. Енисейской губ.	Проскураков П. С.	+		+	1895	ИАК — 136 руб. РА. 1894 г., д. 140
39	Раскопки кургана в окрестностях Томска	Чугунов С. М.	+	+		1895	РА. 1895 г., д. 80
40	Раскопки курганов в Минусинском окр. Енисейской губ.	Адрианов А. В.	+	+		1896	ИАК — 400 руб. РА. 1896 г., д. 64
41	Раскопки в Томской губ.	Кузнецов С. К.	+	+		1896	ИАК — 400 руб. РА. 1896 г., д. 53
42	Раскопки в Мариинском и Кузнецком округах Томской губ.	Оссовский Г. О.	+		+	1896	ИАК — 400 руб. РА. 1896 г., д. 63
43	Раскопки в Красноярском окр. Енисейской губ.	Проскураков П. С.	+	+		1896	ИАК РА. 1896 г., д. 75
44	«Археологические исследования каменного века в долине р. Чикоя», отчет	Мостиц А. П.	+		+	1896	РА. 1895 г., д. 76

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
45	Раскопки Усть-Тартасского могильника	Чугунов С. М.	+	+		1896	ИАК — 300 руб. РА. 1896 г., д. 71
46	Раскопки в Минусинском окр. Енисейской губ.	Адрианов А. В.	+			1897	ИАК — 130 руб. РА. 1897 г., д. 43
47	Раскопки в Бухтарминской долине Томской губ.	Валениус И. А., Мунк К.	+			1897	РА. 1897 г., д. 56
48	Раскопки в Амурской, Забайкальской, Приморской обл. и на о. Сахалин	Гуть Георгий	+			1897	РА. 1897 г., д. 7
49	Раскопки Айдашинской пещеры в Ачинском у. Красноярского окр. Енисейской губ.	Проскураков П. С.	+	+		1897, 1899	ИАК — 200 руб. РА. 1897 г., д. 187; ИАК — 150 руб. РА. 1899 г., д. 43
50	Раскопки в Забайкальской обл.	Талько-Гринцевич Ю. Д.	+			1897	РА. 1897 г., д. 31; 1898 г., д. 97
51	Раскопки в окрестностях г. Томска	Чугунов С. М.	+	+		1897	ИАК — 50 руб. РА. 1897 г., д. 133
52	Раскопки курганов в Минусинском окр. Енисейской губ.	Адрианов А. В.	+	+		1898	ИАК — 300 руб. РА. 1898 г., д. 74
53	Раскопки в с. Чадобском Енисейского окр.	Кытманов А. И.	+			1898	РА. 1898 г., д. 39
54	Раскопки в Алтайском округе (Больше-Речинское городище, курган на р. Улагон)	Гуляев Н. С.	+	+	+	1898	РА. 1898 г., д. 84
55	Раскопки курганов в Забайкальской обл.	Талько-Гринцевич Ю. Д.	+	+	+	1898	РА. 1898 г., д. 97

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
56	Раскопки курганов в Минусинском окр. Енисейской губ.	Адрианов А. В.	+	+		1899	ИАК — 300 руб. РА. 1899 г., д. 85
57	Раскопки курганов у сл. Усть-Кяхты Троицко-Савского окр., в Селенгинском и Верхнеудинском окр.	Талько-Гринцевич Ю. Д.	+	+		1899	РА. 1899 г., д. 34
58	Раскопки у с. Убинского Каинского у. Томской губ.	Чугунов С. М., Аргунов А. А.	+	+		1899	РА. 1899 г., д. 70
59	Раскопки по линии Маньчжурской ветви Забайкальской ж/д	Кузнецов А. К.	+			1900	ИАК — 150 руб. РА. 1900 г., д. 55
60	Раскопки курганов в Троицко-Савском и Селенгинском окр.	Талько-Гринцевич Ю. Д.	+			1900	РА. 1900 г., д. 53
61	Раскопки курганов в Забайкальской обл.	Талько-Гринцевич Ю. Д.	+	+		1901	РА. 1900 г., д. 249
62	Раскопки курганов в Красноярском у. Енисейской губ.	Адрианов А. В.	+	+		1902	ИАК — 159 руб. РА. 1902 г., д. 33
63	Раскопки в окрестностях г. Минусинска и Красноярска Енисейской губ.	Анучин В. И.	+	+		1902	РА. 1902 г., д. 116; 1903 г., д. 33
64	Раскопки курганов в горной группе Оглахты в Минусинском у. Енисейской губ.	Адрианов А. В.	+	+		1903	ИАК — 250 руб. РА. 1903 г., д. 33
65	Осмотр местности в Колыванском у. Томской губ. у строящегося моста через Обь	Анучин В. И.	+			1903	ИАК — 100 руб. РА. 1903 г., д. 94
66	Раскопки кургана в Сухобузимской вол. Красноярского у. Енисейской губ.	Анучин В. И.	+	+		1903	РА. 1903 г., д. 94

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
67	Раскопки могильников на Цараме у пос. Наушинского, в пади Аршан-Хун-дуй Троицкосавского у., в Шаманской пади подле с. Тамира Верхнеудинского у. Забайкальской обл.	Талько-Гринцевич Ю. Д.	+		+	1903	РА. 1902 г., д. 257
68	«Археологические изыскания в Бийском у. Томской губ. по поручению ИАК». Рукопись	Долбежев В. И.	+		+	1907	ИАК РА. 1907 г., д. 13
69	Раскопки в пределах Минусинского у. Енисейской губ.	Кузнецов И. П.	+	+		1908	РА. 1907 г., д. 24
70	Изучение писаниц в пределах Минусинского, Ачинского и Красноярского у. Енисейской губ.	Савенков И. Т.	+	+	+	1908	РА. 1908 г., д. 85
71	Раскопки кургана у с. Покровского Ачинского у. Енисейской губ.	Кузнецов И. П.	+	+		1909	РА. 1907 г., д. 24
72	Раскопки в пределах Минусинского и Ачинского у. Енисейской губ.	Кузнецов И. П.	+	+		1910	РА. 1907 г., д. 24
73	Раскопки в пределах Минусинского и Ачинского у. Енисейской губ.	Кузнецов И. П.	+	+		1911	РА. 1907 г., д. 24
74	Раскопки в пределах Минусинского и Ачинского у. Енисейской губ.	Кузнецов И. П.	+			1912	РА. 1907 г., д. 24
75	Раскопки в пределах Тарского у. Тобольской губ.	Бортвин Н. Н.	+	+		1913	ИАК — 100 руб. РА. 1913 г., д. 299

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор; данные в делах РА
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
76	Раскопки в пределах Минусинского и Ачинского у. Енисейской губ.	Кузнецов И. П.	+	+		1913	РА. 1913 г., д. 43
77	Раскопки в пределах Иркутской губ.	Петри Б. Э.	+		+	1913	РА. 1913 г., д. 278
78	Раскопки в пределах горы Туран и у ее подножия Минусинского у. Енисейской губ.	Сергеев С. М.	+	+		1913	РА. 1913 г., д. 304
79	Раскопки в пределах Минусинского и Ачинского у. Енисейской губ.	Кузнецов И. П.	+	+		1914	РА. 1914 г., д. 315
80	Раскопки курганов в Урянхайском крае	Адрианов А. В.	+	+	+	1915–1916	РА. 1915 г., д. 120, 240, 242; 1916 г., д. 173
81	Раскопки в пределах Минусинского и Ачинского у. Енисейской губ.	Кузнецов И. П.	+	+		1915	РА. 1914 г., д. 315
82	Раскопки у с. Усть-Абакан Минусинского окр. Енисейской губ.	Тальгрэн М. М.	+	+	+	1915	РА. 1915 г., д. 48
83	Раскопки в пределах Искерского городища Абалакской вол. Тобольского у. Тобольской губ.	Пигнатти В. Н.	+			1915	РА. 1909 г., д. 54; 1914 г., д. 340
84	Раскопки кургана в окрестностях д. Беркульской Кутаевской вол. Тобольской губ.	Пигнатти В. Н.	+	+		1916	РА. 1914 г., д. 340
85	Раскопки в окрестностях г. Никольска и Благовещенска Приморской обл.	Федоров А. З.	+		+	1916	РА. 1914 г., д. 331; 1916 г., д. 142, 156
86	Раскопки в пределах Амурской обл.	Широкогоров С. М.	+			1916	РА. 1916 г., д. 162

№ п/ п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Мате- риалы			Год прове- дения иссле- дований	Организа- тор; данные в делах РА
			4	5	6		
87	Раскопки в пределах п. Курганский Ново-Ягодинской вол. Тарского у. Тобольской губ.	Тобольский губернский музей	+			1917	РА. 1917 г., д. 46
88	Раскопки в пределах Якутской обл.	Якутский отдел ИРГО	+			1917	РА. 1917 г., д. 49

**Полевые исследования РАИМК–ГАИМК–ИИМК АН СССР
в 1919–1959 гг. в Центральной Азии и Сибири**

1 — № по порядку; 2 — наименование экспедиции, поездки или командировки; 3 — начальник экспедиции, участники; 4 — наличие материалов в Рукописном отделе НА ИИМК РАН; 5 — наличие материалов в фотоархиве НА ИИМК РАН; 6 — наличие публикаций по результатам работ; 7 — год проведения исследований; 8 — организаторы работ.

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
I ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ							
1	Поездка в Самарканд и Бухару	Бартольд В. В.	+		+	1920	РАИМК
2	Туркестанская архитектурная экспедиция	Удаленков А. П.	+	+		1921	РАИМК, Главмузей
3	Поездка в Самарканд	Засыпкин Б. И.				1921	РАИМК, Институт истории искусств
4	Поездка в Казахстан	Денике Б. П.				1921	РАИМК, Институт истории искусств
5	Поездка в Туркестан	Бартольд В. В.	+		+	1925	РАИМК
6	Поездка в Шахрисабз	Якубовский А. Ю.	+	+	+	1926	РАИМК
7	Поездка в Среднюю Азию	Бартольд В. В.	+		+	1927	ГАИМК
8	Поездка в Сыгнак, Кок-Кесене, Узгенд	Якубовский А. Ю.	+	+	+	1927	ГАИМК
9	Поездка в Семипалатинскую область	Адрианов А. А.			+	1928	Семипалатинский областной музей
10	Поездка в Среднюю Азию (Анау, Ташкент, Ашхабад)	Бартольд В. В.	+		+	1928	ГАИМК

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
11	Командировка в Тургайскую область	Кривцова-Гракова О. А.				1929	ГИМ
12	Куны-Ургенчская экспедиция	Якубовский А. Ю., Бакланов Н. Б., Башкиров А. С.	+	+	+	1929	ГАИМК, Средазкомстарис
13	Ферганская экспедиция	Латынин Б. А., Оболдуева Т. Г.	+	+	+	1930, 1933– 1934	ГАИМК, Средазмузей, Средазгипровод, Гидроэлектропроект
14	Командировка в Туркмению	Бернштам А. Н.	+	+	+	1930	ГАИМК
15	Командировка в Западный Казахстан	Тереножкин А. И.	+		+	1932	ГАИМК
16	Командировка в Казахскую ССР	Маргулан А. Х.		+		1932	ГАИМК
17	Командировка в Среднюю Азию	Бернштам А. Н.	+	+	+	1933	ГАИМК, ГЭ
18	Хорезмская экспедиция	Воеводский М. В., Потапов А. А., Тереножкин А. И.	+		+	1934	ГАИМК, Сазгипровод
19	Зеравшанская экспедиция	Якубовский А. Ю.	+		+	1934	ГЭ, Узкомстарис
20	Самаркандская экспедиция 1939 г. – Зеравшанская	Григорьев Г. В., Якубовский А. Ю.	+	+	+	1934– 1935, 1937– 1940	ГАИМК– ИИМК, Самаркандский музей, ГЭ
21	Казахстанская экспедиция	Иессен А. А., Черников С. С.	+		+	1935, 1937– 1938	ГАИМК– ИИМК, Трест Калбаолово, Главзолоторазведка

№ п/ п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Мате- риалы			Год прове- дения иссле- дований	Органи- затор
			4	5	6		
22	Казахстанская экспедиция	Бернштам А. Н.	+	+	+	1936, 1938– 1940	ГАИМК, ИИМК, Казах. ФАН СССР, Управле- ние по делам за- поведни- ков и охране памятни- ков при СНК Ка- захской ССР
23	Поездка в Ашхабад	Бачинский Н. М.	+	+		1936	ГАИМК
24	Хорезмская экспедиция	Толстов С. П., Тереножкин А. И.	+		+	1937– 1940, 1945– 1948	ИИМК, ИЭ, ГИМ, ГЭ, МГУ, МАИ, уч- реждения Кара- Калпак- ской АССР и др.
25	Киргизская экспедиция	Бернштам А. Н., Зимма Б. М., Кипарисова Н. П., Беленицкий А. М.	+	+	+	1938	ИИМК, Комитет наук СНК КиргССР
26	Киргизская экспедиция	Бернштам А. Н.	+	+	+	1939– 1940	ИИМК, Комитет наук СНК КиргССР, ГЭ

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
27	Чуйская экспедиция	Бернштам А. Н.		+	+	1941	ИИМК, Строительство Большого Чуйского канала
28	Байсунская экспедиция	Окладников А. П.	+	+	+	1939	ИИМК, Узкомстарис
29	Фархадская экспедиция	Гайдукевич В. Ф., Герасимов М. М., Паничкина М. З., Шмерлинг С. М., Карасев А. Н., Наливкина М. А., Книпович Т. Н.	+	+	+	1943–1944	ИИМК (Ташкентская группа), Управление строительства Фархадской ГЭС, Узб. ФАН СССР
30	Поездка в Таджикистан	Замятнин С. Н., Паничкина М. З.			+	1943	ИИМК (Ташкентская группа), Тадж. ФАН СССР
31	Тяньшанская экспедиция (Тяньшано-Алайская)	Бернштам А. Н.	+	+	+	1944–1946, 1949	Кирг. ФАН СССР
32	Согдийско-Таджикская экспедиция (Таджикская)	Якубовский А. Ю. (1946–1952), Дьяконов М. М. (1953), Беленицкий А. М. (1954–1956), Смирнова О. И., Мандельштам А. М., Литвинский Б. А., Окладников А. П., Негматов Н. Н.	+	+	+	1946–1956	ИИМК, ГЭ, ИИЯЛ ТаджССР, ИИАЭ АН ТаджССР

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
33	Южно-Казахстанская экспедиция	Бернштам А. Н.	+	+	+	1947–1949	ИИМК, ИИАЭ АН КазССР
34	Восточноказахстанская экспедиция	Черников С. С., Рыгдылон Э. Р., Гохман И. И., Крылова А. А., Павлюченко И. П., Богданова А. Н., Максимова А. Г., Панова Н. Н., Гаврилова А. А., Грушанская Ж. Я., Давыдова А. В., Оразбаев А. М., Мельникова И. Н.	+	+	+		ИИМК, ИИАЭ АН КазССР, ЦМ КазССР, Ленгидэп, Казгидроэнергострой, Бухтарма ГЭС
35	Памиро-Алайская экспедиция	Бернштам А. Н., Заднепровский Ю. А., Сорокин С. С.	+	+	+	1947–1948	ЛОИИМК, ИЯЛИ АН КиргССР, ЛГУ, Наманганский музей
36	Палеолитический отряд (IX) ЮТАКЭ	Окладников А. П.	+	+	+	1947, 1952	АН ТуркмССР
37	Казахстанская экспедиция	Кривцова-Гракова О. А.			+	1948	ИИМК, ГИМ
38	Памиро-Ферганская комплексная археолого-этнографическая экспедиция	Бернштам А. Н., Воронеж М. Э., Кибилов А. В., Заднепровский Ю. А., Сорокин С. С.	+	+	+	1950–1952	ИИМК, ИЭ, ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР, ИИА и МИ АН УзССР,
39	X отряд ЮТАКЭ	Массон В. М.	+	+	+	1951–1953	ИИМК, ЮТАКЭ, АН ТуркмССР

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
40	Киргизская комплексная археолого-этнографическая экспедиция	Окладников А. П., Дебец Г. Ф., Кызласов Л. Р., Зяблин Л. П., Кибиров А. И., Кожемяко П. Н., Забелина Н. Н., Заднепровский Ю. А., Оболдуева Т. Г.		+	+	1953–1955	ИИМК, ИЯЛИ Кирг. ФАН СССР, ИИАН КиргССР
41	XIV (Каракумский) отряд ЮТАКЭ	Массон В. М.		+	+	1954–1956	ИИМК, ЮТАКЭ
42	Экспедиция на целинные земли	Сорокин В. С.	+	+	+	1955, 1956	ИИМК
43	Киргизская экспедиция	Кожемяко П. Н., Заднепровский Ю. А., Зяблин Л. П.				1956	ИИАН КиргССР, ИИМК
44	Узбекистанская экспедиция	Шишкин В. А., Заднепровский Ю. А.	+	+		1956	
II	СИБИРЬ						
1	Минусинская экспедиция	Теплоухов С. А., Грязнов М. П., Адрианов В. А.	+	+	+	1920–1921, 1923–1927	РАИМК, Томский университет, Русский музей
2	Красноярская экспедиция	Ауэрбах Н. К., Громов В. И., Сосновский Г. П.	+	+	+	1923–1927	РГО, Музей Приенисейского края, Сиб. бюро ВЦСПС
3	Алтайская экспедиция	Руденко С. И., Грязнов М. П., Глухов А. Н.	+	+	+	1924–1929	ГМЭ
4	Монгольская экспедиция	Козлов П. К., Боровка Г. И., Теплоухов С. А.	+	+	+	1924–1925	Монгольский комитет при СНК и АН СССР

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
5	Поездка в Северную Сибирь (Обско-Тазовский район)	Митусова Р. П.			+	1925	РАИМК
6	Работы в Туве (экспедиция)	Теплоухов С. А.	+	+		1926–1927, 1929	Русский музей
7	Раскопки курганов в с. Саргатка	Левашова В. П.		+		1927–1928	
8	Юганская геологическая экспедиция	Громов В. И.		+		1930	
9	Минусинская экспедиция	Киселев С. В.	+		+	1928–1929, 1931	РАНИОН, ГАИМК, ГИМ, Минусинский музей
10	Енисейская экспедиция	Сосновский Г. П., Громов В. И.	+	+	+	1928–1929	ГАИМК
11	Бурят-Монгольская экспедиция	Сосновский Г. П.	+	+	+	1928–1929	ГАИМК, Монгольская комиссия АН СССР
12	Саяно-Алтайская экспедиция	Киселев С. В., Евтюхова Л. А., Сергеев С. М., Марков А. П.	+	+	+	1930, 1932, 1934–1940, 1941, 1945–1946	ГАИМК–ИИМК, РАНИОН, ГИМ, МГУ, МГПИ им. Ленина, Красноярский, Абаканский и Минусинский музей
13	Мальтинская экспедиция (Ангарская, Восточно-Сибирская, Сибирская)	Герасимов М. М., Замятнин С.Н., Сосновский Г.П.	+	+	+	1930, 1932, 1934, 1936–1937	ГАИМК, МАЭ, ГЭ, Иркутский музей

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
14	Поездка на Амур	Золотарев А. М.	+			1931	ГАИМК, Институт по изучению народов СССР при АН СССР
15	Ойротская экспедиция	Токарев С. А.	+			1932	ГАИМК, Музей народов СССР
16	Ангарская экспедиция	Окладников А. П.	+	+	+	1932–1934, 1936–1937, 1939–1940	ГАИМК, ИИМК, Иркутский музей, Восточно-Сибирское краеведческое общество, Гидро-электро-проект
17	Амурская экспедиция	Болтенко К. Г.	+	+	+	1933	ГАИМК
18	Амурская экспедиция	Золотарев А. М.	+		+	1934	ГАИМК, Музей народов СССР
19	Командировка в Бурят-Монголию	Рыгдылон Э. Р.	+	+		1935–1936	ГАИМК, Бурят-Монг. НИИКЭ
20	Раскопки поселения Усть-Полуй	Адрианов В. С.		+		1935	
21	Бийская экспедиция	Сосновский Г. П.		+	+	1935–1936	ГАИМК, МАЭ, ГЭ
22	Алтайская экспедиция	Грязнов М. П.	+	+	+	1939	ИИМК, ГЭ

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
23	Ленская историко-археологическая экспедиция	Окладников А. П.		+	+	1940–1945	ИИМК, НИИЯЛИ Якутск. АССР, Якутский и Колымский музеи
24	Красноярская экспедиция	Сосновский Г. П.	+	+	+	1940	ИИМК, АИЧПЕ
25	Северобарабинская экспедиция	Чернецов В. Н.			+	1945	ИИМК
26	Мангазейская экспедиция	Чернецов В. Н.		+	+	1946	ИИМК, АНИИ
27	Верхнеобская экспедиция	Грязнов М. П.	+	+	+	1946, 1947, 1949	ИИМК, ГЭ
28	Чукотская экспедиция	Руденко С. И.		+	+	1945–1946	ИИМК, Арктический институт
29	Колымская экспедиция	Окладников А. П.	+	+	+	1946	ИИМК, АНИИ, Якутский и Колымский музеи
30	Саяно-Алтайская экспедиция	Киселев С. В.			+	1947	ИИМК, ГИМ, МГУ
31	Улаганская экспедиция	Руденко С. И.	+	+	+	1947	ИИМК
32	Бурят-Монгольская экспедиция	Окладников А. П.	+	+	+	1947–1950	ИИМК, НИИКЭ Бурят-Монг. АССР, Бурят-Монг. краеведческий музей

№ п/п	Наименование	Начальник экспедиции Участники	Материалы			Год проведения исследований	Организатор
			4	5	6		
1	2	3	4	5	6	7	8
33	Западносибирская экспедиция	Чернецов В. Н.			+	1948–1952, 1955–1956	ИИМК, Тюменский музей
34	Горно-Алтайская экспедиция	Руденко С. И. Гаврилова А. А.	+	+	+	1948–1950, 1954	ИИМК, ГЭ
35	Монгольская историко-этнографическая экспедиция	Киселев С. В., Окладников А. П., Евтюхова Л. А., Мерперт Н. Я.	+	+	+	1948–1949	ИИМК, ИЭ, Комитет наук Монгольской Народной Республики
36	Ангарская экспедиция	Окладников А. П.		+	+	1951–1956	ИИМК, Ангарстрой
37	Новосибирская экспедиция	Грязнов М. П. Комарова М. Н.		+	+	1952–1954	ИИМК
38	Дальневосточная экспедиция	Окладников А. П. Чубарова Р. В., Андреев Г. И.		+	+	1953–1956	ИИМК, Дальневосточный филиал АН СССР
39	Хакасская экспедиция	Киселев С. В.		+	+	1954–1956	ИИМК, МГУ, Хакасский НИИЯЛИ
40	Красноярская экспедиция	Грязнов М. П., Липский А. Н., Гаврилова А. А.	+	+	+	1955 (работала до 1977 г.)	ИИМК
41	Иркутская экспедиция	Грязнов М. П.	+	+	+	1959	ИИМК

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. ИМПЕРАТОРСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ (1859–1917)	5
Структура и основные задачи Императорской Археологической комиссии	5
Собрание фотодокументов ИАК в фотоотделе Научного архива ИИМК РАН	12
Фотографы Императорской Археологической комиссии, работавшие в Центральной Азии и Сибири	15
Глава II. ИССЛЕДОВАНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ И АРХИТЕКТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ В 1859–1917 ГГ.	35
Исследование памятников в Центральной Азии	35
«Туркестанский альбом» и личный фонд А. Л. Куна	61
Работы в Сибири в период деятельности Императорской Археологической Комиссии	65
Исследования в Урянхайском крае (ныне Республика Тыва)	87
ФОТОГРАФИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	97
Фонд Русского археологического общества в Петербурге (1846–1925)	97
Собрание фотографий великих князей Константина Николаевича и Константина Константиновича	98
Фонд 11. Бобринский Алексей Александрович (1852–1927), археолог	99
Фонд 34. Спицын Александр Андреевич (1858–1931), археолог	100
Глава III. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОЙ – ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АН СССР В 1919–1959 ГГ. И ОРГАНИЗАЦИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ФОТОАРХИВА	101

Академия истории материальной культуры: учреждение, цели, задачи и деятельность в 1919–1937 годах	101
Организация фотоархива как отдела РАИМК – ГАИМК. Заведующие фотоархивом в 1919–1950-е годы	115
Глава IV. ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР В 1919–1959 гг. ФОРМИРОВАНИЕ ФОНДОВ АРХИВА РАИМК – ГАИМК – ИИМК АН СССР	122
ФОНДЫ УЧРЕЖДЕНИЙ И ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА	149
Фонд 4. Ленинградский Государственный музейный фонд (1918–1928)	149
Фонд 6. Ленинградские Реставрационные мастерские Главнауки (1918–1930)	149
Фонд 7. Комитет популяризации художественных изданий (1920–1931)	150
Личные фонды археологов первой половины XX в.	151
Фонд 13. Григорьев Георгий Васильевич (1898–1941), археолог	151
Фонд 33. Сосновский Георгий Петрович (1899–1942), археолог	151
Глава V. КРАТКИЕ БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЯХ, РАБОТАВШИХ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И СИБИРИ В 1859–1959 гг.	154
Заключение	239
Литература	243
Список сокращений	265
<i>Приложение.</i>	
Исследования в Центральной Азии и в Сибири в 1859–1959 гг.	269